

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
ВЫСШАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АКАДЕМИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ: ДВЕ ИСТОРИИ ДЛИНОЮ В ВЕК

К 100-летию образования СССР и становления евразийства

Коллективная монография

Под редакцией И. Ф. Кефели

Санкт-Петербург 2022

 ПЕТРОПОЛИС
издательский дом

УДК 327
ББК 66.4
С56/К37

Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства). Коллективная монография / Под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. — СПб.: ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2022. — 532 с.

Soviet civilization and the Eurasian idea: two centuries-long stories (to the 100th anniversary of the formation of the USSR and the becoming of Eurasianism). Ed. Doctor of Philosophy. Sciences, prof. Igor F. Kefeli; preface by Academician of RAS Sergey Yu. Glazyev. Saint Petersburg, Publishing House "PETROPOLIS", 2022. 532 p.

Рецензенты:

Бороноев А. О., доктор философских наук, профессор;

Васильев Ю. С., академик РАН, доктор технических наук, профессор;

Ивашов Л. Г., доктор исторических наук, профессор.

Выход коллективной монографии приурочен к 100-летию двух великих исторических событий — образования СССР и зарождения евразийства в эмигрантской среде российской научной и художественной интеллигенции, объединившей свои усилия в поисках путей развития Русского мира в послереволюционное время. «Евразийство, — писал П. Н. Савицкий, — есть идейное движение, возникшее около 1921 года». С той поры понятия «Евразия», «евразийство», «евразийцы» стали проникать в миросозерцание и мировоззрение отечественной культуры и обогащать смысловое содержание на идеологических ристалищах.

Сложилась уникальная ситуация (строительство реального социализма в Советской России и поиски путей развития, предлагаемые евразийцами), которая, как показала российская история XX-го — первых десятилетий XXI-го веков, проявилась в синтезе идей реального социализма и, в неявной форме, евразийства, которое обретает конкретные черты в ныне разрабатываемых глобальных евразийских проектах.

Книга рассчитана на специалистов-гуманитариев, студентов, широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей и геополитикой.

ISBN 978-5-9676-1364-7

© ООО «Геополитика и безопасность», 2022

© Коллектив авторов (10), 2022

© ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2022

«История Евразии есть история совокупности народов Евразии. Русская история есть отдел истории отдельных евразийских народов — или народов СССР — причем русская история поневоле должна была включать в поле своего зрения геополитически все более и более широкую область по мере того, как русский народ в своем историческом развитии охватывал все большую и большую часть евразийского месторазвития».

Г. В. Вернадский,
«Опыт истории Евразии», 1934

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (С. Ю. Глазьев)	9
ВВЕДЕНИЕ (И. Ф. Кефели)	12
Раздел I. СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ – НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (И. Ф. Кефели).....	19
Глава 1. Становление советской цивилизации на евразийских просторах	20
§1. Насколько правомерно рассуждать о статусе советской цивилизации?.....	20
§2. Российская экспансия в Северной Евразии	28
§3. Азиатская Россия в фокусе отечественной науки	32
§4. Геоцивилизационные характеристики колонизации Азиатской России... ..	37
§5. Европейская и Азиатская Россия – единое целое	41
Глава 2. Геополитическое положение Российской империи в канун революционных потрясений	48
§1. Позиция А. А. Ливена	49
§2. Позиция П. Н. Дурново.....	53
§3. Интуитивная геополитика в стратегии великих держав	58
Глава 3. Великая Российская революция 1917–1922 годов: историографический и философский дискурс	62
§1. Великая российская революция 1917–1922 годов в контексте современной отечественной историографии	62
§2. Философская рефлексия по поводу историографии.....	64
§3. Геополитическая роль Октября в сохранении российской государственности.....	68
Глава 4. Проекты созидания советской цивилизации	73

§1. Первые шаги	73
§2. ГОЭЛРО	75
§3. Предвоенные пятилетние планы	82
§4. Арктический проект [Кефели И. Ф, Николаенко А. В.].....	93
§5. Масштабные экспедиции, КЕПС, ТПК	97
Глава 5. Укрепление геополитического могущества СССР в межвоенный период	104
§1. Выбор геополитического вектора развития Советской России	104
§2. Развитие отечественной геополитической мысли в период между мировыми войнами.....	112
§3. Вариации геополитического статуса государств в межвоенный период..	119
Глава 6. Реквием по советской цивилизации	123
§1. Россия молодая в тисках постсоветизма («Фактор понимания» А. А. Зиновьева).....	123
§2. Память о советской культуре в глобальном веке	131
§3. Евразийский дух советской культуры.....	143
Раздел II. ЕВРАЗИЙСТВО: PRO ET CONTRA	148
Глава 1. «Отцы-основатели» евразийства. Предварительные замечания [И. Ф. Кефели]	149
§1. Н. С. Трубецкой: «Мы объединились на некотором общем настроении и „мироощущении“.....	149
§2. Савицкий: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года»	152
§3. Г. В. Вернадский: «Есть только одна Россия „евразийская“, или Россия–Евразия»	157
Глава 2. Становление евразийства в оценках отечественных и зарубежных исследователей [Ермишина К. Б.].....	161
§1. Созревание исследовательской программы евразийства.....	161
§2. Классическое евразийство сквозь призму теории пассионарности Л. Н. Гумилева	169

Глава 3. Сущность евразийства:	
современные оценки (Савин Л. В.)	182
§1. Евразийство и ревизионизм	182
§2. Евразийство и религия	185
§3. Евразийство и государственность	186
§4. Критическая оценка евразийцев их современниками.....	190
Глава 4. Кто и за что критиковал евразийцев? (С. Н. Погодин)	196
§1. Слово П. Н. Милукову.....	196
§2. Возражения А. А. Кизеветтера	205
§3. Дискуссия с П. М. Бицилли.....	209
Глава 5. Критический анализ евразийства в советской и современной историографии (С. Н. Погодин)	216
§1. Первые оценки «чуждой идеологии» и исход в небытие.....	216
§2. Возрождение проблемы.....	219
§3. Ренессанс евразийства на рубеже веков.....	227
Глава 6. Есть ли шанс у евразийского симулякра? (Плебанек О. В.).....	230
§1. Истоки: методологические ограничения.....	231
§2. О концептах: Восток-Запад, культурная личность, цивилизация.....	243
§3. Евразийство в парадигмальном пространстве науки	260
§4. Может ли симулякр стать реальностью?	271
§5. Проект новой Декларации Евразийства.....	289
Раздел III. НА ПУТИ К БОЛЬШОМУ ЕВРАЗИЙСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ:	
НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ	294
Глава 1. Евразийская интеграция на постсоветском пространстве:	
три препятствия (Комлева Н. А.)	295
§1. Гибридная война	296
§2. Идеологическая база интеграции	303
§3. Русофобия – тормоз евразийской интеграции	305

Глава 2. Исторический опыт советского прошлого	
<i>contra</i> антисоветизм сегодня (Стожко Д. К., Стожко К. П.).....	308
§1. Корни антисоветизма	309
§2. «Немыслимое» и другие документы на службе антисоветизма.....	314
§3. Противодействие антисоветизму не снимается с повестки дня.....	317
Глава 3. Советская цивилизация: минувшая реальность	
в современном дискурсе (И. Ф. Кефели).....	327
§1. Оправдает ли история движение вспять?	327
§2. Геополитическая судьба России: от холодной войны к полицентричному миру	334
§3. «Война и мир» между геополитическими акторами Евразии	340
§4. Глобализация и стратегия развития России	350
§5. Советская цивилизация: минувшая реальность в современном дискурсе	357
Глава 4. Сибирское областничество:	
история самоопределения Северной Азии (Ляпкина Т. Ф.).....	369
§1. Сибирь в географическом пространстве России	369
§2. Основоположники областничества и украинофильства	371
§3. «Печальник Сибири»	380
§4. Новый «Сибирский поворот»	386
Глава 5. Большое евразийское партнерство на суше и на море:	
Арктическая стратегия России (Кефели И. Ф., Николаенко А. В.)	389
§1. Большое евразийское партнерство – новый вариант обустройства континента	389
§2. Большое Евразийское партнерство как теоретический конструкт и геополитический проект.....	391
§3. Аналитика глобальной безопасности Большого евразийского партнерства в наступившей «цифровой эпохе»	395
§4. Обеспечение геополитической безопасности – основа реализации проекта Большого Евразийского партнерства.....	397
§5. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве.....	403
§6. Геополитическая регионализация Евразии – вызов времени	408

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	414
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	429
Приложение 1. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, 30 декабря 1922 г.....	430
Приложение 2. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы	439
Приложение 3. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г.....	468
Приложение 4. Павел Николаевич Лукницкий. ИСПЫТАНИЕ	477
Приложение 5 (извлечение). Операция «Немыслимое»	504
Приложение 6 (извлечение). ДОГОВОР О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ	515
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	522
SUMMARY	524
CONTENT	528

ПРЕДИСЛОВИЕ

Две смысловые сентенции «Советский проект» и «Россия-Евразия» лишь на первый взгляд кажутся дихотомичными. Их противопоставление «экспертным» сообществом исходит из поверхностных представлений мейнстрима, доминирующего в современных общественных науках. Приходится сталкиваться с нарративами о predetermined ходом истории утопичности построения социализма с «человеческим лицом» на обширной территории Евразии и несостоятельности теории и практики евразийства в контексте сегодняшней претензии России на формирование Большого евразийского партнерства. И это вместо того, чтобы посмотреть на короткую историю советской цивилизации (на Западе именуемой как Советская Империя) и наследие классиков евразийства как на взаимообусловленную целостность и неотъемлемые составляющие цивилизационного кода России и русского народа. Коллектив авторов этой замечательной монографии под водительством моего коллеги Игоря Федоровича Кефели, поставил перед собой титаническую по сложности задачу — простым научным языком донести до профессионального сообщества и широкого круга читателей преемственность идеологии евразийства и проекта социалистического строительства.

Выход в свет монографии «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиной в век» своевременен и злободневен: спустя 30-летие после краха «красной» империи из случившегося по-прежнему не извлечены нужные уроки, а попытки найти всему примитивные линейные объяснения лишь отдаляют нас от истины. Образовавшийся с разрушением Союза идейно-смысловой вакуум быстро заполнился фундаменталистской идеологией извлечения сверхприбылей на осколках советского производственно-технологического комплекса с соответствующим научным обоснованием хищнического поведения из области хрематистики. Как говорится, «ничего личного, только бизнес»; те же, кто не вписался в рынок, пусть пеняют на себя, им не достало «предпринимательских талантов». Кто знает, куда бы завел до предела обострившийся социально-классовый антагонизм, если бы смута 90-х не мобилизовала здоровые управленческие силы на поиск, хоть и паллиативных, но в конкретно-исторический момент спасительных

решений. Одним из них стала материализация идей евразийцев в едином экономическом пространстве в рамках ЕАЭС и заявке России на формирование широкой зоны долгосрочного гармоничного экономического сотрудничества – Большого евразийского партнерства.

Социально-экономические свершения последних двух десятилетий еще не означают окончательного преодоления общественной аномии, равно как появление Евразийского Союза – центробежных тенденций на постсоветском пространстве. Для фундирования достигнутых результатов необходимо выстраивание целостной и устойчивой системы управления социально-экономическим развитием во всех измерениях. Складывающаяся сегодня ситуация во многом, суть, зеркало позднесоветского периода. Внутренние и внешние сложности и ограничения, санкционный режим имеют для России долгосрочный характер и сдерживают ее развитие. Фундаментальное значение имеет демографическая динамика, продолжающаяся депопуляция и роль мотиваций сохранения статус-кво в противоположность ценностям развития.

Современная Россия находится между двумя растущими частями мира – странами Запада и Востока (ядрами старого – имперского и нового – интегрального – мирохозяйственных укладов), их крупными и глобальными экономическими, технологическими и финансовыми системами. Отставание от них является прямой угрозой для национальной безопасности России, преодоление которой представляется практически сложным и даже невозможным в рамках сложившейся, во многом устаревшей и неэффективной парадигмы и сложившихся институтов управления её социально-экономическим, технологическим и финансовым развитием. Традиционная парадигма, в частности, ограничивает пространство научных исследований, не позволяет в полной мере, комплексно и системно решать многие практические задачи.

Представляемая монография, как мне представляется, предпринимает пилотную попытку нащупать научно обоснованный и практически реализуемый подход к обустройству России и Евразии на внутренне непротиворечивой основе. Последнее предполагает выработку новой парадигмы социально-экономического, технологического и финансового развития России, восприимчивую к урокам прошлого, адаптивную к вызовам настоящего и ориентированную в будущее. Такая парадигма, очевидно, должна иметь междисциплинарный характер и включать широкий спектр проблем и решений – исторических, цивилизационных, геополитических,

культурных, философских, мировоззренческих и многих других. Ограниченность современных исследований и парадигмы управления преимущественно экономическими (финансовыми) и технологическими факторами и условиями, применение линейных, эволюционных принципов развития является одной из причин неустойчивости и неэффективности управления. В условиях глобального, но периодически потрясаемого кризисными процессами мира необходимо формулирование задач управления в рамках другой – междисциплинарной и волновой (циклической) парадигмы, опирающейся на достижения теории сложности и современные естественно-научные и математические знания. Решение этих задач в таком контексте позволит достичь кратко-, средне- и долгосрочных целей безопасности и развития в контексте самосохранения России и становления партнерства в Евразии.

Полноценное востребование идейного наследия евразийства, его творческая адаптация на день сегодняшний и грядущий позволяет снять еще одно застарелое противоречие между общественно-экономическими формациями. Появляется инструментарий для конвергенции сильных сторон капитализма и социализма в рамках интегрального мирохозяйственного уклада. Иными словами, достижения «новой гармонии», основанной на широкой кооперации, недискриминации и взаимном уважении. Во всяком случае, изложенное в этой работе дает очень веские основания рассчитывать на то, что воплощенное в жизнеспособный Союз новое евразийство откроет перед Россией широкие возможности и перспективы.

Надеюсь на то, что данная книга обретет широкий круг критически мыслящих и благожелательных читателей.

член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике
Евразийской экономической комиссии,
академик РАН *С. Ю. Глазьев*

ВВЕДЕНИЕ

Авторский коллектив предлагаемой книги решил приурочить ее выход к 100-летию евразийства как организационно оформленного движения в среде научной и творческой интеллигенции, эмигрировавшей из молодой Советской России в начале 20-х годов XX века, и в преддверии 100-летия со времени образования Союза Советских Социалистических Республик. Рождение советской цивилизации и евразийской идеи явились продуктом революционных событий 1917 года – две истории длиной в век.

В 1933 г. П. Н. Савицкий, выступая на Международном съезде историков в Варшаве, так и заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции... В исторической области оно сосредоточивает своё внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX веков и сменившего её Союза советских республик... евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»¹.

Этот ход рассуждений одного из ведущих и наиболее последовательного творца и организатора движения определило замысел нашей книги: попытаться сопоставить идейные искания евразийцев и реализуемый на евразийском пространстве – «России-Евразии» – так называемый «советский проект», воплотившийся в создании Советского Союза, советской цивилизации, которая в книге будет рассматриваться как неразрывное звено вековой российской цивилизации. Недаром возрождение евразийских идей на рубеже XX–XXI веков привело к реальным шагам по созданию Евразийского экономического союза и выдвиганию грандиозных планов обустройства Большой Евразии. Более того, «евразийский след» прослеживается в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г., в которой одной из целей внешней политики Российской Федерации заявлено «обеспечение интеграции экономических систем и развитие многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства» (ст. 101.6).

¹ *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 123–126.

Задача авторского коллектива, исходя из указанного выше, видится в следующем:

- предпринять ретроспективный анализ хитросплетений евразийского идейного наследия и выявить, что же ценного из него мы можем взять на вооружение в прогнозных оценках будущего России, исходя из понимания того, как мы должны концептуально выстраивать и реализовать принципиально новый проект «Большое Евразийское партнерство»;
- подробно проанализировать работы критиков евразийства современниками основателей евразийского движения, что было, по сути, упущено в предшествующие десятилетия (с 90-х годов XX века), которые следует рассматривать как период утверждения неоевразийства;
- сформулировать методологическую базу исследования в контексте цивилизационного дискурса и концепций «общества риска» (У. Бек), «хорошего общества» (В. Г. Федотова), «общества травмы» (Ж. Т. Тощенко), рассуждений о «конце революции» (Б. Г. Капустин) и др.;
- раскрыть социальную и эвристическую значимость представлений о «советском проекте» в сопоставлении с идеей евразийцев – «Россия-Евразия».

Что касается первого из указанных выше пунктов, то следует отметить, что современному читателю стали доступны почти все публикации евразийцев 20–30-х годов XX века, представляющие довольно сложную и противоречивую палитру мнений авторов в толковании евразийской цивилизации как некоего объединения евразийских идей и реалий советского проекта. Если же мы будем отходить от сугубо историографического дискурса и доверяться во всей своей полноте дискурсу цивилизационному, то можем столкнуться с ситуацией, которую в недалеком прошлом весьма изящно обрисовала Л. И. Новикова: «Распространению понятия цивилизации как ключевого в объяснении исторического процесса, как бы это ни показалось парадоксальным, способствовала его концептуальная неопределенность, если угодно, „эстетическая необязательность“, особенно в сравнении с жестко фиксированным понятием общественно-экономической формации. Эта размытость термина позволяет использовать его в различных идейно-теоретических системах, строить с его помощью альтернативные версии, модели исторического развития отдельных стран и народов, будущего человечества в целом. При этом интуитивно угадываемый смысл понятия, его предзнание, обеспечивают возможность взаимопонимания

представителей различных школ, а в случае нужды, и „мягкой стыковки“ отдельных фрагментов истории в общемировую»¹. Но тут же мы сталкиваемся со «встречным иском» И. Н. Ионова, который, во-первых, акцентировал внимание на том, что в 60–80 годах XX века стремление к развитию теории и истории цивилизации в СССР было связано с «попыткой решения прежде всего второй части обозначенной задачи», а потому появилась потребность переосмыслить философию истории с использованием идей «духовно близкого структуралистской методологии второго поколения школы „Анналов“» (поскольку, как отмечает автор, «марксистская философия истории казалась все более архаичной»). Во-вторых, Ионов обращает внимание на то, что «подозрительность историков по отношению к новой, постсоветской философии истории связана и с тем, что цивилизационное самосознание приписывали себе, как и в XIX в., носители не только цивилизационной, но и других самоидентификаций – имперской и религиозной, с явной антилиберальной составляющей», а потому актуальной остается «потребность в маркировке ментальных и когнитивных карт социально-гуманитарного знания, которая позволила бы осуществлять „привязку к местности“ актуальных проблем, прежде всего, связанных с модернизацией страны, и строить модели для их решения»². Остается непонятным, каким же образом следует решать проблемы модернизации России, развития Евразийского экономического союза и формирования Большого Евразийского партнерства с помощью «ментальных и когнитивных карт»? К сожалению, процесс ухода от исследования реально протекающих цивилизационных процессов (в данном случае речь идет, в первую очередь, о российской цивилизации) в турбулентном потоке ожидаемого полицентричного мироустройства продолжается и поныне. К примеру, А. В. Смирнов, справедливо отмечает, что «беззубые проекты типа „диалог цивилизаций“, „альянс цивилизаций“ могут рассматриваться исключительно как паллиативы в текущей политической конъюнктуре, нацеленные на частичное обуздание чьих-то претензий на гегемонию, но не как реальная разработка теории и идеологии многоцивилизационного мира. Такого рода проекты лишены главного – теоретического обоснования необходимости много-, а не моно-цивилизационного устройства». И следом делает тот самый реверанс к «эстетической необязательности»: «Таким теоретическим обоснованием может выступать только *положение о логике культуры и ее определяющей роли*

¹ Новикова Л. И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса / Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука, 1992. – 231 с. – С. 13.

² Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – М.: Наука, 2007. – 499 с. – С. 426–429.

в формировании цивилизационного проекта, развиваемого данной культурой или группой культур, сопряженное с принципиальным тезисом о множественности, равноправии и взаимной несводимости этих логик»¹. Следуя данному тезису, видимо, придется согласиться с правомерностью притязаний исторически и конфессионально оформленных культур, присутствующих на евразийском пространстве, на утверждение «логики своей культуры», опирающейся на «историческую память» и псевдоцивилизационное доминирование, примером чему может служить создаваемая в настоящее время «Организация тюркских государств» (и как следствие – «Великая армия Турана»)². Так в теоретическом дискурсе осмысление соревнования мировых систем сменяется осмыслением «соревнования культур». История это уже проходила, и не раз.

Упомянутые выше концепции, да и сам по себе цивилизационный курс, представляют собой рефлексию *глобального общества риска*, переживающего период социально-политической трансформации. Причем «общая судьба» общества риска (Risikogesellschaft), как справедливо полагал У. Бек, была уготована нам вследствие «цивилизационного саморазрушения, в котором виноваты... человеческие решения и промышленные успехи»³. Бек заострил внимание и на необходимости осмысления «логики» производства риска: в «обществе риска это соотношение меняется на противоположное... Выгода от технико-экономического „прогресса“ все больше оттесняется на задний план производством рисков»⁴. Кстати говоря, идея «общества риска» предварила целое направление в исследовании глобальных рисков (на протяжении 2006–2021 гг. в рамках Давосского экономического форума

¹ Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. – М.: Садра – ИДЯСК, 2019. – 216 с. – С. 25.

² Пока подобные сюжеты проговариваются на уровне экспертов. «Создание такого объединения, – успокаивает читателей казахстанский эксперт-международник Ануар Бахитханов, – не может оставить равнодушным никого. Военный союз подразумевает сильную объединенную армию численностью в 10 миллионов солдат. И это автоматически заставит считаться с мнением такие державы, как Россия и Китай. Однако в сегодняшних реалиях создание союза в той форме, которую видит турецкий президент, вряд ли реализуемо» // <https://www.caravan.kz/articles/ehrdogan-poperkhnjotsya-chto-pishut-o-velikojj-armii-turana-v-otchestvennykh-i-zaru-bezhnykh-smi-686812/> (дата обращения 10.11.2020).

³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с. – С. 73–74.

⁴ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с. – С. 7.

публиковались ежегодные доклады «Глобальные риски»¹), которые будут рассмотрены в одном из разделов книги.

Другой методологический прием, предполагающий возможность сопоставить евразийскую идеологию (в истолковании ее классиками евразийства) и советский проект, можно было бы усмотреть в оригинальной концепции «хорошего общества», предложенной В. Г. Федотовой, которая весьма тонко подметила в качестве одной из причин, обусловивших целесообразность включения ее (данную концепцию) в дискурс (корректно ею определяемый как «обсуждение проблемы в философии, науке и одновременно за их пределами») по поводу продолжающейся и поныне социально-политической трансформации в России, необходимость «социального конструирования реальности», избегая «бесконечность идеологических и мировоззренческих споров»². Честно говоря, не совсем понятно, как можно избежать таких споров в процессе конструирования российского социума в далеко не дружелюбном геополитическом окружении нашего Отечества. Да и относить российскую цивилизацию к группе «Другая» Европа вряд ли уместно, избегая подобных споров, и не только... Так что призыв к философам — «разоблачать мнимые очевидности» — повисает в воздухе³.

Вполне конструктивными, в контексте предложенного Федотовой дискурса (избегать опасность философа «покинуть свою профессиональную область..., удержаться в рамках социальной философии или философии политики, философии культуры»), представляются социологическая диагностика российского общества М. К. Горшкова и концепция «общества травмы» Ж. Т. Тошенко. В работах этих ведущих российских социологов представлена богатейшая палитра многолетних социологических исследований основных сфер жизни российского общества, ценностных ориентаций и мировоззренческих установок россиян. Приведу в качестве примера по одному из их умозаключений (в дальнейшем мы еще неоднократно будем к ним обращаться). Так Горшков, опираясь на данные анализа исторического сознания россиян десятилетней давности, признавал, что, «слегка пошатнувшись под натиском „разоблачений“ первой половины 1990-х гг., советская парадигма оказалась на удивление устойчивой. Как следствие..., подавляющее большинство россиян продолжали считать

¹ См. подр.: *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 228 с.

² *Федотова В. Г.* Хорошее общество. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 544 с. — С. 5–8.

³ Там же. — С. 487–493.

основными предметами общенациональной гордости события и достижения советской эпохи, не оставляя возможностей для ценностного раскола российского общества»¹. Надо полагать, эти и многие другие аргументированные и политически не ангажированные умозаключения ученых подвигли к необходимости внесения в новую редакцию Конституции Российской Федерации статьи (67.1) указывающей, что «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. 2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Во всяком случае, признание Российской Федерации, объединенной тысячелетней историей, правопреемником и правопродолжателем Союза ССР дает основание утверждать закономерный характер существования советского общества, советской цивилизации в единой российской и в мировой истории.

И, вместе с тем, «Россия олицетворяет собой травмированное общество, — недвусмысленно заявляет Тощенко, — которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки... в русле „европейской цивилизации“, но модифицируя их на особый лад, с учетом специфической евразийской ориентации»². Более того, «в российском обществе безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и более раннего исторического прошлого, исходя из установки: в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было»³. Эти замечания автора подтверждают необходимость проведения не только теоретических разработок, опирающихся на достоверные данные глубинных социологических исследований (я ограничиваюсь работами лишь двух авторов, хотя прекрасно понимаю, что количество подобного рода обстоятельных работ отечественных авторов достаточно велико).

«Советский проект» и «Россия-Евразия» коррелируют в указании на формирование упомянутого выше Большого Евразийского

¹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социолог. диагностики). — М.: Новый хронограф, 2011. — 672 с. — С. 268.

² Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). — М.: Весь Мир, 2020. — 352 с. — С. 11.

³ Там же. — С. 322.

партнерства как одной из важнейших целей внешней и внутренней политики России на перспективу. Очевидно, стержневым звеном российской инициативы Большого Евразийского партнерства следует рассматривать разрабатываемый Министерством обороны России (заметим: не Минэкономразвития или Минфином, а Минобороны!) и, по заверению советника Министра обороны А. Ильницкого, «готовый к реализации» долгосрочный проект «Сибирский поворот»: «Россия великой стала, когда из Московского царства превратилась в великую евразийскую державу, когда она присоединила Сибирь и начала осваивать эти просторы. И сегодня, говоря об этом „Сибирском повороте“, мы просто возвращаемся к себе, мы просто возвращаемся к проекту Великой Державы»¹.

Оставляя начатую дискуссию на дальнейший разговор с читателем, отметим, что сопоставление двух глобальных проектов – советского (в реальном историческом пространстве и времени как советская цивилизация) и евразийского (историософского видения прошлого, настоящего и будущего России-Евразии) – дает основание утверждать, что они оба будут в полной мере востребованы российской общественностью.

Игорь Кефели

¹ Чистка и национализация: Команда Шойгу приготовила для элит предложение века (rannews.ru) (дата обращения 10.10.2021).

Раздел I.
СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ —
НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Глава 1. Становление советской цивилизации на евразийских просторах

§1. Насколько правомерно рассуждать о статусе советской цивилизации?

Вникая в текст многостраничной «Советской цивилизации» С. Г. Кара-Мурзы, невольно восхищаешься мужеством автора, призвавшего к созданию картины «советского строя как цивилизации» в целом и истории «структур советской повседневности», в частности, мотивируя это необходимостью воссоздания советского проекта и советского строя для сохранения правды истории. Сергей Георгиевич подводит читателя к неизбежности и необходимости дискурса о советской цивилизации, причем указывает на то, что само название книги «задает цель всего проекта»¹. Действительно, сам по себе проектный подход, пожалуй, будет наиболее уместным («по Гегелю» – в контексте философии истории) по ходу раскрытия содержания и глубинного замысла советского проекта, реализовавшемся в коротком периоде мировой истории именно как советская цивилизация. Такими проектами были и план ГОЭЛРО, и пятилетние планы, и Арктический проект, и десять сталинских ударов в годы Великой Отечественной войны, атомный и ракетно-космический проекты, да и самый первый из всех них – Великая Октябрьская социалистическая революция (некоторые из них будут рассмотрены подробнее в этой главе).

Правда истории раскрывается в беспристрастной интерпретации ее смыслового содержания в категориях, адекватно отражающих реалии современного мироустройства на основе законов социальной организации и динамики. Однако порой трудно бывает определить грани беспристрастной интерпретации. Так, к примеру, А. А. Пелипенко, рассуждая о «печальной диалектике российской цивилизации», высокопарно заявляет о существовании некой шкалы переходных состояний между «цивилизациями состоявшимися и несостоявшимися», на которой «где-то расположена» и российская

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М.: Родина, 2019. – 1280 с. – С. 10.

цивилизация «с ее пресловутым „особым путем“¹. А почему так? Да потому что „Московия, — продолжает далее автор, — наращивая геополитическое взаимодействие с Европой, по крайней мере с эпохи Петра, заняла позицию противостоящей ей теократической империи. Диалектически разведенные культурно-цивилизационные парадигмы вошли в завершающую фазу своего имманентного развития... Запад трансформировал раннебуржуазное цивилизационное качество в систему либеральной демократии. Теократическая империя, изжив православную семантику, трансформировалась в империя советскую, перекодировав нетрансформируемый образ Власти из православного монарха в партийного вождя, Опонское царство в коммунизм, избранный народ в избранный социальный класс и т. д.“². И завершает свою „печальную диалектику“ (по правде говоря, весьма неубедительную. — *И. К.*) незабываемой тирадой: „Вышеописанная логика макроисторического взаимодействия, в свою очередь, объясняет и то, что высшей формой имманентного социально-исторического развития российской цивилизации является феодальная империя. Как только внешний ‘прогрев’ новоевропейской либеральной цивилизации ослабевает или совсем сходит на нет, Россия мгновенно откатывается к своему естественному состоянию — агрессивному имперскому изоляционизму феодального типа“³.

В таком же духе ведет рассуждение уважаемый Н. А. Хренов, давший при этом очередной пинок марксизму, который, по его мнению, «стал не просто разновидностью западного проекта модерна, но и наиболее радикальной разновидностью, о чем свидетельствовали и революция, и гражданская война. Однако последующая история России свидетельствовала о новом инверсионном витке (который, надо полагать, и есть тот самый „завиток“ советской цивилизации. — *И. К.*) — о радикальном восстановлении средневековых нравов, о падении этой цивилизации в эпоху российской истории, еще не знающей ассимиляции западного опыта, т. е. в допетровскую эпоху, о которой в XIX в. мечтали славянофилы. Наступление сталинской эпохи демонстрировало возвращение к средневековой идеологии

¹ *Пелипенко А. А.* Печальная диалектика российской цивилизации // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко; Науч. совет РАН «История мировой культуры». — М.: Наука, 2007. — 685 с. — С. 48–49.

² Там же. — С. 65–66.

³ Там же. — С. 67–68 («феодализм, — поясняет здесь же автор, — это явление, прежде всего, ментальное и, как следствие этого — цивилизационное»).

„третьего Рима“¹. Похоже, и того, и другого автора раздражает неустрашимая пуповина, тянущая, при каждом удобном случае, Российскую и Советскую империю (да и современную Россию) к «агрессивному имперскому изоляционизму», а то еще глубже – к идеологии «третьего Рима».

Вот и с евразийством России не повезло, о чем в этом же опусе пространно рассуждает В. Л. Каганский. «Евразийство навязывается общественности. Россия все более мыслит себя, – безапелляционно заявляет автор, – по-евразийски; Россия уже и именуется, номинативно отождествляясь с Евразией: замелькало существительное „Евразия“ и прилагательное „евразийский“, заместив „союзный“ и „общесоюзный“. Евразийская модель во все большей мере определяет самоосмысление России. Евразийство стало ядром клубка имперско-националистических геополитических доктрин, сочетаясь и сплетаясь с панславизмом и неизоляционизмом»². Вот и евразийство, возродившееся у нас в 90-е годы XX в., уже в начале нулевых годов XXI в. (когда автор, видимо, писал эти строки) стало рассматриваться как непреодолимая преграда, оберегающая Россию от неолиберальных пут. Бесспорно, весьма интересен экскурс Каганского в географическую историю евразийства и его признание того, что «Россия как географическая и духовная сущность может существовать только как большое единое неразрывное пространство, его объединяет и наделяет смыслом государство. Это – империя. Жизнь России – сохранение империи, властной формы большого пространства. России надлежит быть великой евразийской державой-империей. Страна обязана исполнить императив пространства, отринув европейский миф законов истории. Путь России – сохранение и умножение имперского наследия Российской империи и СССР»³. Кстати, совсем недавно подобные слова произнес министр иностранных дел России С. В. Лавров, выступая на «правительственном часе» в Совете Федерации Федерального

¹ Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность России в контексте идеологии модерна // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко; науч. совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. – 685 с. – С. 429–430.

² Каганский В. Л. Евразийская мнимость России // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / Отв. ред. И. Г. Яковенко; науч. совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2007. – 685 с. – С. 533.

³ Там же. С. 539 (и все же автор полагает, что подобное «умножение имперского наследия» следует предпринимать, преодолевая евразийство. См. там же, с. 585–586).

Собрания Российской Федерации (1 декабря 2021 г.): «Россия – великая евразийская, евро-тихоокеанская держава»¹.

Укладывается ли советская цивилизация в теоретические рамки культурно-цивилизационных штудий? Любой критик может высказать замечание, какая, мол, цивилизация существовала всего лишь 70 лет, временной масштаб цивилизации – тысячелетия или же чуть меньше. Возразим: становление советской цивилизации по своим темпам происходило, как минимум, на порядок (в 10 раз) быстрее, нежели обычный ход истории. При этом необходимо учитывать не только собственно временной масштаб советской цивилизации, но и пространственный, о чем довольно подробно писал, в частности, упомянутый выше В. Л. Каганский, а еще раньше, в 1928 г., – В. П. Семенов-Тянь-Шанский (о нем речь пойдет далее). «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – такими словами напутствовал И. В. Сталин участников Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.² Так что, заявляя о цивилизационном статусе советского общества, необходимо учитывать, что любую цивилизацию, будь то многовековая, локальная, региональная или цивилизация-государство, следует рассматривать в пространственно-временном континууме, охватывающем все материальные и духовные, ментальные и другие ее параметры и характеристики.

Советская цивилизация нами рассматривается как неразрывное звено российской цивилизации. В контексте концепции локальных цивилизаций, пожалуй, первое развернутое исследование российской цивилизации было осуществлено Н. Я. Данилевским, представившим ее ядром славянского культурно-исторического типа (Россию он рассматривал как единственную независимую представительницу Славянского мира). Как хорошо известно, в работе «Россия и Европа» понятием «культурно-исторический тип» Данилевский определил мировые и локальные цивилизации, которые различаются между собой модальностью какого-либо одного из четырех разрядов народной деятельности – религиозной, культурной (теоретической, эстетической и технической), политической и общественно-экономической. И здесь же он осторожно заявил, что «на основании анализа

¹ URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/c_content/id/4977054 (дата обращения 01.12.2021).

² Правда. № 35. 5 февраля 1931. Сталин И. В. Сочинения: В 18 тт. Т. 13. – М., 1951. – С. 29–42.

существеннейших общих результатов деятельности предшествовавших культурно-исторических типов и сравнения их частью с выказавшимися уже особенностями Славянского мира, частью же с теми задатками, которые лежат в славянской природе, можем мы питать основательную надежду, что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, — сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении. Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом»¹. Так, по сути дела, Данилевский сделал свой бессмертный вклад в копилку концепции локальных цивилизаций, за что он, основатель славянофильского варианта российской геополитики и цивилистики, и поныне получает острые стрелы критики в свой адрес.

Поскольку мы рассматриваем советскую цивилизацию как локальную в качестве звена единой российской цивилизации и, вместе с тем, как по изначальной своей сути славяно-православную и на протяжении своей истории обретшую статус евразийской цивилизации, имеет смысл рассмотреть ее в контексте концепции столкновения цивилизаций (разновидности концепции локальных цивилизаций) С. Хантингтона. Ему же принадлежит идея рассматривать данную разновидность, исходя из признания того факта, что «центральной и наиболее опасным аспектом зарождающейся глобальной политики станет конфликт между группами различных цивилизаций»². Причем это признание Хантингтон разворачивает в своей работе и делает следующие выводы:

- Впервые в истории глобальная политика и многополюсна, и цивилизационна; модернизация отделена от «вестернизации» — распространения западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ.
- Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Сост., вступ. статья и комментарии А. А. Галактионова. — СПб.: Глаголь, 1995. — 552 с. — С. 430.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 603 с. — С. 7.

- стран и их соседей; не-западные цивилизации подтверждают ценность своих культур.
- Возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций.
 - Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью, между мусульманами и не-мусульманами, вызывают «сплочение родственных стран», угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны.
 - Выживание Запада зависит от того, подтвердят ли вновь американцы свою западную идентификацию и примут ли жители Запада свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную, а также их объединения для сохранения цивилизации против вызовов не-западных обществ. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания¹.

России и Советскому Союзу автор уделил в работе скромное внимание, упоминая лишь о группе «наиболее процветающих и могущественных держав», ведомой США, втянутой в «широкомасштабное идеологическое, экономическое и, временами, военное противостояние с группой небогатых коммунистических стран, сплоченных и ведомых Советским Союзом»². Или же о том же: «Когда марксистско-ленинский Советский Союз уже не угрожает Свободному миру, Соединенные Штаты больше не представляют ответной угрозы для коммунистического мира, страны в обоих мирах все чаще видят угрозу в обществах с другой культурой»³. Дальше, что говорится, можно не продолжать, но, справедливости ради, стоит все-таки отметить достоинство Хантингтона в твердом убеждении относительно необходимости замены множества политологических и культурологических концепций, нахлынувших в жернова научной аналитики после окончания «холодной войны», но не дающих в своем большинстве верифицируемой картины реальных

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... – С. 15–16.

² Там же. – С. 17.

³ Там же. – С. 36.

событий. «Рассматривая мир в рамках семи или восьми цивилизаций, — указывает автор, — мы избегаем множества подобных сложностей. Эта модель не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно- и двухполюсного мира; в то же время она не жертвует абстрагированием в пользу реальности, как статистическая и хаотическая парадигмы. Это обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира и определения того, что важно и что не важно среди многочисленных конфликтов, предсказания будущего развития, а также дает ориентиры политикам... Полицивилизационный подход, например, утверждает, что:

- Силы интеграции в мире реальны и именно они порождают противодействующие силы культурного утверждения и цивилизационного сознания.
- Мир в каком-то смысле делится на два, но принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом, как доминирующей до сих пор цивилизацией, и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще). Короче говоря, мир разделен на западную и не-западную совокупности.
- Национальные государства есть и останутся наиболее важными игроками на международной сцене, но их интересы, союзы и конфликты между ними в значительной степени определяются культурным и цивилизационным факторами.
- В мире на самом деле царит анархия, он изобилует межплеменными и национальными конфликтами, но конфликты, которые представляют наиболее серьезную угрозу для стабильности, — это конфликты между государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям. Полицивилизационная парадигма, таким образом, представляет собой... схему для понимания того, что происходит в мире в конце двадцатого века. Ни одна парадигма тем не менее не может работать вечно. Модель мировой политики, принятая во времена „холодной войны“, была полезной и важной на протяжении сорока лет, но в конце 80-х она устарела, и в какой-то момент полицивилизационную парадигму постигнет та же судьба»¹. И в назидание последующему поколению исследователей, которых ожидает необходимость находить нечто новое на смену

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.... С. 39–40.

полицивилизационной парадигмы, Хантингтон припоминает забываемые слова Ф. Броделя: «...Любому, кто интересуется современным миром, и любому, кто желает действовать в нем, весьма полезно знать, как рассмотреть на карте мира действующие ныне цивилизации, а также определить их границы, их центры и периферии, области их существования и атмосферу, общие и частные формы их проявления. Иначе можно сделать вопиющую ошибку!»¹.

Кстати говоря, это предупреждение Фернан Бродель учел в «Грамматике цивилизаций», написанной им в 1963 г. как учебник для лицеев Франции. В последнем разделе книги (СССР с 1917 года до наших дней) он остановился на проблемах, «имеющих отношение к советской цивилизации», в т. ч. — «можно ли понять настоящее и будущее советской цивилизации, исходя из противоречий и потрясений, связанных с историей марксизма в России»². Правда, его высказывание относительно того, что, если «в начале XX века Европа и Россия были погружены в одну цивилизацию..., [то] СССР образца 1962 г. принадлежит все к той же цивилизации, что и Россия образца 1917 г., т. е. является частью нашей цивилизации»³, Бродель оставил эту фразу без пояснений. Мы же далее попытаемся конкретнее раскрыть судьбу становления советской цивилизации.

¹ *Fernand Braudel. On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 226 p. — P. 210–211.*

² *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций // Предисл. М. Эмара. — М.: Весь Мир, 2008. — 552 с. — С. 519.*

³ Там же. — С. 535.

§2. Российская экспансия в Северной Евразии

Поставленный выше вопрос о взаимосвязи и преемственности русской (российской) и евразийской цивилизаций неизбежно приводит нас к необходимости выяснения того, что представляет собой Азиатская Россия (Азиатская часть России) в геополитическом и цивилизационном контексте.

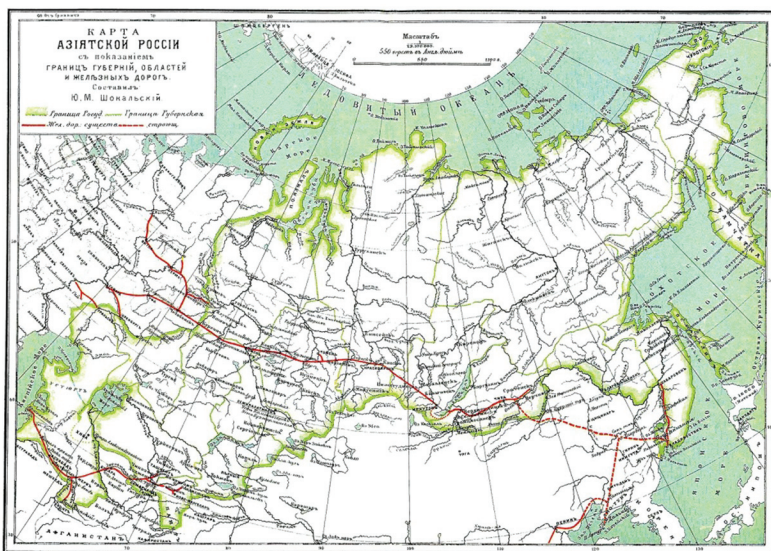

Рисунок 1. Азиатская Россия

(источник: Imperial Russia – Asia.jpg)

Азиатская Россия – глобальный регион, занимающий 77% территории страны (около 13,1 млн км², превосходя, тем самым, по территории любое другое государство мира). По оценке Росстата, на начало 2018 г. численность населения составила около 150 млн чел., причем в Азиатской части России (территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного

федеральных округов) проживает, по разным источникам, от 22 до 27%¹ от общей численности (для сравнения: плотность населения европейской части России составляет 27 чел./км², азиатской – 3 чел./км²).

Само понятие Азиатской России закрепилось в научной литературе еще в дореволюционное время (рис. 1 – карта Азиатской России, составленная Ю. М. Шокальским²). К началу XX века Азиатская Россия охватывала Сибирь, Дальний Восток, среднеазиатские владения и Кавказский край. В советское время, в связи с изменением федеративного устройства страны, привычным стало новое название – Азиатская часть Советского Союза (точнее, – находящаяся в Азии часть территории Российской Федерации). Ныне понятие Азиатской России достаточно прочно закрепилось в научной литературе и наполняется достаточно богатым и разносторонним содержанием³. Исторически к Азиатской России относились все земли, находившиеся ранее за пределами некогда традиционного ареала расселения восточнославянских племен, включенных в границы Русского царства. На рис. 2 наглядно представлена историческая динамика геополитической экспансии России в Евразии. Однако будет неправомерно сводить расширение территории Русского царства (и далее Российской империи) и его этнического состава к одностороннему процессу экспансии: в плане государственного устройства – да, а цивилизационная динамика была гораздо сложнее. Народы Сибири мигрировали и на восток, и на запад. Так пояс степей Южной Сибири (и Евразии в целом) на протяжении двух тысячелетий оставалось родиной номадизма. Волны кочевников скифо-сакских племен, гуннов, авар, тюрков, монголов устремлялись на запад – современные тюркские народы вышли из степей и предгорий Южной Сибири. Тайга Западной Сибири была родиной народов уральской группы – финно-угорские народы отсюда. Народы Арктической зоны, веками проживающие в суровых климатических условиях, дали основание

¹ *Vishnevsky A.* Replacement migration: is it a solution for Russia? UN/POP/PRA/2000/14. 15 August. 2000. – P. 6.

² *Imperial Russia – Asia.jpg*

³ См., например: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. – М.: Наука, 2014. – 600 с.; *Винокуров Е. Ю.* Евразийская континентальная интеграция. – СПб.: Евразийский банк развития, 2013.

некоторым ученым заявить о существовании относительно самостоятельной цивилизации – циркумполярной¹.

Рисунок 2. Геополитическая экспансия России в Евразии XVII – нач. XX вв.

Источник: <http://cyclowiki.org/wiki/>

По мнению А. П. Деревянко, в антропологии, в связи с обнаружением останков человека и культурных артефактов из Денисовой пещеры на территории Горного Алтая (возраст около 300 тыс. лет), все большее влияние начинает оказывать теория мультирегиональной эволюции человека.

Согласно последней, формирование *Homo sapiens* с равным успехом могло происходить одновременно как в Африке, так и в Евразии. Причем обнаружение останков *Homo sapiens altaiensis* на Алтае (а это Южная Сибирь) позволяет утверждать, что там был зафиксирован самый ранний в Евразии

¹ См. подробнее: URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/cirkumpolarna-a-civilizacia>; Семушин Дм. «Циркумполярная» лженаука против Русской Арктики. – URL: <https://regnum.ru/news/1501301.html>.

переход от среднего к верхнему палеолиту¹. Гораздо позже (около 13 тыс. лет назад) из Сибири началось заселение Северной Америки (рис. 3).

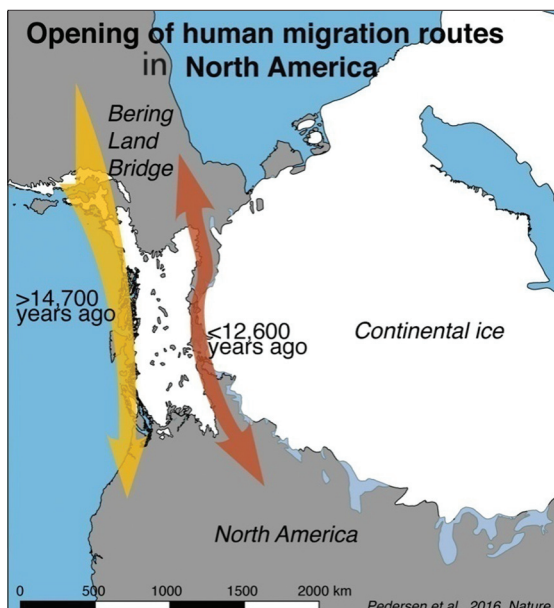

Рисунок 3. Карта миграции людей из Евразии в Северную Америку

В Сибири проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, дороги стали основой всех цивилизаций и государств Евразии, в т. ч. Сибири – державы гуннов, Тюркского каганата, Монгольской империи и Российской империи. Сибирь объединила в себе элементы европейской, мусульманской, китайской цивилизаций с особенностями степного, таежного и приполярного образа жизни².

¹ Деревянко А. П. Родословная человечества: теория и факты // Наука из первых рук. – 2010. – № 4(34).

² Mikkel W. Pedersen et al. Postglacial viability and colonization in North America's ice-free corridor // Nature (2016). DOI: 10.1038/nature19085 Read more at: <https://phys.org/news/2016-08-textbook-story-humans-populated-america.html#jCp>; Сибирь.

§3. Азиатская Россия в фокусе отечественной науки

Первые научные исследования Сибири, обусловленные необходимостью государственного управления и защиты отдаленных границ, были связаны с развитием географических исследований, поскольку нужны были точные сведения о природных условиях неизведанных земель и о населяющих их народах, о речных и морских путях сообщения. В XVI–XVII вв. были составлены первые карты («чертежи») Сибири.

В «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии» В. И. Вернадский отмечал, сколь ограниченны были представления в то время о внутреннем устройстве Государства Российского: «Для западного культурного человечества в конце XVII в. простиралась за пределами Швеции и Польши огромная, загадочная страна московских царей, [по мнению Запада] едва доступная культуре и терявшаяся где-то у пределов Тихого океана. Самые пределы северных частей Тихого океана наносились на карты совершенно произвольным образом: ни северо-восточные берега Азии, ни северо-западные берега Северной Америки еще ни разу не были посещаемы европейскими судами... Московское царство представлялось в сознании западного европейца варварской страной. Китай казался культурным государством, равной, а может быть, и более высокой культуры, чем культура Европы того времени. В это время в кругу образованных людей Запада существовало своеобразное представление о географическом распределении культурного человечества, резко не отвечающее реальным фактам. Казалось, что между двумя центрами цивилизации – Западной Европой и Китаем – лежат варварские и полуварварские страны, первым форпостом которых являлась Московия». Первые научные экспедиции были связаны с именем Петра I, который «должен был знать, что находится за пределами его царства и нет ли на дальнем Востоке удобного морского пути в те страны, которые давно привлекали к себе внимание всех энергичных морских народов. Прежде всего, Петру надо было точно и ясно выяснить положение своего государства в мировой сфере возможностей...»¹. Вернадский обратил особое внимание на закрытый характер проводимых географических исследований. Так ученым, отправленным в экспедицию для составления

Атлас Азиатской России / научный рук. проекта А. П. Деревянко. – Новосибирск; М.: Топ-книга, 2007. – 864 с. – С. 10.

¹ *Вернадский В. И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // URL: <http://vernadsky.lib.ru/>.

географического атласа Российской империи, сенатским указом от 13 января 1733 г. запрещалось сообщать какие бы то ни было собранные ими сведения кому бы то ни было, кроме Академии наук и Сената, поскольку экспедиция отчасти была военной. Первый атлас Российской империи, начало составления которого было предписано еще Петром I, вышел в 1745 г.¹ Так исследования, связанные с изучением географии, природных ресурсов, перспектив экономического развития и национальных особенностей коренного населения Азиатской России, позволили сделать вывод, что идеи евразийства имели не только теоретическую, идеологическую направленность, но и были основаны на конкретном опыте освоения российским государством территорий за Уралом. Перу М. В. Ломоносова принадлежит последний в его творческой биографии трактат «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», представленный с посвящением в сентябре 1763 г. девятилетнему наследнику царского престола Павлу Петровичу, который числился тогда президентом Адмиралтейств-коллегии (командующим флотом). А уже 14 мая 1764 г. Екатерина II своим секретным указом предписала Адмиралтейств-коллегии (в соответствии с предложениями Ломоносова о плавании «северо-западными морями», т. е. вдоль Арктического архипелага и «Сибирским океаном») организовать поиск прохода Северным (или Сибирским) океаном (так тогда называли Северный Ледовитый океан) в Камчатку «по северо-восточному проходу». Экспедиция совершила два плавания из Архангельска (уже после смерти Ломоносова) летом 1765 и 1766 гг. и впервые проложила морской путь через Северный Ледовитый океан к Северной Америке и Камчатке. Так теоретическая мысль русского гения оперативно воплотилась в стратегический план и конкретные действия на государственном уровне. В трактате Ломоносов сопоставляет многочисленные наблюдения путешественников, строит предположения и гипотезы, в частности, относительно того, есть ли вокруг полюса море, или же «занимает оный суша». Он предлагал заняться подсчетом примерного количества льдов в Сибирском океане и в заключение предостерег: если «слава сердец наших не движет, то подвинуть

¹ Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям с приложенной притом генеральной картой великой сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. — СПб., 1745.

должно нарекание от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне... Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹. Так на века Ломоносов predetermined геостратегию развития и геополитический статус российской державы на пространствах Северной Евразии.

Следует отметить, что в XIX в. огромную роль в научном обеспечении освоения Азиатской России сыграло Императорское Русское Географическое Общество, основанное в 1845 г. Имперским интересам на окраинах должна быть подчинена и наука, о чем писал неизвестный автор: «...нам бы надобны не жуки и кукушки, а указали бы гг. ученые, где железо на Амуре, где каменный уголь, где корабельный лес, где плодородная почва для земледелия, где какие приличнее разводить растения и в каких частях Амура какая приличнейшая система хозяйства. А то и укажут нам на богатства здешних насекомых и кукушек, да все-таки эти указания большинству у нас недоступны, потому что печатаются в Германии, и даже в нашей Академии, на Немецком языке, чтобы свои не знали, а заграничные похваляли»². Так оценивался вклад науки в освоение новых пространств Российской империи.

На рубеже XIX–XX веков естественнонаучные исследования Азиатской России дополнились изысканиями на основе новых научных направлений – геополитики и антропогеографии. Классическая (военная) геополитика, разрабатываемая отечественными учеными и военными стратегами – тема самостоятельного исследования. Вместе с тем, многие из них сугубо военно-политические проблемы тесно увязывали с решением социально-демографических и разнообразных хозяйственных задач. Так военный министр, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, опираясь на данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и ратуя за сохранение Сибири в случае возможных военных действий со стороны Японии или Китая, предупреждал:

¹ Ломоносов М. В. Избранные произведения: В 2-х тт. Т. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 489–490.

² Письма об Амурском крае (Николаевск на устье Амура, 29 Ноября 1857 г. Получ. 29 Мая 1858) // Русский архив. – 1895. – Кн. 1. – С. 390 (предположительно эти строки принадлежали инженер-полковнику Д. И. Романову – <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Romanov/text.htm>).

«Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для ¼ части этой цифры»¹. Военная наука, в рамках которой формировалась российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков и этноконфессиональный состав населения на имперских окраинах для обеспечения безопасности вновь образованных границ.

В ходе масштабных географических исследований Азиатской России В. П. Семенов-Тянь-Шанский, признанный основатель отечественной антропогеографии и политической географии, обратился к детальному анализу ее историко-цивилизационных аспектов в ракурсе разрабатываемой им антропогеографии. Кстати, от антропогеографии к геополитике, зародившейся на рубеже XIX–XX веков в недрах политической географии (Ф. Ратцель) и государствоведения (Р. Челлен), всего «один шаг». И Семенов-Тянь-Шанский сделал этот решительный шаг, предложив антропогеографический подход (в исследовании социоприродных процессов) как одну из основ цивилизационной геополитики. Так, еще в 1915 г., он ввел в научный оборот понятие «Русской Евразии», которым определил пространство между Волгой и Енисеем, и от Ледовитого океана до самых южных границ Российской империи в качестве особого культурно-экономического региона, наряду с Европейской Россией². В решении вопроса о том, каким образом для укрепления системы «от моря до моря» можно сдвинуть культурно-экономический центр государства ближе к истинному географическому его центру», Семенов-Тянь-Шанский усматривал два ответа. Во-первых, — это перенос столицы (в российском случае — на Урал, в Екатеринбург). Ученый считал этот вариант слишком дорогим, непригодным и нецелесообразным в условиях развивающихся железнодорожных путей сообщения. Во-вторых, — создание тех самых культурно-экономических колонизационных баз, которые должны занимать ключевые позиции в развитии страны, обеспечивая прочность государственной

¹ Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Изд-е 2-е. — Берлин: J. Ladyschnikow Verlag GmbH, 1911. — 557 с. — С. 77.

² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Изв. Император. Рус. геогр. общ-ва. — Петроград, 1915. — Т. 51, вып. 8. — С. 441.

территории и способствуя более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию. В Европейской России Семенов-Тянь-Шанский выделял четыре таких чисто русских базы, возникших в разные времена: 1) Галицкая и Киево-Черниговская; 2) Новгородско-Петроградская; 3) Московская; 4) Средневолжская.

Благодаря наличию этих четырех баз, обеспечивших территориальную заселенность и экономическую мощь «до самых берегов четырех морей», Европейская Россия представила собой ту культурно-экономическую массу, которая обеспечила Российской империи место в числе «великих держав мира». Для реализации принципа колонизации «от моря до моря» ученый указал на необходимость формирования и функционирования новых культурно-экономических колонизационных баз в Азиатской России. «Для этого, — пишет он, — наши старые четыре базы должны отрешиться в значительной мере от своих монопольных привычек в торгово-промышленном отношении, основать на первое время местные промышленные филиалы в наших азиатских базах, дать им вовремя экономическую независимость, развить там действительно культурные центры и относиться не только терпимо, но даже любовно и поощрительно к возникающим там промышленным и культурным начинаниям»¹. В соответствии с географическими условиями Семенов-Тянь-Шанский предлагал, в дополнение к старым четырем колонизационным базам Европейской России, создание четырех таких баз: 1) Урал; 2) Алтай с горной частью Енисейской губернии (обе в Русской Евразии); 3) горный Туркестан с Семиречьем (в среднеазиатских владениях); 4) Кругобайкалье (в Восточной Сибири). Тем самым Семенов-Тянь-Шанский выделил Россию-Евразию (объединяющую Европейскую и Азиатскую Россию) из Евразии в целом, что явилось важным конструктивным шагом в развитии евразийского дискурса. Более подробное обоснование этого дискурса Семенов-Тянь-Шанский дал в вышедшей в 1928 г. работе «Район и страна». Это издание имело гриф учебного пособия для студентов географического факультета Ленинградского государственного университета, где он с 1925 г. работал профессором кафедры сравнительного страноведения, антропогеографии и методологии районирования. В этой работе Семенов-Тянь-Шанский впервые применил для исследования расселения математические

¹ Там же. — С. 442-443.

методы (дазиметрические карты), обосновывая закономерную, определяемую природными условиями, территориальную типологию могущественных владений, из числа которых для России присущ чрезматериковый («от моря до моря») тип геополитического могущества. Так, к примеру, на с. 192 (рис. 53) он представил карту «Великих чрезматериковых мировых путей будущего», многие из которых уже созданы или будут созданы в ближайшем будущем. На языке антропогеографии Семенов-Тянь-Шанский ведет рассуждения о «культурных мирах», определяя их как коллектив государств, представляющих «высшую единицу сгущения населения на нашей планете». Этих «культурных миров» четыре: первобытный (тропический и «крайний полярный») мир, «остановившийся, обломочный мир древних азиатских культур», «деятельный, передовой западный мир» и переходный «медленно прогрессирующий мир белой расы – восточный греко-славянский»¹.

§4. Геоцивилизационные характеристики колонизации Азиатской России

В рассматриваемой ситуации колонизацию следует рассматривать как освоение и заселение новых территорий внутри или вне своей страны. Еще в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» под колонизацией разумелось массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства². Для России характерна была внутренняя колонизация, т. е. переселение из трудоизбыточной Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток сельского населения с середины XVIII до начала XX веков. Рассмотрим этот вопрос, опираясь, преимущественно, на работы современников процесса колонизации Сибири и Северной Евразии в целом.

К середине XIX в., когда закончился процесс вхождения в состав Российской империи Степного края, Приамурья и Приморья, определились ее евразийские контуры. В энциклопедическом труде Юлиуса Гагемейстера границы Сибири были определены следующим образом: «Сибирью

¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 311 с. – С. 219.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XVa. – СПб., 1895. – С. 736–740.

называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на Западе продольною цепью Уральских гор, на Востоке Тихим океаном, с Севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана... Сибирь разделяется в правительственном отношении на Западную и Восточную... вся система рек Оби и Иртыша составляет Западную Сибирь, бассейны же Енисея и Лены – Восточную». В административно-территориальном отношении Западная Сибирь включала Тобольскую и Томскую губернии, а также Киргизские степи, а Восточная – Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую и Забайкальскую области, Кяхтинское градоначальство. Гагемейстер даже указал полную численность населения Сибири на время составления своего отчета: русское население – 2057395 душ, инородцы – 840751¹. В дальнейшем шел процесс регионального деления «большой» Сибири, и к концу XIX столетия на геоэкономической и административной карте Азиатской России появились Дальний Восток и Степной край.

Важную районообразующую роль в обустройстве Сибири сыграл железнодорожный транспорт, обеспечивший, о чем говорилось выше, формирование геоэкономической оси развития новых торгово-экономических центров Сибири, сопряженных в своей пространственной динамике с российским Дальним Востоком, казахскими степями, с Маньчжурией, Монголией и Китаем.

К. И. Арсеньев, современник Гагемейстера, академик Петербургской академии наук, статистик и географ, определяя Сибирь как земледельческую, металлоносную и коммерческую колонию, обратил внимание на одну ее особенность: «Она имеет преимущество над колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океаном, ни посторонними владениями... Вообще Сибирь, Закавказье, Финляндия и Царство Польское суть такие страны, которые обеспечивают нынешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим не составляют существа Империи... должны быть рассматриваемы как

¹ *Гагемейстер, Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером: В 3 ч. Ч. 1. – СПб.: Тип. П Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1854. Ч. 1. С. 1–3 (Камчатка на то время (1849–1856 гг.) являлась самостоятельной областью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства).

вспомогательные силы одной главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях»¹. Арсеньев указывает на собственно цивилизационные характеристики «державы Российской»: «Русские земли сходствуют между одинаковыми нравами жителей, единством языка, одною религиею и почти одинаковым образованием народов, здесь обитающих; сии страны суть истинное отечество Русских, твердейшая или главная основа державы Российской...»².

Колонизационные потоки, направлявшиеся из центра страны, как рассуждал Н. Я. Данилевский, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее». Процесс русской колонизации представлял собой поэтапное «расселение русского племени», которое, в отличие от колоний западноевропейского типа, расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, полагал Данилевский, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия». Поэтому различия между центром и колонизируемыми окраинами виделись Данилевскому не политическими, а лишь обусловленными временем заселения и культурного освоения³. В свою очередь, В. И. Ламанский, подробно анализируя особенности развития Азиатской России в составе «Срединного мира» (по большей части совпадающий с политическими границами Российской империи, особенно в Азии, где они переходят в границы естественные и этнографические), справедливо отмечал, что «Азиатская и Европейская Россия составляет во многих отношениях резкую противоположность собственной Азии... при всем множестве разнообразных вер, в ней (Азиатской и Европейской России. — Авт.) исповедуемых, языков и народностей, в ней живущих, значительно преобладает и вполне господствует одна вера — христианство, один язык и народность — русская, славянская... решительное преобладание в Европейской и Азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства...»⁴. Так Ламанский особо подчеркивал географическое,

¹ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. — СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1848. — 503 с. — С. 25–26.

² Там же. — С. 26.

³ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М., 1991. — С. 485–486.

⁴ *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии

этнологическое, религиозное и историко-культурное единство Европейской и Азиатской России.

Исходя из этих высказываний Гагемейстера, Арсеньева, Данилевского, Ламанского (разумеется, этот список можно было и продолжить), напрашивается вывод о том, что в общественном сознании российских государственных деятелей и ученых уже к середине XIX века сформировалось представление о роли русской цивилизации, славяно-православной в своей духовной сути, которая расширила влияние – духовное, культурное, военно-политическое – на всю Северную Евразию. Так русская, по своему изначальному содержанию, цивилизация обрела статус, форму евразийской цивилизации, объединившей одной судьбой народы, их способ жизнедеятельности, культуру, языки, верования, что было признано даже на уровне официальной имперской идеологии – «православие, самодержавие, народность». Подтверждением тому может служить, спустя более полувека, издание Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в котором отмечалось, что русские переселенцы должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где всё – в Азии, как и в Европе, – одна наша русская земля, одно великое и неотъемлемое достоинство нашего народа»¹.

А. В. Ремнев верно подметил еще одну особенность российской имперской политики в отношении переселенцев – признание только той земли истинно русской, где прошел плуг русского пахаря². Крестьянская колонизация становилась одним из важнейших компонентов военной экспансии, присущей российской имперской геополитике. «Вслед за военным занятием

И. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. – 928 с. – С. 197–198.

¹ Азиатская Россия. Переселенческое Управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. В 4-х т. – СПб., Т. 1: Люди и порядки за Уралом. – 576 с. – С. 199.

² *Ремнев А. В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX века // <http://zaimka.ru/remnev-motivation/> 1.07.2002; *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с. – С. 39–45.

страны, – отмечал известный публицист Ф. М. Уманец, – должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно также, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»¹. Важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы.

§5. Европейская и Азиатская Россия – единое целое

К концу XIX в. в Сибири сложилось пестрое по своему происхождению русское население, представленное старожилами («сибиряки») и новоселами («русское», «русь»). Переезжавшие за Урал крестьяне формировали не только новые этнокультурные группы, определенные местами их выхода, этнической принадлежностью, конфессиональными различиями, но и создавали новую общность на основе общерусской культуры и идентичности. Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами и стремлением «сделать край русским», хотя принцип конфессиональной иерархии нередко уступал национальному фактору. На протяжении второй половины XIX в. сформировался альтернативный подход к проблеме освоения (колонизации) Сибири, которую условно можно назвать взглядом «с востока на запад». Ее разрабатывали сторонники так называемого сибирского областничества – системы взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона как особой области в составе российского государства. Воззрения сибирских областников со временем обрело статус общественно-политического и культурного движения, что следует рассматривать как ситуацию цивилизационной самоидентификации сибиряков на уровне, по крайней мере, их интеллектуальной части. Правда, сибирское областничество как регионально ограниченная форма выражения цивилизационной самоидентификации Сибири шло вразрез с официальной имперской идеологией

¹ Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1884. – 243 с. – С. 33.

«православия, самодержавия, народности». К тому же огромная территория, крайне малозаселенная, неосвоенная, без мало-мальски развитой сети дорог и укрепленных границ – все это, с одной стороны, позволяло разыграться бурной фантазии некоторых писателей и публицистов, а с другой, – требовало освоения природных богатств Сибири, ее промышленного развития, научного исследования и решения задач геополитического порядка.

Сибирское областничество проделало длительную эволюцию, развивая в той или иной форме идеи территориальной самостоятельности Сибири, ее автономии, переноса на ее просторы политического и культурного центра России. Этой теме посвящен огромный корпус научной литературы, энциклопедий, справочников, публицистических находок¹, поэтому мы не будем заниматься пересказом работ тех или иных авторов (им несть числа), ограничимся рассмотрением только одного сюжета: в каком формате вызревала идея трансформации славяно-православной цивилизации в евразийскую. Главными идеологами и основателями областничества являлись Г. Н. Потанин (1835–1920) – географ, этнограф, публицист, участник научных экспедиций по Сибири, и Н. М. Ядринцев – сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии (1842–1894). Они занимали лидирующие позиции в сибирском областничестве, объединив вокруг себя многих местных ученых, литераторов, общественных деятелей. Основу областничества составило положение о Сибири-колонии и особая интерпретация процесса ее освоения. Изучая прошлое региона, сторонники этого движения пытались выявить причины серьезного отставания развития Сибири в сравнении с бывшими колониями европейских государств (США, Канады, Австралии), колонизация которых

¹ Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века – М.: Наука, 2014. – 600 с.; Мирзоев В. Г. Историография Сибири. – М.: Мысль, 1970. – 391 с.; Потанин Г. Н. Избранные произведения: В 3-х тт. – Павлодар: ЭКО, 2005; Прутченко С. М. Сибирские окраины. Историко-юридический очерк. – СПб., 1899; Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск: Вен-Мер, 1995. – 676 с.; Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. – Новосибирск, Новосиб. ун-т, 1989. – 144 с.; Шиловский М. В. Сибирские корни евразийства // <http://zaimka.ru/science/shilovski12.shtml>; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.

началась примерно одновременно с освоением Сибири, и где также в составе населения преобладали выходцы из метрополии. Они уже в 60-е гг. XIX в. подошли к пониманию различия колонизации (как земледельческого освоения новых земель, прежде всего) и колониальной политики. Причем, процесс колонизации Ядринцев трактовал как стремление народных масс освободиться от крепостнических порядков и развиваться свободно. В 1865 г. он довольно красочно живописал этот процесс: «До завоевания, о Сибири, как и о всей Азии, ходили самые темные слухи, как в Европе, так и в России. Рассказы, прикрашенные вымыслами Плано-Карпини и Марко Поло в 13 ст., не могли дать определенного понятия о северных азиатских странах. Россия тоже сама плохо знала за-Уралье... Сведения русских царей и народа об Югории и Обдории, как назывались сибирские земли, были чрезвычайно малы... Община Ермака указала дорогу переселенцам. Народ кинулся толпами в новую землю как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра. Народ бежал, чтобы избавиться от притеснений воевод, от официальной приписки к городам, от тяжелой подати и бюрократизма. Раскольники шли сохранить свою веру в скитах, промышленники — добыть мехов, торговцы — свободно торговать с сибирскими инородцами. Эти побуждения, руководившие народом, показывают самобытное народное стремление и чисто народный взгляд на Сибирь как на страну, где должны развиваться самобытно и свободнонародно-славянские силы»¹. Далее автор призывает литературу указать народу будущее России и вывести его на «путь цивилизации и исторического прогресса». «Мир, — надеется Ядринцев, — должен связаться любовью, взамен исторической вражды... народ Сибири будет таким же цивилизованным народом и Сибирь такую же богато развитой экономически, как и все прочие»².

Стихийно-народное освоение Сибири в сочетании с природными ее богатствами являлись прочной основой не только для развития сибирского региона, но и всей России. Потанин отмечал, что «русский народ заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни, если представить в будущем Сибирь также населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом русской литературы // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. — Красноярск, тип. Енисейского Губ. Союза Кооперативов, 1919. — 223 с. — С. 11-12.

² Там же. — С. 14-16.

перейти на нее»¹. На основании этих идей можно сделать заключение о сознательном стремлении Потанина к позитивной межрегиональной интеграции Сибири в составе России в административно-политическом и социально-экономическом отношении. В такой интерпретации эти идеологические концептуальные положения по своей направленности получили конкретное выражение в идеологии евразийства, о чем подробнее пойдет речь в следующем разделе. Здесь же следует согласиться с мнением С. В. Селиверстова, утверждавшего, что «...цивилизационной идеей, которая может вдохнуть жизнь в российско-сибирскую региональность и успешно позиционировать ее как внутри самой России, так и международно-геополитически, является евразийская идея... Евразийство не отрицает регионализм, наоборот, оно придает ему исторический и перспективный смысл. Именно в контексте евразийства Сибирь и Россия органически сочетаются, и Великая Сибирь, наконец, становится равноценным и равнозначным компонентом в определении сущности и структуры России, важнейшей частью большого евразийского пространства»². Более того, Потанин, будучи одним из крупнейших исследователей народов Евразии, явился автором оригинальной концепции культурных, цивилизационных взаимодействий Востока и Запада, что позволило сделать решительный шаг от описательной этнографии к концептуальной интерпретации евразийского культурно-исторического процесса в целом, т. е. евразийской цивилизации в целом. Оценивая деятельность Потанина как мыслителя и исследователя, ученого-практика, крупнейшего специалиста по евроазиатским культурам, важно отметить евразийский контекст его идей, предвосхищающих основные положения евразийства задолго до выхода в свет в 1921 г. «Исхода к Востоку».

Проблема социально-экономического развития Сибири получила отображение и в фундаментальном труде Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», который являлся, как и Г. Н. Потанин, главным идеологом и основателем концепции сибирского областничества. Важным, на наш взгляд, является то, что с переселением русского населения в Сибирь Ядринцев связывал духовно-нравственное и гражданское возрождение этого края. «Привлечением переселений, — отмечал он, — усилится в Сибири русский

¹ Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово (СПб). — 1860. — № 9. — С. 196.

² Селиверстов С. В. Г. Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX — начало XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. — Вып. 300-1/ 2007. — С. 107-115.

элемент; колонизация придаст ему более прочности, стойкости и окажет большее влияние на инородцев, способствуя их гражданственности... Перевес русского населения на востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии. Он даст возможность развернуть национальные силы, создать действительную гражданственность, которой не достаёт нам при всех наших завоевательных стремлениях. Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность»¹.

Обобщая свои рассуждения, в заключительном разделе своего основного труда «Будущность страны и условия ее преуспевания» Ядринцев призывает к должному: «Помнить, что колонизация есть союз народов, а не разъединение. Тропа, проторенная русским народом, и из года в год тянущиеся переселения в обетованные места, на свободные места, указывают сами собой разрешение этой задачи»². Более того, полагает автор, пробуждение общественной самодеятельности и развитие образования в Сибири «придадут этому безжизненному краю свет и тепло цивилизации» – русско-евразийской.

Итак, анализ процесса обретения русской цивилизацией нового качества в формате евразийской цивилизации на протяжении четырех веков освоения той части евразийского континента, за которой к концу XIX в. закрепилось название Азиатской России, позволяет утверждать необходимость комплексного осмысления сути колонизационного процесса, хозяйственного освоения территорий, аккультурации русских (и не только) первопроходцев, переселенцев и народов Северной Евразии, политической организации формирующегося сообщества людей на необъятных ее просторах. Отношение к происходящим процессам на протяжении веков было далеко не однозначным. Как было показано выше, исторически значимые призывы М. В. Ломоносова («Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»), В. И. Ламанского («решительное преобладание в Европейской и Азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства») и др. служили надежным ориентиром в понимании и реализации грандиозных планов освоения ранее неизведанных земель. Хотя в истории, не только давней, но и нашего поколения, можно встретить рефреном повторяющиеся призывы ограничиться пределами Русского царства и жить

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с. – С. 162.

² Там же. – С. 443.

припеваючи. В приснопамятные времена перестройки и бурного передела собственности «люди от науки» негодовали: «Мы отдаем нашим необъятным просторам больше, чем мы получаем от них, они как бы высасывают соки из организма страны, постоянно подталкивая ее на путь экстенсивного развития. И если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран»¹. Остается надеяться, что то время «безвременья» ушло в небытие и наступило время реализации грандиозного проекта Евразийского Союза усилиями народов, объединенных евразийской цивилизацией. В этом плане довольно четко звучит позиция акад. РАН В. В. Алексеева относительно специфики Азиатской России: «Это вся сумма видоизменений, которые претерпевает русская культурно-цивилизационная „матрица“ в процессе колонизации под влиянием новой природно-географической среды, новых хозяйственных возможностей и новых исторических задач. Сохраняющийся русский характер освоения Азиатской России не подлежит сомнению, и в этом отношении она, будучи продуктом исторического „исхода“ из Европейской России, оказывала на последнюю обратное влияние – геополитическое, экономическое, культурное. Это влияние следует рассматривать не как внешний фактор, но как момент внутренней трансформации»². Из этого суждения следует логический вывод: внутренняя трансформация определяет существо неразрывной связи русской (как варианты, определяемые различными дискурсами, – славяно-православной, восточно-славянской) и евразийской (как собирательное понятие) цивилизациями.

Обе России, Азиатская и Европейская, составляют в историко-культурном и этнологическом отношении одно неразрывное целое. Восток рассматривается исследователями как равнозначный и равноценный субъект в определении сущности и структуры России, как важнейший регион большого евразийского пространства, Большой Евразии. В этом отношении четко усматривается преемственность исследователей Азиатской России с евразийством, представители которого не только не отрицали идеи регионализма, но и придавали ей перспективный исторический и геополитический смысл.

¹ *Трейвиш А., Шупер В.* Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 23.

² *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. – М.: Наука, 2014. – 600 с. – С. 9.

Многими учеными присоединение к России территории огромных пространств к востоку от Урала рассматривалось как закономерный процесс и важное стратегическое решение со стороны Русского государства. Они считали необходимым рассматривать становление Азиатской России как культурно-экономической единицы, не считая ее никоим образом за окраину, говорить о ней уже как о коренной и равноправной в составе российского государства. И первый шаг в этом отношении был сделан ссыльными декабристами, которые оказали влияние на рост самосознания сибирского общества. Труды исследователей Азиатской России носили глубоко патристический характер, несмотря на несогласие по ряду вопросов с политикой российского государства, ярко выражая искреннюю обеспокоенность и заинтересованность судьбой своей родины.

Одна из концептуальных идей сибирского областничества заключалась в определяющем влиянии природно-климатических факторов на развитие народов, их менталитета и культуры, что позднее отразилось в евразийском учении о месторазвитии. Верным способом укрепления границ Российской империи ученые считали вхождение в ее состав среднеазиатских территорий, что, по их мнению, должно было стать завершающим штрихом в укреплении политического симбиоза русских и азиатских народов. Эти идеи близки тем, которые позже, в 1920-х гг., станут основополагающими в евразийской идеологии, утверждающей геополитическую необходимость славяно-тюркского союза. Г. В. Вернадский писал: «Нет естественных границ между „Европейской“ и „Азиатской Россией“. Следовательно, нет двух России – „Европейской“ и „Азиатской“. Есть только одна Россия – Евразийская, или Россия – Евразия. Евразия и представляет собой ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу»¹. Об этом подробнее речь пойдет в разделе Т. Ф. Ляпкиной.

¹ *Вернадский Г. В.* Начертания русской истории. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 6.

Глава 2. Геополитическое положение Российской империи в канун революционных потрясений¹

В феврале 1913 г. известный русский публицист, организатор и идеолог «Всероссийского национального союза», М. О. Меньшиков писал в связи с празднованием 300-летия дома Романовых следующее: «За истекшие триста лет Россия многого достигла, но далеко не *все-го*. Общее впечатление такое, что и теперь, как триста лет назад, мы находимся на переломе истории, на пороге громадных, еще не осуществленных возможностей, которые могут или низвести Россию в пучину бедствий, или, наоборот, придать ей новое, несравнимое с прошлым величие... Со стороны и внешнего, и внутреннего благополучия нынешняя Россия (правда, в более огромном масштабе) напоминает Московскую Русь, вышедшую из великой Смуты. Внешний враг отражен, крамола подавлена, но все еще чувствуется напряженное давление и внутреннего революционного духа, и внешней жадности... Мы присутствуем при новых титанических вооружениях ближайших соседей, не скрывающих, что эти вооружения направлены чуть ли не главным образом против нас... Я не думаю, чтобы нам, при всем миролюбии народа русского, удалось избежать войны с Австрией и с Китаем. Как первым царям Романовым нужно было от Польши возвратить „отторженную“ Белую и Малую Россию, так и нашему потомству предстоит вернуть от Австрии до сих пор плененную вотчину святого Владимира – Червонную Русь (в исторических документах 15–18 веков так называлось Русское воеводство, впоследствии Галиция. – *И. К.*). Можно не спешить с великими историческими задачами, но забывать их вовсе не следует. Нынешним ли летом грянет война с Австрией, или в 1915 году, или в 1925-м, мы должны готовиться к великому поединку с вполне определенной задачей – остаться победителями»².

Предчувствие неизбежной войны между великими державами стало повсеместным – будь то в России, Англии, Франции или Германии. Примечательно по этому поводу высказывание германского императора

¹ Дополненная и переработанная статья: *Кефели И. Ф.* Геополитический статус России начала XX века и современность // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4(28). – С. 37–45.

² *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации. – М.: Изд-во журн. «Москва», 1999. – С. 367–368.

Вильгельма II по этому поводу. В своих воспоминаниях «Из моего прошлого» председатель Совета министров В. Н. Коковцов воспроизвел беседу Вильгельма II с Директором кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдовым, в которой в ответ на заверения российского чиновника, что России сейчас нужен мир как никакой другой великой державе, Германским императором было сказано: «Я должен только сказать вам прямо: я вижу надвигающийся конфликт двух рас, романо-славянской и германизма, и я не могу не предvarить Вас об этом... Вы разумеете столкновение германизма с славянством, предполагая, вероятно, что первый начнет враждебные действия. Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнет ее»¹. Эту неизбежность всеми силами пытались предотвратить в России. В связи с этим следует рассмотреть и сопоставить два варианта геополитического анализа предвоенной ситуации и состояния армии и флота, представленных в канун войны, в корне различающихся относительно возможных союзников России в предстоящей войне (таковые союзы в виде военных альянсов существовали, но геополитические закономерности не подчиняются каким-либо союзным договоренностям, а реализуют глубинные интересы государств на мировой арене). Речь далее пойдет о «Памятной записке по поводу закона о флоте и судостроительной программы» А. А. Ливена и «Записке» П. Н. Дурново.

§1. Позиция А. А. Ливена

3 февраля 1912 г. Министру иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонову поступила «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы» от начальника Морского Генерального штаба контр-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена (вскоре, 25 марта 1912 г., он был произведен в чин вице-адмирала и утвержден в должности начальника Морского Генерального штаба).

¹ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: В 2-х тт. Париж, 1933. — Т. 2. — С. 227; *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост. С. С. Волк. — М.: Современник, 1991. — С. 20, 134–166.

Рисунок 4. Александр Александрович Ливен

(Liven_AA.jpg__60807.jpeg (775×1201) (everipedia-storage.s3.amazonaws.com))

Этот документ, который сравнительно недавно стал доступен широкому читателю, представляет собой один из ярких примеров военно-политических прогнозов рассматриваемого периода истории России, составленных, как отмечает О. В. Павленко, в духе популярных тогда «маринистских концепций», согласно которым общеевропейская война может успешно вестись только при наличии сильного флота¹. Ливен исходил из признания того, что

¹ Павленко О. В. Геополитическое проектирование «большой европейской войны» в 1910–1914 гг.: российский ракурс // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Международные отношения. Регионоведение. – 2012. – № 7 (87).

мировую политику того времени определяют только четыре государства — Германия, Англия, Франция и Россия, но англо-германские взаимоотношения занимают в ней ведущее положение. Именно конкуренция между Германией и Великобританией приближает мир к большому конфликту «Тройственного союза против Тройственного Согласия». В этом случае Россия не сможет избежать военного столкновения с Германией¹. Какие же аргументы приводит автор записки?

Во-первых, считал А. А. Ливен, Германия является основным противником России. От нее исходит самая большая угроза российским жизненным интересам. В случае «немецкого господства над Балтийским морем, граница Германии начнется у Кронштадта и пройдет по всей нашей береговой черте. Двигаясь на Петербург, неприятельская армия проследует вдоль собственной базы и, кроме того, будет иметь возможность высадиться в непосредственной близости к столице, укрепиться и уже оттуда начать операцию против войск, прикрывающих таковую. И тут-то повторится обстановка японской войны»². Более того, как только Германия «политически достигнет гегемонии в Европе и окружит нас сплошным кольцом своего могущества от Норд-Капа до Малой Азии, Россия потеряет политическую самостоятельность <...> Уже теперь Швеция, Австрия и отчасти Турция находятся под немецким влиянием, Дания беспомощна перед своим великим соседом. Легко предвидеть, как Германская империя, оттеснив Францию и Англию к западу и сделавшись хозяином Немецкого моря и Английского канала, станет бесспорным вершителем судеб всех вышеупомянутых второстепенных государств. Тогда России, отделенной от остального мира сплошной полосой Германской империи, останется лишь смотреть на весь белый свет сквозь немецкие очки, и от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины, где для нас наступит новый многовековый период одичания»³. В этих словах четко просматривается геополитический подход военного моряка, воспитанного на традиции всегда добиваться выхода к открытому морю.

¹ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программы // АВПРИ. — Ф. 138. Секретный Архив. — Оп. 467, 1912. — Ед. хр. 303/306. — Л. 19.

² Там же. — Л. 20 об.

³ Там же. — Л. 18–18 об.

Во-вторых, России следует укреплять стратегический союз с Англией. Это сближение «следует всячески поддерживать», чтобы «не потерять Прибалтийский край с Петербургом». В доказательство Ливен приводит сценарий будущей войны. Начиная войну против Англии, Германия сначала займет Голландию и Бельгию. Англия и Франция будут вынуждены ответить. Тогда последует прямое столкновение англичан и немцев в Ла-Манше. Далее война распространится на все морское пространство. Предстоящее кровопролитие будет длительным и изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы. Будущая война будет вестись на два фронта. Россия, связанная союзным договором с Францией, будет обязана выступить на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Но необходимо учитывать, что на западном фронте Англия и Франция будут воевать вместе, а на восточном фронте Россия останется один на один с Германией и Австро-Венгрией. В стратегическом же отношении военный союз с Англией имел для русских неизмеримо большее значение, нежели с Францией. Ливен делал вывод, что России следует «поддерживать Англию в этой борьбе, но, не имея флота, мы ничего предпринять не можем, а только рискуем потерять Прибалтийский край с Петербургом, так как защищать побережье сухопутными силами физически невозможно»¹.

В-третьих, России следует всеми способами избегать возможных военно-политических осложнений, потому что к будущей войне страна не готова. По расчетам адмирала, России потребовались бы 10–20 лет на реализацию полноценной программы строительства современного флота.

В-четвертых, в «Памятной записке» подчеркивалась особая значимость черноморских проливов для российских геополитических интересов, которые были связаны с ситуацией на Балканах, стратегическими интересами в Средиземноморье, и экономическими выгодами от черноморской внешней торговли. Ливен считал, что для России важно «присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при неременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота». Но такое решение вопроса

¹ Там же. — Л. 21 об.

«вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России»¹. При современном состоянии русского флота бесполезно даже пытаться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и малоазиатском берегах.

§2. Позиция П. Н. Дурново

Год спустя, в феврале 1914 г., бывший министр внутренних дел, *член Государственного совета* и Статс-секретарь, П. Н. Дурново представил Николаю II записку (первая ее публикация была осуществлена в журнале «Красная новь» в 1922 г. под названием «Записка Дурново»). В ней он высказал опасность втягивания России в большую европейскую войну, отстаивая тезис о взаимосвязи внешней политики с историческими традициями и указывая на то, что на протяжении XIX в. все внешнеполитические успехи России были связаны с балансированием между основными европейскими центрами силы. Русско-английские противоречия в Азии делали Россию негласным союзником Германии, соперничавшей с Англией, а династические отношения Берлина и Петербурга сдерживали интересы Австро-Венгрии на Балканах. Дурново не видел каких-либо реальных выгод от сближения с Англией, в т. ч. решение в пользу России ее вековых притязаний на контроль над черноморскими проливами.

Особое место в записке Дурново было уделено русско-германским отношениям. Он отмечал, в частности, что интересы России и Англии неоднократно сталкивались на «Крыше мира» (Памир), в Кашгарии, Джунгарии, Монголии, на Дальнем Востоке. В то же время между Россией и Германией нет принципиальных территориальных споров. Наиболее пророческими оказались предсказания Дурново в отношении судьбы Российской империи в случае военных неудач, от которых никто не застрахован. Он нарисовал сценарий возможного развития событий. Неудачи в войне будут приписаны правительству. В Государственной думе и Государственном совете начнется яростная кампания против министров. Это вызовет в обществе революционные выступления, а «всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое», поскольку только социалистические лозунги «могут

¹ Константинополь и проливы // Красный архив. — 1924. — Т. 6. — С. 59.

поднять и сгруппировать широкие слои населения». Последние потребуют черного передела и «общего раздела всех ценностей и имущества».

Рисунок 5. Петр Николаевич Дурново

(wr-750.jpg (750×1018) (kpcdn.net))

Армия, лишившаяся в годы войны своего кадрового состава и охваченная общим крестьянским стремлением к земле, окажется деморализованной и не сможет стать оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать ими же поднятые народные массы. «Россия, — делает вывод Дурново, — будет ввергнута в беспросветную

анархию, исход которой не поддается даже предвидению»¹. Какие же аргументы в пользу сохранения всестороннего сотрудничества России и Германии, с одной стороны, и отказа от сближения с Англией приводит Дурново? Рассмотрим их подробнее.

Записка, которую Петр Николаевич Дурново подготовил и направил Николаю II, включает 11 разделов, в каждом из которых анализировались геополитические интересы и положение России на евразийском континенте (от черноморских проливов до Дальнего Востока), участие России в различных союзах и соглашениях европейских государств, силы, втягивающие Россию в европейскую войну. По сути дела, этот документ, как и документ, составленный А. А. Ливеном, следует признать образцом всестороннего геополитического анализа сложившейся ситуации и прогноза событий с учетом национальных интересов акторов европейской политики тех лет и задач контроля региональных пространств. Разумеется, автор записки не употреблял в тексте сам термин «геополитика», однако сама по себе методология геополитического анализа была представлена в ней в латентном виде в полной мере. Кстати, и сам основатель британской геополитики Х. Макиндер в трех своих классических работах 1904–1943 годов спокойно обходился без данного термина.

«Записка» начинается со слов «центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии» ввиду несовместимости интересов этих двух государств, и одновременного великодержавного их существования, что «неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны». Объяснение тому простое: «С одной стороны, островное государство, мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленных колониях. С другой стороны — мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения». Более того, вооруженное столкновение не сведется к единоборству Англии и Германии, и «будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации». И далее Петр Николаевич подробно анализирует ситуацию, сложившуюся

¹ Записка Дурново // Красная новь. — 1922. — № 6. — URL: <http://on-island.net/History/Durnovo.htm>.

на мировой арене после окончания русско-японской войны 1905–1906 гг., дающей основание автору утверждать об отсутствии каких-либо выгод для России в результате ее сближения с Англией.

Во-первых, наметившееся после заключения Портсмутского договора русско-английское сближение вряд ли было вызвано улучшением отношений России с Японией. «Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно понятые, – как отмечал Дурново, – вполне совместимы с интересами Японии», поскольку уровень освоения Россией Дальнего Востока в промышленном и транспортном отношении был крайне низок. Россия не готова была еще экспортировать там какую-либо свою продукцию морским путем. Нет там и рынков для экспорта «наших произведений», отмечал автор. Более того, Япония не претендует на наши дальневосточные владения, суровые условия которых ее не прельщают. Она стремится направить свои интересы, скорее, в сторону Филиппинских островов, Индокитая, Явы, Суматры и Борнео и к возможному приобретению, в силу чисто коммерческих соображений, некоторых участков Маньчжурской железной дороги. Следовательно, сближение с Англией, в смысле взаимоотношений с Японией и упрочения нашего положения в Маньчжурии, Монголии и Урянхайском крае, по мнению автора, никакой реальной выгоды нам не принесет.

Во-вторых, влияние России в Иране, преобладавшее в период наибольшей обостренности наших отношений с Англией, значительно ослабло после навязывания персидскому населению совершенно ненужной ему конституции и свержению преданного России монарха Наср-Эдина. В результате, по словам автора «Записки», «мы не только ничего не выиграли, но напротив того, потеряли по всей линии, погубив и наш престиж, и многие миллионы рублей, и даже драгоценную кровь русских солдат, предательски умерщвленных и, в угоду Англии, даже не отомщенных».

В-третьих, это «Балканский вопрос». Решение его в интересах русско-английского сближения означало образование Балканского союза под покровительством России и отказ Англии от традиционной ее политики закрытия для России Дарданелл, что явилось бы прямой угрозой дальнейшему существованию Турции (под покровительством Германии) как европейского государства.

Итак, англо-русское сближение в предвоенный период ничего полезного для России не принесло, за исключением возможного вооруженного столкновения с Германией. Более того, по мнению Дурново, на европейском

театре определились основные группировки надвигающейся войны, независимо от того, что может послужить ближайшим поводом к ней: «Россия, Франция и Англия, с одной стороны, Германия, Австрия и Турция — с другой». Участие государств в этих группировках Дурново определяет достаточно четко: «Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция... вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам». И если тыл со стороны Дальнего Востока достаточно обеспечен, то «несомненен взрыв вражды против нас в Персии, вероятные волнения среди мусульман на Кавказе и в Туркестане, не исключена возможность выступления против нас, в связи с последними, Афганистана, наконец, следует предвидеть весьма неприятные осложнения в Польше и в Финляндии». Автор «Записки» не ограничивается лишь вопросами коалиционного взаимодействия государств на перспективном театре военных действий, но вполне обоснованно обращает внимание Николая II на неудовлетворительное состояние военной промышленности и чрезмерную ее зависимость от иностранной помощи, на нехватку тяжелой артиллерии и неразвитость сети стратегических железных дорог. «В предстоящей войне, — подчеркивает он, — будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений».

Особое внимание Дурново уделяет экономическим интересам противоборствующих сторон и делает замечательный вывод, который следует рассматривать как один из устоев геэкономии: «Ни одной стране невыгодно экономическое ослабление союзника, а напротив выгодно разорение политического противника». По сути дела, он предвосхищает полный развал всего нашего народного хозяйства в случае военного поражения. России придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, да и победа над Германией сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки, а с кредиторами придется рассчитываться нам. Но и это не самое главное. «Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно, и войны с Германией, — они все же, — заявляет

автор, — отступают на второй план перед политическими последствиями этого по существу своему противоположного союза».

И заключает свою «Записку» Дурново вполне ожидаемым геополитическим выводом: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последнею Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая лишенная всякой агрессивности, по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями».

§3. Интуитивная геополитика в стратегии великих держав

Не предвосхищают ли эти рассуждения декларированный К. Хаусхофером в 1940 г. план создания большого континентального блока *Берлин — Москва — Токио* с целью вовлечения в сферу влияния Германии государств Центральной и Северной Европы, направленный против Британской империи и США? Эта идея континентального блока («*Ostorientierung*», ориентация Германии на Восток) определяла Россию как основного союзника Германии и как связующее звено между Европой и Тихоокеанским побережьем. В таком случае Германия получила бы выход к открытому океану и стала бы обладать мощью как континентальной, так и океанической державы. Хаусхофер, ссылаясь на известный пакт Молотова-Риббентропа (который порой интерпретируется далеко неоднозначно), заявлял следующее: «Мы... пропагандируем во всем мире идею того, что только прочная связь государств по оси Германия-Россия-Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англосаксонского мира. Когда через 4 месяца после начала войны (Второй мировой. — *И. К.*) знаменитый английский журналист выдвинул мне такую претензию, я ответил ему, что, если вас атакуют в согласии с тактикой анаконды, примененной в глобальном масштабе..., то вы имеете

полное право всячески противиться этой политике противника, стремящегося отхватить все новые и новые куски влияния. Только идея Евразии, воплощаясь политически в пространстве, даст нам возможность для длительного расширения нашего жизненного пространства»¹.

В Первой мировой войне (Второй Отечественной, как ее называли в те годы) активное участие приняли все пять великих держав: Англия, Франция, Германия, США и Россия, а также такие сильные региональные лидеры, как Австро-Венгрия и Япония. Как известно, инициатором войны выступила Германия, главной целью которой было стремление добиться гегемонии в Европе и захват колоний своих европейских соперников. Главные участники войны преследовали в качестве геополитической цели захват стратегических территорий и формирование обширных зон геополитического влияния в Европе. Россия, вынужденно вступившая в войну в качестве члена Антанты, стремилась укрепить свои позиции на Балканах, а также путём захвата Константинополя и черноморских проливов осуществить свою давнюю мечту — получить выход в Средиземное море. Обращаясь к характеристике геополитического статуса России начала XX века, следует обратиться к характеристике сложившихся на рубеже веков противоречий в международных отношениях, о которых писал в свое время акад. В. М. Хвостов, между союзами великих держав и, с другой стороны, — внутри них. В то время как союзы держав еще не сложились окончательно, имело место противостояние трех теоретически мыслимых дипломатических комбинаций: англо-франко-русского соглашения, англо-германского блока и франко-русско-германской континентальной лиги². Попытки утверждения жизненности той или иной комбинации и обоснование участия в них России послужили составлению множества аналитических документов представителями дипломатического, военного и военно-морского ведомств, отечественной науки (один из них был рассмотрен выше). Всех их объединяло общее представление о России как великой мировой державе, выполняющей историческую миссию связующего звена между Европой и Азией. Поиски наиболее приемлемой для России

¹ Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин — Москва — Токио / Пер. А. Карагодина. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Haus/kontbl.php.

² Хвостов В. М. Дипломатия в новое время. 1871–1914 // История дипломатии. — Т. 2. — М.: Госполитиздат, 1963.

геополитической стратегии определились в рассматриваемый период в следующих регионах¹:

Балканы, здесь столкнулись геополитические интересы России и Австро-Венгрии;

Проливы (Босфор и Дарданеллы), на контроль над которыми претендовали Россия, Англия, Германия и Турция;

Средний Восток (Персия и Афганистан) — претендентами на геополитическое влияние выступали Россия, Англия и Германия;

Дальний Восток (Маньчжурия) — здесь, помимо России, свои геополитические интересы стали проявлять опять же Англия, Германия, Франция, США и Япония.

Африка — этот континент на рубеже веков не представлял непосредственный интерес для России, поэтому ее присутствие на континенте было «завязано», преимущественно, на наблюдении за военными действиями западных держав. В начале 1898 г. в Эфиопию прибыла чрезвычайная дипломатическая миссия во главе с П. М. Власовым, который в «Краткой записке о современной Эфиопии» предлагал укрепить дружеские связи с этим африканским государством, играя на противоречиях европейских держав в дележе колоний на континенте². Правда, интересно в связи с этим привести один весьма показательный документ — письмо Николая II своей сестре: «Мне приятно сознание, что только в моих руках находится средство вконец изменить ход войны в Африке (речь шла об англо-бурской войне. — *И. К.*). Средство это очень простое: отдать приказ по телеграфу всем туркестанским мобилизоваться и подойти к границе. Вот и все! Никакие самые сильные флоты в мире не могут помешать нам расправиться с Англией именно там, в наиболее уязвимом для нее месте. Но время для этого еще не пришло: мы недостаточно готовы к серьезным действиям, главным образом потому, что Туркестан не соединен пока сплошной железной дорогой с внутренней Россией»³.

¹ См. подр.: *Рыбаченок И. С.* Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX–XX века // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. — М.: Наука, 2007. — 359 с. — С. 266–307.

² Россия и Африка: Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. — М., 1999. — С. 114–116 (Док. №№ 55–58, 63).

³ Красный архив. — 1934. — Т. 2. — С. 125.

Так в начале XX в. сложились геополитические пространства, в которых Россия представляла в той или иной форме свои интересы. Такая многовекторная внешняя политика имела свои плюсы и минусы. Необходимость выбора геополитических союзников и соперников на евразийском континенте сопровождалась поиском зачастую альтернативных геополитических сценариев, выбором приоритетов в принимаемых стратегических решениях, которые, в конечном счете, определялись геополитическим статусом России как великой державы. Период накануне Первой мировой войны характеризовался наличием трех основных групп стран, определивших геополитическую иерархию (см. рис. 1): 1) Британская империя; 2) «претенденты» на мировое лидерство (США, Германия, Россия и Франция, имевшие примерно одинаковые близкие статусы); 3) региональные державы (Австро-Венгрия, Италия, Япония).

Динамика изменения статуса государств начала и второй половины XX в., которая даёт основание утверждать следующее. Геополитические по своей сути подходы А. А. Ливена и П. Н. Дурново получили в свое время признание, несмотря на то, что их позиции различались, поскольку опирались на приоритет военно-морских либо сухопутных сил. Времени же для практической реализации этих позиций не оставалось, что дает основание признать, что сам по себе геополитический подход применим исключительно в исследовательских целях. Принятие решений государственного масштаба должно было, очевидно, осуществляться на основе выверенной геополитической доктрины, учитывающей множество факторов не только сугубо политического, но и социально-экономического, демографического, научно-технологического и цивилизационного порядка. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы, относящиеся к рассматриваемому периоду отечественной военной истории.

Во-первых, за период с 1910 по 1913 гг. в высших военных и дипломатических кругах России серьезно усилилось сознание «западной угрозы», исходящей от Германии и Австро-Венгрии. Если еще в 1912 г. Россия готова была к урегулированию международных конфликтов дипломатическими мерами, то уже к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и готовность к большой европейской войне.

Во-вторых, Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и серьезную опасность для нее быть втянутой в затяжную европейскую войну.

В-третьих, вопрос о проливах имел не только важнейшее экономическое и геополитическое значение. Подобно «Балтийскому вопросу», «проливы» были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом.

Политическая воля, не учитывающая геополитические закономерности, и готовность Российской империи к большой европейской войне покрылась прахом в Великой Российской революции.

Глава 3. Великая Российская революция 1917–1922 годов: историографический и философский дискурс

§ 1. Великая российская революция 1917–1922 годов в контексте современной отечественной историографии

Смысловая оценка исторических событий, определяемых в современной отечественной историографии понятием «Великая российская революция 1917–1922 годов», осуществляется на основе перестановки акцентов в описании событий того периода, существенного обновления их интерпретации (да и всей последующей советской истории) и утверждения новой теоретико-методологической парадигмы, а современному российскому обществу, его молодым поколениям — «прививку против революции»¹. Следует, очевидно, признать, что, во-первых, аксиологические ориентиры должны предохранять историографический дискурс от выхода за пределы национальных интересов, которые выступают своего рода смысловыми скрепами народа, общества, страны, государства. А, во-вторых, в цепи революционных событий начала XX века именно Октябрьская революция и победное завершение Гражданской войны позволили сохранить российскую государственность и Советскую Россию как одного из акторов геополитической истории.

В современном отечественном историографическом дискурсе и в философской рефлексии по поводу «судьбы России» выделяются три группы

¹ На конференции, приуроченной к столетию революционных событий 1917 г., проведенной в Храме Христа Спасителя (!), академик РАН А. Чубарьян в качестве подобной «прививки» указал на «исторические уроки, осознание того, что принесла наша российская революция» // Патриархия.ru, 19 февраля 2017. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/4806909.html>.

мировоззренческих и теоретико-методологических позиций: просоветская, основанная на традициях коммунистической идеологии, перестроечная, с присущей ей размытой идеологией, и постсоветская, деидеологизированная (на официальном уровне) с еще не определившейся концептуальностью в интерпретации событий XX века и видении XXI века. Сегодня официальный статус обрела историографическая концепция, согласно которой Февральская революция, Октябрьская революция и Гражданская война рассматриваются как неразрывно связанные между собой этапы «Великой российской революции 1917–1922 годов». Эта концепция «обладает большим потенциалом. Убедительно звучит утверждение о том, что революция — это длительный и многоэтапный процесс, начавшийся в 1917 году и завершившийся с окончанием Гражданской войны в России». Таково мнение председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина, которое он озвучил 9 октября 2017 г., выступая перед участниками международной научной конференции «Великая российская революция 1917 г.: сто лет изучения» в Институте российской истории РАН¹. Кстати, еще два десятилетия назад, в период господства перестроечной идеологии, подобная концепция созревала в среде профессиональных историков. Председатель Научного совета РАН «История революций в России» С. В. Тютюкин писал о том, что в 90-е годы началось переосмысление истории Октябрьской революции и всего советского периода отечественной истории. Тогда же «наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая стала одной из крупнейших вех мировой истории»². Не ставя перед собой задачи включаться в историографический дискурс, который основан, с одной стороны, на попытках новой интерпретации событий столетней давности, мотивируя это своего рода «расширением сознания», опорой на новые исторические документы и методологию современной науки (цивилизационный подход,

¹ Сергей Нарышкин. Выступление на конференции в ИРИ РАН. — URL: <http://rushistory.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/sergej-naryshkin-vystupil-na-konferentsii-velikaya-rossijskaya-revoljutsiya-1917-g-sto-let-izucheniya.html> (дата обращения 09.09.2021).

² 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению / РАН. Отдел. истории. Науч. совет «История революций в России». Ин-т рос. истории и др.; Ред. кол.: С. В. Тютюкин (отв. ред.) и др. — М.: ИРИ, 1998. — 510 с. ISBN 5-8055-0007-8. — С. 5.

теория катастроф, обращение к мемуаристике и др.), с другой, — в той или иной форме отказ от признания Октябрьской революции социалистической по своему содержанию и сути. Вдумаемся в слова одного из известных отечественных историков В. П. Булдакова: «Несомненно, революционность в России имеет особенности: путчистские у интеллигенции, традиционалистские — в низах. Новейшая российская партийность не исключала соблазна последовать примеру декабристов, оставив народ пассивным свидетелем переворота. Что касается масс, то можно допустить, что в основе их лежала не борьба за свободы, а привычное „демонстративное“ бунтарство... Революция повлекла за собой феномен „превращение эмоций в концепции“. Это был способ идеологической сакрализации ее итогов, который обернулся, как ни парадоксально, догматическим омертвлением образа прошлого... Если учесть, что после Первой мировой войны массам поневоле пришлось выбирать между „виновным“ в ней капитализмом и „указавшим“ выход из нее „социализмом“, то станет ясным, что Октябрь стал грандиознейшим историческим самообманом XX в.»¹. Как говорится, здесь комментарии излишни: специалистам-историкам также не чуждо менять десятилетиями сложившиеся принципы научного исследования.

§2. Философская рефлексия по поводу историографии

По этому поводу вполне уместно вспомнить слова В. И. Толстых, высказанные в те же 90-е годы: «У сторонников марксизма настали трудные времена. Но и у тех, кто марксизм хоронит и оспаривает, положение не лучше. Наступает момент, когда от критики надо перейти к позитивным предложениям, что, как известно, делать всегда труднее»².

В данном случае представляется более существенным то, как можно увязать этот дискурс с философской рефлексией, претендующей на понимание смысла исторических процессов — минувших и настоящих. В «Лекциях по философии истории» Гегель рассуждения о внутренней логике

¹ Булдаков В. П. Октябрь и XX век: теории и источники: (1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению). — М.: ИРИ, 1998. — С. 9, 20, 22.

² Толстых В. И. От критики надо перейти к позитивным предложениям // Освобождение духа / Под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. — М.: Политиздат, 1991. — 352 с. ISBN: 5-250-00740-6 / 5250007406. — С. 350.

всемирной истории строил, исходя из различения трех видов историографии: а) первоначальная история, б) рефлексивная история, в) философская история. Первый вид историографии описывает события и деяния людей, протекающие на их глазах: «Внешнее явление преобразуется во внутреннее представление». В рефлексивной истории Гегель различает четыре подвида: всеобщая история (история какого-либо народа или страны). При этом главной задачей является «обработка исторического материала, к которому историк подходит со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала». Вторым подвигом рефлексивной истории Гегель называет прагматическую историю (события прошлого становятся современными). От мастерства, духа самого историка зависит, будут ли такие события интересны, жизненны и современны. Критическая история — третий подвид рефлексивной истории — это история истории, в рамках которой дается та или иная оценка исторических повествований, выявляется их истинность и достоверность. Наконец, четвертым подвигом рефлексивной истории выступает частичная история (история искусства, права, религии, науки и др., которые находятся в тесной связи со всей историей народа), которая, прибегая к абстракции, представляет собой непосредственный переход к философской всемирной истории. Рефлексивная история стремится к установлению общих точек зрения, которые, если оказываются в своей сути истинными, выступают «не только внешнею нитью, внешним порядком, но и внутренней душой, направляющей сами события и факты». А это как раз приводит к философской истории, которая, как утверждал Гегель, означает не что иное, как мыслящее рассмотрение самой истории. Завершает методологическое обоснование философии истории Гегель следующими словами: «...мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия, как занимающаяся истинным, имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т. е. он не перестал существовать, и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна из другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, являются как минувшее.

Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине»¹.

В этих глубоко проникновенных словах усматривается, во-первых, идея о включенности, следуя терминологии Гегеля, в философскую историю предшествующих видов и подвидов истории (в частности, как это следует из заключительных слов автора, прагматической истории) как ее отдельных моментов, ступеней. Во-вторых, дух у Гегеля – это, по сути, явленная в мире человеческая мысль, охватывающая бесконечное множество граней, моментов, этапов развития природы и социума и фиксирующая на языке науки связи и внутреннюю логику развития («жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней»). В-третьих, это следует рассматривать как определенную методологическую установку, не зависящую от политической конъюнктуры, но нацеленную на получение достоверного знания и понимания смысла истории. Если же речь вести о поисках смысла всеобщей истории (в гегелевском понимании) России, то мы, очевидно, не должны посыпать голову пеплом и признавать, как по мановению волшебной палочки, героическое (и трагическое) в отечественной истории «грандиознейшим историческим самообманом».

В противном случае мы сами по себе начинаем терять ориентиры в поисках смысла истории и своей жизни в ней, мы сами себя настраиваем на отрицание достижений, полученных нашими предками, предшественниками, родителями. Аксиологические ориентиры должны, очевидно, предохранять историографический дискурс от выхода за пределы национальных интересов, которые выступают своего рода смысловыми скрепами народа, общества, страны, государства.

К этому, в продолжение разговора о российской революции, призывает Б. Г. Капустин, открывающий свою новую работу с признания того, что «в современном политкорректном мире „революция“ стала неприличным словом, словом-изгоем»². Не углубляясь в ход дискурса по поводу необходимости создания современной теории революции («освобожденную от понятия прогресса»), поскольку она «возможна только в качестве теории современного мира в целом, а не какого-то частного его (наличествующего или

¹ Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; Перевод А. М. Водена; [Вступ. ст. Ю. В. Перова, К. А. Сергеева, с. 5–53]. – СПб.: Наука, 1993. – 477 с. – С. 57, 59, 60, 63, 125.

² Капустин Б. Г. Рассуждения о «конце революции». – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 144 с. – С. 9.

отсутствующего) элемента»¹, следует отметить сам ход рассуждений автора именно в рассмотренном выше гегелевском варианте философии истории. Вопрос о «конце революции» Капустин вполне правомерно определяет как открытый вопрос, ответ на который следует искать как раз на пути создания указанной выше современной теории революции. Но на пути к «вершинам» этой теории свое место, осторожно предупреждает автор, «займет неолиберальная революция/антиреволюция»². Одним из результатов последней явилось, по заверению М. Фишера, замещение «двусторонней классовой борьбы» «односторонней», которую ведут «хозяева мира»³ против остальной части человечества. Но в таком случае остается открытым вопрос о том, как быть с капитализмом, который распространяется всюду, поглощает все и лишает нас будущего путем создания «глобального капиталистического искусственного интеллекта»⁴. Так западная демократия, которая навязывается всему миру в качестве «умиротворения» социальных конфликтов, вырождается в режим глобального контроля населения со стороны упомянутых выше «хозяев мира» на основе глобального капиталистического искусственного интеллекта. В таком случае теряются ориентиры в поисках смысла истории и своей жизни в ней, мы сами себя настраиваем на отрицание достижений, полученных нашими предками, предшественниками, родителями. Аксиологические ориентиры должны предохранять историографический дискурс от выхода за пределы национальных интересов, которые выступают своего рода смысловыми скрепами народа, общества, страны, государства.

¹ Там же. — С. 17.

² Там же. — С. 16.

³ *Фишер М.* Капиталистический реализм. — М.: Ульгакультура 2.0., 2010. — 144 с. — С. 58.

⁴ Там же. — С. 84.

§3. Геополитическая роль Октября в сохранении российской государственности

В цепи революционных событий начала XX века именно Октябрьская революция и победное завершение Гражданской войны позволили сохранить российскую государственность и Советскую Россию как одного из акторов геополитической истории. Дело в том, что тогда в Европе сложились основные центры силы, реализовавшие две геополитические концепции. Формирование одной было вызвано заключением договора между Россией и Великобританией (август 1907 г.), который, в частности, регулировал интересы этих стран в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Россия, Великобритания и присоединившаяся к ним Франция образовали геополитический блок, получивший название «Тройственного соглашения». Неофициально союз был назван Антантой (от франц. *Entente cordiale* – сердечное согласие). Германия и Австро-Венгрия представляли собой противостоящую геополитическую коалицию. Как известно, одним из итогов Первой мировой войны явилось крушение империй, представлявших основу политической системы мира, – Германской, Австро-Венгерской, Турецкой и Российской. Версальский мирный договор определил новый мировой порядок без участия Советской России. Согласно этому договору, Франция признавалась европейской континентальной державой, а Англия – морской державой. Территорию России предполагалось поделить на сферы влияния стран Западной Европы, Турции и США. Еще 23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили между собой соглашение о разделе «зон влияния» в России.

Замыслы Антанты были изложены в записке главного командования союзными армиями «О необходимости интервенции союзников в России» от 18 января 1919 г. В ней, в частности, отмечалось следующее: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами... Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее; их солидарный долг состоит в том, чтобы объединить с этой целью свои усилия. В деле осуществления плана действий, который они должны принять, обязанности каждой из них должны быть, по-видимому, распределены следующим образом:

Англия: Действия в Северной России и в Прибалтике. Участие в интервенции в Польше. Действия в Юго-Восточной России с целью соединить вооруженные силы Сибири с армиями Деникина и Краснова. Организация этих армий.

США: Действия в Польше (руководство действиями союзников).

Франция: Действия в Сибири и на Украине. Организация польской армии.

Италия: Участие в действиях на Украине¹.

Таков был сценарий геополитического раздела Советской России, который строился в соответствии с доктриной Х. Макиндера и при его непосредственном участии в качестве британского посланника при главном командовании союзными армиями и одного из авторов Версальского договора. Причем в качестве ударной силы против Советской России командующий союзными армиями Фош рассматривал все народы, живущие на ее окраинах: финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов и др.² Программа расчленения России была предложена на Парижской мирной конференции американским президентом Вильсоном («14 пунктов Вильсона»). Для обсуждения на конференции американской делегацией предлагался документ, в котором, в частности, отмечалось: «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждую со своей экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство»³. В ответ на эти притязания американской администрации В. И. Ленин в октябре 1920 г. говорил: «Нравится это им (США — И. К.) или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу»⁴.

¹ Из истории Гражданской войны в СССР: Сб. материалов и док-тов. — М., 1960. — Т. 1. — С. 83, 87.

² *Ллойд-Джордж Д.* Правда о мирных договорах. — М., 1957. — Т. 1. — С. 319.

³ История внешней политики СССР. 1917–1980 гг. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. В 2-х т. Т. 1. — М., 1980. — С. 98; См. также: *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. — М., 1954. — С. 95–100.

⁴ Ленинский сборник. XXXVII. — М.: Политиздат, 1970. — 400 с. — С. 254.

Рисунок 6. Ленин на трибуне

(худ. А. М. Герасимов lenin1.jpg [1024×768] [muzkult.ru])

Следует отметить особо, что, начиная с 1921 г., Советская Россия достаточно четко определила свой геополитический вектор на Восток. И это несмотря на то, что в 20-х годах XX в. взлет геополитической мысли в Советском Союзе, да и само понятие геополитики было изъято из научного оборота в отечественной литературе и интерпретировалось как одно из проявлений буржуазной науки¹. Советское государство аннулировало все неравноправные договоры и соглашения, которые имела царская Россия со странами Востока (это относилось в первую очередь к Ирану, Афганистану и Турции, с которыми были заключены первые мирные договоры и установлены дипломатические отношения). Восточная политика России, как отмечалось в ноте Советского правительства, направленной правительству Ирана, «останется диаметрально противоположной восточной политике империалистических держав, стремясь к самостоятельному экономическому и политическому развитию восточных народов и оказывая им в этом всяческую поддержку. Народ и Советское правительство России усматривают свою роль и свое призвание в том, чтобы

¹ Кефели И. Ф. Философия геополитики в контексте современного теоретического знания / Политическая экспертиза // ПОЛИТЭКС. — 2006. — Т. 2. — № 1. — С. 322–332.

быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою полную самостоятельную экономическую и политическую свободу»¹. Новый мировой порядок был направлен против Советского Союза, Германии и Китая и потому был противоречив и недолговечен. В предвоенный период, помимо Англии и Франции, к великим державам, определявшим основы системы международных отношений, относились также США, СССР, Германия, Италия и Япония. Реализуя свой геополитический статус великой державы, СССР направлял внешнюю политику, исходя из необходимости сохранения своих национально-государственных интересов. Версальско-Вашингтонская геополитическая эпоха наступила после окончания Первой мировой войны, итоги которой подводились на Парижской (Версальской) мирной конференции, проходившей с перерывами с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Версальский мирный договор представлял собой попытку фиксации соотношения сил в мире и в Европе, установившегося в результате Первой мировой войны. Вместе с последовавшими за ним Сен-Жерменским, Трианонским, Нейнским договорами и итогами Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. он создал систему международных отношений, вошедшую в историю как Версальско-Вашингтонская система. Она создавала благоприятные условия для гегемонии Франции на Европейском континенте и Англии за пределами Европы. Великобритания получила значительную часть германских колоний в Азии и установила свое господство над Ираком, Палестиной, утвердилась в Египте, Персидском заливе, Красном море, а также получила полное превосходство на Средиземном море и на морских коммуникациях в Индию. Германские колонии в Африке — Того и Камерун — были поделены между Францией и Англией. США не претендовали на новые территории, но, тем не менее, заняли выдающееся место в соотношении мировых сил. К моменту подписания Версальского мирного договора США являлись самой сильной и влиятельной страной мира.

В результате Версальского договора углубились противоречия и между странами-победителями: Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, Италией и другими странами. Версальская система привела к изоляции Советской России от Европы, начав период длительно-го противостояния государств с различными режимами. Версальская

¹ Документы внешней политики СССР. Тт. 1–24. Глав. ред. А. А. Громыко (т. 1–21). — М.: Политиздат (т. 1–21), Международные отношения (т. 22–24), 1957–2000. Т. 5. — 808 с. — С. 80–81.

система и антикоммунизм превращались в синонимы. В итоге мирного урегулирования европейская карта претерпела существенные изменения. На ней появились новые государства: Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. королевство Югославия), Эстония, Латвия и Литва. Версальская система явилась отражением нового баланса сил, сложившегося в результате победы стран Антанты. Произошли существенные изменения в составе пятерки великих держав, из числа которых выпала Россия. Вся новая система международных отношений выстраивалась на основе концепции коллективной безопасности, которая носила настолько общий характер, что оказалась неприемлемой в конкретной ситуации. Все это привело к тому, что Россия и Германия подписали во время Генуэзской конференции Рапальский договор 1922 г., согласно которому были восстановлены дипломатические отношения между РСФСР и Германией в противовес Версальской системе международных отношений, которая переросла в Версальско-Вашингтонский мировой порядок. 12 ноября 1921 г. открылась Вашингтонская конференция, на которой решался вопрос об «ограничении вооружений». Вашингтонская конференция завершила передел мира. Но если в 1919 г. в Париже английские и французские дипломаты сумели обойти дипломатов США, то в Вашингтоне американская дипломатия добилась значительного успеха в решении дальневосточных вопросов. Англия шла на компромисс в целях борьбы с Японией и Францией; Япония вынуждена была уступить американцам в китайском вопросе и заявить, что уведет свои войска из Сибири, но первой нарушила принятые обязательства. В мировой политике произошла перестановка сил в пользу США. Таким образом, в 1919–1922 гг. возникла система международных договоров, получившая название Версальско-Вашингтонской, или межвоенной, которая должна была регулировать сложившиеся к тому времени межгосударственные отношения. Не ликвидировав разногласия между победителями и побежденными, она выявила противоречия между самими победителями, что позднее привело к созданию новых политических группировок и к новой мировой войне.

Глава 4. Проекты созидания советской цивилизации

§1. Первые шаги

На второй день после свершения Великой Октябрьской социалистической революции на повестку дня встал вопрос о национализации предприятий промышленности Российского государства. 27 октября 1917 г. (по старому стилю) Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Петроградский Совет профессиональных союзов и Центральный совет фабрично-заводских комитетов обратился к рабочим Петрограда с призывом *«О задачах рабочего класса в связи с победой социалистической революции»*: «Товарищи! Революция побеждает, революция победила. Вся власть перешла к нашим Советам. Первые недели — самые трудные. Надо раздавить до конца сломленную уже реакцию, надо обеспечить полное торжество нашим стремлениям. Рабочий класс должен, обязан проявить в эти дни величайшую выдержку и выносливость, чтобы облегчить новому народному правительству Советов выполнение всех задач. На этих же днях будут изданы новые законы по рабочему вопросу, и в том числе одним из самых первых — закон о рабочем контроле над производством и о регулировании промышленности. Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде теперь только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем стать на работу и производить её в полном порядке. Работа на заводах и во всех предприятиях необходима новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создаёт для нас новые затруднения, которых и без того довольно. Все к своему месту. Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни — исполнять своё дело.

Да здравствует твёрдая выдержка пролетариата! Да здравствует революция!»¹. Так этот скромный документ, по сути, положил начало обобществлению средства производства в промышленности и сделала их собственностью всего народа. Правда, ход национализации промышленности в Советской России не могли быть завершены из-за развязанной Гражданской войны. К концу 1920 г. на 100% было национализировано лишь бумажное и типографское производство, на 95,5% — горная и горнозаводская

¹ Цит. по: Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917–1920 гг. / Под ред. И. А. Гладкова. — М.: Госполитиздат, 1954. — 824 с. — С. 188–189.

промышленность, на 93,5% – химическая промышленность, лишь на 50,4% – обработка металлов (машиностроение)¹. Кардинальные решения не заставили себя долго ждать: 23 декабря 1920 г. было принято постановление VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов «Об электрификации России», в котором было указано следующее: «8-й Всероссийский Съезд Советов, заслушав доклад председателя Государственной Комиссии по электрификации, одобряет работу Президиума ВСНХ, затем Наркомзема и НКПС и, в особенности, Комиссии по электрификации России по разработке плана электрификации России.

Съезд оценивает разработанный по инициативе ВСНХ Государственной Комиссией по электрификации и план электрификации России как первый шаг великого хозяйственного начинания.

Съезд поручает ВЦИК-у, Совнаркому, Совтрудобороне и Президиуму ВСНХ, а равно и другим Наркоматам завершить разработку этого плана и утвердить его, при том обязательно в кратчайший срок.

Съезд поручает далее правительству и просит ВЦСПС и всероссийский съезд профессиональных союзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана и к ознакомлению с ним самых широких масс города и деревни. Изучение этого плана должно быть введено во всех без изъятия учебных заведениях Республики; каждая электрическая станция и каждый сколько-нибудь сносно поставленный завод и совет хозяйства должны стать центром ознакомления с электричеством и преподавания необходимых знаний для его понимания.

Съезд поручает Совнаркому разработать постановление о поголовной мобилизации всех, обладающих достаточной подготовкой, научной или практической, для пропаганды плана электрификации и преподавания необходимых знаний для его понимания.

Съезд поручает ВЦИК, Совнаркому и ВСНХ выработать меры как для целесообразного объединенного использования этих сил в целях осуществления плана электрификации, так и меры для придания всей электропромышленности ударного характера.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что все советские учреждения, все совдепы, все рабочие и трудящиеся и крестьяне напрягут все силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления

¹ Национализация промышленности в СССР... – С. 496.

плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям»¹.

Так было положено начало созданию материально-технической базы советской цивилизации.

§2. ГОЭЛРО

Итак, первый перспективный план развития экономики, разработанный Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) под непосредственным руководством В. И. Ленина, был принят в 1920 г. 1–10 октября 1921 г., в Москве, вспоминал спустя четверть века один из членов ГОЭЛРО М. А. Шателен, состоялся VIII Всероссийский электротехнический съезд. Этот съезд создал эпоху в истории нашей электротехнической общественности и имел большое значение для развития электрификации СССР. Значение этого съезда станет понятным, если вспомнить, что он был созван по особому декрету Совета Народных Комиссаров со специальной целью обсуждения плана электрификации России, незадолго перед этим составленного под руководством В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России.

«В целях всестороннего обсуждения технико-экономических вопросов, связанных с осуществлением плана электрификации России, — как указано было в Декрете Совета Народных Комиссаров от 8 февраля 1921 г., — а также привлечения широких народных масс к активному участию в деле электрификации народного хозяйства создать, не позже 1 апреля 1921 г., в Москве VIII Всероссийский Электротехнический Съезд из представителей центральных и местных правительственных учреждений, органов Народного Хозяйства, промышленных предприятий, специальных школ, научно-технических и иных учреждений и общественных организаций, ближайшим образом заинтересованных в использовании электрической энергии для целей развития производительных сил страны, а также из особо приглашенных ученых и специалистов».

¹ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). — М.: Гос. изд-во, 1921. — IV. — 299 с. — С. 271–272.

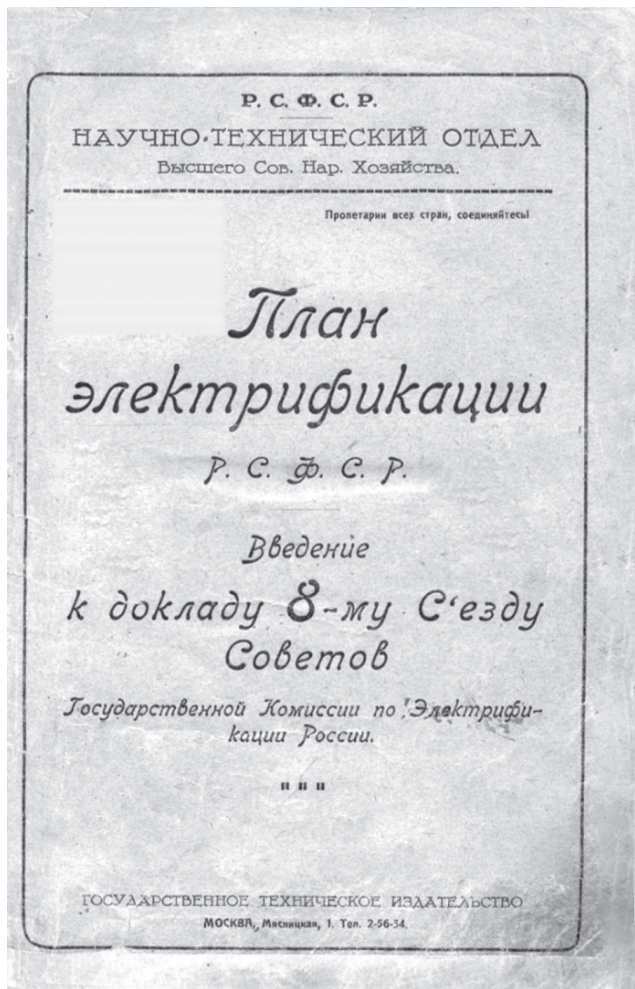

Рисунок 7. Титульный лист первого издания Плана ГОЭЛРО, 1920 г.

(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2f/GOELRO_plan_title_page_1920.jpg)

Таким образом, впервые в истории русской электротехнической ответственности перед ней была поставлена правительством задача обсуждения государственного плана и при том такого, которому правительство придавало особо важное значение. Передовая советская научная и инженерная общественность ответила на призыв правительства дружной работой. В работе съезда принимали активное участие 893 делегата, прибывших из 102 городов Советской России... В результате долгого и всестороннего обсуждения плана электрификации съезд вынес постановление, в котором подтвердил правильность и важность разработанного плана электрификации и принял также ряд отдельных резолюций по вопросам электрификации Юга, Северо-Западного края, Уральского района, Сибири, Средней Азии, Юго-Востока, по вопросам электрификации сельского хозяйства, железных дорог, нефтяной и металлургической промышленности, по задачам организации электропромышленности, по осветительным нормам, электротехническим правилам¹. Планом было предусмотрено выделение семи основных экономических районов: Северного, Центрально-промышленного, Южного, Приволжского, Уральского, Кавказского, а также Западной Сибири и Туркестана (рис. 8). 8 октября 1921 г. в адрес съезда направил письмо В. И. Ленин, в котором еще раз подтвердил, что «крупная промышленность и перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база социализма, единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитала, от избиения и калечения десятков миллионов людей для решения вопроса, будет ли иметь перевес в разделе земли хищник английский или немецкий, японский или американский и т. п. Рабоче-крестьянская советская республика начала систематическую и планомерную электрификацию нашей страны. Как ни скудно, как ни скромно наше начало, как ни невероятно велики трудности этого дела для страны, которую разорили помещики и капиталисты 4-х летней империалистической и 3-х летней гражданской войной, для страны, которую подкарауливает буржуазия всего мира, желая раздавить ее и превратить в свою колонию, как ни мучительно медленно идет вперед электрификация у нас, а все же она идет вперед. При помощи вашего съезда, при помощи всех электротехников России и ряда лучших, передовых

¹ Шателен М. А. Знаменательная дата в развитии электрификации СССР. К 25-летию VIII Всероссийского электротехнического съезда // Электричество. — 1946. — № 10. — С. 3-4; см. также: Грудинский П. Г. Первый съезд советских электротехников // Электричество. — 1981. — № 10. — С. 1-4.

ученых сил всего мира, при героических усилиях авангарда рабочих и трудящихся крестьян мы эту задачу осилим, мы электрификацию страны создадим»¹. План ГОЭЛРО положил начало централизованному управлению экономикой молодого социалистического государства и формированию системы будущих пятилетних планов. В июне 1921 г. Комиссия ГОЭЛРО была упразднена, а на ее основе создали Государственную общеплановую комиссию – Госплан, руководивший с того времени всей экономикой страны вплоть до развала Советского Союза.

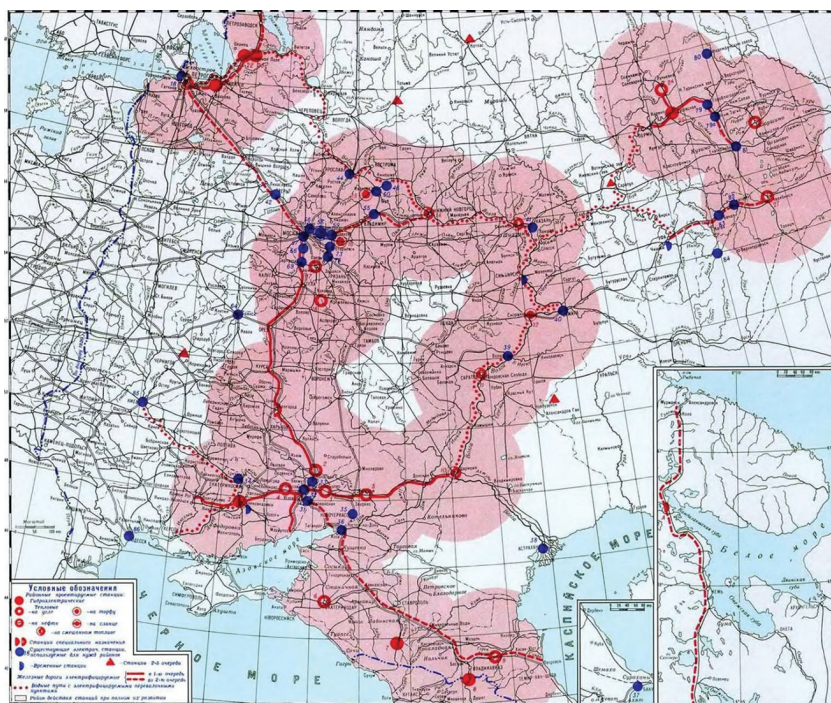

Рисунок 8. Карта электрификации России

(https://www.habarolog.ru/wp-content/uploads/2020/11/260232_original.jpg)

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55-ти тт. Т. 44. — С. 135–136.

План ГОЭЛРО не ограничивался лишь решением проблемы электрификации, но послужил основой индустриализации молодой Советской Республики, находившейся в 20-е годы в полной экономической изоляции. План, рассчитанный на 10–15 лет, стал перевыполняться уже после 1931 г. Так реализовалась на деле ленинская крылатая фраза «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»¹.

Представленные в табл. 1.1 данные указывают на перевыполнение плана электрификации, что предвосхитил в своем выступлении при закрытии работы съезда его председатель Г. М. Кржижановский: «...глубоко убежден, что намеченная нами программа окажется минимальной, что мы здесь сделали ошибку в сторону преуменьшения»².

Таблица 1.1. Выполнение плана ГОЭЛРО по промышленности³

Показатель	1913	1920	1930	1935	План ГОЭЛРО	Год выполнения плана ГОЭЛРО
Валовая продукция промышленности (1913)	1	0,14	2,5	5,8	1,8-2	1929-1930
Мощность районных электростанций (млн квт)	0,2	0,25	1,4	4,1	1,75	1931
Производство электроэнергии (млрд квт. ч.)	2,0	0,5	8,4	28,3	2,8	1931
Уголь (млн т)	29,2	8,7	47,8	109,8	62,3	1932
Нефть (млн т)	9,2	3,9	18,5	25,2	16,4	1929-1930
Торф (млн т)	1,7	1,4	8,1	18,5	18,4	1934
Железная руда (млн т.)	9,2	0,16	13,7	26,3	19,6	1934
Чугун (млн т)	4,2	0,12	5,0	12,5	9,2	1934
Сталь (млн т)	4,3	0,19	5,8	12,6	6,5	1933
Бумага (тыс. т.)	269,2	30,3	435,3	648,8	683,5	1936

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений... Т. 42. — С. 159.

² Труды 8-го Всероссийского электротехнического съезда, 1922. — С. 1, 31.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров СССР. — М.: Финансы и статистика, 1987. — 766 с. — С. 32.

Благодаря ГОЭЛРО были заложены основы реализации стратегических проектов по основным направлениям становления советской цивилизации – государственный строй, экономический уклад, целостная социальная структура, многонациональная социалистическая культура.

В книге «Россия во мгле» Г. Уэллса отдельная глава «Кремлевский мечтатель» была посвящена В. И. Ленину, с которым у него все-таки состоялась встреча в Москве в октябре 1920 г. «Ленин, – вспоминал Уэллс, – который, как и положено ортодоксальному марксисту, осуждает всяческих „утопистов“, в конечном счете сам увлекся утопией – утопией электрификации».

Рисунок 9. Плакат

[https://www.imageup.ru/img277/1428883/0_1a.jpeg]

Он употребляет все свое влияние, стремясь осуществить план строительства в России мощных электростанций, которые дадут целым губерниям свет и энергию для транспорта и промышленности. Он сказал, что в экспериментальном порядке уже электрифицированы два района.

Можно ли вообразить более отважный проект в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность? <...> в России такой план превосходит самые пылкие технические фантазии. Сколько ни глядяваюсь я в будущее России, словно в темный кристалл, мне не дано разглядеть то, что видит этот невысокий человек, работающий в Кремле: он видит, как вместо разрушенных железных дорог возникают новые, электрифицированные магистрали, как по всей стране прокладываются новые шоссейные пути, как создается новое счастливое коммунистическое государство с могучей промышленностью. И во время нашей беседы он почти заставил меня поверить в свое предвиденье. <...> Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все же таит в себе огромные созидательные возможности»¹.

Спустя годы, в 1934 г., Уэллс вновь посетил Советский Союз и был поражен грандиозными преобразованиями, о чем он написал в своей автобиографии, вспоминая свою предыдущую встречу с Лениным, который «с энергией юноши изучал перспективы „электрификации России“». Концепция пятилетнего плана представлялась ему как серия последовательных провинциальных планов — российская энергосистема, подвиг Днепрогэса (у автора — „achievements of Dnepropetrovsk“ — И. К.) — все это формировалось в его мозгу»². Так «Кремлевский мечтатель» невольно впечатлил убежденного в своем былом неприятии советской действительности британского фантаста.

К слову сказать, по заверению *заведующего отделом истории техники и технических наук Института истории естествознания и техники*

Обложка книги
Г. Уэллса «Россия во мгле»

¹ Уэллс Г. Россия во мгле. Сборник / Предисловие акад. И. М. Майского. — М.: Прогресс, 1970. — 222 с. — С. 104–105, 107.

² Wells H. G. Experiment in Autobiography. Lnd, Victor Gollancz Ltd, 1934. — 840 p. — P. 667.

имени *С. И. Вавилова РАН* В. Л. Гвоздецкого, в теоретическом и практическом аспектах план ГОЭЛРО не имел аналогов в мировой практике: его уникальность, привлекательность и практическая реальность стали причиной попыток копирования его ведущими странами мира. Так в период 1923–1931 годов появились программы электрификации США (разработчик Фран Баум), Германии (Оскар Миллер), Англии (так называемая комиссия Вейера), Франции (инженеры Велем, Дюваль, Лаванши, Мативэ и Моляр), а также Польши, Японии и т. д. Но все они закончились неудачей еще на стадии планирования и технико-экономических разработок¹.

Великая Октябрьская революция открыла путь становлению социалистического строя, жизненного мироустройства, а план ГОЭЛРО послужил основой всех последующих грандиозных промышленных, оборонных, социальных, научных проектов и, в первую очередь, – пятилеток.

§3. Предвоенные пятилетние планы

Современному поколению трудно представить период становления советской цивилизации в середине 20-х годов XX века. Одной из особенностей того периода было проведение любых массовых мероприятий, в центре внимания которых всегда оказывался очередной лозунг дня, подтверждением чему может служить циркуляр В. М. Молотова партийным организациям по поводу празднования 6-й годовщины революции (20 октября 1923 г.), в котором указывалось на то, что, «подводя итоги работе за минувший год, трезво и деловито оценивая успехи и достижения, сделанные за год, в 6-ю годовщину Октября необходимо звать широкие массы к новым усилиям на хозяйственном фронте, еще большему поднятию производительности труда, экономии в государственных расходах, удешевлению промышленных продуктов и тем самым действительному восстановлению хозяйственной жизни страны»².

Первый пятилетний план (1928/29–1932/33 гг.) вступил в действие с 1-го октября 1928 г., хотя к тому времени еще не были утверждены основные задания пятилетки. К тому же в рабочей группе рассматривались два

¹ URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3039> (дата обращения 20.10.2021).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 413. Л. 43 (Цит. по: *Ульянова С. Б.* Первое десятилетие Октября в системе советской пропаганды // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* – 2007. – Сер. 2, вып. 2).

варианта плана — «отправной» (минимальный) и «оптимальный». В конечном счете в мае 1929 г. V Всесоюзный съезд Советов определил в статусе закона оптимальный вариант плана.

Рисунок 10. Лозунг дня «Догнать и перегнать» предвварял первую пятилетку

(<https://pbs.twimg.com/media/E00cU4tWKAU-QN3.jpg>)

Первая пятилетка явилась начальным этапом индустриализации страны, основной задачей на этом этапе была догнать и перегнать западные страны. Главный лозунг первой пятилетки «Техника решает все!» воплотился в планировании строительства более чем 1200 промышленных предприятий (крупнейшие из них представлены в табл. 1.2). Тем самым были заложены основы автомобильной, авиационной, химической промышленности, металлургии и станкостроения, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Таблица 1.2. Крупнейшие стройки первой пятилетки

Объект промышленности	Ввод в эксплуатацию	Что с предприятием в настоящий момент
ДнепроГЭС	1932 г.	Работает
Магнитогорский металлургический комбинат	1932 г.	Работает
Сталинградский тракторный завод	1930 г.	Обанкротилось в 2007 г.
Харьковский тракторный завод	1931 г.	Работает
Челябинский тракторный завод	1933 г.	Работает
Горьковский автозавод	1932 г.	Работает
Ростсельмаш	1929 г.	Работает
Керченский металлургический комбинат	Реконструирован в 1930 г.	Работает
Новокузнецкий металлургический комбинат	1932 г.	Работает
Московский шарикоподшипниковый завод	1932 г.	Ликвидирован во время перестройки
Уральский завод тяжелого машиностроения	1933 г.	Работает
Запорожсталь	1933 г.	Работает

По итогам уже первой пятилетки Советский Союз по объему промышленной продукции среди ряда европейских стран и США переместился с пятого на второе место.

С 30 января по 4 февраля 1931 г. в Москве проходила Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности, в последний день работы которой выступил И. В. Сталин с докладом «О задачах хозяйственников». Некоторые выдержки из его выступления

сохраняют свою актуальность и поныне: «У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении¹. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно. Что еще требуется? Требуется наличие такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа. Есть ли у нас такая власть? Есть... Что еще требуется?.. Нужно еще наличие *такого строя*, который был бы свободен от неизлечимых болезней капитализма и который давал бы серьезные преимущества перед капитализмом. Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накапливаем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом... Что еще требуется для того, чтобы двигаться вперед семимильными шагами? Требуется наличие *партии*, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в *одну точку*, и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику. Есть ли у нас такая партия? Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи... В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»².

¹ В Ленинграде в 1930 г. под руководством академика С. В. Лебедева был построен Опытный завод (ныне НИИ синтетического каучука имени С. В. Лебедева), на котором уже в 1931 г. была получена первая партия синтетического каучука, а в 1932 г. в СССР впервые в мире было налажено его производство в промышленных масштабах. В 1931 г. «за особо выдающиеся заслуги по разрешению проблемы получения синтетического каучука» С. В. Лебедев был награжден орденом Ленина.

² *Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. / Сталин И. В. Сочинения. — Т. 13. — М.: Госполитиздат, 1951. — С. 29–42.*

Рисунок 11. Карта СССР в 1931 году

(<http://www.livekavkaz.ru/uploads/posts/2020-01/1578435905-1.jpg>)

Рисунок 12. Крупнейшие стройки 2-й пятилетки

(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9c/Карта_крупнейших_строек_второй_пятилетки.jpg)

Таблица 1.3. Рост физического объёма валовой продукции промышленности СССР в годы 1-й и 2-й пятилеток (1928–1937 гг.)¹

Продукция	1932	1937	1932 к 1928 (%) 1-я пятилетка	1937 к 1928 (%) 1 и 2-я пятилетки
Чугун, млн т.	6,2	14,5	188%	439%
Сталь, млн т.	5,9	17,7	137%	412%
Прокат чёрных металлов, млн т.	4,4	13	129%	382%
Уголь, млн т.	64,4	128	181%	361%
Нефть, млн т.	21,4	28,5	184%	246%
Электроэнергия, млрд кВт·ч	13,5	36,2	270%	724%
Бумага, тыс. т.	471	832	166%	293%
Цемент, млн т.	3,5	5,5	194%	306%
Сахарный песок, тыс. т.	1828	2421	142%	189%
Станки металлорежущие, тыс. шт.	19,7	48,5	985%	2425%
Автомобили, тыс. шт.	23,9	200	2988%	25000%
Обувь кожаная, млн пар	86,9	183	150%	316%

По существу, становление советской цивилизации пришлось на свершение планов трех довоенных пятилеток. Приведенные статистические данные позволили Сталину в заключительном слове по политическому отчету ЦК XVI съезду ВКП(б) в июле 1930 г. четко заявить о том, что «мы уже вступили в СССР в период социализма, причём, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 году, когда Ленин в своей знаменитой статье „О ‘левом’ ребячестве и о мелкобуржуазности“ впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 году, когда некоторые из этих укладов как устарелые уже идут ко дну, а один из этих

¹ СССР в цифрах в 1967 году. Краткий статистический сборник. – М.: ЦСУ при Совете Министров СССР, 1968. – 157 с. – С. 12.

укладов, а именно — новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растёт и развивается с невиданной быстротой»¹. В годы второй пятилетки укрепились основы социализма в нашей стране, что было закреплено в Конституции СССР (5 декабря 1936 г.):

- СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян, политическую основу которого составляют Советы депутатов трудящихся, в лице которых, в свою очередь, *вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни.*
- Экономическую основу СССР составляют *социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства.* Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть *всенародным достоянием.* Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть *навечно.*
- Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом *в интересах увеличения общественного богатства,* неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.
- В СССР осуществляется *принцип социализма:* «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Начало третьей пятилетки ознаменовалась лозунгом «Догнать и перегнать производство продукции на душу населения развитых капиталистических стран!»

Особо следует остановиться на некоторых положениях опубликованного в 1939 г. проекта третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.), который открывался подведением итогов второй пятилетки и перечислением основных задач третьего пятилетнего плана. Детальное знакомство с этим документом невольно вызывает чувство

¹ Сталин И. В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК ВКП(б) 2 июля 1930 г. / Сталин И. В. Сочинения. — Т. 13. — М.: Госполитиздат, 1951. — С. 5.

гордости за предвоенное поколение советского народа и уверенности в том, что не будь великой трагедии, которая для того поколения стала Великой Отечественной войной, планы третьей пятилетки были бы, как и ранее, выполнены и перевыполнены.

Рисунок 13. Плакат третьей пятилетки

(<https://cf.ppt-online.org/files1/slide/z/ZUbdKe9IIPNXWnvVw0MSq5k7chxoCf4RHmsgL6r1Q/slide-36.jpg>)

В результате успешного выполнения второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.) в СССР была решена основная историческая задача второй пятилетки: окончательно ликвидирована эксплуатация человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых и осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм. Главная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки — завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР — была в основном выполнена.

Коренным образом обновился производственно-технический аппарат народного хозяйства. Уже в 1937 г. свыше 80% всей продукции промышленности было получено с новых предприятий, построенных или целиком реконструированных за две предшествующие пятилетки, а СССР превратился в независимую в технико-экономическом отношении страну.

За годы второй пятилетки в СССР была проведена культурная революция, характеризуемая, в первую очередь, ростом числа учащихся в начальной и средней школе с 21,3 до 29,4 млн учащихся в 8–10 классах в 15 раз и студентов высших учебных заведений до 550 тыс. В проекте плана особо отмечались высокие темпы материального и культурного подъема «народов Советского Востока» и подъем национальной, социалистической по содержанию культуры в целом.

В тезисах доклада В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) (10–21 марта 1939 г.) указывалось на вступление Советского Союза в полосу «завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, когда решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей – строителей коммунизма»¹. Окончательная победа коммунизма в его историческом соревновании с капитализмом требует полной ликвидации отставания размеров промышленного производства СССР на душу населения по сравнению с наиболее развитыми в технико-экономическом отношении капиталистическими странами. В условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР возросли требования к созданию крупных государственных резервов по топливу, электроэнергии и оборонным производствам, поэтому в соответствии с задачами бесперебойного роста социалистического народного хозяйства и укрепления обороноспособности СССР в третьей пятилетке намечалось повышение удельного веса государственных резервов в народном доходе в 2 раза.

Намечалось повышение удельного веса группы «А» в продукции всей промышленности с 57,8% в 1937 г. до 62,2% в 1942 г., что позволило бы обеспечить дальнейшее укрепление оборонной мощи СССР, значительный рост технического вооружения всех отраслей народного хозяйства и сделать новый крупнейший шаг вперед в создании мощной материальной базы для

¹ Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б) // Исторический журнал. – № 2, февраль 1939. – С. 4.

последующего развития производительных сил, благосостояния и культуры социалистического общества в СССР. Поскольку электрификация страны рассматривалась как важнейшая материально-техническая база коммунизма, ставилась задача достижения такого роста электростанций, который не только опережал бы рост промышленности, но и обеспечивал создание необходимых резервов электрических мощностей.

План 3-й пятилетки предусматривал подъем культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, что должно было обеспечить стирание противоречий между умственным и физическим трудом, обеспечить высокую производительность труда и изобилие предметов потребления¹. Тема «нового человека», созидателя мира, во многом еще не разгаданного, но заключающего в себе надежду на счастливое будущее становится ключевой именно в тех далеких 30-х годах. Недаром А. М. Горький, выступая апологетом социалистического реализма, все же ратовал за академическую, идеальную и четкую форму в искусстве, которая не противоречит *«некоторой... идеализации советской действительности и нового человека в искусстве»*². Да и сама В. И. Мухина в период создания бессмертного скульптурного произведения «Рабочий и колхозница» писала о своем творческом кредо: «Мы — творцы нашей жизни. Образ творца — строителя нашей жизни, в какой бы сфере он ни работал, вдохновляет меня больше, чем какой-либо другой... Кроме портретного сходства с человеком я хотела воплотить в скульптуре синтетический образ строителя, его непреклонную волю, его уверенность, спокойствие и силу. Наш новый человек — вот в основном та тема, над которой я работала последние полтора года... Стремление создать искусство больших и величественных образов является основным истоком нашей творческой силы. Почетное и славное дело советского скульптора быть поэтом наших дней, нашей страны, певцом ее роста, воодушевлять народ силою художественных образов». Спустя годы, уже в послевоенное время, Вера Игнатьевна не менее убедительно заявляла, но уже не о своем творческом кредо, а об оценке ее произведения зрителями: «Как художник я знаю, что в этом произведении далеко не все еще совершенно, но я твердо уверена, что оно нужно! Почему? Потому что народные массы ответили на это произведение

¹ Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). Проект. — М.: Госпланиздат, 1939. — 240 с. — С. 7–29.

² См. интервью А. М. Горького в газете «Советское искусство» от 20 июля 1933 года.

чувством гордости за свое советское существование. Оно нужно за порыв в будущее к свету и солнцу, за чувство человеческого могущества и своей нужности на земле!»¹. Так творческая энергия искусства (сталь оказалась реальным материалом искусства – вся конструкция скульптуры, высотой 23,5 м, весила 75 т) органично влилась в живой поток социалистических преобразований, придавая им целостный цивилизационный облик на 1/6 части территории Земли.

Рисунок 14. В. И. Мухина «Рабочий и колхозница», 1937 г. Фото R. Napier

(<http://vivovoco.ibmh.msk.su/vv/arts/mukhina/voronov.htm>)

¹ См. подробнее: URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/ARTS/MUKHINA/VORONOV.HTM>.

§4. Арктический проект [Кефели И. Ф, Николаенко А. В.]

История освоения Арктики охватывает большой период героических усилий и трагических событий. Русские поморы, казаки, участники военных экспедиций совершали длительные путешествия в северные районы Сибири, открывали острова Северного Ледовитого океана, осваивали природные ресурсы русского Севера. Остановимся подробнее на предвоенном, военном и послевоенном периодах утверждения приоритетах нашей страны в Арктическом регионе. Символическим актом первого шага в утверждении Арктической доктрины Советского Союза стал подъем государственного флага СССР над Землей Франца-Иосифа, которому предшествовал ряд событий. В данном случае интересно проследить, как в реализации, в воплощении в жизнь органически сочетались идеи ученых, политические и дипломатические решения государственных, дипломатических и военных деятелей с практическими шагами в деле хозяйственного развития арктического региона и обеспечения его безопасности. 15 апреля 1926 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление следующего содержания: «Объявляется территорией Союза ССР все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования настоящего постановления признанной правительством Союза ССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом $32^{\circ} 14' 35''$ восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-Губы через триангуляционный знак на мысе Кекурском и меридианом $168^{\circ} 49' 30''$ западной долготы от Гринвича (эта российско-американская граница была установлена еще в 1867 г. при продаже Россией Америке Аляски. — *И. К.*), проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в Беринговом проливе»¹. Принятие этого исторического документа было вызвано, в том числе, заявлением великого норвежского полярного исследователя Руала Амундсена перед полетом на дирижабле «Норге» со Свальбарда (Шпицбергена) к Северному полюсу в поисках гипотетической Земли Гарриса. «Правительство возложило на меня задачу, — заявил Амундсен, — аннексировать от имени Норвегии территории, которые могут

¹ Известия. 16 апреля, 1926.

быть открыты в ходе эксперимента»¹. События развивались следующим образом. 10 апреля «Норге», управляемый У. Нобиле и Я. Рисер-Ларсеном, вылетел из Рима и совершил промежуточную посадку под Троцком (так называлась в те годы Гатчина). В Ленинграде в те дни члены экипажа выступали с лекциями, были на приеме в Академии наук СССР. Спустя двадцать дней «Норге» вылетел на Свальбард (Шпицберген), откуда 11 мая группа полярников во главе с Амундсеном направилась к Северному полюсу. 23 мая над Северным полюсом, уже с дирижабля «Италия», был сброшен итальянский флаг и крест, освященный Папой Пием XI. Далее события развивались по трагическому сценарию. 25 мая радиосвязь с «Италией» прервалась. После 6 июня, когда связь с пропавшими полярниками восстановилась, к месту нахождения лагеря спасшихся полярников в северо-восточной части Шпицбергена вышел советский ледокол «Красин». 18 июня для спасения экспедиции Нобиле из Тромсё (Норвегия) вылетел Амундсен на летающей лодке «Латам-47», экипаж которой бесследно пропал спустя четыре дня в бескрайних просторах Арктики. Наконец, 19 июля спасенная часть экспедиции была доставлена в шпицбергенскую бухту Кингс-бей на судно Нобиле «Чита ди Милано»².

Вскоре, 31 июля, Совнарком СССР принял постановление об образовании Арктической комиссии, которой предписывалось разработать пятилетний план научно-исследовательских работ в арктических владениях СССР. Основой для этого постановления послужила записка заведующего отделом научных учреждений при Совнаркоме СССР Е. П. Воронова, который обратил особое внимание на то, что «нынешнее состояние и перспективы развития авиационной и воздухоплавательной техники привели к конкретной постановке вопроса об осуществлении регулярного трансарктического воздушного сообщения... Хозяин трансарктического воздушного пути, — отмечал он, — одновременно является и хозяином северных рыболовных, зверобойных и других промыслов, актуально будет влиять на развитие народного хозяйства северного побережья, обеспечит побережье от воздушных нападений или, наоборот, будет постоянно держать его под угрозой таких нападений... не предпринимая никаких реальных мер к **закреплению** прав на декретированные собственностью Союза северные владения, мы всегда будем находиться под угрозой повторных экспедиций

¹ Правда. 15 апреля, 1926.

² Жуков Ю. Н. Сталин: арктический щит. — М.: ВАГРИУС, 2008. — 544 с. — С. 213–216, 233–236.

по типу Нобиле»¹. Так впервые было сформулировано и принято к исполнению решение по закреплению за Советским Союзом его полярных областей. Более того, в предложениях Воронова получили четкое выражение идеи транспортной геополитики, суть которой заключалась в создании транспортной инфраструктуры советской Арктики, объединяющей воздушный, морской и автомобильный транспорт. Идея создания транспортной инфраструктуры в Арктике получила развитие в работах В. Ю. Визе — сотрудника Всесоюзного Арктического института (основан в 1931 г.), полярного исследователя, океанолога, члена-корреспондента Академии наук СССР. «Прежде всего мы должны, — писал он по поводу участия нашей страны в мероприятиях Второго международного полярного года, — иметь в виду вопросы транспорта... Кардинальным пунктом для использования естественных производительных сил нашего Севера есть проблема мореплавания вдоль всей арктической окраины Союза протяженностью около 2000 километров»². В 1932 г. в журнале «Советский Север» была опубликована под псевдонимом «Активист ОАХ» (этим «активистом» был заведующий договорно-правовым отделом Наркомата иностранных дел СССР А. В. Сабанин, а ОАХ — Осоавиахим) статья «Империализм на Полярном Севере и интересы СССР». Автор, обобщая сведения о столкновении интересов европейских стран в Арктике, обратил особое внимание на интенсивную работу по созданию «британских имперских сообщений» и достаточно твердо дипломатическим языком заявил: «Внимательно следя за происходящим в Арктике, за тем, чтобы конъюнктура в арктических широтах не выливалась в создание местных антисоветских фронтов, советская страна вместе с тем не допустит ни с чьей стороны посягательств на советские арктические земли»³.

Исторический шаг в деле масштабного освоения Арктики был осуществлен вскоре после прошедшей 4 февраля 1931 г. Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на которой выступил Сталин и в заключение обратился к участникам со словами: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁴. А уже 20 февраля он направил в Политбюро инициативную записку «Об охране северного

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 9570. — Оп. 5. — Д. 15. — Л. 4–5.

² Визе В. Ю. Международный полярный год. — М.-Л., 1931. — С. 64.

³ Советский Север. — 1932. — № 1–2. — С. 18–42.

⁴ Сталин И. В. Собрание сочинений. — Т. 13. — С. 38–39.

побережья». Четко понимая, что Северный Ледовитый океан уже при том уровне развития авиации и флота не сможет быть непреодолимой преградой для потенциального врага, Сталин обратил внимание на необходимость, после завершения строительства Беломоро-Балтийского канала, создать военно-морскую базу на Кольском полуострове, которая стала прообразом Северного флота¹. Эта записка сразу же поступила в Комитет обороны и послужила основой для принятия ряда стратегических решений. Во-первых, был организован трест «Арктикуголь», занимавшийся добычей угля на Шпицбергене. Во-вторых, большое внимание стало уделяться дирижаблестроению, на которое возлагались большие надежды в деле освоения воздушных просторов Арктики. В-третьих, было принято решение об организации морской экспедиции, предназначенной для исследования Северного морского пути. 28 июля 1932 г. ледокольный пароход «Александр Сибиряков» вышел из Архангельска, а 15 октября того же года он был доставлен на буксире (из-за поломки гребного вала и винта) в Петропавловск-Камчатский. Так была доказана возможность перехода по Северному морскому пути за одну навигацию. В-четвертых, 17 декабря 1932 г. было принято постановление Совнаркома СССР об образовании Главного управления Северного морского пути, в ведении которого было народно-хозяйственное освоение Арктики и обеспечение судоходства по Севморпути. Столь масштабный проект освоения Арктики – второй после образования за год до этого треста «Дальстрой», целью которого было получение в кратчайшие сроки максимального количества золота, разведка и добыча других стратегически важных полезных ископаемых, а также комплексное освоение и эксплуатация ранее необжитых территорий Северо-Востока России. Реорганизация Главсеморпути в 1938 г., связанная с возложением на него сугубо прикладных, гидрографических задач, означала, что отныне руководство страны рассматривала Арктику не только как регион, где проходит важнейшая морская коммуникация, но и как потенциальный театр военных действий, а доктрина «владения морем» обрела государственный статус². Подтверждением тому стало принятие решением Советского правительства о преобразовании Северной флотилии в Северный флот (11 мая 1937 г.), строительство военно-судо-строительного завода недалеко от Архангельска (15 марта 1936 г., ныне

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 9. – Л. 138.

² Жуков Ю. Н. Сталин: арктический щит. – М.: ВАГРИУС, 2008. – С. 348–350.

Севмашпредприятие в Северодвинске), предписание начальника Главного морского штаба Наркомата ВМФ вице-адмирала Л. М. Галлера об организации переброски кораблей и грузов из европейской части СССР в азиатскую и наоборот и о строительстве морских и авиационных баз и др., которое было подтверждено постановлением Комитета обороны. Признание доктрины «владения морем» на государственном уровне получило выражение в издании в 1940 г. книг авторов этой доктрины: Ф. Колумба («Морская война, ее основные принципы и опыт»), американского адмирала А. Мэхена и др. Так вызревала военно-морская геополитика в нашей стране в предвоенный период и грандиозный арктический проект, который возрождается в наше время¹. Но не будем забывать об его исторических корнях.

§5. Масштабные экспедиции, КЕПС, ТПК

В годы первых пятилеток, опять же на основе плана ГОЭЛРО, были организованы масштабные экспедиции во многие регионы нашей страны. Весной 2019 г. в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан Фархода Рахими, куда меня пригласил Нуриддин Каюмов, академик Академии наук Республики Таджикистан, зашел, в частности, разговор о Таджикско-Памирской экспедиции 1932 г.

Единодушным было мнение собеседников привлечь внимание научной общественности, и не только, к истории этого глобального, в масштабах того времени, проекта научного и хозяйственного освоения неизведанной ранее части евразийского континента. А ведь тогда шла лишь вторая пятилетка организации планового народного хозяйства Советского Союза. Много поучительного можно было бы взять сегодня для осуществления более масштабного проекта «Большая Евразия».

Так за непродолжительным разговором были высказаны предложения провести ряд научных конференций, выпустить серию публикаций, радио- и телепередач. Фарход оживился и вспомнил о том, что у него сохранились

¹ Утраченное в 1990-х годах, по заверению В. Н. Лексина и Б. Н. Порфирьева, «более 90% в той или иной степени используемого в настоящее время экономического и инфраструктурного потенциала Арктического макрорегиона было создано в течение периода ее советского (социалистического) освоения» (См. подробнее: *Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н.* Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. — 2019. — № 6. — С. 4–21).

кинодокументы довоенной хроники о деятельности экспедиции. На том и порешили: будем думать и предпринимать какие-то действия. По возвращении в Санкт-Петербург я провел ряд бесед в нескольких аудиториях, но встречного энтузиазма не заметил. И вот недавно, «путешествуя по интернету», наткнулся на книгу П. Н. Лукницкого – очевидца и, я сказал бы, летописца памирских экспедиций, начиная с 1930 г. Страсть к ежедневным дневниковым записям, журналистским очеркам и литературным произведениям была ему присуща еще со студенческой скамьи. Передвигаясь по горным тропам Памира, он успевал делать короткие заметки, даже вступив в боестолкновение с басмачами. Будучи военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах в Великую Отечественную войну, Лукницкий создал хронику повседневного героизма советских людей (нередко он сам это подчеркивал) в трехтомной эпопее «Ленинград действует». В послевоенный период, по-прежнему находясь в частых экспедициях, он публикует новые литературные произведения. Пусть это будет один из первых шагов в реализации той идеи, которая родилась на встрече в кабинете президента Академии наук Республики Таджикистан.

В «Приложении» публикуется выдержка из опубликованной в 1955 г. книги Лукницкого «Путешествия по Памиру», но прежде – несколько слов об авторе. Павел Николаевич Лукницкий – известный русский советский поэт, прозаик. После окончания факультета общественных наук Ленинградского государственного университета в 1925 г. он занимался литературной деятельностью, в 1927 г. издал первый сборник своих стихов, но основное внимание в те годы он посвятил, во многом благодаря поддержке Анны Ахматовой, исследованию творчества Николая Гумилева. Книга Павла Лукницкого «Труды и дни Н. С. Гумилева», началом написания которой явилась его студенческая курсовая работа под тем же названием, была издана в Санкт-Петербурге лишь в 2010 г. В повести «У подножия смерти» он описывал, как телефонный звонок в марте 1930 г. открыл новую страницу в его жизни: «— С вами говорит начальник памирской геологоразведочной партии Юдин. Вы поехали бы на Памир?» – я, конечно, не раздумывал ни минуты.

Так по-житейски просто начиналась памирская эпопея для одного из великого множества советских ученых, инженеров, строителей. Вашему вниманию предлагается живое описание Таджикско-Памирской экспедиции, которая в череде предшествующих экспедиций ознакомительного

порядка положила начало масштабным исследованиям и освоению необъятных просторов нашей страны.

Большую роль в организации масштабных экспедиций и формирования территориально-производственных комплексов Советского Союза сыграла Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), образованная еще в 1915 г. по инициативе В. И. Вернадского.

Организационной деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), которая в 2015 г. отмечала свое 100-летие, предшествовали многочисленные экспедиции и научные исследования русских ученых и инженеров. Большой объем информации о наличии природных ресурсов и состоянии промышленного производства был получен в Всероссийской переписи середины 90-х годов XIX века. Однако получение достоверных данных в полном объеме предстояло осуществить, в первую очередь, усилиями российского научного сообщества, что наиболее остро проявилось в годы Первой мировой войны.

По инициативе В. И. Вернадского была образована Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). 21 января 1915 г. он заявил на заседании Физико-математического отделения Академии о необходимости организации комиссии, название которой было им же и предложено, а уже 8 апреля 1915 г. сделал подробный доклад «Об изучении естественных производительных сил России» и опубликовал его в „Известиях Императорской Академии наук“¹. В решении Отделения, в частности, было указано на необходимость тщательного учета естественных производительных сил России, чего ранее никем не предпринималось в масштабах всей страны, и „задача их учета должна входить в предмет ведения Императорской Академии наук, высшего научного учреждения страны“. Определяя задачи будущей комиссии, академики отмечали, что в первую очередь следовало подготовить научную сводку о естественных производительных силах России; в этой сводке „должны быть указания о точности наших знаний о производительных силах и отмечены те научные исследования, которые должны быть произведены для их оценки“². Это заявление академиков явился одним

¹ *Вернадский В. И.* Об изучении естественных производительных сил России // Известия Императорской Академии Наук. — VI сер. — 1915. — Т. 9. — Вып. 8. — С. 679–700.

² Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской академии наук. 1915. § 52 // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. — Ф. 1. — Оп. 1а. — Д. 162.

из первых документов, в котором четко формулировались задачи Академии в области изучения естественных производительных сил и принципы организации создаваемой в этих целях комиссии.

Для деятельности КЕПС характерно было стремление не только подготовить более полную сводку о естественных производительных силах России, но и развернуть исследования, направленные на бережное и рациональное использование их для обеспечения технико-экономической независимости Отечества.

Рисунок 15. В этом здании в 1911-1917 гг. работала Радиева экспедиция, ныне — Миасс, ул. Школьная, 14

(Источники: <http://redbook.ru/article844.html>, <http://www.miass.info/slovari/article.php?article=1204>, <http://www.domznaniy74.ru/anonces/?id=64>)

В этих целях ученые выдвинули идею создания государственной сети научно-исследовательских институтов. Такой опыт уже имелся, предстояло реализовать его в общегосударственном масштабе. Во второй половине 1890-х гг. — начале XX века Вернадский провел геолого-минералогические экспедиции на Урале, в Крыму, на Керченском и Таманском полуостровах, на Кавказе, в Тамбовской губернии. На основе исследования радиоактивных руд Вернадский публикует в 1910 г.

статью «Задачи дня в области радия»¹. Впоследствии он организовал и провел серию радиевых экспедиций по Закавказью, Уралу и Забайкалью, в Оренбургской губернии и Фергане. К 1912 г. при Петербургской Академии наук закончилось формирование постоянно действующей Радиевой экспедиции, на основе которой А. Е. Ферсман, ученик Вернадского, организовал в Ильменах на Урале геолого-минералогическую лабораторию Академии наук.

Отличительной особенностью работы КЕПС являлся комплексный подход к изучению естественных производительных сил, что предполагало участие в работе комиссии ученых, представлявших различные отрасли науки и техники. Установление тесных контактов КЕПС, в первую очередь, с Военным и Морским министерствами, позволяло ей оперативно решать научно-технические проблемы, продиктованные потребностями обороны.

Несмотря на трудности военного времени, комиссия добилась значительных достижений в реализации намеченной программы исследований. Это касалось учета естественных производительных сил, поисков новых источников стратегического сырья, выполнения заданий оборонных организаций, издания литературы о природных богатствах страны.

В 20-е гг. работа КЕПС значительно расширилась. Была налажена ее экспедиционная деятельность. Были изданы многие труды о природных богатствах страны и их рациональном использовании. После реорганизации КЕПС в 1930 г. на ее основе были созданы 16 самостоятельных научно-исследовательских институтов, изучающих минеральные ресурсы, природные источники энергии, живой и косный субстрат биосферы. Анализируя деятельность КЕПС, председатель Совета по изучению производительных сил (СОПС, правопреемницы КЕПС), академик А. Г. Гранберг особо отмечал, что «в значительной мере благодаря ее усилиям, была создана минерально-сырьевая база страны и выработаны научно-организационные подходы к изучению ресурсного потенциала регионов»².

¹ *Вернадский В. И.* Задача дня в области радия // Известия Императорской Академии Наук. – Сер. VI. – 1911. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 61–72 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mathnet.ru/links/d0ef5b00688e2fa90aeebe4331784907/im6856.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

² *Гранберг А. Г.* Изучение производительных сил России // Вестник Российской академии наук. – 1996. – Т. 66. – № 7. – С. 580.

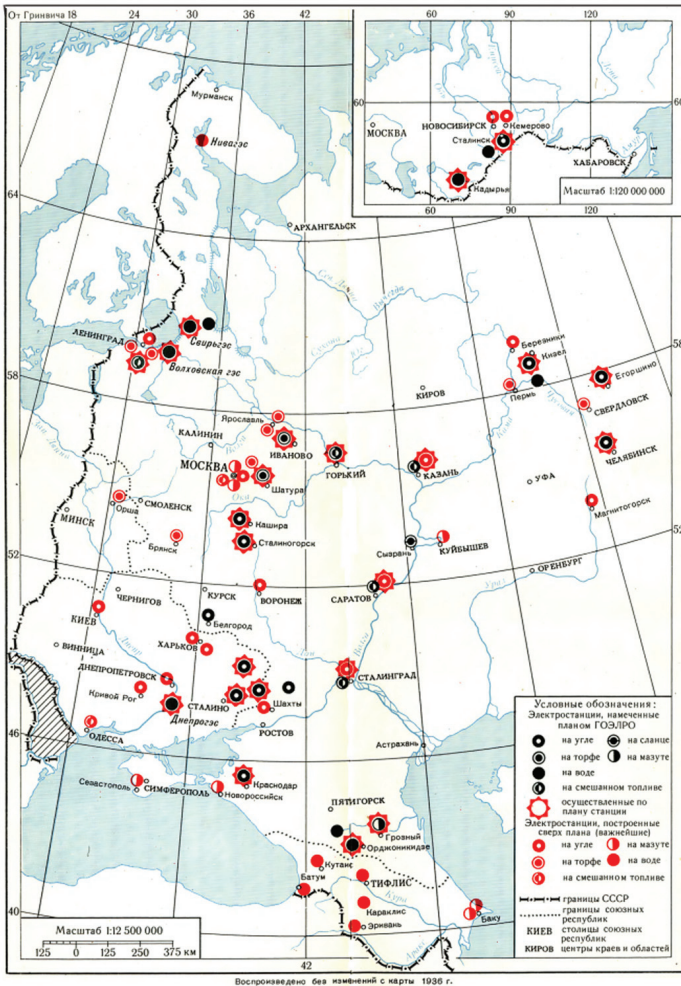

Рисунок 16. Схема размещения электростанций в соответствии с расположением естественных производителей сил

(По заветам Вернадского: что такое КЕПС и почему это важно сегодня / Русское географическое общество // <http://rgo.ru>, 23.06.2021).

Вот далеко не полный перечень экспедиций, организованных КЕПС / СОПС:

- 1918–1919 – Изучение тихвинских бокситов;
- 1918–1925 – Изучение соликамских калийных солей;
- 1920 – Хибинские апатиты;
- 1921–1927 – Изучение солей залива Кара-Богаз-Гол;
- 1924–1928 – Северо-Уральская экспедиция;
- 1925 – Региональные исследования Киргизии;
- 1925–1929 – Каракумская сера;
- 1925–1930 – Якутская экспедиция;
- 1926–1928 – Гыданская экспедиция;
- 1926–1927 – Геологические исследования Казахстана;
- 1926–1929 – Тувинская геологическая экспедиция;
- 1927 – Чувашская экспедиция;
- 1927–1930 – Исследование района строительства Турксиба;
- 1927–1930 – Закавказская экспедиция;
- 1928 – Башкирская геологическая экспедиция;
- 1929–1930 – Колымско-Индигорская экспедиция;
- 1932–1934 – Северо-Уральская кварцевая экспедиция;
- 1931–1935 – Кольская комплексная экспедиция;
- 1933–1934 – Башкирская комплексная экспедиция;
- 1933–1934 – Южно-Уральские экспедиции;
- 1933–1934 – Дальневосточная комплексная экспедиция;
- 1934–1937 – Камчатская комплексная экспедиция;
- 1928–1936 – Таджикская комплексная и Таджикско-Памирская экспедиции;
- 1931–1937 – Ойротская комплексная экспедиция;
- КЕПС внесла решающий вклад в реализацию плана ГОЭЛРО, о котором речь шла выше. Отныне предприятия по производству электроэнергии стали возводиться по территориям в соответствии с распределением естественных производительных сил, т. е. источников электроэнергии – водных ресурсов и полезных ископаемых (уголь, торф и др.), на основе информации, предоставленной КЕПС (Рис.16).

В результате реализации плана ГОЭЛРО и последовавших за ним планов электрификации экономика страны естественным образом разделяется на территории – одновременно энергетические, экономические и административные районы. Такое деление происходит как раз в соответствии

с распределением естественных производительных сил. 2 октября 1930 г. КЕПС была преобразована в Совет по изучению производительных сил (СОПС), который, как преемник КЕПС, продолжает работы по исследованию производительных сил страны. Совет является активным участником масштабной индустриализации и создания уникальной экономической модели, реализованной в период 1929–1955 годов. Была создана Единая сеть глубоководных каналов европейской части России. Впоследствии отделы КЕПС были реорганизованы в научные учреждения, ставшие основой сети научных институтов АН СССР. По итогам работы экспедиций КЕПС создавались базы АН СССР на местах. За период с 1918 по 1930 г. было создано 14 научно-исследовательских институтов, 3 лаборатории и музеев. Так появились Институт географии, Почвенный институт им. В. В. Докучаева, Гидрологический институт, Институт истории естествознания и техники и др.

Глава 5. Укрепление геополитического могущества СССР в межвоенный период

§ 1. Выбор геополитического вектора развития Советской России

Одним из итогов Первой мировой войны явилось крушение империй, представлявших основу политической системы мира, – Германской, Австро-Венгерской, Турецкой и Российской. Версальский мирный договор определил новый мировой порядок уже без Советской России. Согласно этому договору, Франция признавалась европейской континентальной державой, а Англия – морской державой. Территорию России предполагалось поделить на сферы влияния стран Западной Европы, Турции и США. Еще 23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили между собой соглашение о разделе «зон влияния» в России. Ответом на этот шаг стало принятое 2 сентября 1918 г. постановление ВЦИК советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов под названием «Советская республика – военный лагерь», в котором со всей революционной решимостью было заявлено: «Лицом к лицу с империалистическими хищниками, стремящимися задушить Советскую республику и растерзать её труп на части, лицом к лицу с поднявшей жёлтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам иностранного

империализма, Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет: Советская республика превращается в военный лагерь.

Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет с одним главнокомандующим. Все силы и средства социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников. Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны Рабочая и Крестьянская Красная армия раздавит и отбросит империалистических хищников, пожирающих почву Советской республики.

Всероссийский ЦИК постановляет настоящее своё решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и городские советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах.

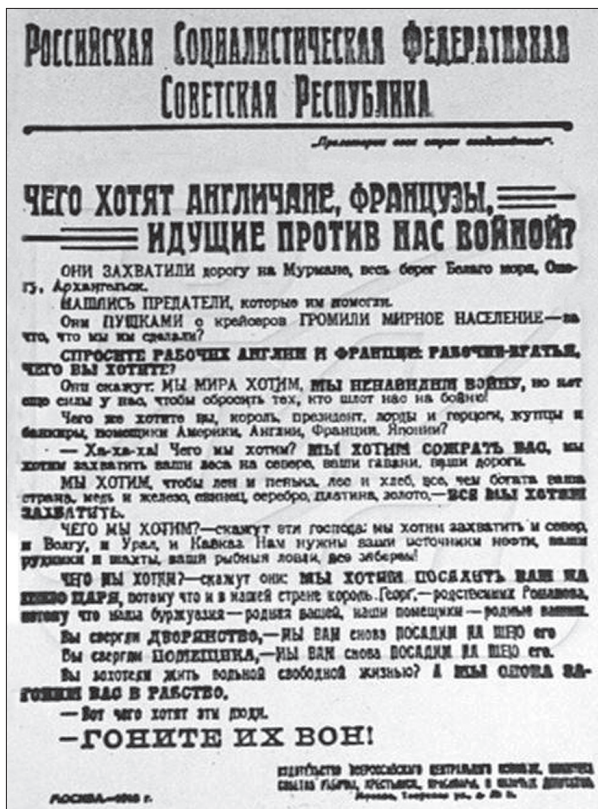
Председателем Революционно-военного совета единогласно назначается т. Троцкий. Главнокомандующим всеми фронтами — т. Вацетис. Затем избирается комиссия из 3 лиц: т. Гегохидзе, Веселовского и Ногина, которой поручается к следующему заседанию ЦИК представить соответствующий проект об установлении знаков отличия как для отдельных военных частей, так и для отдельных лиц»¹.

Хищнические замыслы Антанты были изложены в записке главного командования союзными армиями «О необходимости интервенции союзников в России» от 18 января 1919 г. В ней, в частности, отмечалось следующее: «Если Антанта хочет сохранить плоды своей победы, добытой с таким трудом, она сама должна вызвать перерождение России путем свержения большевизма и воздвигнуть прочный барьер между этой страной и центральными державами... Большевистский режим несовместим с установлением прочного мира. Для держав Антанты жизненной необходимостью является уничтожить его как можно скорее; их солидарный долг состоит в том, чтобы объединить с этой целью свои усилия»². Таков был

¹ Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.) // Сборник документов. Т. 2. — М.: Новый хронограф, 2005. — 766 с. — С. 60–61 (Источник: Правда, 4 сентября 1918 г.).

² Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. 1918–1922: В 3 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; [Ред. коллегия:

сценарий геополитического раздела Советской России, который строился в соответствии с доктриной Х. Макиндера и при его непосредственном участии в качестве британского посланника при главном командовании союзными армиями и одного из авторов Версальского договора.

Г. А. Белов и др.]. — М.: Сов. Россия, 1960-1961. Т. 1. — С. 83, 87; см. также: <http://arctus.livejournal.com/295926.html>. Документ обнаружен среди германских трофейных архивов. Историко-дипломатический архив // ИДА. — Ф.376. — Д.33. — Лл.120-126.

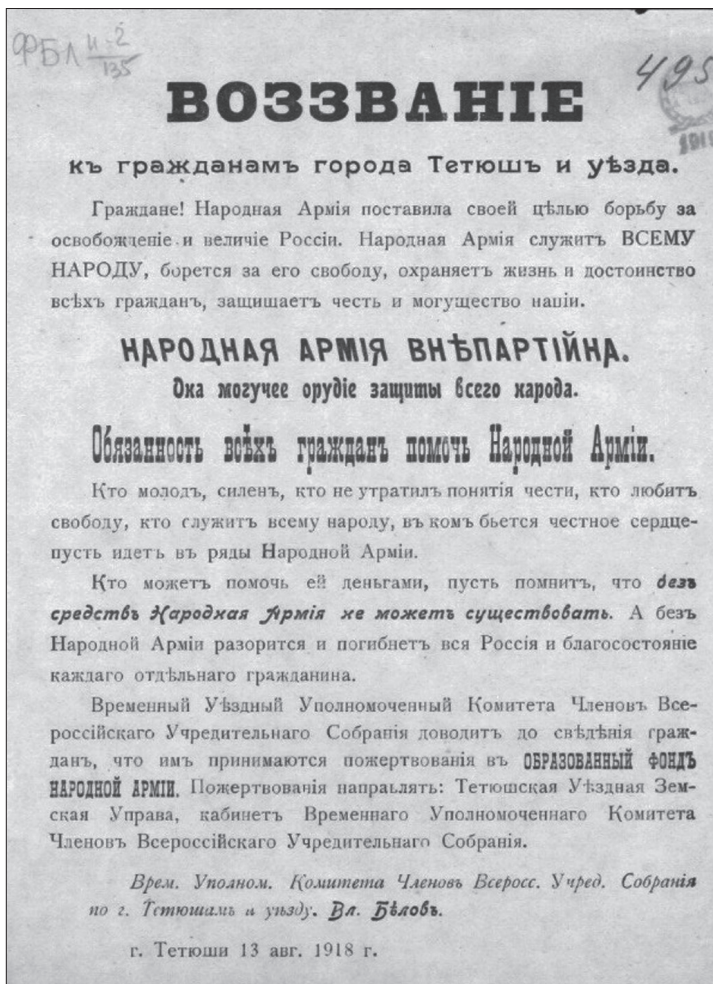

Рисунок 17. Листовки времен Гражданской войны

Источники:

- 1) regnum_picture_154772207375291_normal.JPG (474×659);
- 2) Листовки времен Гражданской войны: humus — ЖЖ (livejournal.com)

Причем в качестве ударной силы против Советской России командующий союзными армиями маршал Франции Фердинанд Фош рассматривал все народы, живущие на ее окраинах: финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, чехов и др. (так называемый «Проект Фоша»)¹. Кстати, Фош, узнав о подписании Версальского мирного договора, заявил: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет...».

Советская Россия, начиная с 1921 г., достаточно четко определила свой геополитический вектор на Восток. Советское государство аннулировало все неравноправные договоры и соглашения, которые имела царская Россия со странами Востока (это относилось в первую очередь к Ирану, Афганистану и Турции, с которыми были заключены первые мирные договоры и установлены дипломатические отношения). Восточная политика России, как отмечалось в ноте Советского правительства, направленной правительству Ирана, «останется диаметрально противоположной восточной политике империалистических держав, стремясь к самостоятельному экономическому и политическому развитию восточных народов и оказывая им в этом всяческую поддержку. Народ и Советское правительство России усматривают свою роль и свое призвание в том, чтобы быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою полную самостоятельную экономическую и политическую свободу»².

Версальско-Вашингтонская геополитическая эпоха наступила после окончания Первой мировой войны, итоги которой подводились на Парижской (Версальской) мирной конференции, проходившей с перерывами с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Версальский мирный договор представлял собой попытку фиксации соотношения сил в мире и в Европе, установившегося в результате Первой мировой войны. Вместе с последовавшими за ним Сен-Жерменским, Трианонским, Нейнским договорами и итогами Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. он создал систему международных отношений, вошедшую в историю как Версальско-Вашингтонская система. Она создавала благоприятные условия для гегемонии Франции на Европейском континенте и Англии за пределами Европы.

¹ *Ллойд-Джордж Д.* Правда о мирных договорах / Под ред. В. Г. Трухановского. Пер. с англ. В 2-х т. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1957. — Т. 1. — 656 с. — С. 319.

² *Документы внешней политики СССР.* Тт. 1–24 / Глав. ред. А. А. Громыко (т. 1–21) — М.: Политиздат (т. 1–21) / Международные отношения (т. 22–24), 1957–2000. — Т. 5. — 808 с. — С. 80–81.

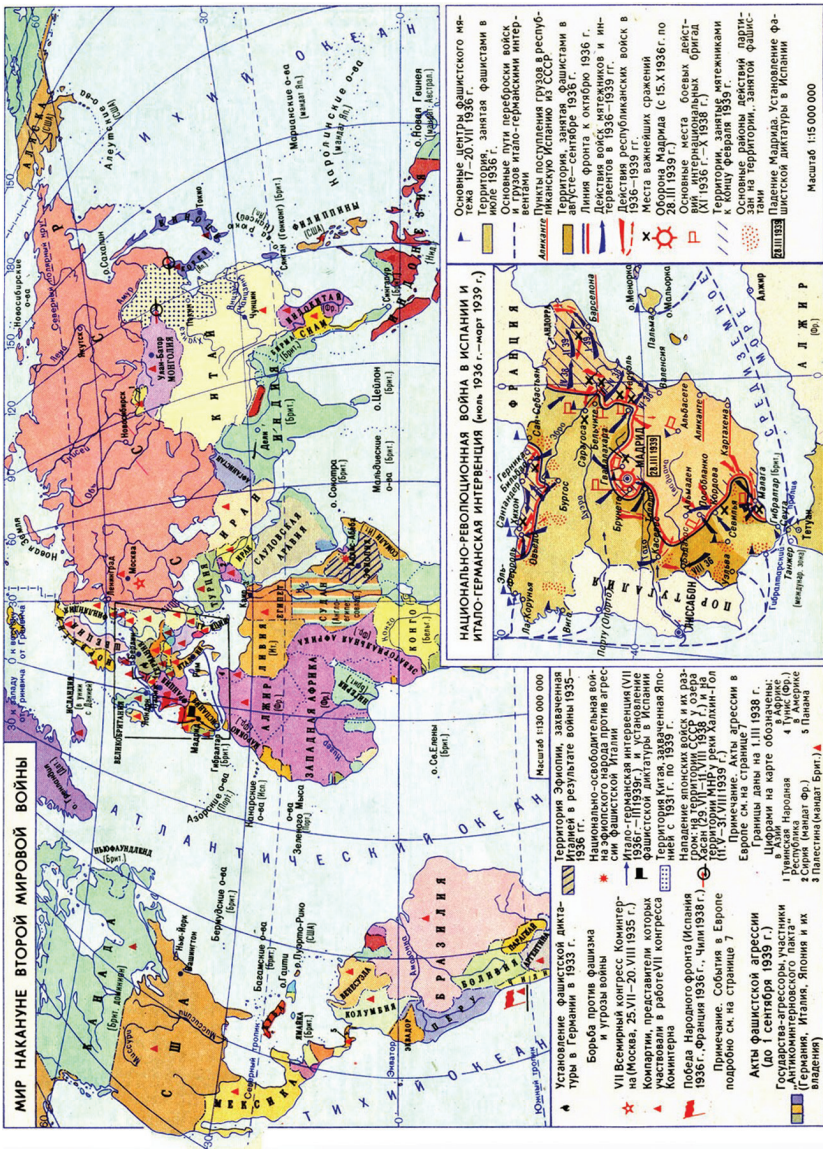

Рисунок 18. Мир накануне Второй мировой войны

Великобритания получила значительную часть германских колоний в Азии и установила свое господство над Ираком, Палестиной, утвердилась в Египте, Персидском заливе, Красном море, а также получила полное превосходство на Средиземном море и на морских коммуникациях в Индию. Германские колонии в Африке – Того и Камерун – были поделены между Францией и Англией. США не претендовали на новые территории, но тем не менее заняли выдающееся место в соотношении мировых сил. К моменту подписания Версальского мирного договора США оказались самой сильной и влиятельной страной мира. В результате Версальского договора углубились противоречия и между странами-победителями: Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, Италией и другими странами.

Версальская система привела к изоляции Советской России от Европы, начав период длительного противостояния государств с различными режимами. Версальская система и антикоммунизм превращались в синонимы. В итоге мирного урегулирования европейская карта претерпела существенные изменения. На ней появились новые государства: Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. королевство Югославия), Эстония, Латвия и Литва. Версальская система явилась отражением нового баланса сил, сложившегося в результате победы стран Антанты. Произошли существенные изменения в составе пятерки великих держав, из числа которых выпала Россия.

Вся новая система международных отношений выстраивалась на основе концепции коллективной безопасности, которая носила настолько общий характер, что оказалась неприемлемой в конкретной ситуации. Все это привело к тому, что Россия и Германия подписали во время Генуэзской конференции Рапалльский договор 1922 г., согласно которому были восстановлены дипломатические отношения между РСФСР и Германией в противовес Версальской системе международных отношений, которая перерастала в Версальско-Вашингтонский мировой порядок. 12 ноября 1921 г. открылась Вашингтонская конференция, на которой решался вопрос об «ограничении вооружений». Вашингтонская конференция завершила передел мира. В этом смысле она дополняла Версаль. Но если в 1919 г. в Париже английские и французские дипломаты сумели обойти дипломатов США, то в Вашингтоне американская дипломатия добилась значительного успеха в решении дальневосточных вопросов. Англия шла на компромисс в целях борьбы с Японией и Францией; Япония вынуждена была уступить

американцам в китайском вопросе и заявить, что уведет свои войска из Сибири, но первой нарушила принятые обязательства. В мировой политике произошла перестановка сил в пользу США. Таким образом, в 1919–1922 гг. возникла система международных договоров, получившая название Версальско-Вашингтонской, или межвоенной, которая должна была регулировать сложившиеся к тому времени межгосударственные отношения. Не ликвидировав разногласия между победителями и побежденными, она выявила противоречия между самими победителями, что позднее привело к созданию новых политических группировок и к новой мировой войне.

§2. Развитие отечественной геополитической мысли в период между мировыми войнами

Значительный интерес представляет эволюция геополитических воззрений в советское время. В данном случае следует остановиться на работах В. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Е. Снесарева и А. Радо.

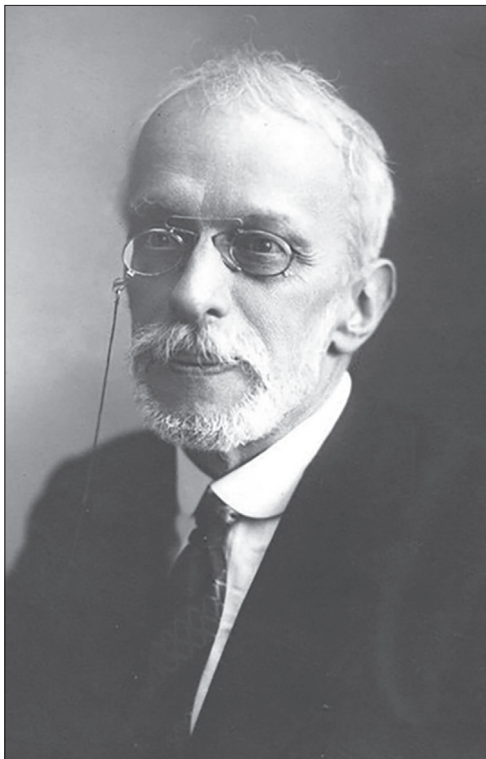
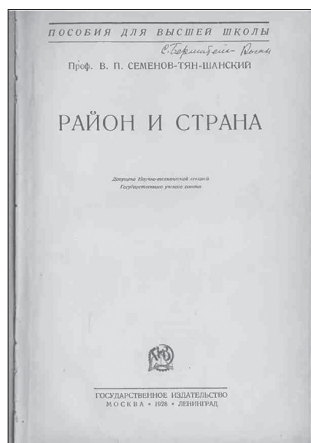

Рисунок 19. Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский

Семенов-Тян-Шанский явился создателем одной из первых отечественных политико-географических концепций, которую следует рассматривать

как сугубо геополитическую теорию. В развернутой форме политико-географическую концепцию Семенов-Тянь-Шанский изложил в вышедшей в 1928 г. работе «Район и страна». Здесь он предложил рассматривать три типа могущественных в территориальном отношении владений, основой классификации которых является опять же географический фактор. Таковыми типами являются: «1. Кольцеобразная система. 2. Ключкообразная. 3. Система „от моря до моря“, или чрезматериковая».

Давая характеристику этих систем, Семенов-Тянь-Шанский оценивал преимущества и недостатки каждой из них. Так, «кольцеобразная система» возникала на побережьях «средиземных морей» и со временем расширялась в глубь окружающих материков. Примерами таких систем являлись античные цивилизации Древней Греции и Древнего Рима. Неизбежный распад этих систем, как считал автор, происходил вследствие роста народонаселения на соседних материках и перенесения центра народонаселенности в глубь материковой зоны. «Ключкообразная система» характерна для островных и полуостровных государств, которые, обладая сильным флотом, реализуют свою геополитическую активность, захватывают другие территории и континенты, налаживают торговые пути, способствующие установлению мировых хозяйственных связей. Примерами такого типа систем ученый называет Испанию, Голландию, Великобританию. «Чрезматериковая система» является определенного рода антиподом «ключкообразной системы». Здесь каким-либо государством захватывается внутри материка обширная территория, «одним концом упирающаяся в одно из омывающих его морей, а другим — в другое». Геополитическая активность подобного рода государств (в качестве примера автор называет Персию, Россию, США) направлена на строительство и овладение водными и сухопутными коммуникациями и на внутриконтинентальную колонизацию. Как полагает ученый, «чрезматериковая система» отличается от других своей масштабностью, массивностью, континентальной целостностью и имеет все природные «затки

прочности». Главный недостаток подобной системы он усматривал в разной степени хозяйственного освоения территорий от европейской части России до Дальнего Востока. «При столкновении с соседями, — предупреждал Семенов-Тянь-Шанский, — „чрезматериковое“ государство легче всего подвергается блокаде со стороны соприкасающихся с ним морей и хотя бы временным захватом со стороны их побережий; последнее же обстоятельство уничтожает всю суть системы „от моря до моря“ и обессиливает страну». Каков ход разрешения этого геополитического парадокса? Подобно тому, как в свое время Менделеев писал о необходимости приближения центра народонаселенности к центру поверхности, Семенов-Тянь-Шанский утверждал необходимость доведения географического центра «государственной территории по возможности до одинаковой густоты населения и степени экономического развития». Географический центр территории России отдален от центра народонаселенности на 3 тыс. км (в США — на 100 км), поэтому «чрезматериковое государство» нуждается в длительных периодах «великого покоя» для сближения трех центров страны. Эти периоды «великого покоя» всегда сопряжены с динамикой колонизации. Если последняя реализуется в клочкообразной системе как «борьба с пространством» посредством мощного морского флота, то для «чрезматерикового государства» победа над пространством достигается значительно большими усилиями. Так, Семенов-Тянь-Шанский прогнозировал сооружение «меридиональных чрезматериковых путей», один из которых должен был связать Европу с Африкой. Этот путь, по мнению ученого, должен был начинаться «нашей Мурманской магистралью, направиться через центр Русской равнины на Кавказ, отсюда поперек главного Кавказского хребта, далее поперек Малой Азии в Сирию, от нее через Суэцкий канал в Египет, из Египта через восточно-африканские территории на Капштадт (старое название Кейптауна. — *И. К.*)». По сути дела, Семенов-Тянь-Шанский, определив политическую географию как науку об установлении пространственных взаимоотношений территориального могущества отдельных человеческих сообществ, дал одно из первых определений геополитики в отечественной науке¹.

¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. — М.-Л., 1928. — С. 160, 162, 168, 193, 194.

В эти годы выходят работы другого замечательного русского ученого, специалиста в области военной географии А. Е. Снесарева. Он продолжил исследования Д. А. Милютина и разработал своеобразную геостратегическую концепцию.

Рисунок 20. Андрей Евгеньевич Снесарев

(https://rossadm.ru/images/news/2020/05/28.05.4/Андрей_Снесарев.jpg)

В вышедшей в 1906 г. книге «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» Снесарев рассматривал несколько причин поступательного

движения России в Азию и установления своего влияния над регионом Центральной Азии. Анализируя геополитическую историю России, ученый признает «естественным и давно намеченным» движение России к «теплой воде» Индии. Одну из причин он усматривал в том, что русскому народу «мало Русской равнины», недостатками которой Снесарев считал однообразие ландшафта, отсутствие теплого океана и ненадежность границ. Русская равнина оказалась тесной землепашцам, поэтому Московское царство стало расширяться во все стороны. Вторая причина — «стремление к власти», т. е. желание государства «расширить сферу влияния, обладать всеми слабыми». Выход на север ограничен льдами Северного Ледовитого океана, движение на запад было остановлено германскими племенами и шведами, а на юг сдерживалось Османской империей. Поэтому, делал вывод автор, «русскому народу оставалась Азия, и он рванулся в нее по всем возможным направлениям: прямо на юг, через Кавказ, на юго-восток — через Киргизскую степь, и далее к Индии и на восток по Сибири к Великому Океану и Китаю». Так Снесарев определял геостратегию для России: единственным направлением ее «поступательного движения» является юго-восточное — через Центральную Азию и страны Среднего Востока к Индийскому океану.

Если Д. А. Милютин полагал таковыми силами территорию (страну), народонаселение и государственное устройство, то Снесарев определяет могущество государства наличием территории, силы и средств. Под силами он понимал народонаселение и вооруженные силы государства, а под средствами — естественные богатства страны, т. е. «капитал войны»: промышленность, финансы, железные дороги, технику. Снесарев вплотную подходит к формулировке направлений геополитической стратегии России, опираясь на военную географию и военную экономику и не обращаясь к политической географии (поэтому он, очевидно, и не использовал в своих работах появившиеся в те годы в Европе работы по геополитике). «Военный человек обязан быть знакомым с военной географией не только потому, что ее факторы будут спутниками его роковой карьеры на всех ее тропах и изгибах, но и потому, что она — лучший его друг в создании нужных для военного качеств и навыков»¹. В недавно изданном сборнике трудов А. Е. Снесарева впервые публикуется ряд его рукописных документов из архива семьи Снесаревых. Обращает на себя внимание одна рукопись, он готовил её (ориентировочно в 1921–1922 годах) к публикации в одном из журналов

¹ *Снесарев А. Е.* Введение в военную географию. — М., 1924. — 547 с. — С. 535.

под названием «Военно-экономические перспективы Германии», в которой Снесарев, подробно анализирует военно-экономическое состояние поверженной Германии, которая «была страшна ростом своей силы, своей исключительной продуктивностью и всем ходом своего развития, особенно она была страшна для аристократов нашей планеты – англо-саксов, а для Франции она была сокрушительно ужасна, и, может быть, для того, чтобы сохранить старый ход истории и предупредить какую-то катастрофу, война и являлась неизбежностью, но винить в этом одну Германию было если и хорошим агитационным приемом, то с исторической правдой в этом лукавом приеме, конечно, не было ничего общего». Обращает на себя внимание интерес Снесарева к военно-экономическому состоянию Германии, которое невольно подталкивает ее к новой войне. «Трудно даже наметить, – осторожно замечает он, – хотя бы отдаленную канву, какими путями могла бы Германия при современном ее состоянии и при пристальном шпионском взоре Антанты решить с достаточной полнотой вопрос об обеспечении войны. Тут не все ясно, может быть, все сведется к лукавому искусству, и на всем должна будет лечь хитроумная маскировка... прямые пути пока заказаны»¹.

В 20-х гг. XX в. взлет геополитической мысли в Советском Союзе оборвался последней открытой публикацией статьи А. Радо «Геополитика» в первом издании Большой Советской Энциклопедии.

В последующие десятилетия само понятие геополитики было изъято из научного оборота в отечественной литературе либо интерпретировалось как одно из проявлений буржуазной науки, хотя геополитические идеи в полном объеме использовались с целью укрепления политического и военного могущества Советского Союза. Радо определял геополитику как учение о географической обусловленности политических явлений. Привлекают интерес указанные им семь универсальных геополитических закономерностей:

- 1) тяготение континентальных стран к морю;
- 2) стремление к завоеванию противоположного берега или овладение целым морским бассейном;
- 3) перерастание через океан;
- 4) овладение морскими путями и проливами;
- 5) реки как носители исторического развития;

¹ *Снесарев А. Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи / Сост. А. А. Снесарев, предисл. Л. Г. Ивашова. – М.: Кучково поле, 2017. – 400 с. – С. 312, 324.

- 6) большие реки как национальные или государственные границы;
- 7) система рек как фактор сохранения государства¹.

Рисунок 21. Александр (Шандор) Радо

(<https://zvezdaweekly.ru/news/20188281857-kk1Ps.html>)

¹ *Радо А.* Геополитика // Большая Советская Энциклопедия. – Т. 15. – М., 1929. – С. 390–391.

Энциклопедическую статью Радо следует рассматривать как теоретическое обобщение геополитических исследований европейских ученых того времени для советских читателей. Дальнейшее развитие геополитики в нашей стране осуществлялось без упоминания данного названия в политической и военной географии (в рамках последней важная роль отводилось геостратегии), в востоковедении и дипломатии. Так идейные искания и научная мысль подошли вплотную к тому рубежу, за пределами которого стали выкристаллизовываться путь революционных преобразований России и признание ее как особого мира – России-Евразии, – который в силу своей исторической судьбы в равной степени относится и к Европе, и к Азии. А потому вековечным остается для России вопрос, как относиться ей к тому и другому миру. Евразийцы решали этот вопрос, исходя из признания России-Евразии как самостоятельного мира, который исторически обречен быть объединителем этих миров.

§3. Вариации геополитического статуса государств в межвоенный период

Как известно, история учит не повторять старых ошибок и предупреждает не делать новых. Это необходимо помнить, в первую очередь, в ходе анализа геополитического противостояния государств и военно-политических блоков, состояние которого определяется таким обобщающим показателем как геополитический статус. Советская Россия с начала 20-х годов достаточно чётко направила вектор своих геополитических интересов с целью укрепления сотрудничества на Восток; в первую очередь это были Афганистан, Иран, Турция. Новый мировой порядок был направлен против Советского Союза, Германии и Китая, а потому был противоречив и недолговечен. В предвоенный период, помимо Англии и Франции, к великим державам, определявшим основы системы международных отношений, относились также США, СССР, Германия, Италия и Япония. Реализуя свой геополитический статус великой державы, СССР направлял внешнюю политику, исходя из необходимости сохранения своих национально-государственных интересов. Поначалу, в 1928–1933 гг., СССР сохранял союзнические отношения с Германией, расширял контакты с другими

странами Европы. До 1924 г. СССР установил дипломатические отношения с 10 странами, непосредственно граничащими с ним. В 1924 г. были установлены отношения ещё с 12 государствами, а в 1933 г. – с США. В 1933–1939 гг. вектор дипломатической активности был направлен на Англию, Францию и США с целью утверждения антигитлеровской и антияпонской коалиции. И если на западных границах было относительно стабильное положение, то на восточных рубежах сохранялось напряжение между СССР, Китаем и Японией. Геополитический статус представляет собой обобщенную безразмерную «свертку» двух групп параметров, характеризующих государство как субъект системы международных отношений:

- а) собственно геополитические характеристики государства (территориальные, демографические, социально-экономические, военные), совокупность которых именуется «геополитическим потенциалом»;
- б) внешние и внутренние факторы (качество государственного управления, степень политической, военной, экономической независимости страны, участие в военно-политических коалициях).

Обобщенная модель геополитического статуса, на основе которой необходимо проследивать исторические периоды на протяжении, к примеру, XX в., характеризующиеся радикальным изменением геополитической конфигурации мира, новой расстановкой сил, деградацией старых и возникновением новых «центров силы»¹. Данные периоды, к которым относятся в первую очередь обе мировые войны и момент распада мировой социалистической системы, достаточно подробно изучены историками и политологами на основе изучения архивных документов, дипломатической переписки, теоретических исследований и мемуаров. Остановимся на нескольких ключевых замечаниях, которые характеризуют геополитическую конфигурацию мира на протяжении XX – начала XXI веков. 1) Период накануне Первой мировой войны характеризовался (рис. 22) наличием трех основных групп стран, определивших геополитическую иерархию: Британская империя, «претенденты» на мировое лидерство (США, Германия, Россия

¹ Андреев В. Г. Геополитика и мировая война // URL: http://www.sbiblio.com/biblio/archiveandreyev_eopolitimirwoina/; Винокуров Г. Н., Коняхин Б. А., Подкорытов Ю. А. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов // Стратегическая стабильность. – 2008. – № 2. – С. 49–53.

и Франция, имевшие примерно одинаковые близкие статусы) и региональные державы (Австро-Венгрия, Италия, Япония).

Рисунок 22. Статусы ведущих стран накануне Первой мировой войны

2) Период между мировыми войнами характеризовался (рис. 23) существенной трансформацией геополитической иерархии. К 1922 г. в «статусном» проигрыше оказались все европейские страны, в том числе и победители. Единственной страной, получившей безусловную геополитическую выгоду от войны, закрепленную благодаря Версальско-Вашингтонской схеме мироустройства, оказались США. В 30-е гг. значительно возросли статусы Германии и Японии, но уже к концу 30-х гг. на третье место в «статусном» соревновании вышел Советский Союз.

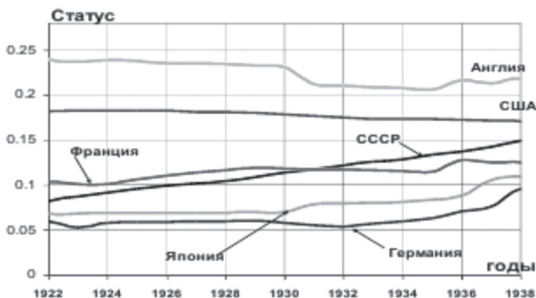

Рисунок 23. Статусы ведущих стран между двумя мировыми войнами

3) Вторая мировая война еще более радикально, чем предыдущая, изменила геополитическую конфигурацию мира (рис. 24).

Мировым лидером впервые, опередив Англию, стали США. Полностью утратили свой статус страны фашистского блока. Вновь образовались три основные группы стран: а) США и СССР – лидеры новой биполярной системы (СССР впервые в своей истории вышла на второе место в мире, которое было утеряно только с его распадом в 1991 г.); б) Англия, Франция, Германия и Япония, статусы которых практически сравнялись; с) Китай стал третьим «центром силы» послевоенного мира.

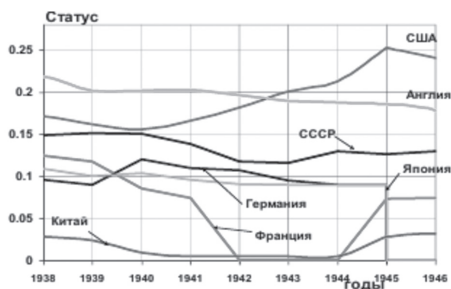

Рисунок 24. Статусы ведущих стран в период Второй мировой войны

Более наглядно это просматривается на рис. 25.

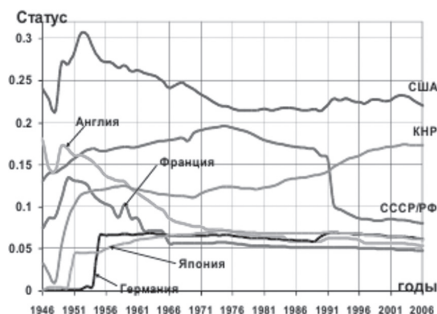

Рисунок 25. Статусы ведущих стран в период 1946–2006 гг.

Как следует из рис. 25, геополитическая дистанция (разность статусов) между нашей страной и США была минимальна в середине 70-х гг. Впервые в своей истории наша страна очень близко приблизилась к США¹.

Глава 6. Реквием по советской цивилизации

§ 1. Россия молодая в тисках постсоветизма («Фактор понимания» А. А. Зиновьева)

В современную эпоху многочисленные и разнородные объяснения исторического процесса направляются в единое русло глобального мировидения коэволюционного развития природы и общества. Некоторые авторы пытаются утверждать идею вечности капитализма (глобализма как его современной модификации) и исторического поражения коммунизма, лишая, тем самым, свои теоретические рассуждения важного вопроса – вопроса о смысле человеческой истории. Раз капитализм в своей сути вечен, то теряется всякий смысл его теоретического анализа, который во многом заменяется утопическими построениями и идеологической апологетикой. Так, к примеру, Жак Аттали с легкостью, достойной удивления, заявил: «Я вообще не считаю, что выбор между социализмом и капитализмом – это именно тот вопрос, который определяет современную эпоху». Отличие нашей эпохи, по его мнению, – «глубокое противоречие между рынком и демократией». Далее наступит, как заявляет Аттали, ссылаясь на свою новую книгу «Краткая история будущего» (2006), этап мирового господства рынка без демократии, т. е. «глобальной приватизации экономики» без вмешательства государства, т. е. «гиперимперии». После того, как результат массовых народных движений (когда «бедность станет правилом») наступит этап войны – «гиперконфликта». Ну а на смену этого этапа, если человечество его переживет, с воодушевлением заявляет Аттали, придет не социализм, а «гипердемократия», т. е. демократия, утвердившаяся в глобальном масштабе и ставшая не менее могущественной, нежели рынок. Однако это достаточно утопичное мировидение Аттали дополняет тезисом, вполне

¹ Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 360 с. – С. 226–234, 6 (авторы приложения 1).

соответствующим принципу материалистического объяснения истории: «Будущее принадлежит не постиндустриальному, а, наоборот, „гипериндустриальному“ обществу, где основная роль отводится не производству услуг, как это подразумевает постиндустриальная концепция, а *производственной сфере* (выделено нами. — И. К.). Более того, „индустриализация“ охватит даже сферу услуг. Этот процесс начался уже сейчас благодаря информационным технологиям. И так будет происходить буквально во всех областях жизни»¹. Искать же смысл происходящего — значит выявлять причины, источники развития, характеристики изменений, направленность и цели развития, витальную и духовную ценность происходящего. Кстати, осенью 2010 г. в Колумбийском университете в ходе дискуссии «Суверенные фонды и долгосрочные инвестиции: Новая форма капитализма?» шла речь о появлении в мире новой формы капитализма — суверенных национальных фондов благосостояния, которые станут локомотивом глобального развития. «Новые суверенные игроки, аккумулирующие громадные средства в своих фондах и принимающие международные правила, способны сыграть конструктивную роль в новых условиях посткризисного мира», — заявил журналистам лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц. Гигантский ресурс, управляемый правительствами, может стать инструментом долгосрочных планируемых инвестиций сроком на 20–30 лет и в будущем застраховать мир от потрясений, связанных с паникой и утратой доверия на фондовых рынках. Суверенные фонды, которые, в отличие от бизнес-компаний, настроенных на быстрые прибыли и вынужденных их постоянно демонстрировать для поддержания своей рыночной стоимости, могут стать главной движущей силой «социально ответственных инвестиций». «Миру нужны инвестиции в будущее, в развитие», — предсказывал Стиглиц².

Так возникают новые смысловые конструкции в объяснении перспектив социального развития. Но при этом нельзя забывать: любая теоретическая система, имеющая отношение к познанию социума и исключаящая из рассмотрения вопрос о природе и смысле социальных закономерностей, противоречит теореме К. Гёделя о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой системы. В соответствии с этой теоремой если какая-либо содержательная теоретическая

¹ *Аттали Ж.* Понятие «нация» превратится в отзвук былых реалий // Россия в глобальном мире. — 2007. — Т. 5. — № 2. — С. 52–61.

² URL: <http://news.mail.ru/society/4578956/>.

система содержит в себе предложения, истинность которых в рамках этой системы не может быть ни доказана, ни опровергнута, то это означает, что система не только принципиально неполна (т. е. она не исчерпывает всего заложенного в ее структуре смысла), но и обладает значительной долей неопределенности. Иначе говоря, социальная теория должна предлагать варианты ответов на вопрос о смысле истории. Более того, социальной теории, лишенной постановки вопроса о смысле истории, присуща значительная доля неопределенности, что позволяет интерпретировать ее взаимоисключающим образом и выводить из нее прямо противоположные следствия. И наоборот, вопрос о смысле в контексте социальной теории задает определенную направленность и предназначенность ее для всего человечества вообще или же для определенных социальных общностей как основа идеологии и программа действий.

В связи с этим обратимся к творческому наследию Александра Александровича Зиновьева, который в своих последних работах и выступлениях утверждал мысль о необходимости разработки научного подхода к изучению реального коммунизма, который строился в Советском Союзе.

Социологический анализ реального коммунизма и формулировки социальных законов были органично связаны с предвидением будущего России. Заключение последней своей работы «Фактор понимания» автор завершает далекими от оптимизма словами: «Если в двух словах подвести итог эволюции человечества за прошедшую историю, он уложится в одну-единственную фразу: человечество как целое утратило смысл самого своего социального бытия. Оно убило сам фактор своего понимания... Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости»¹. Действительно, деидеологизация общественной жизни в той или иной форме, навязывание плюралистического мировоззрения уводят мыслящий разум от необходимости поиска смысла социального бытия. Социокультурное пространство предстает как некий калейдоскоп явлений, не заключающее в себе какого-либо смысла. Деидеологизация как раз и есть ситуация отказа от поиска смысла происходящего и сущего.

Постижение смысла обусловлено не только обращением к истории, что позволяет проследить его развертывание в форме общезначимой мысли, фиксирующей вечные ценности человеческого бытия, картины мира

¹ Зиновьев А. А. Фактор понимания. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. — 528 с. — С. 427.

(художественную, религиозную, научную), социальной идеологии. Это еще и обращение к будущему в контексте той философской парадигмы, которая задает образ мира на основе господствующих духовных интенций современности.

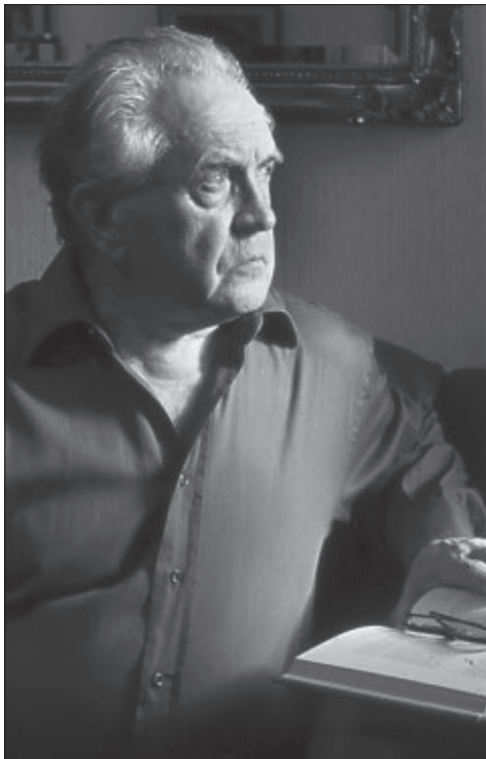

Рисунок 26. Александр Александрович Зиновьев

[scale_1200 (1100×785) (yandex.net)]

В «Факторе понимания» автор сформулировал ряд законов социальной организации и динамики и на их основе предложил свою интерпретацию «советизма», «западнизма» и «постсоветизма». Более того, Зиновьев выявил тенденции социального развития, которые воплотились в глобальном советском проекте и которые пытается реализовать политическая элита Запада

в проекте нового мирового порядка после крушения советского проекта. Не ограничиваясь сугубо теоретическими рассуждениями, хотелось бы, в их развитие, задать вопросы: утрачивает ли человечество смысл своего существования, в чем ценность социального бытия? Уж очень не хотелось бы, чтобы такой удел достался нашим потомкам. Что тогда говорить о смысле существования наших предков, если *здесь и теперь* порвалась связь времен? Раньше смысл был, руководил нашими поступками, а теперь он утрачен.

Советизм, по Зиновьеву, — это Советский Союз на протяжении более чем семидесятилетней своей истории, социальная организация, ставшая лидером социальной эволюции человечества в XX веке, вершина российской истории. Советизм предстал как реальный коммунизм, который, считает Зиновьев, зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Западнизм автор определяет как социальную организацию западной цивилизации. Западнизм — это продукт холодной войны, в ходе которой интеграция западного мира осуществлялась под эгидой США с главной мотивировкой спасения его (западного мира) от угрозы советского коммунизма. Западнизм, утверждая себя в процессе этой интеграции как сверхобщество после окончания Второй мировой войны, направил все свои усилия против Советского Союза как исторически первый образец сверхобщества с претензией на мировое лидерство, опередивший западный мир в эволюционном развитии более чем на полвека. Двумя геополитическими лидерами в то время стали СССР и США, а сверхобществами — реальный коммунизм (включивший в свою орбиту социалистические страны) и консолидирующийся западнизм, «глобальное западнистское сверхобщество». Деятельность последнего вовне, по отношению к остальному миру, Зиновьев называет западнизацией, сущность которой состоит в навязывании западным народам и странам социального строя экономики, политической системы, идеологии, культуры, образа жизни, подобных таковым, что существуют в западных странах.

Первая глобальная победа западнизма — это «антикоммунистический переворот» в Советском Союзе в 1991 г., который готовился на всем протяжении холодной войны. Но на этом процесс западнизации не завершился, он обретает, по мнению Зиновьева, форму «эволюционной войны», т. е. мирной войны за всю последующую эволюцию человечества. Следует обратить внимание на еще один указанный Зиновьевым феномен — постсоветизм, поскольку действие данных законов выявляется как раз в единстве этих

трех феноменов: советизме, западнизме и постсоветизме. Постсоветизм — это та организация социума, которая сложилась в России в результате антикоммунистического переворота. Переход от советизма к постсоветизму был осуществлен насильно и планомерно, а не как естественноисторический процесс, соответствующий историческому, социокультурным и геополитическим условиям существования России — СССР. Возникший на наших глазах постсоветизм представляет собой своеобразный гибрид советизма, западнизма и «национально-русского (дореволюционного) фундаментализма». На примере подобного гибрида как раз и предоставляется возможность проследить действие социальных законов. Возникновение этого гибрида явилось результатом действия законов социальной регенерации и социальной деградации (законы социальной организации в целом), а также законов социальной гибридизации, зеркальности и управления, которые выявляют социальную динамику.

Попытаемся разобраться в этой матрице социальных законов. Согласно *закону социальной регенерации*, считает Зиновьев, советизм выступает решающим фактором формирования постсоветизма. Западнизм, в свою очередь, становится ингредиентом постсоветизма по воле и намерениям устроителей антикоммунистического переворота и их последователей под давлением со стороны сил Запада. Однако внедрение западнизма в социальную организацию России осуществляется в нарушение действия *закона адекватности* (соответствия, однокачественности) социальной организации человеческому материалу, материальной культуре, природным условиям и историческим традициям.

Созревание постсоветизма происходит также в силу действия *закона социальной деградации*, суть которого проявляется в реанимации православия, дореволюционных названий, обычаев, различных явлений культуры, идей монархизма, великодержавности и т. п. Смысл деградации заключается в том, что эти «новации» искусственны, они изобретаются как фальсификация прошлого в качестве средства, используемого против устоев советизма и его естественноисторической обусловленности. В своем единстве действие законов социальной регенерации, деградации и адекватности объединяются в *законе социальной гибридизации*, определяющего динамику развития постсоветизма. Появление последнего, в отличие от советизма и западнизма самих по себе, это не естественноисторический процесс, а процесс целенаправленный, планируемый и управляемый.

В соответствии с законом гибридизации эволюция *постсоветизма* может осуществляться по двум направлениям (раздвоение единого) — *советизированный* западнизм либо западнизированный советизм. Внешние факторы инициируют развитие постсоветизма по первому направлению. Однако внутренние факторы, укорененные историей, традициями, менталитетом и характером экономического развития, утверждают приоритеты западнизированного советизма. Зиновьев полагает, что наиболее вероятно эволюция постсоветизма в направлении западнизированного советизма. Однако главным препятствием на этом пути является позиция «Кремля», который «в силу необходимости и действия социальных законов вынужден делать нечто такое, что выглядит как восстановление советизма, но делает это, сохраняя и укрепляя результаты антикоммунистического переворота и придавая своим действиям подчеркнuto антикоммунистический характер»¹. Эволюция постсоветизма в направлении западнизированного советизма — это имитация советизма. Постсоветизм — закономерный преемник советизма, а имитационность становится свойством, определяющим сущность социальной организации постсоветской России. В реальности происходит неуклонная деградация во всех аспектах общественной жизни, но вместе с тем разрастается виртуальная компонента жизни, имитирующая подъем, возрождение России.

Зиновьев указывает на действие в постсоветизме еще одного закона — *закона зеркальности*, согласно которому постсоветская идеология представляет Россию, в действительности находящуюся по большинству показателей экономической, социальной, военной, геополитической и культурной динамики на нисходящей ветви эволюционного развития, как будто бы идущей от успеха к успеху. На нисходящей ветви эволюции действуют те же социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют как зеркальное отражение: похоже, но наоборот. На деле получается лишь имитация подъема, успеха: меры по подъему российской экономики сводятся к встраиванию ее в мировую экономику исключительно в качестве сырьевого придатка, а действия по укреплению власти ведут к ее ослаблению и разрушению связей между Центром и регионами. Все это ведет к появлению реальных предпосылок нарушения целостности страны как единого целого, что было

¹ Зиновьев А. А. Фактор понимания. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 528 с. — С. 521.

обусловлено, как отмечает А. Зиновьев, выбором для России губительного направления по нисходящей ветви эволюционного процесса.

Постсоветизм — ставшая реальность, по отношению к которой законы социальной динамики воплощаются в постановке целей, прогнозировании, проектировании и управлении социальными процессами. Цели, социальное прогнозирование, проектирование и управление реализуют, в таком случае, действие законов социальной динамики. Целями выступают как построение общества социальной справедливости, так и построение общества, в котором утверждается принцип социального неравенства и обогащения меньшинства за счет бедствующего большинства. Социальное проектирование опирается на социальные цели, которые выражают глубинные ментальные характеристики цивилизационного устройства того или иного общества, и направлено на создание масштабных социальных институтов, социальной инфраструктуры и социотехнических систем, которые в своей совокупности обеспечивают развитие и функционирование социума на новых принципах организации. Так советский проект включал в себя и утверждение социалистических отношений, и создание институтов государства, и реализацию масштабных технических проектов, обеспечивающих геополитическую безопасность Советского Союза: ракетно-ядерного щита, освоение космоса, коммуникационной (транспортной и информационной) инфраструктуры страны. Для постсоветизма такого рода социальное проектирование представляется проблематичным. Во-первых, весьма нечеткими, размытыми предстают социальные цели российского политического руководства. Советский проект все ещё остается невостребованным современными строителями будущего российской цивилизации. Так глава Института современного развития (ИнСоР) Игорь Юргенс предлагал простую систему действий: государство продаёт газ и нефть, получаемые доллары закачивает в программы инновационного развития, подготовленные олигархическими структурами и госкорпорациями. Эти структуры за баснословные суммы будут покупать у зарубежных компаний устаревшие и порой ненужные технологии. Никакой модернизации Россия не получит и столь же плотно будет сидеть на сырьевой игле, как и все последние 20–30 лет, потому что основным источником финансирования импорта технологий останется сырьевой сектор и государство. Но вот беда, сокрушается Юргенс: «Модернизации России мешают русские — основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет». «Русские еще очень архаичны. Выпаривать из российского народа

общинно-коллективистскую архаику, — полагает он, — предстоит еще лет пятнадцать»¹. Такая идеология социального реформирования предлагается к исполнению: выпаривание из народа его архаичности, т. е. души, культуры, морали, самоопределения, что равноценно духовному и моральному его уничтожению.

§2. Память о советской культуре в глобальном веке

На первой конференции «Советская культура в контексте истории XX века» (Санкт-Петербург, май 2000 г.), серия которых продолжалась в стенах Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова по инициативе кафедры глобалистики и геополитики — кафедры ЮНЕСКО до 2016 г., профессор А. С. Мыльников верно и справедливо заявил: «Феномен советской культуры занимает место в системе исторической типологии мировой культуры как один из наиболее значимых и вместе с тем драматических периодов в истории борьбы человечества за идеалы социальной справедливости. В этом заключена его поучительность и непреходящая ценность»². Действительно, как и любое другое социальное явление, советская культура с позиций современного исследователя не может допускать ни огульного охаивания, ни безудержной идеализации. Субъектом советской культуры, ее создателем были рабочие и крестьяне еще царской России, представители многих наций и народностей, населявших ядро евразийского континента, единый советский народ, утверждавший новый образ жизни. Именно поэтому подход, ставящий в центр исследования культурной истории, культурного строя Советской страны человека, личность создателя нового общества, должен быть исходным ценностным критерием при оценке всех сторон советской культуры. В таком случае всяческие попытки анализа советской культуры сквозь призму тоталитаризма, идеологизаторства, которыми успешно грешили многие авторы после развала Советского Союза, все более и более явно предстают как дань времени и политическому заказу. По-моему, пришло

¹ URL: http://community/nationalsovet_rf/.

² Мыльников А. С. Феномен советской культуры как предмет изучения: пять советов будущим исследователям // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы научной конференции. В 2-х ч. Ч. 1. — СПб., 2000. — С. 8.

время трезвой, справедливой и, не побоюсь этого слова, патриотической оценки культуры, которая впитала в себя все ценное и жизнеутверждающее из предшествующей культурной истории, которая воспитала наших родителей и нас самих, благодаря которой наша страна за исторически короткое время стала великой мировой державой.

Для определения контуров темы остановлюсь на трех документах, характеризующих состояние советской культуры на стадии ее становления, расцвета и разрушения. 16 октября 1918 г. было опубликовано обращение «От Государственной комиссии по просвещению», в котором, в частности, провозглашалось: «Высшей ценностью и в социалистической культуре останется личность. Но эта личность может развернуть со всей возможной роскошью свои задатки только в гармоничном и солидарном обществе равных»¹. Тогда же первый нарком просвещения А. В. Луначарский, заявлял: «Нам нужна культура, начиная с грамоты и кончая наукой, культура в области мысли и культура в области чувства»². Дальнейший ход истории показал, что эти, казалось бы, утопично-наивные, но жизнеутверждающие слова воплотились в реальную жизнь советского народа.

Прошли десятилетия. В Программе КПСС 1961 г. было заявлено, что «в стране осуществлена *культурная революция*». Практика социалистического строительства требовала всестороннего исследования советской социалистической культуры, с чем было связано проведение большого числа научных конференций, организация исследовательских центров, подготовка кадров, издание массы научной и популярной литературы. Вот какой представлялось культура развитого социализма: «Социалистическая культура, — по словам акад. М. П. Кима, — это динамичное состояние духовной жизни общества первой фазы коммунистической формации, определяемое социалистическим способом производства и характеризующееся высокими достижениями в духовном (интеллектуальном, моральном, художественном) росте трудящихся масс и их сознательно-активным участием в духовном производстве, невиданными в прошлом успехами в освоении мира и направляющей ролью в нем социалистической идеологии рабочего класса, органическим сочетанием завоевания науки и искусства с диалектико-материалистическим мировоззрением, интенсивным процессом

¹ Народное образование в СССР // Сб. док. 1917–1973 гг. — М., 1974. — С. 141.

² Луначарский А. В. О народном образовании [Текст]: [Статьи и речи за период 1917–1929 гг.] / [Вступ. статья И. Каирова]; Акад. пед. наук РСФСР. — М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. — 559 с. — С. 273.

социальной интеграции и интернационализации духовной жизни, единством национальной формы и интернационального содержания культуры, гуманистической системой производства, накопления, распределения и потребления духовных ценностей, цель которой — всемерное увеличение духовного потенциала социализма, создание духовных предпосылок перехода к коммунизму, формирование гармонически развитой личности строителя коммунизма»¹.

Я не буду делать критический анализ этого весьма «тяжеловесного» (содержащего более 90 слов) и несколько одностороннего (речь идет лишь о духовной составляющей культуры) определения социалистической культуры. Следует обратить внимание на то, что она понимается как *орудие социализма*, как *средство развития* «человеческого в человеке» и подъема творческих сил всего народа.

Здесь вполне уместно вспомнить относящиеся еще к 2002 г. признания А. Проханова, сохранившего верность социалистическим идеалам и противопоставляющего свой творческий прорыв веяниям западной либеральной культуры. В одной из своих публикаций, осмысливая на примере литературы состояние советской культуры эпохи развитого социализма, Проханов замечал, что под ее куполом «существовало всегда условно два направления. Это было направление национально-патриотическое, которое трудно и мучительно пробивало себе жизнь под этим нормативным куполом. То направление, из которого потом родились блестящие деревенщики и которое было целой школой деревенщиков. И так сказать либерально-западная культура: Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Григорий Бакланов, Гранин, замечательный Юрий Трифонов. Эти две ветви одной советской, „красной“, культуры сосуществовали рядом, взаимодействовали внутренне, открыто или закрыто, все время полемизировали, отталкивались одна от другой, в философском и эстетическом смысле конкурировали, бились за идеологическое пространство. Это создавало очень интересную музыку, хор советской литературы и советской культуры. Так же было и в кино, в музыке и живописи». После распада Советского Союза, продолжает далее Проханов, национально-патриотическое направление обрело статус оппозиционной культуры, а либерально-западное — «демократической элитарной культуры», в которой «не рождается ничего:

¹ Ким М. П. Проблемы развития социалистической культуры (некоторые теоретические аспекты) // Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории / Под ред. М. П. Кима. — М.: Наука, 1978. — С. 32.

ни архитектурные произведения, ни оперы, ни музыка, ни романы, рождается только ядовитый смертельный бесконечный насморк юмористов»¹. Более того, дополнял Проханов, в ходе длительного противостояния этих двух направлений зародилась культура «тридцатилетних» — аполитичная, эстетствующая, выражающая постмодернистские умонастроения.

Такая инверсия советской культуры, выразившая тенденции разрушения некогда цельного монолита, включает в себе и положительные тенденции. Произошло достаточно четкое размежевание линий развития современной отечественной культуры. Одна из них, либерально-западная, прикормленная нынешней российской властью, весьма импульсивная и непоследовательная, эклектичная и поверхностная, спекулируя на стереотипе «все советское — плохое», выражает жадное стремление явных и неявных ококультурных деятелей разрушить строй русского национального самосознания. Более того, — разрушить «связь времен» отечественной культурной истории, веками обогащавшейся национальными культурами, и ввергнуть новые поколения соотечественников в лоно мировой (читай, западной) цивилизации.

Другая линия определяет сердцем выстраданную борьбу за сохранение идеалов справедливости, героизма, добрых чувств, оптимизма, которые были присущи отечественной культуре на протяжении всей ее истории и воплотились в том советском патриотизме, который утверждался многими отечественными писателями, художниками, композиторами. Лишь непредвзятым взором, следуя этой линии, можно усматривать новизну и преимущество советской культуры в том, что она утверждала общечеловеческий нравственный и исторический смысл всего советского строительства как наиболее прогрессивного, а типического героя советского искусства как человека высокой идеи и гуманного поступка, раскрывающегося через исторические деяния своего народа. Подчеркивая еще раз мысль о патриотизме как стержне национального самосознания, пронизывающем издревле отечественную культуру, следует вспомнить проникновенные слова А. Н. Толстого, сказанные им в суровые ноябрьские дни 1941 г.: «Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру

¹ Проханов А. Я — певец красной империи // Советская Россия. 11 июля, 2002.

и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле. Когда-нибудь, наверно, национальные потоки сольются в одно безбурное море, — в единое человечество. Но для нашего века это за пределами мечты. Наш век — это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье»¹.

«Суровая, железная борьба» продолжается в начале XXI века, что находит свое выражение в творчестве и подвижничестве тех, кто придерживается этой второй линии развития отечественной культуры и тем самым сохраняет память о предшествующих этапах ее развития. Кстати говоря, на протяжении предшествующего века отечественная культура претерпела две фазы развития: *дивергенции*, т. е. расхождения некогда единой культурной истории по двум направлениям (советская культура и культура русского зарубежья), и *конвергенции*, схождения в последние годы этих, некогда непримиримых или искусственно разрываемых по идеологическим соображениям направлений. Ныне активно осваивается духовное наследие представителей русской религиозной философии, позитивистов начала XX в., евразийцев и многих других.

Но при этом надо отметить, что отечественная культура начала XX в. характеризовалась противоречиями, имеющими глубокие социально-экономические корни. Речь идет о двух взаимоисключающих тенденциях — демократической и элитарной. Первая развивалась «вширь» и заключалась во внесении культурных ценностей в широкие народные массы. Это была популяризация научных знаний, развитие народного образования и т. д. Элитарная тенденция, напротив, была представлена узким кругом деятелей культуры, тех же религиозных философов, позитивистов, представителей искусства. Первая тенденция впоследствии реализовалась в культурной революции с начала 20-х годов. Вторая поначалу воплотилась в краткий по продолжительности «серебряный век», своеобразный культурный ренессанс, а после Октябрьской революции была представлена культурой русского зарубежья. Цели и ориентиры этих тенденций не сходились между собой, что усложнялась еще одной ситуацией. К началу XX в. в русской культуре назрел внутренний раскол, во многом определяемый социально-политической ситуацией. С одной стороны, в культурной истории стала утверждаться революционно-демократическая тенденция, согласно которой культура

¹ Толстой А. Н. Родина // Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. — М., 1961. — С. 506.

(и литература, в первую очередь) рассматривалась «важной и существенной принадлежностью жизни» (Н. А. Добролюбов). Культура должна была служить интересам народных масс и выражать своими средствами их думы и чаяния. С другой – та самая «охранительная» идеология, которая утверждала недопустимость влияния на отечественную культуру и искусство «всепожрающих средних людей». К ним К. Н. Леонтьев относил европейцев «дурного тона и нестерпимых претензий, которых я не умею иначе назвать как *современными хамами*... Цивилизованного в общеевропейском стиле хама истинный (т. е. искренний сам с собою) художник любить не может»¹. Д. С. Мережковский развил тему «*современного хама*» в образе триединого «Грядущего Хама»: Первое лицо его – самодержавие, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющий русский народ от русской интеллигенции и церкви, второе – «мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной», а третье – «лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц»². Эти слова Мережковского звучали как предупреждение о грядущих потрясениях, которые охватят все слои российского общества, а «Грядущий Хам» скрывался в нарождающемся в начале XX в. футуризме. «Встречайте же его, господа эстеты, академики, культурники, – восклицал Мережковский. – Вам от него не уйти никуда. Вы сами родили его: он вышел из вас, как Ева из ребра Адама. И не спасет вас от него никакая культура»³.

И все же история распорядилась так, что будущее России было связано с культурным творчеством масс. Да, действительно, оно было политизировано, наполнено стремлением революционного переустройства общества. В недрах учения о социалистической революции получали развитие представления о творчестве масс как истинном творчестве (А. М. Горький). Сама революционная эпоха взывала к утверждению реализма как ключевого метода осмысления и выражения самой себя. И делом культурной жизни, согласно А. В. Луначарскому, был «единый культурной поток», «единый социальный прогресс», «общая культурная картина». А. А. Богданов, исходя

¹ Леонтьев К. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Критические статьи. – М.: Издание В. М. Саблина, 1912. – 357 с. – С. 103.

² Мережковский Д. С. Грядущий Хам. – СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. – 185 с. – С. 37.

³ Мережковский Д. С. Еще шаг грядущего хама // Русское слово. – 29 июня, 1914.

из анализа «культурной ситуации» (труд признается как основной фактор приспособления к окружающей среде и, тем самым, творения культуры), выводил типологию культурно-исторических общностей. На этой основе он утверждал о наличии в истории трех типов культуры — *авторитарного, индивидуалистического и коллективистского*. По его мнению, базой для перехода от индивидуалистической к коллективистской культуре должен быть исторически преходящий тип — *пролетарская культура*¹.

Так различное толкование творчества (индивидуального либо массового) привело к признанию в России двух культур: буржуазной и пролетарской (как переходной, предваряющей развитие коллективистской культуры). Социалистическая революция в России развела по обе стороны баррикады культуру советскую и культуру русского зарубежья. И если вторая, возвращенная нам сегодня, в своих первоисточниках, представляет необычайно широкую и пеструю палитру образов, мнений, идей о судьбах России, то первая воплотилась в реальную жизнь поколений советских людей со всеми ее грандиозными достижениями и неизбежными потерями. В данном случае хотелось бы высказать несогласие с суждениями И. В. Кондакова, автора довольно содержательной, но явно тенденциозной книги, посвященной истории отечественной культуры и опубликованной в 1994 г. в качестве учебника для вузов. Так автор заявляет, что Россия дважды стояла перед выбором: *революция* или *культура*. В 1907 г. история остановила свой выбор на «точке развития культуры». В октябре 1917 г. история выбрала «точку зрения жизни», предпочтя творчеству культуры — историческое творчество, «живое творчество масс». Оппозиция творческого меньшинства и пассивного большинства вновь предлагается этим автором новым поколениям, но уже как осознанная поведенческая установка. Социалистическая революция, оказывается, произошла, по Кондакову, из-за дефектности, «образного компонента русской культуры», постоянной и нередко ожесточенной борьбы «между логико-понятийным, формальным мышлением и образно-ассоциативным, во многом интуитивным мышлением в русской культуре второй половины XIX — начала XX века».

Довольно однозначно и бездоказательно автор утверждает, что культура русского зарубежья «как единая и целостная система... выстраивалась в последовательном противопоставлении русско-советской культуре: как

¹ *Богданов А. А. Наука об общественном сознании. — М., 1918. — С. 103.*

истинное — ложному, национальное — вненациональному, духовное — бездуховному и т. п.». Советская культура признавалась автором не иначе как тоталитарная, порожденная тоталитарным типом цивилизации, «застрявшим» между восточным и западным типами, и теперь все же идущим к западному, либерально-демократическому типу цивилизации как наиболее предпочтительному варианту мирового развития¹. И все же, хотим мы того или нет, плюрализм мнений должен, очевидно, находиться в согласии с исторической правдой и теоретической доказательностью. Обратимся к фактам.

В начале XX в. Россия находилась в первой десятке развитых в культурном отношении стран Европы. В 1913 г. грамотность населения России от 8 лет и старше составляла 38–39%, начальным образованием было охвачено не более половины детей школьного возраста. И в то же время в русской науке были представлены практически все направления научной мысли того времени при численности научных работников и преподавателей вузов (накануне 1917 г.) — 10–11 тыс. чел. На рубеже веков Россия «выстрадала марксизм» (К. Каутский) и стала родиной ленинизма, который органически вошел в отечественную культуру. Тысячелетняя история развития отечественной культуры воплотилась в том, что на рубеже веков русская литература светом своего факела озарила всю Европу. Русская школа актерского искусства была ведущей в мире. Русская музыкальная культура занимала одно из первых мест в Европе. Русское изобразительное искусство, оставаясь самобытным, было признано мировым искусством. В 1900–1917 годах в России наблюдался, по мнению В. И. Вернадского, расцвет научной и философской культуры. В целом интеллектуальный потенциал России того времени характеризовался как потенциал цивилизованного государства².

Идея преемственности развития культуры находила различные формы выражения во всех направлениях художественной культуры, главной проблемой которой является народность, приобщение народных масс к искусству. Народность искусства, получившая выражение в слиянии видов и жанров искусства, в определенном смысле воспроизводила «монументальный историзм» древнерусской культуры как стиль эпохи,

¹ Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. — М., 1994. — С. 191, 364.

² См. подробнее: Россия в XX веке: историки мира спорят / Под ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1994.

являвшийся единым для всех видов искусств. Своеобразным символом этого стиля зарождающейся советской культуры может служить барельеф М. Г. Манизера, изображавший рабочего с маховым колесом. Это была не только аллегория труда, индустриального порыва, но и символическое утверждение победы рабочего класса: рабочий, вращающий маховое колесо, как бы вращает колесо истории. Знаменитая «Мистерия-буфф» Владимира Маяковского, написанная к празднованию первой годовщины Октябрьской революции, представляла собой, по признанию самого автора, «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». В канун представления спектакля в Петрограде нарком просвещения А. В. Луначарский в статье «Коммунистический спектакль» для газеты «Петроградская правда» писал: «Единственной пьесой, которая задумана под влиянием нашей революции и поэтому носит на себе ее печать, задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую, является „Мистерия-буфф“ Маяковского»¹. Так зарождался новый стиль, дух, самокритический зазор и жизнеутверждающая поступь новой культуры «в нашей буче, боевой, кипучей».

Социалистическая культура, преодолев мощнейшую волну Пролеткульта, пытавшуюся смыть в безвестность все богатство мировой культуры, на протяжении XX в. не только восприняла все то, что было достигнуто человечеством, но воплотила в себе общецивилизационный рывок в будущее.

Что из всего богатства нашей культуры взять на вооружение для сохранения русской, советской, российской цивилизации? В самом деле, каков субстрат цивилизационного ядра России? Каков геополитический статус России? Каковы ответы России на глобальные вызовы современности? Ответы на эти вопросы следует искать, опираясь на четкую научную методологию. И на ясное мировоззрение. В современной постмодернистской ситуации, очевидно, неправомерно будет утверждать главенство какого-либо одного метода, подхода к анализу обозначенных выше проблем. Думается, правомерно будет утверждать необходимость совместного включения в методологию трех подходов — *цивилизационного, геополитического и глобального*. Все они тесно связаны между собой, хотя каждый из них обладает своей спецификой. Кстати, нечто подобное отмечал в свое

¹ *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13-тт. Т. 2. — М.: ГИХЛ, 1956. — 519 с. — С. 507.

время в книге «Европа и душа Востока» В. Шубарт (она была написана накануне Второй мировой войны и переведена на русский язык в 1943 г. В. Васильевым – Востоковым).

Рисунок 27. Манизер М. Г. «Рабочий», 1920–21 гг.

(5900f215093d15dce49cd2aa523e64abae6688a-n3.jpg (600×800) (gufo.me))

«У русских, — отмечал Шубарт, — с их четко выраженной способностью к цельному созерцанию, всегда было сильно развито чувство, что ничто не следует рассматривать в отдельности. Как только они стали заниматься собой, их мысль — от Чаадаева до евразийцев — вертится вокруг вопросов: кто мы по отношению к Европе? Неполноценные или просто молодые? Или

совсем другие? Запоздавшие последыши европейской культуры или провозвестники новой культуры Востока? Эти вопросы сводятся к одному, более общему: что разделяет народы — разница в возрасте, противоположность типов? А это уже касается последних проблем: каковы определяющие факторы истории? В чем ее смысл? Кто рассматривает судьбы народов в такой плоскости, тот расширяет рамки их исследования до всеобщей философии культуры»¹. Эту культурологическую рефлексию, подмеченную в русской культуре, Шубарт обобщает на основе детального анализа «прометеевской культуры», элементы которой он выделил среди «трех ведущих сегодня народов Европы»: «Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз — как на салон, немец — как на казарму, русский — как на храм. Англичанин жаждет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы. Англичанин ждёт от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего. Он не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства... Русский всечеловек как носитель нового солидаризма — единственный, кто способен избавить человечество от индивидуализма сверхчеловека и от коллективизма массового человека»². В этих проникновенных словах немецкого философа заключается мысль, наводящая на признание необходимости включения в геополитический анализ мировых процессов глубинных ментальных характеристик субъектов геополитических процессов, которые выступают отнюдь не безропотными исполнителями заданных политических действий, а, наоборот, являются выразителями пассионарных интенций, пассионарной энергии.

Итак, цивилизационный подход в современных исследованиях обретает особую значимость, поскольку в мировом сообществе на рубеже веков достаточно четко оформились локальные цивилизации (их еще называют геочивилизациями), каждая из которых может быть охарактеризована конкретными параметрами: количество входящих в них государств, площадь и размещение по территории, численность и национальный состав населения, принадлежность к мировым религиям, объем внутреннего валового продукта и др. Данный подход, получивший первоначально различные интерпретации в работах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, позволяет проследить макродинамику мировых процессов, инициируемых, в первую очередь,

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. — М.: Эксмо, 2003. — 480 с. — С. 29–30.

² Там же. — С. 39.

исторически сложившейся культурой, историей, определяемой этническим составом той или иной цивилизации и ее месторазвитием. Иначе говоря, цивилизационный подход предполагает, во-первых, анализ исторической динамики цивилизации (*диахронический* аспект анализа) а во-вторых, — выявление содержания и характера взаимоотношений между ними (межкультурные связи, экономические и дипломатические отношения, военные столкновения). Цивилизационный подход включает в себе не только историко-познавательную функцию, но и прогностическую. Однако эта прогностическая функция во всем своем объеме раскрывается в контексте геополитического подхода. В данном случае цивилизационный подход играет вспомогательную роль, а геополитическое исследование опирается на выявление содержания и характера взаимоотношений между цивилизациями на каком-либо определенном этапе исторического развития, в т. ч. на современном, в соответствии с принципом «вызов — ответ» (*синхронический* аспект анализа), что предполагает формирование сценариев дальнейшего развития цивилизаций. В свое время Г. В. Вернадский составил схему периодической ритмичности государствообразующего процесса в Евразии. Каждый из четырех этапов, согласно Вернадскому, включает две фазы: первая, *восходящая*, характеризовала создание единой всеевразийской государственности (Скифская держава, Гуннская империя, Монгольская империя, Российская империя, СССР), вторая, *нисходящая*, означала распад евразийского государства на различные системы государств (сарматы, хазары, Русь, узбеки и др.). Относительно возможной формы нисходящей фазы на четвертом этапе, начало которому было положено с образованием Российской империи и СССР, Вернадский высказался весьма осторожно: «С точки зрения прямолинейности схемы у многих читателей может возникнуть соблазнительная мысль: не должен ли вслед за периодом государственного единства Евразии вновь последовать период распада государственности... Предпосылки исторического развития изменились, так как ныне Евразия (эти строки автором были написаны в 20-х годах XX в. — *И. К.*) представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела. Поэтому теперь налицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло»¹.

¹ *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. — СПб., 2000. — С. 32–33 [далее автор делает пояснение: «Российская или всеевразийская государственность необходимо должна держаться форм сочетания единства и множества (особых форм федерации)». — Там же. — С. 33].

Составление сценариев геополитического развития российской цивилизации на евразийском континенте непременно должно основываться на отмеченных выше подходах. Причем необходимо учитывать, что из рассматриваемых ныне девяти локальных цивилизаций (геоцивилизаций) по крайней мере семь непосредственно граничат с Россией (кроме латиноамериканской и африканской). И вот теперь мы можем утверждать правомерность включения в исследовательский процесс того самого глобального подхода, который, во-первых, объединяет в единое целое рассмотренные выше цивилизационный и геополитический подходы, во-вторых, ориентирует аналитика на выявление мировых центров силы (актуальных, потенциальных и перспективных), в-третьих, предоставляет возможность составления сценарных проектов блокировки различных геоцивилизаций по различным основаниям – экономическим, политическим, территориальным, конфессиональным, социокультурным. Но в любом случае прочность того или иного блока, альянса, союза геоцивилизаций в виде полюса силы опирается на историческую память. Для современной России это, в первую очередь, память о недавнем советском прошлом.

§3. Евразийский дух советской культуры

Когда мы рассматриваем Русский мир в культурно-историческом и геополитическом контексте, то должны обратить внимание, в первую очередь, на следующие его характеристики:

- Русский мир предстает культурно-исторической общностью этносов и населяемых ими территорий, находящихся под влиянием российской культуры и государственности;
- Русский мир воспринимается как политический лозунг, отражающий имперские настроения, а после возврата Крыма в Россию – ключевое звено внешнеполитической доктрины России;
- Русский мир – общее «цивилизационное пространство», покоящееся, в интерпретации Русской православной церкви, на русской культуре, общей исторической памяти и православии;
- Русский мир – одна из геоцивилизаций полицентричного мира, претендующая на статус актора глобальной геополитики.

Собственно геополитическими истоками формирования идеи «Русского мира» следует называть, во-первых, идеологему «Москва – Третий Рим»,

дискурс славянофилов и западников относительно выбора Россией своего собственного пути в истории, а также концепция «Вселенской Империи» Ф. И. Тютчева. Примечательна мысль И. С. Аксакова, выступившего биографом поэта, по поводу этой концепции: «Было бы ошибочно, кажется нам, соединять с термином Тютчева „Вселенская Империя“ представление о каком-то воплощенном завоевательном принципе, ищущем поработить себе все народы и страны, и проч. <...> **его будущая Империя характеризуется тою особенностью, что духовное начало, которым она имеет жить и двигаться, есть начало православное, т. е. христианское церковное предание, сохранившееся теперь на Востоке, — одним словом, начало, исключаящее понятие о завоевании и порабощении.** <...>Россия, по мнению Тютчева, призвана поставить все народы и страны в правильные, нормальные условия бытия, освободить и объединить мир Славянский, мир Восточный, вообще явить на земле силу земную, государственную, просветленную или определенную началом Веры, служащую только делу самозащиты, освобождения и добровольного объединения»¹. Тютчев, как следует из этого комментария Аксакова, утверждал в идее Русского мира императивы самозащиты, объединения, но никак не завоевания и порабощения.

Конкретным историческим и этнографическим материалом наполнил идею Русского мира В. И. Ламанский, придав ей собственно геополитическое толкование. Он вплотную подходит к обоснованию концепции «Россия-Евразия», которая получила творческое развитие в «евразийских исканиях» Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского и Н. Н. Алексеева. В 1871 г. Ламанский в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» четко заявил: «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский основано на строгом различии их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще, культурных особенностей... славянство, именно в лице русского народа, представляет собой громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями»².

¹ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. — М.: типография М. Г. Волчанинова, 1886. — 327 с. — С. 230.

² Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. — 928 с. — С. 51, 95.

Следующий шаг в геополитическом обосновании идеи Русского мира как России-Евразии был предпринят евразийцами в 1926 г. в программном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)», где, в частности, утверждалась та идея, что «Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый <...> Евразия-Россия – развивающаяся своеобразная культурно-личность. Она, как и другие многонародные культурные единства, индивидуализирует человечество, являя его единство во взаимообщении с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, „историческую“ миссию. Но она притязает еще и на то и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур»¹. Следует иметь в виду, что зарождение евразийства в среде русской научной эмиграции относилось, по словам П. Н. Савицкого, к началу 1920-х годов, что совпало с разворачиванием НЭП в молодой Советской республике. Во многом идеи евразийцев совпадали с внутренней политикой советского руководства, однако эмигрантское происхождение евразийства не давало возможности взять его идеи на вооружение в те годы. Евразийство привлекло всеобщее внимание в нашей стране лишь в 1990-е годы и тогда же стало включаться в идеологию Русского мира. Более того, в докладе на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве Савицкий прямо заявлял: «Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены... Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»². Так предельно чётко и понятно Савицкий определил, во-первых, его роль по отношению к интерпретации евразийской истории России (имея в виду, преимущественно, работы Г. В. Вернадского). Во-вторых, Савицкий заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной (а не силовой, не военной, присущей немецкой и англо-саксонской геополитическим школам).

¹ Основы Евразийства. – М.: Арктогея-Центр, 2002. – 800 с. – С. 134.

² Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 123–124, 126.

Для оценки современного состояния геополитического пространства Русского мира в контексте перспектив евразийской интеграции необходимо учитывать глубинные процессы, связанные с глобальной трансформацией мироустройства. Последняя обретает контуры цивилизационного полицентризма и сетевой регионализации, обособления геоцивилизаций и повсеместное формирование новых акторов мировой политики – региональных коалиций и глобальных коалиций государств. Эти акторы находятся в поисках устоев самоидентификации, объединяющей идеологии, привлекательных образцов культуры (экономические и политические интересы оставляем для последующего анализа). На фоне «Заката Большой Европы» и зарождения «Большой Евразии» идея Русского мира становится особо привлекательной, но в то же время, в условиях расширения фронта информационно-психологической войны – подвергаемой политическому и идеологическому подавлению. Бывший министр иностранных дел России Игорь Иванов, выступая на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия – новая реальность» (12 сентября 2015 г. Юрмала, Латвия) с докладом «Закат Большой Европы», отметил ряд ключевых положений, непосредственно относящихся к пониманию судьбы Русского мира:

- «– Пути Европы и России расходятся... на десятилетия вперед. Этот континентальный раскол, расхождение двух европейских геополитических плит будет оказывать огромное и долговременное влияние как на Европу, так и на мир в целом;
- Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего;
- В новой геополитической реальности Россия перестаёт быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии»¹.

В условиях глобальной трансформации мироустройства и перемещения России на «западный фланг формирующейся Большой Евразии» вопрос о месте и роли Русского мира в пространстве евразийской интеграции следует анализировать и решать, прибегая к законам геополитики, учитывая приобретение ею, геополитикой, нового качества – информационной геополитики. Последняя утверждает, что судьба пространственных отношений

¹ URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6564#top-content (дата обращения: 12.09.2021).

между государствами все более определяется превосходством в киберпространстве, а в информационном противоборстве деформируется главный геополитический потенциал государства – символический капитал культуры. Здесь будет весьма уместным прибегнуть к диалектике, закону отрицания отрицания: спустя поколение, мы все чаще обращаемся к советскому опыту, советской культуре, которые были начисто отвергнуты в 1990-е годы, а теперь начинают возвращаться к нам в образе Русского мира.

В советское время Русский мир представлял собой «плоть и дух» отечественной культуры – национальной по форме, социалистической по содержанию и восприимчивой всего культурного наследия народов нашей многонациональной страны. Ныне Русский мир – это некая Атлантида, память о великом прошлом и, вместе с тем, реальная данность, воссоздаваемый образец культуры, который должен выступить объединяющим началом не по своей воле разделенных по национальным квартирам народов. Такова *очевидная* задача идеологов и ревнителей Русского мира, воплотившегося в советской культуре.

Что бы ни вешали критики и злопыхатели о ней, о советской культуре, как это особенно было явно видно в перестроечные годы и последующее десятилетие, именно она сохранила и продолжила великие достижения русской культуры, духовное богатство Русского мира, запечатленное в видеоме Андрея Вознесенского:

Снежинки веки засорили,
а может, зрение прорезали?
Я в начертании «Россія»
прочел латинское «Poesia» –
Пройдет столетие болезное.
Суперкомпьютерному сыну
Проступит в имени «Poesia» –
Россія...

1991 г.

РАЗДЕЛ II.
ЕВРАЗИЙСТВО: *PRO ET CONTRA*

Глава 1. «Отцы-основатели» евразийства. Предварительные замечания (И. Ф. Кефели)

За последние десятилетия об основателях евразийства написано достаточно много, поэтому мы лишь тезисно укажем на основные положения учения, дабы далее обратить внимание читателей на критику, высказанную и опубликованную современниками «отцов-основателей» евразийства — Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева.

§1. Н. С. Трубецкой: «Мы объединились на некотором общем настроении и „мироощущении“»

Идеи евразийства витали в воздухе, можно сказать, сопровождая ход становления советской цивилизации. Евразийцы открыто позиционировали себя по отношению к большевизму, к Советской власти и тем событиям, которые происходили в Советском Союзе, во многом полагая то, что они носят временный характер.

Так Николай Сергеевич Трубецкой одним из первых уловил это идейное движение, о чем он писал 28 июля 1921 г. Р. О. Якобсону, объясняя свое участие в издании совместно с П. П. Сувчинским, Г. В. Флоровским и П. Н. Савицким сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» в Софии в 1921 г.: «Мы объединились на некотором общем настроении и „мироощущении“, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения... Сущность его (сборника. — *И. К.*) состоит в нащупывании и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое мы обозначаем термином „евразийство“, может быть, и не очень удачным, но бьющим в глаза, вызывающим, а потому — подходящим для агитационных целей. Направление это носится в воздухе. Я чувствую его и в стихах М. Волошина, А. Блока, Есенина и в „Путях России“ Бунакова-Фундаминского, в то же время в разговорах некоторых крайне правых и даже у одного заядлого кадета. Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые

направления и создаст новые, на совершенно других основаниях. Сейчас все это очень неопределенно, но, безусловно, „что-то готовится, что-то идет“, и при таких условиях необходимо возбуждать мысль, расталкивать, будить, сдвигать с мертвой точки, дразнить неприемлемыми парадоксами, назойливо вскрывать то, что стремятся спрятать от самих себя...»¹.

Рисунок 28. Николай Сергеевич Трубецкой

[D4QaK_OWAAAkXYz.jpg: large (1000×1349) (twimg.com)]

¹ Trubetzkoy's N. S. Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et al. The Hague-Paris, 1975. — P. 21-22.

За год до этого Трубецкой публикует в Софии, куда он эмигрировал в 1920 г. и стал преподавать в Софийском университете, брошюру «Европа и человечество», которая послужила своеобразным первым манифестом евразийства и сигналом к объединению творческой интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Причем надо учитывать, что это были делающие свои первые шаги в науке молодые люди, которые расценивали феномен евразийства как синтез науки и политического движения. Сокращенный вариант этой работы Трубецкого вошел в упомянутый выше сборник «Исход к Востоку». Так «утверждения евразийцев» обрели коллективный характер и положили начало целому движению. Как же этот процесс вызревал? Для этого мы обратимся еще раз к письму Трубецкого Якобсону, но более раннему, от 7 марта 1921 г., в котором он подробно объяснял замысел «Европы и человечества», методологическую предзаданность данной работы и наказ своим соратникам и последователям. «Существенное в книге — это отвержение эгоцентризма и „эксцентризма“ (полагание центра вне себя, в данном случае — на Западе). И главное требование, вытекающее из этого, единственный возможный выход (точнее, направление к выходу) мною указан: это революция в сознании, в мировоззрении интеллигенции неромано-германских народов... Сущность революции в сознании состоит в полном преодолении эгоцентризма и эксцентризма, в переходе от абсолютизма к релятивизму. Это есть единственная надежная преграда на пути захватных стремлений романо-германской цивилизации».

Трубецкой предлагает свой вариант «революции в сознании», который должен привести к утверждению самобытной национальной культуры, что, в свою очередь, обуславливает различие между истинным и ложным национализмом: «Национализм хорош, — поясняет Трубецкой, — когда он вытекает из самобытной культуры и направлен к этой культуре. Он ложен, когда он не вытекает из такой культуры и направлен к тому, чтобы маленький, по существу, неевропейский (неромано-германский) народ разыгрывал из себя великую державу, в которой все „как у господ“. Он ложен и тогда, когда мешает другим народам быть самими собой и хочет принудить их принять чуждую для них культуру... Истинный национализм предстоит создать». По его мнению, истинный национализм, который предстоит создать, и есть то самое евразийство. Об этом не говорится прямо, но подразумевается: вожди русской революции «продолжают пребывать во власти европейских предрассудков, базироваться на эволюционной науке, на учении о прогрессе и на всем порождении романо-германского эгоцентризма.

Они социалисты, а социализм и коммунизм — законные дети европейской цивилизации...»¹.

К концу 1920-х гг. Трубецкой начинает тяготиться евразийскими занятиями, о чем он писал в письме Сувчинскому, полагая, что его призвание — наука, а не евразийские штудии. «Главный евразиец», как называли Николая Сергеевича его единомышленники, дошел до отчаяния: «Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций... в глубине души я его просто ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти от него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем»². Трубецкой вышел из состава руководящих органов евразийского движения, хотя и продолжал публиковаться в евразийских сборниках.

§2. Савицкий: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 года»

В докладе на Международном съезде историков в 1933 г. в Варшаве Петр Николаевич Савицкий, один из представителей «ведущей тройки» евразийцев, прямо заявил: «Евразийство есть идейное движение, возникшее около 1921 г. в среде тогдашнего младшего поколения русской интеллигенции. Оно стремится подвергнуть пересмотру основные представления относительно хода русского исторического развития. Евразийство породило значительную историческую литературу, но и встретило многочисленные возражения со стороны старшего поколения русских историков. В исторической области оно сосредоточивает свое внимание на объяснении возникновения Российской империи XVIII–XX вв. и сменившего ее Союза советских республик... Евразийцы высказываются за решительное расширение тех рамок, в которых трактуются проблемы русской истории. Они считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены. Евразийцы уделили исключительно большое внимание определению географических

¹ Trubetzkoy's N. S. Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et al. The Hague–Paris, 1975. — P. 12–16.

² Цит. по: *Соболев А. В.* Своя своих не познаша. Л. П. Карсавин и другие // Начала. — 1992. — № 4. — С. 56.

особенностей этого мира – срединного мира старого материка – в их отличие от географической природы его западных (Европа) и южных (Азия) окраин... Устанавливая связь исторических факторов с географическими (которая отнюдь не сводится, однако, к односторонней зависимости первых от вторых), евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»¹.

Рисунок 29. Петр Николаевич Савицкий

(Петр-Савицкий.jpg [1177×1632] (pravosk.ru) <http://pravosk.ru>)

¹ *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с. – С. 123–126.

Так предельно четко и понятно Савицкий определил, во-первых, историческое время зарождения евразийства, во-вторых, его роль по отношению к интерпретации евразийской истории России (имея в виду, преимущественно, работы Г. В. Вернадского). В-третьих, что является, пожалуй, самым важным для всех наших дальнейших рассуждений, Савицкий заявил об утверждении самостоятельного статуса евразийской геополитики как геополитики цивилизационной, а не силовой, не военной, которая была присуща немецкой и англо-саксонской геополитическим школам.

В ноябре 1920 г. Савицкий покинул родину. Начались его скитания по европейским столицам, которые были насыщены творческой и организационной работой, связанной с зарождением евразийства. В Софии он вошел в редакцию возобновленного П. Б. Струве журнала «Русская мысль», в котором поместил статью «Европа и Евразия» (1921, № 1) в виде рецензии на брошюру Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». В ней автор впервые наметил основные направления теоретического обоснования евразийства и ввел в научный оборот термин «Евразия» как ключевую геополитическую и историко-философскую категорию, заявляя об обосновании евразийства с естественнонаучных и культурологических позиций. Так он вполне четко утверждал, что «в чисто географическом смысле Россия в границах 1914 г. или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от „Европы“ (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от „Азии“ (как совокупности низменностей Китая, Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих), — наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара»¹. «Россия, — продолжает далее Савицкий, — как по своим пространственным масштабам, так и по своей географической природе... является „континентом в себе“. Этому континенту, предельному „Европе“ и „Азии“, но в то же время непохожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя „Евразия“ ... Вместо обычных двух на материке „Старого Света“ мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию... Пределы „Евразии“ не могут быть установлены по какому-то несомненному признаку, так же, как не может быть установлена такая граница в отношении

¹ Савицкий П. Н. Континент Евразия... — С. 152–153.

к обычному подразделению Европы и Азии. В последнем случае пределом Европы условно считаются восточные границы Архангельской, Вологодской, Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний и Уральской области. Также условно пределом „Евразии“ можно считать границы Державы Российской или ее частей, лежащих к востоку от Пулковского меридиана... Таким образом, Россию мы отождествляем с Евразией»¹.

Так рассуждает Савицкий-географ. С другой стороны, евразийская культура, по мнению автора, характеризуется ее общей интенцией противопоставления романо-германской культуре и даже «расширения рамок мирового протеста против романо-германской агрессии» (в этих словах, в унисон с Н. С. Трубецким, улавливаются умонастроения, навеваемые только что завершившейся Первой мировой войной). Что же позволяет Савицкому утверждать собственно культурологический контекст евразийской идеологии? Это – признание, во-первых, некоей целостности культуры великого множества народов Евразии и, во-вторых, центральной и определяющей роли «этнографической России» в «неромано-германском мире». Эта роль России, по мнению Савицкого-этнолога и культуролога, выражается в той силе, которая способна свергнуть с себя безусловное подчинение «романо-германской» культуре и устранить слепое подражание «европейскому» образцу, «кошмар ... всеобщей европеизации». Вполне резонно автор замечает, что Россию в этом стремлении поддерживают примыкающие к ней туранские, монгольские, арийские, иверские, финские народы. И даже ряд народов и стран, примыкающих к границам России и стремящихся сохранить свою полную политическую от нее независимость, связаны, как тонко замечает Савицкий, с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств». И еще одну немаловажную социокультурную характеристику Евразии отмечает Савицкий: «...важнейшим фактом, характеризующим национальные условия Евразии, является факт иного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики... Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого „братания“ наций, не имеющих никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй»².

¹ Савицкий П. Н. Континент Евразия... – С. 154–155.

² Там же. – С. 157.

Таков был ответ Савицкого на книгу Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Вскоре это привело к зарождению первых ростков евразийского учения, предвещающих появление в скором времени манифеста евразийского движения («Поворот к Востоку», 1921 г.), программного документа евразийцев («Евразийство», 1926 г.), евразийской геополитики («Географические и геополитические основы евразийства», 1933 г.) и др. С самого зарождения евразийского движения Савицкий выступил его ведущим организатором и теоретиком, создателем евразийского варианта русской геополитики, обосновал базовые для евразийского учения концепции месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической и евразийской истории и т. д. Всего до 1940 г. Савицкий опубликовал более 170 работ об экономической, политической и культурной жизни СССР, по вопросам экономической истории и экономической географии, о развитии исторической науки, философии, географии в немецких, французских, чехословацких, польских изданиях. Часть своих работ он публиковал под псевдонимами П. В. Логовиков, С. Лубенский, П. Востоков. В Праге в 1927 г. Савицкий издал книги «Геополитические особенности России» (Ч. 1. Растительность и почвы) и «Россия – особый географический мир». Статья «Геополитические заметки по русской истории» была опубликована в том же году в качестве приложения к работе Г. В. Вернадского «Начертание русской истории». В Берлине в 1932 г. вышла книга Савицкого «Месторазвитие русской промышленности» (вып. 1: «Вопросы индустриализации»). На Международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г. он выступил с докладом «Евразийская концепция русской истории». В 1938–1939 гг. Савицкий работал над книгой «Основы геополитики России», в которой доказывал, что многое в истории, культуре и экономике России определено взаимодействием между своеобразными «историческими формациями» – степной и лесной зонами. К сожалению, эта книга осталась незаконченной, о чем он с сожалением писал в 1944 г. В отличие от Г. В. Вернадского, который заложил основы исторической концепции евразийства, Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Революция в России, как утверждал Савицкий, не меняет направления исторического процесса: Евразия остается «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, ее «мутация». Евразийское понимание планового хозяйства, по его мнению, еще радикальнее, чем у большевиков, и в этом смысле «мы (евразийцы. – И. К.) являемся сверхсоциалистами». Однако истинное евразийство, как признавал Савицкий, заключается в замене примата политики приматом культуры.

§3. Г. В. Вернадский: «Есть только одна Россия: „евразийская“, или Россия-Евразия»

Георгий Владимирович Вернадский включился в «тройку лидеров» евразийского движения со времени переезда в 1922 г. в Прагу, где состоялось его знакомство с Савицким и Трубецким. Так объединились в творческий союз историк, экономист-географ и лингвист.

Рисунок 30. Георгий Владимирович Вернадский

Там же Вернадский познакомился с Н. П. Кондаковым, благодаря которому он обратил свой интерес к взаимоотношению Древней Руси и мира кочевников, проявившийся еще в 1913 г. с начала работы в Санкт-Петербургском университете, в программу своей дальнейшей работы. В 1922–1927 гг. он работает в Праге, а получив приглашение на педагогическую работу в Йельский университет, переезжает в США. Признание к нему пришло достаточно поздно, после 1962 г., когда он, наконец-то, получает звание профессора. К этому времени он завершает свой капитальный труд в пяти томах — «История России», которая началась с небольшой работы, написанную и изданную в Праге в 1927 г.

Это было «Начертание русской истории», идея которой зародилась у него еще в первый год работы в Санкт-Петербургском университете. Инициатором подготовки к изданию этой работы выступил Савицкий, который тогда же в Праге издал первую часть своей работы «Географические особенности России». Как тонко заметили С. Б. Лавров и А. С. Лавров, такое совпадение послужило основанием для шуток среди русских эмигрантов, что у евразийцев теперь есть своя история с географией¹. Чем же была знаменательна эта работа для обоснования евразийства и евразийской геополитики России? Еще в предисловии автор обращает внимание читателей на то, что события русской истории и политика ее деятелей рассматриваются на ее «географическом фоне». Вернадский изначально задает научную программу, основанную на собственно евразийской парадигме синтеза исторического и географического знания, что будет характерно и для цивилизационной геополитики. Отмечая во «Введении», что творцом русской истории является сам русский народ, автор четко определяет географические рамки его развития: «Нет „естественных границ“ между „Европейской“ и „Азиатской“ Россией. Следовательно, нет двух России, „Европейской“ и „Азиатской“. Есть только одна Россия, „евразийская“, или Россия–Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу»². Евразия, т. е. «Срединный Материк как особый географический и исторический мир», — это судьба русского народа. Так евразийская «история с географией» имела вполне серьезные

¹ Лавров С. Б., Лавров А. С. Предисловие / Вернадский Г. В. Начертание русской истории. — СПб.: Лань, 2000. — 320 с. — С. 13.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. — СПб.: Лань, 2000. — С. 23; Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 52, 58.

намерения – географической основой русской истории Вернадский определяет «соотношение лесной и степной полосы, борьбу леса и степи»¹. А это следует рассматривать как фундаментальный методологический принцип – диалектику двух противоположных начал, наполняемую природным и этнографическим содержанием. Те или иные месторазвития в пределах одной и той же географической среды образуются в разные исторические периоды как совокупность социально-исторических и географических признаков, присущих человеческим обществам. В современной этнологии и регионалистике аналогом понятия месторазвития в более широком толковании выступают понятия историко-культурных зон, регионов, а в геополитике – понятие больших пространств. В качестве примеров Вернадский называет такие цельные месторазвития, как Каспийско-Черноморская степь, объединения леса и степи, а самым большим месторазвитием он определяет Евразию как целый географический мир. «Именно в рамках этого мира, – заявляет он, – могли образовываться такие крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская или монгольская империя, а позже империя Российская»². Более того, Евразия – это не только географический мир для русского народа, но и месторазвитие, которое он в большей степени создал сам как «сожителство разных народностей». Вернадский, анализируя ход истории России в контексте истории Евразии, утвердительно заявил о неустранимой внутренней логике «месторазвития», которая проявилась в стремлении русского народа на протяжении многих веков освоить себе все пространство Евразии, которая с конца XIX в. стала областью «действия русского исторического процесса, русское историческое месторазвитие». Ныне же, т. е., надо полагать, на время написания автором этих строк, «Евразия представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела»³. Это положение подтверждает и Савицкий в «Геополитических заметках по русской истории», которые Вернадский включил, по обоюдному согласию, в свою книгу: «Евразия как географический мир как бы „предсоздана“ для образования единого государства... К концу XIX в. завершился (в основных чертах) процесс создания России-Евразии как геополитического единства»⁴.

¹ *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. – С. 24.

² Там же. – С. 26.

³ Там же. – С. 29, 33.

⁴ Там же. – С. 310.

Вернадский делает еще одно важное нововведение, связанное с раскрытием внутренней динамики месторазвития России–Евразии в ходе создания всеевразийского государства. Он рассматривает эту динамику в виде периодической ритмичности государствообразующего процесса, обусловленного борьбой леса и степи, которые представлены не в почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и историко-культурного значения. Вернадский выделяет следующие периоды государствообразующего процесса:

I период – попытки объединения леса и степи (до 972 г.).

II период – борьба леса и степи (972–1238 гг.).

III период – победа степи над лесом (1238–1452 гг.).

IV период – победа леса над степью (1452–1696 гг.).

V период – объединение леса и степи (1696–1917 гг.).

Длительность каждого периода (кроме 1-го) составляет два-два с половиной века, но обращаем внимание на схему периодической ритмичности государствообразующего процесса¹, на которой Вернадский в конце ряда единой государственности «Российская Империя – Союз Советских Республик» ставит знак вопроса. Дело в том, что основатели евразийства воспринимали русскую революцию как логический итог двухсотлетнего периода европеизации России. В то же время в программном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)», который они опубликовали в 1926 г., отмечалось, что русская революция «прежде всего, – саморазложение императорской России, гибель старой России как особой симфонической личности, индивидуировавшей русско-евразийскую культуру, и смерть ее в муках рождения России новой, новой индивидуации Евразии». Но в этом же документе его авторы ратуют за создание в качестве преемницы большевистской партии своей евразийской партии, способной стать выразительницей интересов столь лелеемой ими России–Евразии².

¹ Там же. – С. 32.

² См. подр.: *Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И.* Геополитика в историческом и философском ракурсе. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 233 с. – С. 123–153.

Глава 2. Становление евразийства в оценках отечественных и зарубежных исследователей (Ермишина К. Б.)

§1. Созревание исследовательской программы евразийства

Мнение о том, что современная Россия находится в идеологическом тупике, стало хрестоматийным. Проблема в том, что не только Россия, но и страны Запада переживают идеологический кризис. Устойчивая борьба и равновесие мира капитализма и мира социализма, составлявшие, по И. Валлерстайну, единую мир-систему и мир-экономику, исчерпали себя с падением СССР. В ситуации идеологического вакуума возникает интерес к идеям евразийцев и других мыслителей, которые провозгласили геополитический изоляционизм, говорили о России-Евразии как об континенте-океане (П. Савицкий) или об «острове Россия» (В. Цымбурский). Холистические доктрины потерпели крах, экономисты, политики, мыслители сомневаются в том, что может быть создан новый миропорядок с единым центром-гегемоном. Споры идут о возможности всемирной культуры в связи с развитием средств массовой коммуникации и разрушением информационных границ, которые тысячелетиями охраняли национальную идентичность народов. С другой стороны, открытые информационные потоки становятся также средствами консолидации отдельных групп и наций. Как показала практика, для реформатирования сознания целых наций достаточно несколько лет массивной информационной атаки. Вопрос о возможности единой мировой культуры является проблематичным, хотя человечество никогда еще не было так близко к построению новой Вавилонской башни. Одновременно в мире усилились центробежные тенденции, эксперты предупреждают сегрегацию мира на особые экономические, политические, культурно-идеологические зоны, которые будут конкурировать друг с другом. В этой ситуации предельно остро встает проблема культурного, идеологического, политического самоопределения России.

В истории русской мысли евразийцам принадлежит почетное первое место в обосновании изоляционистской теории России-Евразии. Стоит отметить, что эта теория не была однородной, более того, она имела несколько вариантов: от идеи об автаркии России-Евразии, что предполагало развитие «внутренней» России – изучение и освоение пространств Урала и Сибири, пристальное внимание к океаническим и морским границам; до идеи России-Евразии как братстве евразийских и даже, в перспективе, азиатских

народов. У П. П. Сувчинского была идея России как новой Европы, а марксизм рассматривался как способ культурной интеграции и модернизации. Идея России как новой Европы отнюдь не нова, истоки ее восходят еще к Ф. И. Тютчеву. Эти три возможности, три пути для России: автаркия, Россия-Евразия как континент-океан (ранний Савицкий), Евразия и исход к Востоку (к чему склонялся Трубецкой), а также модернистский проект Сувчинского Россия как новая Европа, — так и не были реализованы.

Для того, чтобы с доверием отнестись к евразийскому проекту, понять, насколько он перспективен, необходимо изучить условия возникновения евразийства, ответить на вопрос о сущности самого движения. В последнем вопросе у современных исследователей нет согласия. В начале 1990-х исследователи сосредоточились на понятиях культура и культуросцентричное мировоззрение (работы А. В. Соболева, С. М. Половинкина), другие находились под влиянием разоблачительной статьи Г. В. Флоровского «Евразийский соблазн»¹. Экономический, идейный, геополитический потенциал евразийства оставался во многом вне поля зрения исследователей. После развала советской идеологии возникло стойкое предубеждение против любой идеологии, любой системы идей, имеющей внутренний революционный, экспансионистский смысловой заряд. Поэтому спор против евразийцев был спором против любых «больших» идеологических систем. Кроме того, согласно меткому наблюдению В. Цымбурского, Россия со времен Петра I существовала в системе «Европа-Россия», национальное самосознание формировалось на противопоставлении двух типов христианской цивилизации, но эта эпоха закончилась: «Именно этот конец знаменуется возвращением России конца XX в. примерно к контурам Московского царства ранних Романовых (с поправкой на обретенные доступы к Балтийскому и Черному морям)»². Эта ситуация стала неожиданной для интеллектуальной и творческой элиты страны: «Не опираясь более на глубинную биполярность Запада и перестав служить выражением оппозиции „Запад и иное“, система „Европа-Россия“ утрачивает свою функциональность и жизненность, что во многом оказывается подоплекой отчаянных поисков

¹ См., например: Очерк русской философии истории: антология / Ред.-сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. — М.: Наука, 1996. — 313 с.; *Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». — М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. — 349 с.

² *Цымбурский В.* Морфология Российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. — М.: Книжный мир, 2016. — 496 с. — С. 116.

„российской самоидентичности“ в последнее десятилетие»¹. Оппозиция «западники – славянофилы» становится столь же мало актуальной, как и оппозиция «капитализм – социализм». Фаза «сжатия» страны должна, по логике событий, соответствовать фазе идейного поворота к «глубинной» России – Уралу, Сибири и Дальнего Востока, а также поворота к Востоку как к таковому, к началу евразийской фазы русской истории. Но принять этот исторический зигзаг российская элита не в состоянии, несмотря на то, что исконная, глубинная интенция к «похищению Европы», к ее критике, воинственному и ревнивому соперничеству, противопоставлению и обретению себя через всматривание в европейское зеркало, никогда не была так провальна, так безнадежно проиграна. На Западе Россию «окончательно» (на данном историческом этапе) изгнали из рядов «цивилизованных стран».

Ситуация усугубляется цивилизационным вызовом со стороны Китая, исламизацией Европы и миграционным кризисом, а также ожидаемым, многими прогнозируемом падении мирового гегемона – США. Концепция России как государства-спутника Европы, как контрагента западного мира сейчас неактуальна. Логика истории вынуждает нас к евразийскому повороту. Но в отличие от предыдущих эпох, этот поворот страстно отвергается, а евразийство клеймится всевозможными ярлыками (фашизм, советизм, неоевразийский империализм и т. д.). Мир стремительно меняется, в то время как Россия застыла на повороте, в некоем столбняке или обмороке, наблюдая за складывающейся новой политической конъюнктурой. По мнению большинства современных аналитиков, формируется новый мир плюриверсума – многополярного мироустройства. Терпит крах оппозиция Центр – Периферия, Юг – Север и большинство других бинарных геополитических оппозиций, сложившихся в XX в. Около 30 лет, начиная с 1989 г., мир двигался в направлении неолиберализма, который снискал скандальную славу как одно из самых тупиковых, безыдейных и нравственно пустых мировоззренческих систем. Кризис неолиберализма означает также кризис идеологического доминирования Запада. Все это вынуждает нас с еще более пристальным вниманием обратиться к изучению того, что есть евразийство, чтобы понять суть евразийства и его проектов (подчеркнем еще раз, что евразийцы предложили отнюдь не единый проект развития, но несколько).

¹ Цымбурский В. Морфология Российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков... – С. 99.

Современные адепты евразийства подчеркивают, что классическое евразийство размышляло исключительно о судьбе России, хотя этот тезис является спорным, а современное евразийство «дополнило эту идеологему новыми методологиями и научными концепциями. Таким образом она получила глобальное измерение, вышла за пределы континента Евразии. В новом понимании „евразийство — это философия многополярной глобализации, призванная объединить все общества и народы земли в строительстве самобытного и оригинального мира, каждая составляющая которого органично проистекала бы из исторических традиций и местных культур“¹. Это новое, «глобальное» евразийство, опираясь на традиционное, во многом нивелирует его важнейший аспект — обращение к глубинной России. Для того чтобы Россия-Евразия приобрела значение объединяющей, глобальной силы, она должна опираться на внутренние ресурсы — демографические, духовно-энергетические, нравственные, экономические и т. д. Нам представляется, что этот внутренний ресурс, нещадно эксплуатировавшийся весь долгий XX в. (три революции, Гражданская и две мировые войны, два полных краха государственной системы — уже достаточные испытания для любой страны), в настоящее время практически исчерпан. Вероятно, нужно присмотреться к тому, как евразийцы мыслили будущее России-Евразии в автаркическом сценарии.

В настоящее время есть две значимые и самые известные исследовательские концепции евразийства. Первая говорит о постепенной деградации первоначального импульса движения, вторая считает евразийство в себе законченным историко-культурным феноменом, который прошел определенные фазы развития, породил неоевразийство и традицию новой политической неоконсервативной мысли. Родоначальником концепции упадка и деградации движения можно считать Г. В. Флоровского, родоначальником концепции прохождения этапов и развития первоначального импульса — П. Н. Савицкого. Первая концепция пессимистична: «Судьба евразийства — история духовной неудачи»², вторая, напротив, оптимистична: «<...> все сделанное ими доселе евразийцы рассматривают только как вступление и начало, хотя бы и существенное <...> Евразийство начинало с утверждения России-Евразии как особого мира. Именно это утверждение

¹ Савин Л. В. *Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства*. — М.: ИД «Кислород», 2020. — 592 с. — С. 120.

² Флоровский Г. В. *Евразийский соблазн* / Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли. — М., 1998. — С. 311.

привело евразийцев к познанию необходимости вселенских горизонтов»¹. Среди авторов, придерживающихся объективного исследовательского подхода, вне идеологических предпочтений, можно указать, в первую очередь, на Р. Р. Вахитова, Б. В. Назмутдинова, А. Г. Гачеву², И. Вишневецкого³, О. Т. Ермишина⁴, С. М. Половинкина⁵, А. В. Соболева⁶.

Ярким критиком евразийства является Андриус Мартинкус⁷, который продолжил и развил критическую линию о. Георгия Флоровского. Для Мартинкуса Флоровский – весомый авторитет, его мнение непререкаемо. Половинкин, напротив, подчеркивает, что мнение Флоровского предвзято и необъективно. Более того, его выступление против евразийцев было связано с тем, что он был приглашен в Свято-Сергиевский богословский институт, желая обелить себя перед профессурой и учащимися, Флоровский отмежевался от евразийцев, не позаботившись об убедительно развернутой аргументации, сделав главным «оружием» полемики эмоциональный накал и гневные обвинения.

Среди западных исследователей евразийства⁸ довольно много скептиков. Это связано, в том числе, с идейным наследием русистики времен Холодной войны. Идеологические штампы «деспотического», «тоталитарного

¹ *Савицкий П. Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма. – М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2018. – 680 с. – С. 116.

² См., напр.: *Гачева А. Г.* Константин Чхеидзе. Путник с Востока. – М., 2011.

³ *Вишневецкий И.* Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. – М., 2005.

⁴ *Ермишин О. Т.* Философия русского зарубежья XX века. – М., 2019.

⁵ *Половинкин С. М.* Евразийство и русская эмиграция / Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М., 1995; *Половинкин С. М.* Русский персонализм. – М., 2020.

⁶ *Соболев А. В.* О русской философии. – СПб., 2008.

⁷ *Мартинкус Андриус.* Соблазн могущества (трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929). – М., 2013.

⁸ *Босс О.* Учение евразийцев. Евразийцы и смысл русской революции // Начала. – 1992. – № 4; Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. – 1993. – № 6; *Люкс Л.* Евразийство и консервативная революция: соблазн антизападничества в России и Германии // Политическая концептология. – № 1. – 2016; *Люкс Л.* Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // Вопросы философии. – № 7. – 2003; *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. – М., 2004; *Байсвенгер М.* Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ. – Прага, 2008.

государства» перекликаются с новыми штампами «государства-мошенника» (Ч. Краутхаммер). Современные исследователи по какой-то причине не обладают глубокими знаниями о России и о современных процессах в Евразии. Они склонны воспринимать их или с точки зрения обывательского оптимизма¹, или крайне критично, даже пафосно. Примером довольно взвешенного подхода может служить исследование Чарлза Кловера², который более 5 лет был редактором московского отдела *Financial Times*, посвященное истории классического евразийства и современного неоевразийства в лице А. Дугина. Но даже эта книга изобилует чудовищным количеством фактических ошибок. Соответственно, качественных исследований западных коллег не так много, как того хотелось бы. Среди заслуживающих особого уважения и интереса стоит назвать книгу Патрика Серию³, которая пробудила российских исследователей на отказ от идеологического подхода к евразийству. Тем не менее книга сосредоточена в основном на лингвистической и структуралистской составляющей евразийства. Таким образом, западные исследователи далеко не всегда могут дать нам образец качественного рассмотрения темы. Ценен их «взгляд со стороны», который дает возможность новой перспективы видения.

Едва ли не самый значительный современный исследователь евразийства Р. Р. Вахитов утверждает: «На сегодняшний день можно констатировать, что исследования евразийства 1920–30-х гг. как цельной концепции (а не как политического движения или фактов биографий его участников

¹ Примером крайнего (до самозабвения) оптимизма может служить фундаментальное исследование, и, одновременно, бестселлер Стивена Пинкера «Почему насилия в мире стало меньше. Лучшее в нас» (М., 2021). Процесс распада СССР в книге описан так: «Советский Союз не только откажется от тоталитарного коммунизма, но и добровольно прекратит свое существование. Республики, десятилетиями и веками существовавшие под гнетом российской оккупации, станут независимыми государствами, большая часть — демократическими. Практически везде эти перемены произойдут без единой капли крови. Фашизм тоже исчезнет из Европы» (С. 60) и т. д. Учитывая то, что даже в самых «мирных» бывших республиках, подобных Казахстану, русских буквально вырезали в начале 1990-х, ожидая, что с их уходом произойдет чудо национального возрождения, оптимизм Пинкера кажется едва ли не циничным.

² *Кловер Чарлз*. Черный ветер, белый снег. Новый рассвет национальной идеи. — М., 2017.

³ *Серий Патрик*. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе 1920–30 гг. — М., 2001.

или их отдельных произведений, а также эпистолярного наследия) зашли в тупик <...> интересы исследователей чем дальше, тем больше смещаются в сторону публикаций архивных материалов и их комментирования, выяснений взаимоотношений участников евразийской группы <...> Из поля зрения исследователей выпало евразийство как таковое <...> мы столкнулись с парадоксом. Уже сложившаяся поддисциплина истории русской философии – „евразийствоведение“ – лишается своего предмета <...> этот парадокс, по аналогии с парадоксом исчезновения времени, описанным блаженным Августином, можно назвать „парадоксом исчезновения евразийства“¹. Р. Р. Вахитов, исследовательская позиция которого во многом опирается на структуралистское евразийствоведение Патрика Серио, считает, что нужно найти «структурно-функциональное понимание сущности»² евразийства. Сущность же есть «некая идеальная структура, то есть мыслительная схема, лежащая в основе феномена культуры и являющаяся некоей формообразующей его моделью. Важным атрибутом такой структуры является ее бессознательный характер <... > Другой не менее важный атрибут этой системы – это наличие в ней системы оппозиций, каждая из которых есть пара признаков, имеющих и сходство, и различие, и обретающих существенное различие, только когда они начинают противопоставляться»³. Вахитов полагает, что эта бессознательная структура не тождественна тем субъективным целям, которые декларировали сами евразийцы. Таким образом, такое психоаналитическое исследовательское направление декларирует, что сами творцы евразийских идей находились в неведении относительно глубинных движущих мотивов, основных причин появления на свет евразийства. Этот исследовательский подход распространен в истории изучения русской философии, например, этим методом воспользовался С. С. Хоружий⁴, реконструировав исходный идейный «миф» о Павла Флоренского (детский Эдем – утрата его – вновь обретение, сосредоточение его образа в Троице-Сергиевой Лавре и православии). Вероятно, такой подход интересен и продуктивен в отношении отдельного философа,

¹ Вахитов Р. Р. Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 139.

² Вахитов Р. Р. Исследования евразийства и методология гуманитарных наук / Евразийство и А. И. Лосев: миф и эйдос в русской мысли // Альманах София. Вып. III. – Уфа, 2013. – С. 120.

³ Там же. – С. 120.

⁴ Хоружий С. С. Мирозерцание Флоренского. – М., 2002.

но в применении к группе очень разных мыслителей он представляется довольно проблематичным.

Вахитов полагает, что исходная структурная оппозиция евразийства – противопоставление органического и механического типов единства. Органическое, положительное единство характерно для России-Евразии, искусственное, отрицательное единство – для Запада. Поиск органического единства составляет сущностную характеристику евразийства. Именно это объединяет разных по темпераменту и идеям участников движения: «Евразийство – не просто учение о двух типах единства, но и об их диалектических взаимопревращениях и связях – как в истории России-Евразии, которая возвращается к себе через европеизацию, становится православной через победу атеизма и великой империей через разрушение старой империи, и в истории всего человечества»¹. Вахитов предполагает, что это даст исследователям возможность «продуктивно дальше изучать евразийство, не распыляя его на „множество евразийств“ и не попадая в ловушки позитивистской методологии»². Упомянутое «распыление на множество евразийств» – значимая тенденция современного евразийствоведения. Исследователи склонны предполагать, что не было единого евразийства, но было евразийство Трубецкого, евразийство Савицкого, Сувчинского, Владимира Ильина, Карсавина и т. д. Такая исследовательская позиция характерна, например, для работ Мартина Байссвенгера и О. Т. Ермишина. Эта позиция импонирует многим, снимает вопросы о сущности евразийства (сам вопрос отсылает к платонизму или даже средневековым спекуляциям о сущности и акциденциях), заставляет, по-видимому, сосредоточиться на главном. На деле же оказывается, что «главное» – это частности. Евразийство в современных исследованиях настолько распылено до частей, что исчезает даже интерес к евразийским текстам. Внимание сосредоточено на евразийских письмах, протоколах допросов евразийцев, издательских планах – одним словом, архивном материале и эпистолярном наследии. Одна из последних монографий³, посвященных евразийству, в этом смысле демонстрирует типичный, но, по сути, скандальный подход:

¹ Вахитов П. П. Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 146.

² Там же.

³ См.: Оболевич Т. Лев Карсавин и евразийцы. Исследования по истории русской мысли. – Т. 24. – М., 2020.

в книге нет ни одной цитаты из евразийских текстов, она построена исключительно на исследовании эпистолярного наследия.

Поскольку в евразийство входило много ярких ученых, историков, литераторов, музыковедов (кроме Сувчинского, например, необходимо упомянуть евразийца А. Лурье), востоковедов, философов, бывших военных, то нахождение единого общего евразийского знаменателя – задача непростая. Она отнюдь не сводится к единому решению. Ниже представлена попытка нахождения этого единого общего, с точки зрения теории Л. Гумилева, «последнего евразийца». Это одно из возможных решений, один из возможных подступов к проблеме о сути общего евразийского идейного поля. Это идейное поле до сих пор обладает мощной притягательной и консолидирующей силой. Предложенное решение дает возможность ответить на вопрос о причинах притягательности и жизненности евразийской идеи.

§2. Классическое евразийство сквозь призму теории пассионарности Л. Н. Гумилева

Согласно теории этногенеза Л. Н. Гумилева, в результате определенных процессов неизвестного происхождения складываются сообщества (консорции) пассионарных особей: «Консорциями мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят „кружки“, артели, секты, банды и тому подобные нестойкие образования»¹. Консорция может развиваться дальше только при наличии в ней энергичных людей. Второе важное условие – изоляция, отрыв от других сообществ. Изоляция поддерживается фундаментальным ощущением, характерным для членов консорции: «Мы такие-то, а все прочие другие»².

Да и само евразийское объединение конца 1920 г., возникшее в Софии, можно рассмотреть как консорцию – объединение энергичных, пассионарных деятелей. Фундаментальное самоощущение «свои – чужие» было присуще евразийству изначально. Например, в 1925 г. в «Евразийском временнике» вышла статья Н. С. Трубецкого «Мы и другие», в которой демонстрируется это мироощущение: «В евразийстве проблема взаимоотношений

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2019. – С. 136.

² Там же. – С. 115.

между политикой и культурой поставлена совершенно иначе, чем к тому привыкла русская интеллигенция»¹, более того, евразийство сравнивать с большевизмом некорректно: «Оба движения полярно противоположны, и никакое сотрудничество между ними немислимо. Эта противоположность между большевизмом и евразийством не случайна, а коренится в глубинной сущности обоих движений. Большевизм – движение богоборческое, евразийство – движение религиозное»². Трубецкой порывает как с интеллектуалами эмиграции, так и с Советской Россией, утверждая появление третьей силы – евразийства. Фундаментально в данном случае именно иррациональное ощущение того, что евразийское сообщество совершенно уникально и от всего отлично. Главное условие сохранения идентичности – строгие правила, которые позволяют членам консорции четко отличать себя от «всех прочих». Правила проводят границу между членами сообщества и «всеми прочими», что дает заряд невероятной энергии, подпитывая чувство выделенности, избранничества. Ощущение себя избранным – это ощущение крайнего индивидуализма, чувства своей судьбы. Человек, ощущающий свое призвание, знает ответ на вопрос о смысле жизни. На этой стадии консорция невероятно пассионарна и творчески активна. Иррациональное чувство своей инаковости порождает особые формы восприятия времени – футуристическое ощущение. Прошлое отвергается или критически переосмысливается ради будущего идеала. Консорция порывает связи со старой традицией, старым стереотипом поведения, старым набором общих идей и представлений. Все это делается для того, чтобы создать свою, новую традицию. Зачастую разрыв со старой традицией и разрыв социальных связей обедняет новую систему, происходит упрощение ее структуры, упрощение восприятия и элементаризация анализа происходящего. Кстати говоря, определение И. Валлерстайна (близкого евразийцам в отрицании возможности существования мировой общечеловеческой культуры) о сущности традиции или обычая поражает прагматизмом и меткостью, не лишенной цинизма: «Слово „обычай“, базовый термин культурного дискурса, использовался, чтобы описать то, как мы знаем, было совсем недавно узурпированной властью. По сути дела, название этой практики „обычаем“ было способом ее легитимации, то есть снижения уровня насилия, требуемого в каждый данный момент для ее поддержания. Называя нечто „обычаем“

¹ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 350.

² Там же. – С. 360.

старались преобразовать это явление в „право“. Определение не учитывает важный терапевтический и психологический потенциал традиций. Задавая алгоритм поведения, жестов, способов бытия на всех уровнях телесной и душевной практики жизни, традиция оберегает психику от «перегрева», консервируя ее живые силы. В определенном момент пика аккумуляции, эти силы прорываются творческими всплесками. Разрушение традиции влечет формирование «бестрадиционных» традиций, не оберегающих психику от перегрева (традиции без ограничений, границ), способствуя истощению творческих энергий. Евразийцы до 1926 г., то есть до момента оформления двух групп – Парижской и Пражской, выставляли жесткие границы. Одно из правил на этом этапе – не принимать в свои ряды лиц старшего поколения (старше лидеров на 10–15 лет), по возможности, не печататься в общих с ними сборниках, не вступать в общие объединения, подобные Братству Св. Софии и т. д.

Евразийцы различают свою группу и старшее поколение («старые гримзы» согласно терминологии Трубецкого и Ливена). К ним евразийцы относят практически всех мыслителей зарубежья, не охваченных евразийским «прозрением», особым эмоциональным накалом евразийской страсти. Зачастую критерии разделения «своих» и «чужих» были размыты, сформулировать их евразийцы затруднялись, приходилось определять «на глазок», по возрастному признаку (наше и «то» поколение). В 1924 г. о предполагаемом альянсе с Карсавиным Трубецкой писал: «По поводу Карсавина замечу то же самое: в союзниках мы пока не нуждаемся, нуждаемся только в совсем „своих“, а Карс<авин> в лучшем случае союзник (попутчик), но никак не „свой“. К тому же и по поколению он – гримза. Наше правило не пускать к себе людей старшего поколения было мудро, и его надо продолжать держаться. Опыт с Карташевым показал, что даже, казалось бы, незначительная разница в поколениях, мешает подлинному объединению»¹. Трубецкой согласился на то, чтобы принять Карсавина в евразийские ряды только через полгода уговоров Сувчинского. Официально к евразийству Карсавин примкнул в 1925 г., дебютировав в Евразийском временнике (Книга 4) со статьей «Уроки отреченной веры», но статья эта была еще пробным камнем, идеологом евразийства он становится только в 1926 г., когда движение уже переходит на новый виток развития. В пассионарной фазе участие Карсавина было бы невозможно, он был еще слишком «чужой». Об этом обстоятельстве

¹ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. – М., 2008. – С. 94.

(включение внешних консорции или этноса людей в свои ряды) Гумилев писал так: «Инкорпорация, в практических целях применявшаяся с времен незапамятных, всегда наталкивалась на сопротивление фактора, лежащего за пределами сознания и самосознания, в области ощущений»¹.

Согласно Гумилеву, для успешного формирования консорции необходима вариативность. В случае оформления нового этноса – сочетание двух и более типов вмещающих ландшафтов, для появления консорции – смешение нескольких идейных направлений. Консорция возникнет и сохранится, если ее членами станут различные по темпераменту, складу характера, образу жизни и направлению интересов личности. Евразийцы с большим вниманием относились к теме личности, разрабатывали теорию коллективной личности. Трубецкой различал частночеловеческую, многочеловеческую, многонародную, хоровую или (по Карсавину) симфоническую личность. Трубецкой писал о нации-личности, утверждал, что само евразийство строится на основе концентрических кругов соборных личностей: «Мы строимся по принципу концентрических хоровых личностей. Юридически существует одна хоровая личность СС <Совет Семи>. Внутри ее – теснее спаянная личность СП <Совет Пяти>, полуюридическая, полупсихологическифактическая. Наконец, имеется еще более тесно спаянная личность – тройка лидеров: Трубецкой, Сувчинский, Савицкий, совершенно не юридическая. В ней вся суть дела. Она должна представлять из себя известное триединство. Это триединство должно выражаться и в идеологии, и в личной привязанности, и в биографической сопряженности. Но, как всегда, единство это мыслимо лишь при определенной повернутости друг к другу составляющих это единство личностей. То есть каждая из этих личностей от природы многолика, и только в том случае, если каждая из них спрячет, подавит в себе одни, и наоборот, выявит и выставит другие свои лики, повернув эти лики к каким-то соответствующим ликам двух других личностей, – только в этом случае все три члена тройки образуют одну единую хоровую личность. Единство тройки основано на специальном способе повернутости каждого из трех основоположников. Но стоит одному из них повернуться иначе, другим способом, как триединство нарушается»². Это описание Трубецкого свидетельствует о том, что евразийство было соборным объединением личностей, для которых общими были пассионарность,

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2019. – С. 155.

² Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. – М., 2008. – С. 130.

активность, страстность, способность к сверхнапряжениям, умение объединяться, отрекаясь от своих амбиций ради достижения общей цели. «Если бы расхождений не было, не было бы и евразийства, – писал Трубецкой Флоровскому в 1923 г. – Представьте себе, что соединились не мы четверо, а четверо Ваших или Савицкого alter ego: Вы бы с Вашими alter eg'ами превратились бы в благонамеренных академических гримз с односторонним абстрактно-религиозным уклоном, Савицкий со своими alter eg'ами впал бы в струвизм и м. б. даже в национал-большевизм, а я со своими ушел бы в дурной релятивизм, востокопоклонничество, экзотику, приправленную этнографией и лингвистикой; о Сувчинском и говорить нечего <...> Но, конечно, одного различия было недостаточно. Мы спорили ожесточенно, но всегда со стремлением договориться <...> и никогда не переставали ценить друг друга больше, чем всякого другого, постороннего»¹.

Согласно Гумилеву, для существования консорции важно также наличие комплиментарности, «связанной с подсознательной взаимной симпатией особей»². На этапе становления евразийства, комплиментарность обеспечивал кн. А. А. Ливен, который, по описанию Трубецкого, «спавивал всех личной интимной дружбой: каждый из нас был с ним дружен гораздо интимнее, чем все мы между собой»³. Любая консорция проходит те же стадии, что и этнос: пассионарный подъем, акматическая фаза, фаза надлома, инерции и обскурации. Все заканчивается гомеостазом – состоянием динамического равновесия, при котором персистенты – сообщества, пережившие сами себя, существуют по инерции. У консорции неизбежно возникает проблема «отцов и детей», поскольку ее члены стремятся быть непохожими на «отцов» в отношении идей или типа поведения. Окружение враждебно новой консорции, поскольку она нарушает правила поведения, традицию, преемственность. Эти особенности наглядно проявились и в истории евразийского движения. Против евразийства практически сразу началась критика, полемика, неприятие, о чем речь пойдет далее в этом же разделе. Евразийцев критиковали почти все представители русской эмиграции: П. Н. Милюков, Н. А. Бердяев, отец С. Булгаков, П. Б. Струве,

¹ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) / Записки Русской академической группы в США. – Т. XXXVII. – Нью-Йорк, 2011–2012. – С. 119.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2019. – С. 301.

³ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) / Записки Русской академической группы в США. – Т. XXXVII. – Нью-Йорк, 2011–2012. – С. 119.

А. А. Кизеветтер и многие другие. В свою очередь евразийцы выступили дружным фронтом против поколения «отцов».

Р. Р. Вахитов справедливо полагает, что «изначально евразийство – это познавательная, гносеологическая практика»¹, то есть «Евразийство 1920–1923 гг. было набором научных работ, в крайнем случае, философских и публицистически-философских статей, цель которых была – понять, что же произошло с Россией, каковы отношения России и Европы, какова судьба культуры после катастроф мировой войны, революции и гражданской войны»². Тем не менее, анализируя историю евразийства, возможно сделать вывод о том, что гносеологической практикой евразийство стало только в конце 1920-х гг. А. В. Соболев в том же смысле полагал, что евразийство как культуросцентричное мировоззрение сложилось к 1923 г., а после ухода Флоровского якобы «вместе с ним отсеклась самая глубокая и самая значительная перспектива развития евразийских идей»³. Ведь именно Флоровский пытался созидать евразийство как интеллектуальную и духовную практику, противостоящую католическому Западу с точки зрения православного Востока (а не Востока кочевников, тюркского мира и иных народов зауральской России).

И. Вишневецкий, напротив, подчеркивает, что евразийство было с самого начала движением не теоретическим, но революционным, практическим, противостоящим модернизму Запада: «Евразийство мыслилось ими как проект не менее революционный и амбициозный, чем сама вызвавшая его к жизни русская революция. Целью движения полагалась „революция в сознании, в мировоззрении интеллигенции“ (из письма кн. Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 7 марта 1921 г.), „умопремена-метанойя“ (Л. П. Карсавин, вторая половина 1920-х г.)... Эволюционный иерархизм Трубецкой предлагал заменить революционно-анархической горизонталью»⁴. Начавшись как революционный проект преобразования сознания русской интеллигенции, евразийцы «начав действовать, <...> вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью

¹ Вахитов Р. Р. Диалектическое определение евразийства // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 141.

² Там же.

³ Соболев А. В. О русской философии. – СПб., 2008. – С. 188.

⁴ Вишневецкий И. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. – М., 2005. – С. 38.

и исторической судьбой»¹. Научно-практическая, издательская, интеллектуальная в широком смысле слова деятельность стала побочным эффектом пассионарного порыва, создавшего евразийство. Сами евразийцы полагали, что созидаящая и направляющая исторические процессы — это идея, или идея-правительница, а не гумилевский взрыв пассионарности, который есть «порыв — слепая сила природной энергии»². В этом смысле евразийцы строго придерживались традиций соборного персонализма и морфологического идеализма (доктрина, разрабатываемая Вл. Ильиным³), избегая неопределенных сущностей Л. Гумилева, который, в свою очередь, следовал скорее доктрине В. И. Вернадского, отца историка-евразийца Г. В. Вернадского. Согласно Трубецкому и Савицкому, в основе движения лежала идея, которая властно направила их на создание евразийской доктрины. Эту идею позже они обозначили как «идею-правительницу», на ее основе разрабатывали доктрину идеократии.

Следующий существенный момент в истории евразийства как консорции заключается в том, что, согласно Гумилеву, оно могло зародиться только как пограничное явление: «Идея евразийства могла зародиться и зацвести только у жителей периферийных по отношению к равнинному „российскому центру“ и переходных областей (Украина, вышедший к морю Петербург, где сформировался как минимум один идеолог евразийства — Л. П. Карсавин), либо у тех, кто всерьез столкнулся с периферией, как москвич кн. Н. С. Трубецкой»⁴. На Украине родились и выросли П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский и А. А. Ливен (в имении Змеево под Харьковом), в многоязычном, многонациональном портовом городе Одесса — Г. В. Флоровский. Н. С. Трубецкой довольно много времени провел в экспедициях на Кавказе, занимался историей, языками и фольклором кавказских и финно-угорских народов. Это подтверждает тезис Гумилева о том, что первоначальная консорция рождается в приграничье — там, где есть столкновение и смешение нескольких ландшафтов, в данном случае — ландшафтов идейных. Приграничье создает зону энергетического вихря,

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 2019. — С. 301.

² Там же. — С. 217.

³ См. главу «„Всеобщая морфология“ Владимира Николаевича Ильина (1890–1974)» из фундаментальной монографии С. М. Половинкина «Русский персонализм» (М., 2020).

⁴ Вишневецкий И. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. — М., 2005. — С. 27.

притяжения и отталкивания, запускает процесс разворачивания спирали творческого порыва. Общими в данном случае стали идеи противостояния Западу (каждый понимал это по-своему, вплоть до гиперидеи Сувчинского о том, что Россия должна стать «новым Западом», заменить собою обветшавшую в мещанстве и утратившую творческую революционность западную цивилизацию), а также идея о революционности как главном факторе современности.

В первые годы существования движения евразийцы были захвачены страстным порывом, почти восторгом «идеи-правительницы»: «В содроганиях современности, среди опустошений вулканического взрыва, евразийцы видят и чувствуют вознесение на земную поверхность, в план мирового существования, *новой огненной жизни*. Скажу вам прямо: чем больше страдания России, чем тяжелее унижения наши, тем ясней для сознания евразийцев, что новую огненную жизнь несет и ею пылает Россия»¹; Флоровский: «Никакого „соединения“ с „слугами князя сего“ я не допускаю, — хотя бы изнанка правды у них была ... Да найдется в наших душах адамитова² твердость — по милости Божией! ... сейчас решаются глубинные проблемы мирозерцания»³; Сувчинский: «Мы называем эту систему максимализма — *евразийством*. Ни в чем не становясь на почву соотносительности с третьим интернационализмом, евразийство утверждает лишь необходимость максимальной духовно-идеологической напряженности и максимального сосредоточения волевых сил, иноприродных революций. Единственно поэтому евразийство и утверждает формулу „максимализм против максимализма“»⁴ и т. д. Страстная, поэтическая форма выражения идей, встречается у евразийцев в текстах и письмах вплоть до 1925 г. Определяя природу идеи-правительницы, Савицкий писал: «Может быть плодотворным только то историческое действие, которое подхватят и поддержат крылья огромной исторической идеи... Эта идея должна быть

¹ Савицкий П. Н. К обоснованию евразийства // Записки русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 2011–2012. — Т. XXXVII. — С. 180.

² Скорее всего, прочитано неверно, в оригинале, скорее всего, стоит слово «адамантова». Праотец Адам, поддавшийся искушению без боя, вряд ли может быть образцом твердости духовного противостояния злу.

³ Переписка Г. В. Флоровского с Н. С. Трубецким (1921–1924) / Записки русской академической группы в США. — Нью-Йорк, 2011–2012. — Т. XXXVII. — С. 58.

⁴ Сувчинский П. П. Идеи и методы // Евразийский временник. — Берлин, 1925. — С. 61–62.

именно огромной, всесторонней и положительной... если будет идея, будут и личности»¹

В 1923 г. евразийство вступило в новую фазу – оборонительно-наступательную, во время которой необходим «враг», поскольку критерии «своих» и «чужих» должны быть артикулированы как можно более определенно. Враг возникает в лице «латинства» (католичества). Видимым результатом борьбы с «врагом» становится сборник «Россия и латинство» (1923), а также полемика и столкновение с Братством Св. Софии и его главой, прот. Сергием Булгаковым². До 1925 г. евразийцы производят самое большое количество ярких текстов и идеологических шаблонов, на основе которых в дальнейшем можно будет строить уже типологические тексты. «Наши географическо-историософские схемы настолько отшлифованы, что историку стоит только усесться на них, и он автоматически покатится как на рельсах именно туда, куда нам нужно. Настало время писать учебники»³, – отмечает уже в 1926 г., в период «закостенения», оформления в шаблоны евразийских идей, Н. С. Трубецкой. 1925 г. стал переломным в истории движения. Перелом был вызван двумя причинами: «утяжелением» энергии первоначальной идеи, которую стремились выразить в виде формул (формулировок, говоря языком евразийцев), а также тем, что к движению присоединилось много новых лиц. По Гумилеву, эту фазу описывают события слияния с покоренными этносами, которые, имея совершенно иную психическую конфигурацию, разлагают первоначальный этнос-победитель. Кроме того, среди присоединившихся к евразийству оказался и элемент совершенно чуждый, имеющий целью сознательно разложить и уничтожить евразийство, – «Трест», за маской которого скрывалось ГПУ. Непродолжительный (около 2,5 лет) альянс с «Трестом» породил своеобразную химеру («форма контакта несовместимых этносов»⁴, которая стремится к аннигиляции, поскольку входящие элементы противоположны по всем признакам. «Трест» явился мощнейшим фактором деструкции евразийства. Это почувствовали и сами евразийцы, которые с большим недоверием относились к этим контактам, дублируя документы: один экземпляр отсылали

¹ Савицкий П. Н. Избранное. – М., 2010. – С. 180.

² См. статью: Ермишина К. Б. «Любовь нужна пламенная...» / Материалы к истории Братства Св. Софии: письма Н. С. Трубецкого и прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. – 2008. – Вып. 1 (21).

³ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому 1921–1928. – М., 2008. – С. 198.

⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2019. – С. 173.

для представителей «Треста», а другой – только для своих. На особом совещании Совета Пяти 18 октября 1925 г. установили срок «ликвидационного периода» отношений с «Трестом» до 1 января 1926 г., ввели новую систему шифров в личной переписке, предпринимали иные шаги, которые не были успешны, поскольку внутри движения был человек, перешедший на сторону ГПУ. Это был П. С. Арапов, который, в конце концов, понял, что имеет дело именно с ГПУ, но это не остановило его, напротив, он вдохновился идеей работы на новую родину – СССР. Для самого Арапова это закончилось арестом в Москве, заключением и расстрелом на Соловках в 1938 г. После провала «Треста» евразийство было ослаблено, вскоре раскололось на два направления – Пражское и Парижское.

После Кламарского раскола Пражское евразийство принимает исследовательскую программу как главное задание и цель, знаком чего стала статья Савицкого «Научные задачи евразийства» (1931). Сборник «Тридцатые годы», в котором была опубликована указанная статья, стал «манифестом» евразийства как нового, научного, теоретического направления. Именно этим различаются евразийство 1920-х гг. (революционное, волевое, практическое) и евразийство 1930-х гг. (научно-теоретическое, с фантомными интенциями активности в отдельных группах, например, в Брюссельской). Неоевразийство пытается вернуться к евразийству 1920-х в отношении активности, сочетая это с теоретическими и идеологическими работами, учитывающими современные реалии. Тем не менее, следует признать, что философская и теоретическая база неоевразийства крайне слаба по сравнению с евразийством классическим. Слабость философской базы, мистических интуиций, религиозного горения является причиной слабости неоевразийства. Можно резюмировать, что современному неоевразийству не хватает пассионарного порыва, который породил в свое время все вышеуказанные творческие достижения классического евразийства.

Что касается разработки категориального аппарата евразийства, то в первое десятилетие его существования (1921–1931) Савицкий сосредоточился на изучении категории пространства, выдвинув термин «месторазвитие». С 1931 по 1937 г. (дата выпуска последней «Евразийской хроники») его внимание фокусируется на проблеме времени. О природе времени Савицкий пишет в программных статьях «Ритмы монгольского века» (1937) и «„Подъем“ и „депрессия“ в древнерусской истории» (1935), обсуждает эту

проблему в письмах к Л. Н. Гумилеву¹. От Гумилева он узнает о существовании теории времени астрофизика Н. А. Козырева и приветствует ее как евразийскую. Он пишет Гумилеву о том, что природу времени он, Гумилев, и Козырев понимают одинаково. В 1930-е гг. П. П. Сувчинский также обращается к теме времени. В 1939 г. он публикует работу «Понятие о времени и музыка (размышления о типологии музыкального творчества)», выдвигая теорию двух темпоральностей – хронологической (истинное бытие) и хроноаметрической (субъективное бытие). Обращение к темам темпоральности и времени одновременно у лидеров Парижской и Пражской евразийской групп, которые прервали общение после 1929 г., не является случайностью. Это свидетельствует о том, что обращение к этой теме, которую наследовал Л. Н. Гумилев, не является спонтанным, эпизодическим витком евразийской мысли, но закономерным этапом развития. Евразийство начинается как пассионарная консорция, продолжается как гносеологическая практика и завершается как философия энергии и времени. Историософия евразийства, созданная к 1926 г., превращается в философию истории, главным действующим героем которого становится само время. Савицкий приходит к концепциям Периодической системы сущего, философии организационной идеи и философии насыщенного смыслом факта как системы «фактов-пророчеств». Пройдя горнило исследовательских практик, первоначальная евразийская мистическая интуиция, характерная для его лидеров, оформляется в философию интуитивного познания с привлечением категорий время, энергия, исторический ритм (повторяемости фаз), холистичность, темпоральность, бытие и бывание. Философия времени, последняя ступень развития евразийства, была передана в наследство Гумилеву.

Философия и творчество вообще есть дело сугубо личное, индивидуальное. Создание философской консорции, объединение ярких личностей, спаянных, по Гумилеву, «общей исторической судьбой» (у Трубецкого – «биографическая сопряженность») – уникально. Именно поэтому его так сложно анализировать. Евразийство есть целостное явление, многоипостасная, многоперсональная творческая консорция, поэтому оно всегда находилось в движении и изменении, никогда не застывало в одной неизменной форме. Вопреки предположению М. Байсвенгера, движение не существовало как евразийство отдельных мыслителей, оно было сразу

¹ О философии времени позднего евразийства см. статью: *Ермишина К. Б.* Философия пространства и времени П. Н. Савицкого и Л. Н. Гумилева // *Экономические стратегии.* – № 5. – 2018.

и единым и многоипостасным, многоликим. Даже разность убеждений Трубецкого и, к примеру, Карсавина, с которым они вели споры о сути личности, церкви и государства (каждый отстаивал свою точку зрения), не лишала их позиции звания «евразийской». И даже разрыв Сувчинского и Савицкого не означает, что их взгляды — это нечто иное, не евразийское, хотя Парижскую группу и определяют как «левое евразийство» в противоположность условно «правой» группе Савицкого. Существенными признаками евразийства являются постоянная эволюция взглядов, развитие идей влево и вправо (по политической шкале), в сторону углубления персоналистического начала, и, одновременно, развитие соборных, имперсональных, коллективистских начал. Антиномичность евразийского движения не должна вводить в недоумение: ведь содружество разных личностей и должно в итоге порождать антиномичные, противоположные идеи, единые с точки зрения диалектики евразийской «идеи-правительницы».

С. М. Половинкин справедливо полагал, что в основе евразийства лежит персонализм особого рода, крайние версии которого были сформулированы Н. С. Трубецким и Л. П. Карсавиным¹. Мы солидаризируемся с этим выводом одного из «первооткрывателей» евразийства. Много ценных замечаний и правильных подходов содержат большинство исследований, посвященных евразийству. Односторонность в толковании евразийских идей возникала зачастую по причине того, что исследователи брали какой-то один аспект движения (например, модернизм и антисемитизм у С. Глебова или идеология и политический акционизм у М. Г. Вандалковской), стараясь поставить это во главу угла, забывая, что избранные моменты есть только отдельные пазлы общей, грандиозной мозаики, созданной евразийской пассионарностью. Евразийская идея жива и привлекательна тем, что обладает мощным зарядом энергии персонализма (избранничество, миссия), заставляет обратиться к России-Евразии (после революции 1917 г. Россия утратила не только свое имя, она стала полем для социалистического эксперимента, и русский народ устал быть удобением для чужих национальных проектов). Евразийство возвращает идею противостояния, бинарной оппозиции России — Западу, которая идейно была необходима для формирования и фундирования русской самоидентификации. До церковного раскола 1666 г. русские противопоставляли себя как православных, хранителей

¹ См. об этом работу: *Степанов Б. Е.* Спор евразийцев о церкви, личности и государстве // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник, 2001–2002. — М., 2002.

истинной веры и благочестия католическому и протестантскому Западу. В видоизмененной форме бином противостояния стал важнейшей чертой русского менталитета. Поэтому окончание холодной войны и отказ от противостояния Западу стал катастрофой для национального самосознания, сигналом утраты миссии, утраты смысла существования страны, которая есть, согласно глубинной интуиции народа, «Третий Рим», а четвертому не бывать, поскольку именно об Русь Святую запнется Антихрист. Речь не идет о том, что необходимо искусственно раздуть противостояние Западу (которое уже давно несправедливо заклеили как симптом кичливого национализма). Тем не менее, стоит вернуться к религиозным, национальным, интеллектуальным истокам, и евразийство в этом смысле – самый «безопасный» вариант обращения к проблеме национального. Уходить от темы нации, национализма и национальной идеи в России уже больше нельзя. Стоит признать, что русский народ отличается странной особенностью – слабым иммунитетом к чуждым влияниям. Достоевский воспел это свойство как вселенскую отзывчивость. В настоящее время это свойство русского народа может обернуться национальной катастрофой.

На наш взгляд, евразийство нужно рассматривать как целостный феномен, а методы структурного или диалектического анализа стоит признать прикладными, хотя и чрезвычайно ценными. Многообразные разоблачения «евразийского соблазна» вряд ли являются продуктивным методом изучения евразийства, поскольку научные исследования, следуя им, превращаются в публицистику. Евразийство можно считать типичным русским движением, порожденным пассионарной, революционной эпохой, в центре размышлений и надежд которого – Россия, в фокусе философских интересов – историософия, категории пространства (месторазвитие) и времени. Философской базой евразийства выступает модернизированный платонизм (концепция идеи-правительницы), морфологизм и структурализм, внутренним стержнем – своеобразно интерпретированные идеи православного исихазма о том, что все наполнено, движется и существует благодаря энергиям, высший исток которого – Господь Бог, Высшее измерение бытия.

Глава 3. Сущность евразийства: современные оценки [Савин Л. В.]

На рубеже XX–XXI веков идеи евразийства оказались востребованными, хотя отнюдь не в полном объеме. Многие концепции, предложенные отцами-основателями евразийства, сохранили свою актуальность, а некоторые высказанные предчувствия уже воплотились в реальную жизнь, что придает евразийству некий ареал пророчества.

В истории евразийского движения ключевыми факторами являлись идеология, религия и государственность в контексте переосмысления как самой российской истории, так и отношения к Западу и Востоку. Особенностью евразийства было критическое отношение к европейской культуре как совокупности философских идей, политической истории и католической версии христианства. Как отмечал один из основателей и лидеров движения Петр Николаевич Савицкий в статье «Два мира» (1922 г.), «евразийство сводится к стремлению осознать и осмыслить совершающийся и совершившийся выход России из рамок современной европейской культуры»¹. Хотя нередко критика европоцентризма со стороны евразийцев со стороны воспринималась с предубеждением и подвергалась неправильной интерпретации.

§1. Евразийство и ревизионизм

Пересмотр исторических аспектов стал одним из ключевых элементов евразийства. Критическое отношение к реформам Петра Первого и последующая ориентация на западные традиции со стороны династии Романовых и большинства дворянства неоднозначно воспринималась среди выходцев из среды русских мигрантов. «России, — полагали евразийцы, — в первую очередь следует думать о возвращении не в Европу и не в Азию, а к собственным основам, для которых, однако, Восток значительно ближе, чем Запад. И, прежде всего, потому, что Европа стремилась всем навязать свой якобы общечеловеческий, но фактически романо-германский культурный шаблон. Рассматривая данную проблему, как по преимуществу духовную, евразийцы полагали вполне возможным и даже полезным заимствовать

¹ Савицкий П. Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. — М.; Берлин: Геликон, 1922. — С. 9.

технические достижения. Вместе с тем они постоянно предупреждали, что заимствование в сфере духовной может привести к утрате „живого и действенного религиозного чувства“¹. Подчеркивалось, что „евразийцы относятся отрицательно к подражательной и западно-поклоннической линии императорского правительства и социальных верхов императорской России“².

Но данная критика не была чисто негативной. Были предложены новые творческие установки для переосмысления нескольких столетий прошлого и создания основ для будущего. Заявлялось, что «Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»³. Такой комплексный, холистический и междисциплинарный (выражаясь современным языком) подход являлся визитной карточкой евразийского движения – история, религия, языки, география, политика, этнография, экономика и идеология представляли взаимосвязанные элементы единого целого.

Евразийцы призывают к выработке такого нового подхода к российскому вопросу в среде мигрантов. Довольно показательным является публикация кн. Н. С. Трубецкого по поводу отношения евразийства к белому движению. Она вышла в 1925 г., когда уже прошла первая волна критики в русской эмиграции. Трубецкой отмечал, что «после крушения белого движения евразийцы поняли, что неудачи этого движения коренились главным образом в том, что прежние его идеологи выступили в походе с негодным и недостаточным идейным багажом, что эта проявившаяся на опыте негодность идейного багажа была следствием прежнего, дореволюционного уклона развития русской мысли и что, следовательно, для продолжения и успешного завершения борьбы с коммунизмом необходимо пересмотреть прежние идеалы русской интеллигенции и заменить их новыми. Таким образом, и сменовеховцы и евразийцы увидели факт поражения белых армий коммунистами; но в то время, как сменовеховцы из этого факта

¹ *Пушкин С. Н.* Евразийские мыслители как носители традиций русской культуры в Европе. // Русское зарубежье и славянский мир. Петр Буняк (сост.), Славянское общество Сербии. – Белград, 2013. – С. 263. – URL: https://www.hse.ru/data/2013/09/30/1277446793/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf

² Евразийство (формулировка 1927 г.) / Под ред. П. Н. Савицкого // Евразийская хроника. Выпуск IX. – Париж, 1927.

³ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. – Прага: Издание евразийцев, 1932. – С. 7.

сделали практический вывод, что надо безоговорочно сдаться и прекратить всякую борьбу с коммунистами, евразийцы, наоборот, стали искать новых, более действенных путей борьбы с ними. Теоретики сменовеховства указывают на то, что коммунистическая идеология является логическим выводом из того направления умов, которое в русской интеллигенции было господствующим, и приводят этот факт как аргумент в пользу коммунизма, как доказательство того, что русский интеллигент должен принять коммунизм. Евразийство тоже признает органическую и логическую связь коммунистической идеологии с господствовавшим до революции умонастроением русской интеллигенции, но из этого факта делает как раз обратный вывод, а именно вывод, что все это дореволюционное умонастроение русской интеллигенции было в корне порочным, что его следует безоговорочно и окончательно откинуть, ибо коммунизм есть зло, а все, органически приводящее к злу, тоже есть зло... А какой практический смысл имела бы полемика против прежних идейных руководителей провалившейся русской интеллигенции? С покойниками и привидениями не спорят. Можно не соглашаться с идеями братьев Гракхов или с внутренней политикой фараона Тутанхамона, но страстно полемизировать против этих давно умерших деятелей глубокой древности было бы глупо и смешно. Те противники, которые сейчас травят евразийство на страницах своих газет, по существу, являются мертвецами: физически они еще живут, но как политики и идеологи давно умерли. Они провалились в прошлом, провалятся и в будущем, если им доведется еще раз переиграть, как они об этом мечтают. Это бывшие люди, они живут всецело в прошлом, а настоящее их ничему не научило»¹.

В последних репликах Трубецкого видна четкая установка на будущее. Следовательно, ревизионизм евразийцев имел определенную цель — это создание надлежащих условий для широкомасштабного изменения политических основ России с опорой на самобытность и собственные традиции.

Необходимо отметить, что и взгляд евразийцев на национальное своеобразие заметно отличался от царской политики размежевания на полноценных подданных и инородцев. Н. С. Трубецкой призвал к отвержению космополитической интернациональной культуры, отмечая, что у каждого народа есть своя культура. При этом он предостерегал от неправильного понимания национальной самобытности: любое подражание «великим

¹ *Трубецкой Н. С.* Наш ответ: евразийство и белое движение // Евразийский Временник. Книга четвертая. — Берлин, Евразийское книгоиздательство, 1925 (<http://nevmenandr.net/eurasia/1925-NST-nashotvet.php>).

державам», разговоры о «национальном самоопределении», воинствующий шовинизм и культурное ретроградство, склонное к фетишизации бытовых форм, являются ложным национализмом, которые в итоге приводят к гибели. Трубецкой констатировал, что в России до настоящего момента не сложилось направление истинного национализма, хотя такие попытки осуществлялись у некоторых личностей, вероятно, у «ранних» славянофилов¹. В нынешних условиях для внутренней политики России и стратегии в отношении ближнего зарубежья эти тезисы остаются актуальными.

§2. Евразийство и религия

Есть мнение, что «евразийцы постоянно заявляли: „Лишь в православной России возможно обнаружить истинную культуру“. Подъем русской культуры, по их убеждению, всецело обуславливался перспективами ее религиозного ренессанса. И поскольку культура всегда „коренится в религии“, возрождение культуры России, уверены они, способна обеспечить лишь Русская православная церковь»². С. М. Половинкин также отмечал, что «средоточием всех размышлений евразийцев о судьбах России было Православие»³. Может показаться, что евразийство апеллирует исключительно к православию. Но это не так. Уже в первом сборнике статей от 1921 г. Петр Савицкий указывал, что «Россия поистине является православно-мусульманскою, православно-буддистскою страной»⁴. Спустя более чем десять лет, эта формулировка осталась неизменной. В формулировке евразийства от 1927 г. сказано, что «народные массы России-Евразии не мыслят жизни вне идеи Бога. Именно к этой идее обращены побуждения

¹ *Трубецкой Н. С.* Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свержения. Утверждение евразийцев. Книга I. – София, 1921. – С. 85.

² *Пушкин С. Н.* Евразийские мыслители как носители традиций русской культуры в Европе // Русское зарубежье и славянский мир. Петр Буняк (сост.), Славистическое общество Сербии. – Белград, 2013. – С. 262 (https://www.hse.ru/data/2013/09/30/1277446793/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf).

³ Цит. по: *Н. С. Трубецкой.* История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 750.

⁴ *Савицкий П.* Поворот к востоку // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921. – С. 2.

добра и нравственности»¹. При этом утверждается: «Необходимо, чтобы государственная власть относилась благожелательно и содействовала каждой вере, исповедуемой народами России-Евразии, понимая, что только вера может служить основой социальных отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением человеческого достоинства»². А в первом пункте декларации от 1932 г. сказано: «Как система мировоззрения и жизни, евразийство покоится на религиозной основе. Православные евразийцы придают первостепенное значение Православию в его обращенности к социальной жизни, как праведному началу, на котором строится евразийское государство труда и общего дела. Евразийцы, принадлежащие к другим исповеданиям России-Евразии, подходят к тем же задачам от глубины своих религиозных убеждений»³.

Из этого можно сделать вывод, что евразийцы рассматривали Православие наподобие римской формулы «первый среди равных». Лидеры евразийского движения придерживались православной традиции, хотя среди последователей евразийства были и представители других конфессий, в частности калмык Эреджен Харадаван (буддизм) и еврей Яков Бромберг (иудаизм). Исключением, пожалуй, является ислам. Хотя косвенно по туранским темам и статьям на восточные вопросы можно проследить общий интерес к теме Ислама, но только в общем этно-географическом контексте. О мусульманах в евразийском движении также ничего неизвестно.

§3. Евразийство и государственность

В формулировке евразийства от 1927 г. сказано, что «политика государства в экономической области должна базироваться на начале служения каждого своим согражданам и народно-государственному целому... Демотическую власть, опирающуюся на широкие массы трудящихся, евразийцы полагают единственной возможной властью и советский строй

¹ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Выпуск IX / Под ред. П. Н. Савицкого. — Париж, 1927. — С. 4.

² Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Выпуск IX / Под ред. П. Н. Савицкого. — Париж, 1927. — С. 7.

³ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. — Прага: Издание евразийцев, 1932. — С. 3.

единственно возможным строем России-Евразии...»¹. При этом в советском строе необходимо было заменить коммунистическое начало на евразийское с его религиозно-культурными и социальными составляющими.

«Евразийцы считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные в бытовом и историческом отношении группы... Именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базой наднациональной (евразийской) культуры, которая служила бы потребностям всех народов России-Евразии, не стесняя их национальных своеобразий... Евразийцы являются сторонниками широкого государственного регулирования и контроля хозяйственной жизни, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций»².

Показательно, что евразийцы еще тогда указывали на необходимость 8-часового рабочего дня, введения норм охраны труда, организации общественного питания и создания санитарного законодательства. В глобальном контексте евразийцы настаивали на проведении «радикальных мероприятий по развитию русских производительных сил»³, которые бы способствовали самодовлению России-Евразии и делали ее независимой от международной конъюнктуры.

В обновленной версии манифеста от 1932 г. (то есть после так называемого Кламарского раскола, когда парижская группа П. Сувчинского и Л. Карсавина была обвинена в чрезмерной симпатии советскому строю, а П. Н. Савицкий стал единственным лидером движения) в целом продолжена такая же линия, но формулировки даны более ясно и акцентированно.

«Евразийский государственный строй определяется как идеократия. Евразийская идеократия осуществляется евразийским ведущим отбором, духовной и практической основой образования коего является действительное служение евразийской идее... Из самого существа евразийства вытекает, что национальностям России-Евразии Евразийское Государство гарантирует возможность действительно-свободного культурного развития, подлинного самоуправления и сотрудничества всех евразийских национальностей. Всего этого нет при коммунистическом режиме... Евразийцы решительно отвергают материалистическую философию марксизма... Для евразийцев

¹ Евразийство (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Выпуск IX / Под ред. П. Н. Савицкого. – Париж, 1927. – С. 5, 6.

² Там же. – С. 8, 9.

³ Там же. – С. 13.

неприемлемы все элементы коммунистических планов, связанные с пропагандой материалистических идей... Евразийцы стремятся к преобразению существующего в СССР строя на основе Евразийства»¹.

Выдающийся правовед Н. Н. Алексеев, который не стоял у истоков евразийства, но присоединился к нему в 1927 г., внес значительный вклад в разработку теории государства с евразийской точки зрения. Алексеев, описывая партийные системы европейских стран, отмечает, что «евразийцы не есть партия „на платформе“ или лига. Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем, как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое мирозерцание, целая философия»².

Поскольку стремление к политическим действиям имеет особые, верховные цели, то ближе всего по форме к евразийству Алексеев видел религиозный орден с оговоркой, что никакие западные подобные организации, будь то католические ордена или их антиподы.

Алексеев заявляет, что «мы же — восточники» и «по духу своему, мы пожалуй, первый тип русского ордена», за которым, вероятно, стоит старейшая традиция³. В качестве прообраза евразийцев были упомянуты заволжские старцы.

При этом партийная деятельность не отрицалась как таковая. Она была одним из вариантов активности, которая входила в комплексную и разностороннюю работу евразийцев. Алексеев писал, что «существо наше не совпадает с природой политической партии (в обычном смысле этого слова), и партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности»⁴.

Показательно, что Алексеев предполагал, что «изменение современного советского режима произойдет в результате насильственного переворота, который будет сделан одной из современных реальных сил, играющих роль в Советском государстве. Причем сила эта будет посторонней евразийству»⁵. Хотя это произошло через 60 с лишним лет, как были написаны эти строки,

¹ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. — Прага: Издание евразийцев, 1932. — С. 3, 4, 5, 6.

² Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Выпуск IX / Под ред. П. Н. Савицкого. — Париж, 1927. — С. 33.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 34.

⁵ Там же. — С. 35.

все же «августовский путч» и ГКЧП с последующим распадом СССР и установлением либерально-олигархического режима в России вполне можно отнести к такому перевороту.

Что касается идеальной картины государственного строя, то с евразийской правовой точки зрения такое государство «построено на глубоких народных основах и соответствует „народной воле“. Если бы понятие народного суверенитета не было столь затасканным и не утратило бы всякий внутренний смысл и всякое внешнее обаяние, то мы готовы были бы сказать, что мы строим наше государство на суверенитете народа, — но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии, а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем „народом“ или „нацией“ не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры»¹.

Алексеев делал оговорку, что в этом случае очень сложно реализовать какое-то политическое действие, но допустить порядок, при котором выразительницей воли народа будет кучка людей, достигших возрастного избирательного ценза, также нельзя. Говорится о необходимости превращения общественного строя, который является носителем стабилизированного общественного мнения, из политической партии, в европейском смысле слова, в органическую часть государства².

В статье «Евразийцы и государство» Алексеев подводит итог по поводу участия народа в политических процессах следующими словами: «Таким образом в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, — и это создает условия, при которых партии и технически становятся ненужными... дело идет не о механическом замещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима...»³.

Социализм и коммунизм евразийцы считали таким же материалистическим порождением, как и капитализм — все эти системы отвергали духовные основы жизни, поэтому были не приемлемы для евразийцев.

¹ Там же. — С. 36.

² Там же. — С. 39.

³ Там же. — С. 40.

§4. Критическая оценка евразийцев их современниками

Как правило, в критических статьях и заметках по евразийству упоминаются несколько аспектов: это уход Г. В. Флоровского из движения и его последующее обвинение в несостоятельности движения, выпады ряда русских эмигрантов, таких как А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве, А. В. Карташев и др., а также одно из писем Н. С. Трубецкого, в котором он признавался, что хотел бы заниматься наукой, а от деятельности в евразийском движении устал¹. При этом совершенно упускаются из виду как нападки других авторов, так и нейтральные, либо положительные отзывы о евразийстве. А тот же Флоровский сам многие годы выступал апологетом и защитником евразийства. В работе «Окамененное бесчувствие (По поводу полемики против евразийства)», изданной в журнале «Путь» в январе 1926 г. (Париж), он отвечает на критику тех лиц, которые обвиняли евразийцев в неуважении к европейской культуре: «Евразийцы, не менее старых славянофилов и Достоевского, готовы уважать многотрудный подвиг Европы и соскорбеть ее тоске и падению. Они говорят о болезни Европы, а не о ее ничтожестве... Однако, с другой стороны, признание их значительности еще не означает возведения их в канон и безоговорочного согласия с ними. В культурной истории Европы сочетаются и свет, и тени. Мы видим историю Европы в перспективе истории Христова дела на земле, и, уважая искренность страстного подвига Европы, именно из уважения к нему, не закрываем глаза на безнадежные тупики западного пути и не замалчиваем европейского провала»².

Необходимо отметить, что в 20-е годы прошлого столетия в среде эмигрантов была особая атмосфера. Несмотря на политические разногласия, шла живая дискуссия. Тот же Кизеветтер мог оппонировать евразийцам на их семинарах, а затем давать публикации в русскоязычной прессе.

По мнению Савицкого, первым критиком евразийства выступил Петр Рысс, опубликовавший отзыв на сборник «Исход к Востоку» в газете «Последние новости» от 21 сентября 1921 г. Рысс назвал первую книгу

¹ Тем не менее Трубецкой не отказывался от участия в работе над сборниками и обсуждением текущих дел с другими евразийцами. Вероятно, причиной такого заявления Трубецкого были проблемы со здоровьем, которые действительно имели место.

² Цит. по: *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. — М.: Аграф, 1998. — С. 250–251.

печально-претенциозной, «кокетничающих обломками идей 40-х годов»¹. После этого, по утверждению Савицкого, формируется некий антиевразийский фронт. С позиции нигилизма выступил К. Мочульский на страницах «Общего Дела»². Религиозно-богословские взгляды евразийцев также не были обойдены вниманием. Марк Слоним, Б. Шлецер и Б. Мирский искажали факты и восхваляли Европу. Г. Ландау в издании «Руль» назвал сутью евразийства «бездейственное самоутешение»³.

Показательно, что, в отличие от русских эмигрантов, представители иностранной прессы были более благосклонны к евразийским идеям. Болгарский журнал «Везни» 22 октября 1921 г. писал: «Хаос... родит звезду. И ее сияние еще поведет, быть может, весь мир к новым пределам, к новому Вифлеему, где рождается Дух. Россия несет новое Евангелье миру»⁴.

Чешский автор Франтишек Кубка в газете «Венков» отмечал, что «по сравнению с царистическим характером старого славянофильства, приятно поражает народный облик концепции евразийства... После революционной бури большая часть евразийской программы, очевидно, осуществится»⁵. При этом автор указывал, что Чехословакия может служить в будущем неким мостом между романо-германцами и Россией.

Упоминается и некий известный украинский деятель, проживавший в то время в Праге, опубликовавший большую статью в чешской газете «Трибуна» под инициалами Н. В., где даны большие фрагменты из статей сборника «Исход к Востоку» и евразийство названо «достойной внимания и весьма незаурядной попыткой создать новую русскую национальную философию»⁶. Петр Савицкий довольно точно отмечал, что Н. В. дал толчок критике, которую можно назвать «сепаратистским» циклом, поскольку

¹ *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Утверждение Евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев, 1931. — С. 2.

² См. Будущая культура России. Общее Дело. — Париж. — № 436, 26 сентября 1921 г.

³ *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Утверждение Евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев, 1931. — С. 10.

⁴ Там же. — С. 6.

⁵ Там же. — С. 7.

⁶ Там же. — С. 7.

она исходила от групп, «стремящихся к отделению от евразийского единства»¹. Так, Н. В. утверждал, что прибалтийские и припонтийские народы тесно связаны с европейским Западом, поэтому не могут стать поборниками евразийства. Следовательно, евразийство должно быть устремлено исключительно на Восток и забыть о западной окраине бывшей Российской Империи, т. е. Прибалтике и Украине. На это Савицкий иронично замечал, что из четырех авторов сборника «Исход к Востоку» трое (Флоровский, Сувчинский и сам Савицкий) тесно связаны с Украиной, следовательно, евразийство как таковое является одновременно и украинским, и великорусским явлением. Далее упомянут другой украинский автор О. Мицюк, который критиковал евразийство уже в 1930 г. (необходимо обратить внимание на тот факт, что в Чехословакии, и особенно в Праге, было довольно много выходцев из Украины, разделяющих взгляды самостийничества), утверждая, что это не что иное, как русификация и «оптирование» московской культуры. На что Савицкий заметил, что в таком случае и Николая Гоголя нужно относить к тем авторам, которые «оптировали» московскую культуру, следовательно, отказывались от своего культурного наследия.

В Польше первая публикация по евразийству вышла в газете «Роботник» 26 февраля 1922 г. Автор статьи Казимир Чаплинский явно не понял евразийских идей и считал, что евразийство представляет собой маску, под которой формируется «новое национальное самосознание новой России, буржуазной, провозглашающей капитализм, православие, войну с социализмом, национализм и империализм». Естественно, даже поверхностное знакомство с евразийством показывает, что данное высказывание не имеет под собой никаких обоснований.

Митрополит Антоний (Храповицкий), отзываясь на сборник «Россия и Латинство» (1923 г.), говорил следующее: «Да. Я торжественно поздравляю русское общество. Безо всякого преувеличения заявляю, что у нас снова есть и Хомяковы, и Киреевские, и Аксаковы. Они воскресли на нашем безвременьи; они открыли пред русским сознанием новую энциклопедию мысли богословской, философской, общественной, даже экономической»².

Неоднократно упоминаются статьи В. П. Никитина во французской прессе. «С особой симпатией автор останавливается на экономической концепции евразийства: „Тесное экономическое сотрудничество с азиатским миром – вот решение евразийской проблемы, вот почти полная

¹ Савицкий П. Н. В борьбе за евразийство... – С. 8.

² Там же. – С. 22-23.

независимость»¹. В. П. Никитин до революции работал генеральным консулом Российской Империи в Урмии. Позднее он присоединился к евразийскому движению и публиковал статьи по теме востоковедения, в целом разделяя общие взгляды других авторов.

В Италии евразийскими исследованиями занимался известный славист, профессор Неаполитанского университета Этторе Ло Гатто. Савицкий отмечал, что он «посвятил евразийству особый очерк в книге „Страницы русской истории и литературы“». Первая глава этой книги называется: «От Ивана Грозного до евразийцев»; вторая: «Евразийское движение». Автор хорошо знаком с евразийской литературой и умело ею пользуется»². Эта работа вышла в 1927 г., хотя Савицкий отмечает ошибки в интерпретации идей, в частности, акцент на азиатских элементах и ненависти к Западу, а также некорректное упоминание роли татар.

Другая работа, изданная весной 1929 г. под названием «Скифы и гунны», уже поднимает вопросы о дальнейшем развитии евразийства. Ло Гатто пишет: «Трудно сейчас предвидеть, какое влияние практически-политического порядка может иметь дальнейшее развитие евразийского движения, которое достигло уже своей зрелости в своем идеологическом развитии... чем точнее становятся утверждения евразийцев, чем шире сфера их влияния и чем решительней подчеркивание их миссии, которую Россия будет выполнять... не как „славянская“, но как „русско-туранская“ держава, тем энергичнее становится также защита старой традиции, которая не может и не хочет отказаться от славы России»³.

Представляет интерес и развитие этимологической терминологии по теме евразийства. Особенно преуспели в этом отношении поляки. Савицкий указывал, что «для обозначения евразийства здесь создано несколько терминов. Цитированный выше Казимир Чапинский упоминал „eurazyjnosć“. Проф. Мариан Здзеховский⁴ в 1923 г. ввел термин

¹ Там же. — С. 25.

² Там же. — С. 27.

³ Там же.

⁴ Мариан Здзеховский лично знал многих выдающихся русских мыслителей того времени. Также он был другом Сергея Трубецкого — отца Николая Трубецкого. В марте 1922 г. в Вильнюсе Здзеховский прочитал лекцию о евразийстве, где указывал на сходство между евразийством и идеями, изложенными в поэме «Панмонголизм» Владимира Соловьева. См. *Roman Bäcker*. «From Rejection to Attempts at Reconciliation: Poles and the Interwar Eurasian Movement» in: *D. Shlapentokh* (ed.),

„eurazjatyzm“. М. Уздовский в своей брошюре 1928 г. отметил, что евразийцы опираются не на азиатизм, но на „азийство“ России, которому придают религиозное значение. Он считал, что русское обозначение лучше передается словом „eurazjanizm“¹. Уздовский не прав в утверждении, что в польской публицистике Здзеховский был первым, кто обратил внимание на евразийство: упомянутая выше статья Чапинского предшествует книге Здзеховского. „От внимательного взора проф. Здзеховского не укрылось и так называемое ‘евразийское’ течение в нашей общественной мысли. Здзеховский угадывает его значительность и, по-видимому, склонен отнестись к нему не только с вниманием, но даже с признанием“. Что касается М. Уздовского, то в своей брошюре он совершенно неосновательно заявил, что „в отношении Польши евразийское движение заняло с самого начала враждебную позицию“. Это утверждение вызвало справедливое опровержение со стороны С. Л. Войцеховского, который в своей статье в „Дроге“ дал попутно самостоятельное и весьма ценное изображение евразийства. Еще в конце 1924 г. толковую заметку о евразийстве дала варшавская газета „Речь Посполита“. В ней содержится, между прочим, такое сообщение: „В последнее время объявили о своих симпатиях к евразийскому движению некоторые русские артисты, находящиеся, вообще говоря, вдали от политических дел. В числе других является евразийцем знаменитый композитор Игорь Стравинский², который недавно концертировал в Варшаве“. В начале 1925 г. „Курьер Польски“, говоря о советской политике в Азии, сослался на евразийство как на формулу этой политики.

Russia between East and West. Scholarly Debates on Eurasianism, Brill, Leiden – Boston 2007. – P. 112.

¹ Вероятно, здесь можно видеть истоки западного определения евразийства в качестве «евразианизма», где окончание -изм привносит коннотации других политических идеологий того времени – либерализма, коммунизма (большевизма, марксизма), фашизма и национализма. Однако сами евразийцы считали такое возможное сравнение некорректным.

² Однако Игорь Стравинский не причислял себя к евразийцам. В 1965 г. П. Н. Савицкий писал Л. Н. Гумилеву: «В свое время, в 1920-х гг., ЕА-ству, в числе прочих, сочувствовал видный польский композитор, человек в значительной мере русской культуры – Шимановский. При личной встрече с И. Ф. Стравинским он сказал ему (разумея произведения „ранней поры“ творчества Стравинского): „Ваши вещи – подлинно евразийские, и Вы – настоящий евразиец!“ На что Стравинский возразил: „Я не принадлежу ни к какому миру. У меня нет национальности. Я – космополит“. Вот попытка быть „внеэтничным“. Она не единична...».

Недоразумение вскрыла „Газета Поранна“, которая дала краткий очерк евразийских идей. „Курьер Польски“ продолжил свои экскурсы, но тоже с небольшим успехом»¹.

Особый интерес представляет упоминание Савицким книги «Воскресающая Россия», подписанная не иначе как «Английский Евразиец»². Ее автором был филантроп Генри Норман Сполдинг, который одно время финансировал евразийское движение. Он также известен как учредитель кафедры Восточных религий и этики в Оксфордском университете. Интересно, что термин «евразийский» по-английски был написан довольно оригинально – *Europasian*. Петр Савицкий посвящает пересказу книги Сполдинга две страницы, где отмечает, что «автору известны не только основные произведения евразийской литературы, но также все основное, что появилось о евразийстве на романогерманских языках»³.

В завершение Савицкий отмечал, что «европоклонническими мотивами проникнута вся полемика с евразийством. Некоторые критики выступают в неблагодарной роли непрощенных защитников Европы. Б. Каменецкий утверждает: „И вовсе не потеряла Европа своей гегемонии над миром: она продолжается“»⁴.

Если учитывать, что корни нигилизма, марксизма, парламентаризма и либеральной демократии (против которых выступали евразийцы) лежат на Западе, а романовская Россия как монархическая держава также во многом подражала Западу, то оценка Савицкого по поводу полемики 20-х гг. выглядит вполне адекватной.

Однако оптимизм евразийцев по поводу будущего самобытной России, даже после исчезновения движения как такового, сохранился. В письме, написанном Г. Вернадскому в сентябре 1959 г, П. Н. Савицкий подчеркивал, что «никакой настоящей „европеизации“ России не произошло. Евразийский мир остался евразийским миром – и идет своим путем. Не исключено, что „евразийзация“

¹ *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство. Poleмика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы. Утверждение Евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев, 1931. – С. 31.

² *An English Europasian. Russia in resurrection. A summary of the views and of the aims of a new Party in Russia.* – London, 1928.

³ *Савицкий П. Н.* В борьбе за евразийство... – С. 29.

⁴ Там же. – С. 41.

(„обрусение“) Запада окажется, в какой-то момент более глубоким, чем бывшая „европеизация“ России. Но это, конечно, вопрос будущего».

Вероятно, пока еще рано подводить итоги, насколько Российская Федерация идет своим путем и как проходит «обрусение» Запада. В условиях санкций против России и обвинений насчет ведения Москвой гибридной войны против Запада, с одной стороны, и с попытками реализации программы евразийской интеграции через ЕАЭС (созданному по принципу ЕС, то есть через подражание европейскому проекту) и повороту к Востоку (сотрудничество с Китаем и Ираном, усиление взаимодействия с государствами арабского мира, Центральной и Юго-Восточной Азии) заметно, что роль и статус России меняются. А научная база классического евразийства может послужить теоретическим обоснованием для геополитических корректировок в среднесрочной перспективе.

Глава 4. Кто и за что критиковал евразийцев? (С. Н. Погодин)

Евразийство было воспринято российскими историками по-разному. Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский увлеклись новыми идеями. П. М. Бицилли сначала принял евразийство, но позже отошел от него. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер выступили с критикой основных его положений. Критике подверглись теоретические положения евразийцев.

§1. Слово П. Н. Милюкову

В вопросе критики евразийства особый интерес представляет полемика между представителями этого движения и Павлом Николаевичем Милюковым, занимавшимся в годы эмиграции (в Париже) редактированием газеты «Последние новости», журнала «Русские записки» и историческими исследованиями (в частности, переизданием «Очерков по истории русской культуры»).

В одной из своих первых публикаций, посвященных евразийству, Милюков в 1925 г. в газете «Последние новости», писал, что движение это — «молодой отпрыск» религиозно-философского течения, «начавшегося

с „Вех“¹. В идее «Евразии» он видел «дурной отголосок устарелого учения» о культурных типах Н. Я. Данилевского². Для Милюкова идея Евразии как «третьего континента» есть «печальное проявление того метафизического „реализма“ (в противоположность научному „номинализму“) которым одержимы наши религиозные философы»³. Следовательно, с одной стороны, Милюков причислял евразийцев к предреволюционной религиозно-философской тенденции, а с другой — поднимал вопрос об отношении евразийства к славянофилам и утверждал, что в вопросах культуры евразийцы «рабски следуют своим предшественникам, славянофилам»⁴.

В своей статье в газете «Последние новости» Милюков уточнял: евразийцы близки к славянофильству — «совершенно правильно», можно сказать, что «все кажущиеся оригинальными мысли евразийцев заимствованы оттуда». Но далее автор делает оговорку: «Они заимствованы не столько у старых славянофилов, сколько у их эпигонов», которые внесли в отвлеченные славянофильские формулы «„конкретность“ и „науку“, эти учения «давно потеряли право гражданства в науке»: «Таков тот вариант славянофильства, который стараются реставрировать в наши дни евразийцы»⁵. Леволлиберальные круги во главе с Милюковым усмотрели в евразийских идеях, по мнению Т. Н. Очировой, «возрождение славянофильских воззрений и обрушились на них именно как на неославянофильство»⁶. В статье 1930 г. (первоначально это был доклад, с которым Милюков выступал в 1927 г.⁷) он вновь пишет, что евразийское учение «неоригинально», и опять называет славянофилов и Данилевского как

¹ Милюков П. Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997. — С. 326.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Сост., вступ. ст. и ком. А. А. Галактионова. — СПб.: Глаголь, 1995. — 552 с.

³ Милюков П. Н. «Третий максимализм» // Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997. — С. 327.

⁴ Милюков П. Н. Русский «расизм» // Вандалковская М. Г. Указ. соч. — С. 332; См.: Последние новости. 1926, 16 декабря.

⁵ Там же.

⁶ Очирова Т. Н. Евразийство и пути русского исторического самопознания // Известия РАН. Серия лит. и яз. — 1993. — Т. 52. — № 4. — С. 39.

⁷ Степанов Н. Ю. Научная и преподавательская деятельность евразийцев в Европе в 1920–1930-е гг. // Русская эмиграция в Европе (20-е — 30-е годы XX века). — М., 1996. — С. 204.

«их эпигона-реакционера»¹, хотя нигде специально не анализирует взгляды Данилевского или Леонтьева (да и других мыслителей уже начала XX века) относительно евразийства. Кроме того, как это ни парадоксально, но, выступая последовательным критиком евразийцев, Милюков полагал даже (на что обращал внимание Н. Ю. Степанов), что в вопросе о своеобразии русской культуры он сам оказал влияние на «евразийство»².

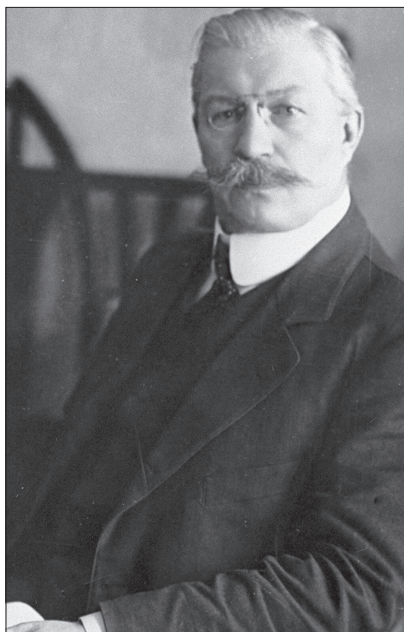

Рисунок 31. Павел Николаевич Милюков, 1859–1943

(<https://cdn21.img.ria.ru>)

¹ Милюков П. Н. Евразианизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История, Традиции. Культура. — М., 1995. — С. 59; См.: *Miliukov P.* Eurasianism and Europeanism in Russian History // *Festschrift Th. G. Masaryk zum 80.* — Bonn, 1930. — P. 225–236.

² Степанов Н. Ю. Критика евразийства П. Н. Милюковым // Евразийская перспектива / Второй международный конгресс «Культура и будущее России». — М., 1994. — С. 72.

Споры вокруг проблем монгольского владычества были своего рода реакцией на «Исход к Востоку» в творчестве евразийцев. В 20–30-е годы выходят ряд статей Кизеветтера, Милюкова, в которых был проведен критический анализ евразийской трактовки монгольского периода в русской истории¹. Исследователи, выступая с позиций российской традиционной исторической науки, обнаруживали наиболее слабые места евразийской оценки вопросов монгольского владычества на Руси. В предвоенный период за рубежом вышли в свет работы представителей евразийского направления, в которых авторы проводили своеобразный самоанализ, попытались оценить взгляды отдельных представителей евразийства и всего направления в целом на некоторые вопросы монгольского владычества на Руси².

4 января 1927 г. в Праге Милюков выступил с критикой книги П. Н. Савицкого «Географические особенности России», а спустя месяц, 5 февраля, он в большом докладе, уже в Париже, изложил и подверг критике евразийское учение в целом. 12 февраля состоялись прения по этому докладу, собравшие около 800 человек слушателей. В 1929 г. Милюков перевел этот доклад на английский язык и выступил с ним в ряде английских городов, а в 1930 г. доклад был издан на английском языке в виде статьи и помещен в сборник, посвященном 80-летию президента Чехословакии Т. Г. Масарика³.

Надо сказать, что Милюков, в отличие от своего учителя В. О. Ключевского, не считал фактор среды одним из решающих. Он писал: «Фактор среды и социологические тенденции объясняют в существенных чертах эволюцию социального порядка, учреждений и нравов. Но этих факторов недостаточно для объяснения исторических „событий“ и „деяний“, направлявших главное внимание старых историков»⁴. Он последовательно

¹ *Кизеветтер А. А.* Евразийство и современная русская литература // Руль. — 1926. — 13 февраля; *Кизеветтер А. А.* Евразийская наука // Slavia. — 1928 / 1929. — Т. VII. — Вып. 2; *Кизеветтер А. А.* Евразийская самооборона // Россия и славянство. — 1930, 15 августа; *Milukov P.* Eurasianism and Europeanism in Russian History // *Ferstschrift Th. G. Masaryk.* — Zum. 80. — Bonn. — 1930. — P. 225–236;

² *Савицкий П. Н.* Евразийство // Евразийский временник. — 1925. — Кн. 4 и др.

³ См.: *Степанов Н. Ю.* Попытки практической работы евразийцев в Европе как политической организации в 1920–1930-х гг. // <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/stepanov1.html>.

⁴ *Макушин А. В., Трибунский П. А.* П. Н. Милюков: Труды и дни (1859–1904). — Рязань, 2001. — С. 31.

подвергал критике придание какому-либо фактору определяющего значения в развитии общества, что вполне соответствовало позитивистской методологии, акцентировавшей равнозначную многофакторность рассмотрения истории культуры любой страны.

На начальном этапе исследований развития русской культуры Милюков не считал необходимым выделять географическую среду как отдельную проблему. Учение о «месторазвитии русской культуры» появилось в качестве самостоятельного раздела «Очерков» только в последнем издании, изданном в Париже в 1937 г. Исследователи научного творчества Милюкова М. Г. Вандалковская, Н. Г. Думова¹ отмечают как значимый факт появление главы «Месторазвитие» в указанном издании. В исследовании И. Д. Митиной² отдельно освещается интерпретация П. Н. Милюковым понятия «месторазвитие». Этот вопрос подробно рассмотрен и в работе А. В. Макушина и П. А. Трибунского³.

Будучи сторонником факторного плюрализма, Милюков не дал истолкования вопросу о влиянии географической среды на историю культуры. В его полемике с евразийцами была отточена его теоретическая позиция относительно роли географического фактора. Милюков внимательно следил за деятельностью основателей евразийства, выступал с критикой в их адрес, не разделяя ни их идеологии, ни их понимания русской культуры, ее прошлой эволюции и перспектив. Претензии, выдвинутые Милюковым в адрес евразийцев, имели не только характер непримиримого идеологического оппонирования и саркастических реплик, они высмеивали псевдонаучность их концепции. «Окончательно научными евразийцы становятся, — писал он, — когда от этих констатирований (того, что Россия — часть Евразии. — С. П.) они переходят к определению „некоторой общей концепции культуры“, и, в особенности, когда они из этой общей концепции „делают конкретные выводы для истолкования ныне происходящего“. Нетрудно, конечно, догадаться, что вся видимость науки нужна им исключительно для

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. — 5-е изд. — Т. 1. — СПб., 1904. — С. 14.

² Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер: история и политика / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 1992; Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова / Ин-т российской истории РАН. — М.: Б. и., 1993.

³ Митина И. Д. Философско-культурологическая концепция П. Н. Милюкова: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. — М., 1997. — 165 с. — С. 98.

этих прикладных выводов. И тут они в особенности рабски следуют своим предшественникам — славянофилам»¹. Милюков не принимал методологических установок евразийцев по вопросу исторической судьбы России, которые были связаны со славянофильством. Эти установки послужили для него важным фактором для критики культурологических идей славянофилов. В основу этой критики он положил рассмотрение особенностей развития культурно-исторического процесса России.

Основное различие Милюкова и евразийцев проявилось в различных методологических подходах в анализе культурно-исторического процесса: он стоял на позициях позитивизма, евразийцы — на позициях культурно-исторической типологии, выдвигавшиеся в их геополитическом учении. Евразийцы исследовали отечественную культуру вне существовавших прежде историографических схем. Они радикально отвергали европоцентристский подход к рассмотрению русской культуры как периферийной относительно западноевропейских культур. Евразийцы понимали историю России, ее культуру, как независимую от Западной Европы. Они считали, что Россия это особый географический и культурно-исторический мир, принадлежавший одновременно и Европе, и Азии, которое они определяли как «Евразия».

Милюков выступал последовательным сторонником идеи общности культурно исторического развития России и Европы. Он не считал правильным выделение некоего культурно обособленного ареала, определяемого в качестве Евразии. «Русские „евразийцы“ обрезают территорию Евразии с запада и с востока, — писал он П. Н. Савицкому, — отделяя от нее, с одной стороны, месторазвитие древних культур южной и восточной Азии. Таким образом, они получают континентальную территорию, одинаково отделенную от Атлантического океана и Средиземного моря, как и от Тихого океана и Индийского»². По Милюкову, употребление термина «Евразия» для обозначения культурно-исторического явления категорически недопустимо. Однако он допускал применение этого термина для описания географического пространства России, поскольку «Евразия» позволяет четко охарактеризовать особенности «промежуточной, переходной полосы между Европой и Азией именно как географического континента»³.

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 тт. Т.1. — М., 1993. — С.68.

² Савицкий П. П. Континент Евразия. — М., 1997. — С. 283.

³ Милюков П. Н. Третий максимализм // Последние новости. — 1925, 2 мая. — С. 1.

В разном понимании России и была полемика между Милюковым и евразийцами. Является ли Россия частью европейского культурно-исторического мира или абсолютно обособленной территорией, не связанной ни культурно, ни исторически с Европой. Это понимание стало ключевым не только в мировоззренческом отношении между евразийцами и Милюковым, но и в методологическом аспекте, определяющем принципиальное несовпадение их подходов к анализу культуры. Евразийцы выступали с позиции отрицания универсализма в рассмотрении исторического процесса. «Мы утверждаем прежде всего, — заявляли они, — что общезначимых законов исторического развития не существует, ибо история имеет дело с явлениями индивидуально неповторимыми и качественно своеобразными»¹.

Евразийцы стремились определить уникальность русского этногенеза. Они считали, что «русская национальность» не может быть сведена только к славянскому этносу. По их мнению, в ее образовании значительную роль играли финно-угорские и тюркские племена, которые тесно взаимодействовали со славянами и оказывали на них огромное влияние. Согласно евразийской концепции, формирование национального субстрата России происходило по своим собственным самобытным законам. В их основу входило сращивание разноразличных этносов в единую полиэтническую «нацию», получившее название «евразийская». Государством, объединившим эту гипернацию, стала Россия.

Рассматривая проблему «Россия–Запад», Милюков подходил с иных методологических позиций. Будучи сторонником общности исторического развития русской и европейской культур, он не принимал тезис евразийцев об отсутствии общей закономерности в историческом процессе. Милюков делал акцент на том, что евразийцы не могут считать себя наследниками славянофилов, поскольку старшие славянофилы не отрицали единства человеческой истории. Предтечей евразийцев, считал Милюков, у кого они взяли идею развития культурных миров как замкнутых пространств, был Данилевский, теорию о культурно-исторических типах которого Милюков определял как «искусственную», имеющую мало общего с реальным историческим процессом. Русская культура, утверждал он, имеет непосредственную генетическую связь с европейской, а не с азиатской культурой,

¹ Милюков П. Н. Третий максимализм...

поскольку русский этнос принадлежит семье европейских народов¹. Милюков, хорошо знакомый с антропологией, этнографией и сравнительным языкознанием, советовал евразийцам более внимательно изучить историю России и этногенез славянства, имеющий единые с народами Западной Европы индоевропейские корни. Славяне, широко расселяясь по территории Северо-Восточной Европы, несли свою культуру иноязычному населению этой части суши. И только утвердившись на данной территории, они начали экспансию на Восток: «С Европой Россия связана больше, чем с Азией, и географически, и культурно. Европеизация России не есть голое заимствование, а выявление свойственных России высших форм жизни, принадлежащих к семье европейской, хотя и оригинальной в каждой европейской стране»². А причины «запаздывания» России относительно Европы он усматривал в особенностях месторазвития, колонизации и др.

Существенным расхождением Милюкова с евразийцами был вопрос о становлении российской государственности. Евразийцы, и в особенности Г. В. Вернадский, считали, что «русская государственность» как таковая берет свое начало только с периода вхождения Руси в Золотую Орду. Это положение получило свое афористическое оформление в словах Савицкого: «Без „татарщины“ не было бы России»³. Милюков отвергал это положение, считал, что государственность начала формироваться задолго до появления татаро-монгольских завоевателей. Он рассматривал корни российской государственности в межкультурных взаимодействиях Древней Руси с Византией и скандинавскими странами. В противовес евразийцам он резко отрицательно оценивал роль татаро-монгольского ига в исторических судьбах России, подчеркивая, что никакого позитивного вклада в становление отечественной государственности оно не внесло. Согласно Милюкову, на Руси ко времени установления татаро-монгольского ига уже сложилась собственная культурная традиция, которая противостояла традициям завоевателей. Это противостояние проявилось в хозяйственно-экономическом, религиозно-мировоззренческом, бытовом уровнях.

Подтверждением этого факта является то, что этносы Древней Руси развивали оседлый тип культуры, а татаро-монголы – кочевой. На этом

¹ Милюков П. Н. Тезисы доклада Милюкова «Евразийство» // Последние новости. – 1927, 11 февр. – С. 1.

² Там же.

³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – 5-е изд. – Т. 1. – СПб., 1904. – С. 2.

основании Милюков делал вывод: у русского народа больше общего с южными и западными славянами и в целом с европейскими народами, нежели с тюркскими. Фундаментальным положением евразийства было утверждение о ведущей роли православия в истории русской культуры, о роли восточного христианства как идеократического стержня Московского царства. С. Н. Трубецкой, противопоставляя допетровское русское православие послепетровскому, писал: «Глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силою своего горения переплавило татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыея в православное Московское государство, является в глазах евразийцев главной ценностью русской истории»¹.

Евразийцы утверждали, что русское православие существенно отличается от западного христианства, которое выродилось в религию рационализма. По их мнению, русское православие было ближе «языческим религиям Востока», так как буддизм и ислам роднит живое религиозное чувство с православием. Поэтому религиозным учениям Евразии предстоит слиться в единое целое с русским православием. Эта утопическая идея была неприемлема мировоззрению Милюкова, который был категорически против утверждения о тотальном влиянии восточного христианства на процесс развития допетровской культуры и о последовавшем отрыве «европеизированной» русской интеллектуальной элиты от подлинного православия. Он категорически отказывался понимать, каким образом «восточное язычество», а именно ислам и буддизм, может рассматриваться в качестве «потенциального православия»². Евразийцы пропагандировали противостояние России и Запада как двух абсолютно различных культурных миров. Следует отметить, что на это различие указывал и Милюков. Однако в разработанной им методологической парадигме своеобразие культур отнюдь не исключало их общности. Он считал ошибочным и в культурном, и в политическом отношении противопоставление России Западу, выступая последовательным сторонником единства европейских культур без какой-либо унификации.

В идеях евразийцев Милюков видел двойное отрицание своей позиции, как в научной, так и в политической. Он защищал принцип закономерного хода истории, общности культурно-исторических судеб России и Европы,

¹ *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. тр. евразийцев. — М., 1997. — С. 59.

² *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры... — С. 2.

в научной области. В области политики отстаивал идеи парламентаризма, либеральной демократии и многопартийности. Поэтому неудивительно, что он подверг резкой критике и теоретические и политические взгляды евразийцев. Итоги этой полемики нашли свое выражение в первом разделе юбилейных «Очерков» в главе «Месторазвитие русской культуры». гг.

§2. Возражения А. А. Кизеветтера

А. А. Кизеветтер, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ведущий в 1923–1933 гг. курс русской истории в Русском юридическом институте (факультете под протекторатом Карлова университета в Праге), определял евразийство как «настроение, вообразившее себя системой», указывая тем самым как на его психологические мотивы, так и на научную несостоятельность. Она определялась общим неверным утверждением об отсутствии общечеловеческих ценностей, что вело к целому ряду неточностей и ошибок в их построении. При этом А. А. Кизеветтер приписывал евразийцам несвойственную им мысль о том, что в основе национальных своеобразий лежат взаимно-враждебные, исключают друг друга начала различных культурных миров. Специальное внимание он уделил доказательству отличия славянофильства и евразийства.

Развернутую критику евразийской концепции Кизеветтер дал в статье «Евразийство», вышедшей в 1925 г. Истинным теоретическим ядром евразийства, по его мнению, является «мысль о том, что в национальных культурах нет общечеловеческих элементов, что человечество в своей культурной жизни разбито на взаимно чуждые культурные миры и что нет и не может быть таких культурных духовных ценностей, которые имели бы значение общечеловеческое»¹. Выразив так свое понимание сущности евразийства, Кизеветтер подверг учение критике с позиций европоцентризма. По мнению критика, синтез Европы и Азии означает «призыв к борьбе против европейских элементов в русской культуре». Главное возражение против евразийского деления на Россию-Евразию и Европу он видит в сохранении национальных различий в культуре современной ему Европы². Евразийство

¹ *Кизеветтер А.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М.: Институт философии РАН, 1993. – С. 271.

² Там же. – С. 271.

понималось им как торжество типично азиатских начал, т. е. отсталых, патриархальных и феодальных. Стараясь свести всю историю к линейному процессу и поставить Европу во главе мировой цивилизации, Кизеветтер приписывал евразийцам отрицание общечеловеческих элементов в национальных культурах и тотальный антагонизм цивилизаций («культурных миров»), подменял в своих аргументах культурные различия стран их социально-экономическим устройством¹.

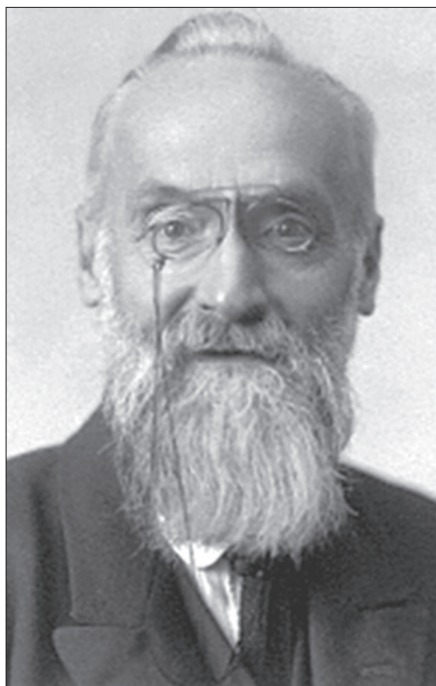

Рисунок 32. А. А. Кизеветтер

[Kizevetter_AA.jpg [1143×1509] (kir2016.ru)]

¹ Кизеветтер А. Евразийство... — С. 273.

Кизеветтер отрицал, в отличие от Милюкова, всякую связь между евразийством и славянофильством и утверждал, что надо «отбросить эту прозрачную связь евразийства с славянофильством», он доказывал, что между ними «глубокая бездна»¹. Славянофилы считали славяно-русскую культуру центром дальнейшего культурного развития человечества. Евразийцы отрицали общечеловеческие элементы в национальных культурах и отказались от понятия общечеловеческой культуры. Не отрицая евразийский тезис о синтетической природе русской культуры, Кизеветтер отметил своеобразное восприятие евразийцами самого понятия синтеза: «По их толкованию выходит, что синтез различных начал состоит во взаимном враждебном столкновении синтезирующихся начал». Согласно Кизеветтеру, евразийство вообще не видит европейских черт в русской культуре. Однако он отмечал вторичность такой «теоретической предпосылки» евразийства, как отрицание линейного прогресса: «Ведь не евразийцами же была подорвана и рассеяна... гегельянская формула мирового исторического развития. Это было сделано еще в то время, когда никто не помышлял о евразийском учении». По поводу представления об истории человечества как о ряде «параллельных культурных развитий» А. А. Кизеветтер писал: «Эта точка зрения давно уже лежит в основе многих исторических исследований»². Если для Милюкова евразийство представлялось учением, «давно потерявшим право гражданства в науке», то для Кизеветтера оно оставалось актуальным научным подходом. Кизеветтер отмечал, что «доктрина» евразийцев с историко-цивилизационным взглядом «не нова», она есть не что иное, как теория культурно-исторических типов, которая «выдумана в прошлом веке Данилевским»³, хотя он конкретно не исследовал взгляды Данилевского в сопоставлении с идеями евразийцев.

Можно согласиться с мнением Н. В. Рязановского, что «старшее поколение русских эмигрантов больше других было сбито с толку евразийством, казавшимся совершенно чуждым их образованию и мировоззрению»⁴.

¹ *Кизеветтер А. А. Евразийство* // Вандалковская М. Г. Указ. соч. — С. 336; См.: Руль. 1925. 10 января; *Кизеветтер А. А. Славянофильство и евразийство* // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. — М., 1992. — С. 21.

² *Кизеветтер А. А. Евразийство* // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. — М., 1993. — С. 270.

³ *Кизеветтер А. А. Славянофильство и евразийство* // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. — М., 1992. — С. 22.

⁴ *Рязановский Н. В. Возникновение евразийства* // Звезда. — 1995. — № 2. — С. 36.

С другой стороны, разночтения в понимании истоков евразийства у Милюкова и Кизеветтера, как подчеркивает Рязановский, «примечательно, что критики евразийства постоянно противоречили друг другу и в целом испытывали значительные трудности, когда пытались определить место евразийцев в традиционном политическом и идеологическом пространстве»¹. Как полагает Рязановский, «многие образованные русские, особенно старых поколений, не могли даже понять, а не то чтобы принять» оригинальные идеи евразийцев². Кизеветтер подверг жесткой критике евразийскую интерпретацию монгольского периода, концепцию месторазвития и историософские представления евразийцев: «Русский национальный идеал с Чингисханом и Батыем без Сергея Радонежского и Пушкина — достаточно одного этого вывода, чтобы убедиться в том, что в основе евразийства лежит какая-то вопиющая ложь»³. В ряде статей Кизеветтер провел критический анализ евразийской трактовки монгольского периода в русской истории⁴. Выступая с позиций российской традиционной исторической науки, он обнаружил наиболее слабые места евразийской оценки вопросов монгольского владычества на Руси.

Кизеветтер связывал возникновение евразийства с переживаниями в среде русской эмиграции, навеянными Первой мировой войной, Октябрьской революцией и установлением в России советского строя, порожденных, согласно евразийцам, европейской мыслью и культурой. По поводу практической значимости концепции П. Н. Савицкого Кизеветтер в 1925 г. писал: «Евразийство вовсе не так невинно, как кажется с первого взгляда. Со временем из него могут вылупиться чисто практические выводы и действия, далеко не безразличные с точки зрения актуального общественного поведения»⁵. «Социалистический вестник» также подмечал реальную

¹ Рязановский Н. В. Возникновение евразийства... — С. 36.

² Рязановский Н. В. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). — М., 1996. — С. 409.

³ См.: Кизеветтер А. А. Евразийство // Руль. — 1925, 10 январь; Он же. Русская история по-евразийски // Там же. — 1927, 27 ноябрь.

⁴ Кизеветтер А. А. Евразийство и современная русская литература // Руль. — 1926, 13 февраля; Кизеветтер А. А. Евразийская наука // Slavia. 1928/1929. Т. VII. — Вып. 2; Кизеветтер А. А. Евразийская самооборона // Россия и славянство. — 1930, 15 августа.

⁵ Кизеветтер А. А. Евразийство // Мир России-Евразии. Антология. — М., 1995. — С. 321.

опасность евразийских идей: «В переходный период оно (евразийство. — С. П.) может стать одной из „идеологий бонапартизма“ ввиду наличия необходимых для этого „идеологических кадров“¹. При этом отмечалось, что, несмотря на „метафизичность“ историко-геополитических построений, в политических выводах, лежавших в центре всей евразийской концепции „советизированного фашизма“, по замечанию меньшевика Волина, мистики уже не было².

Завершая обзор евразийского учения, Кизеветтер приходит к неутешительному для евразийцев выводу: «Пронизанное противоречиями, оно представляет собой слишком легкую, как бы воздушно-фантастическую постройку. Притязая на эмпиричность, евразийцы с полной непринужденностью распоряжаются по своему усмотрению фактами эмпирической действительности. Одни элементы европейской культуры они произвольно признают ее основоположными стихиями, а другие просто-напросто отбрасывают в сторону и вот — готова характеристика этой культуры как сводящейся целиком и без остатка на материализм, атеизм и социализм»³.

§3. Дискуссия с П. М. Бицилли

П. М. Бицилли, выпускник Новороссийского университета, с 1924 г., после переезда в Болгарию, до 1948 г. возглавлявший кафедру новой истории Западной Европы Софийского университета, принадлежал к числу основательных критиков евразийства⁴.

¹ *Волин С. Ю.* Евразийство // Социалистический вестник. — Берлин, 6 марта 1928. — № 5. — С. 9, 10.

² Там же. — С. 5.

³ Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология / Рос. АН. Ин-т философии; [Ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская]. — М.: Наука, 1993. — С. 278.

⁴ *Бирман М. А.* П. М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. — М.: Новое лит. обозрение, 2010. — С. 241–253; *Додонов Р. А.* Критика П. М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманитарний вісник Запорізької державної інженерної академії. — 2013. — № 52. — С. 218–226; *Курамшина Ю. В.* К вопросу об отношении П. М. Бицилли к евразийскому движению // Культура народов Причерноморья. — 2011. — № 198. — С. 118–120.

Рисунок 33. П. М. Бицилли

[c82cc4e14a1d2c8c8ffff9840d24b558_XL.jpg (900×1200) (sesdiva.eu)]

Он попал в кружок Г. В. Флоровского, который, будучи организатором и редактором-составителем первых евразийских сборников, постарался привлечь его к сотрудничеству. Бицилли, познакомившись с первыми сборниками евразийцев («Европа и человечество», «Утверждение евразийцев», «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения»), выразил первые свои впечатления в рецензии, напечатанной в журнале «Русская мысль». В ней он оценивал сборники как крупное литературное явление, солидаризировал с поисками авторов, их стремлением к «психологическому анализу русской культуры». Вместе с тем он заметил, что в статьях сборника много спорного

и сомнительного. К примеру, он раскритиковал как ошибочное, по его мнению, толкование Н. С. Трубецким положение о расах и их психологической составляющей. Спорным он считал одно из центральных утверждений авторов: Россия якобы принадлежит больше Азии, чем Европе. В заключении он заявил: «Лучшие умы Запада и Востока предвидят занимающуюся над Старым Светом зарю возрождения, понимаемого как синтез культур»¹.

Эта рецензия положила начало циклу публикаций Бицилли на евразийскую тему. Сборник первых статей евразийцев он воспринял как лабораторию для научного поиска, как трибуну для обмена мнениями по назревшим в науке и культуре вопросам. Поначалу Бицилли импонировали поиски молодых евразийцев, их смелые попытки разобраться в сложных проблемах мировой культуры, выяснить, например, роль монголо-тюркского фактора в становлении российской государственности и культуры. Воспринимая евразийские сборники как научную лабораторию, Бицилли принял предложение Г. В. Флоровского к сотрудничеству.

Во втором сборнике евразийцев, вышедшем в 1922 г., Бицилли опубликовал привлекающую внимание читателей масштабной постановкой проблемы статью «„Восток“ и „Запад“ в истории Старого Света»². В ней он высказывал свои соображения, частично высказанные годом ранее в упомянутом отзыве на первый сборник. Здесь он отказался от упрощенного подхода к проблеме «Восток-Запад», не пренебрегая контрастом культур Запада и Востока в новое время, и призывал не упускать из виду черты их сходства в прошлом. Он выдвигал идею необходимости нахождения путей к культурному единству — «единству в многообразии»; провозглашал идею единого Старого света. Бицилли отвергал мысль, что Евразия — особый мир, отличающийся от Востока и Запада. По его мнению, Евразия — связующее между Европой и Азией звено³. Аналогичные идеи и соображения Бицилли изложил вкратце в соответствующих местах своей книге «Введение в мировую историю», изданной в 1923 г. в Белграде на сербском языке⁴.

¹ Русская мысль. — 1922. — № 1. — С. 381–382.

² Утверждение евразийцев. Кн. 2. На путях. — М.; Берлин: Геликон, 1922. — С. 317–340.

³ *Бицилли П. М.* Избранное. Историко-культурологические работы. — София, 1993. — С. 243–247.

⁴ *Бицилли П.* Увод у светску историју. — Белград, 1923. — С. 89–94, 100.; см. современное болгарское издание: *Бицилли П.* Въведение в световната история. — София, 2007.

В третьем сборнике «Россия и латинство» (Берлин. Б. и., 1923) Бицилли опубликовал статью «Католичество и римская церковь», в которой рассмотрел исторический процесс становления и роста авторитарных начал в католической церкви. Автор избегал противопоставления католической и православной церкви, чем увлекались многие представители евразийства¹. Правда, по мнению редактора «Русской мысли» П. Б. Струве, публикации Бицилли имели не специфически евразийскую, а историко-культурологическую направленность². Бицилли рассматривал их сборники в качестве трибуны для обмена мнениями и дискуссиями. В письме к Савицкому от 6 марта 1925 г. он, вспоминая свои впечатления о первом сборнике евразийцев, свидетельствовал: «Евразийцы, выпустив сборник с символической лошадкой на обложке, затронули темы громадной важности и сложности, поставив их очень остро, но и очень спорно»³, тем самым недвусмысленно дав понять, что сам он не разделяет евразийских доктрин. Со временем Бицилли все больше убеждался в спорности и ошибочности евразийских построений, отмечал натяжки, ограниченность и, порой, некомпетентность в их аргументации. Интересно отношение основателей евразийства к позиции Бицилли. Так Савицкий высказался о статье Бицилли во втором сборнике «„Восток“ и „Запад“» следующим образом: автор «рассматривает историю Старого Света как целостный процесс, она проникнута стремлением установить вселенские горизонты»⁴. Другую позицию по отношению к Бицилли занимал Трубецкой. В письме П. П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 г. он писал о своем разочаровании в Бицилли и, констатируя отсутствие взаимопонимания с ним по принципиальным вопросам, назвал участие Бицилли во втором сборнике «недоразумением»⁵.

¹ Бицилли П. М. Избранное. Историко-культурологические работы. — София, 1993. — С. 88–119.

² См.: Русская мысль. — 1922. — № 5–6. — С. 376–377.

³ Цит. по: Каганович Б. С. К теме «Бицилли и евразийство» // Диаспора. Новые материалы. — СПб., 2001 [Вып.] 2. — С. 294.

⁴ См.: предисловие П. Н. Савицкого к библиографии евразийцев (1931) // Горизонтов Л. Е. Евразийство, 1921–1931 гг.: взгляд изнутри // Славяноведение 1992. — № 4. — С. 89.

⁵ К истории евразийства 1922–1924 гг. // Российский архив. — Т. 5. — С. 498. (Письма П. Н. Савицкого Н. С. Трубецкому / Публ. и комментарий Е. Кривошеевой): Бирман М. А., Горизонтов А. Н. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х гг. // Новая и новейшая история. — 2003. — № 1. — С. 181–182.

Первым выступлением Бицилли с полемикой против политических течений в евразийстве стала его статья «Народное и человеческое. По поводу „Евразийского временника“. Кн. 4. Берлин. 1925»¹. Бицилли сосредоточился в своей критике на главных тенденциях «Евразийского временника» – на эклектичных и ошибочных, по его мнению, философско-методологических основах авторов. Он упрекал Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина и других в «произвольном пользовании сравнительно-историческим методом, равнозначным его игнорированию»². По мнению Бицилли, евразийцы абсолютизировали противоположность отдельных культурных миров Запада и Востока, ошибочно утверждая, что лишь православие является подлинным носителем христианской культуры. Отвергая достижения культуры Запада, равноценные восточному, православному миру, евразийцы демонстрировали ограниченность своих доктрин. «Претендовать на звание, – писал Бицилли, – монопольного носителя общечеловеческой культуры ни один народ не имеет права. Это не только грешно, это попросту неумно»³. Бицилли решительно осуждал апологию азиатчины, культ Чингисхана, сочетавшийся у евразийцев с преданностью православию и объективно способствовавший проникновению принципов авторитаризма и идеократии. В конце статьи он писал: «Евразийство представляет собой смесь разнородных учено-философских тенденций, которая характерна для славянофильства и романтизма вообще. Одно мешает другому. Евразийцы зовут к возрождению, но их возрождение сбивается на реставрацию»⁴.

В 1924 г. Савицкий предпринял попытку привлечь Бицилли в очередной евразийский сборник, на что получил отказ. Из переписки Савицкого и Бицилли видно, что они сохранили личное уважение друг к другу. Однако следует отметить, что письма Бицилли, как справедливо отмечает их публикатор Б. С. Каганович, «свидетельствовали о полном несогласии Бицилли с евразийцами по всем основным вопросам»⁵. Так в середине 20-х годов Бицилли опубликовал заметку о евразийстве в болгарской газете

¹ *Бицилли П. М.* Народное и человеческое // *Современные записки.* – 1925. – № 25. – С. 484–494.

² Там же. – С. 487.

³ Там же. – С. 491.

⁴ Там же. – С. 494.

⁵ *Каганович Б. С.* К теме «Бицилли и евразийство» // *Диаспора. Новые материалы.* – СПб., 2001. – [Вып.] 2. – С. 299.

«Изток» («Восток») и краткую рецензию на «Евразийский временник. Кн. 5»¹. Следует отметить факт, о чем бы в эти годы не писал Бицилли, его не оставляли мысли, сопряженные с концепциями, звучащими в дискуссиях с европейцами. В результате тексты его статей на самые разные темы содержат многочисленные критические замечания в адрес евразийцев. В опубликованной в 1927 г статье «Св. Франциск Ассизский и проблемы Ренессанса (1226–1926)»² Бицилли дважды высмеял поутги евразийцев на выявление их якобы оригинального лица путем прославления Чингисхана³.

Знаковой работой Бицилли о евразийстве стала статья: «Два лика евразийства»⁴, опубликованная в 1927 г. Она стала своеобразным итогом размышления ученого о сущности евразийства, направленности противоречивых тенденций, проявившихся в многочисленных публикациях евразийцев. Эта статья стала откликом на опубликованную Евразийским издательством брошюру «Евразийство (опыт систематического изложения)»⁵, которая стала программным документом евразийства как общественно-политического движения. Анализируя, П. М. Бицилли выявил присущие движению евразийцев и его идеологии внутренние противоречия: «Евразийское построение, соблазняющее своей внешней законченностью и своею кажущейся философской глубиной, на самом деле, внутренне противоречиво, *неискренно*, непродумано, а сверх того и *несамостоятельно*. Евразийский „идеальный“ строй очень похож на того жениха, о котором мечтает гоголевская невеста»⁶. Важнейший политический порок евразийства Бицилли усматривает в присущих ему идеях примирения и даже восхваления тоталитарного – советского (большевистского) строя: евразийцы провозглашают свою приверженность принципам федерализма, однако они проявляют «тревожное и опасное» «тяготение к большевизму»⁷. По мнению Бицилли, отношение евразийцев к сложившемуся Советскому государству выражено

¹ Современные записки. – 1927. – № 33. – С. 552–553.

² Современные записки. – 1927. – № 30. – С. 520–537.

³ *Бицилли П. М.* Избранные труды по средневековой истории. – М., 2006. – С. 544–546.

⁴ Современные записки. – 1927. – № 31. – С. 421–434.

⁵ Евразийство: Опыт систематического изложения. – Париж; Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1926. – 77 с.

⁶ *Бицилли П. М.* Два лика евразийства // Современные записки. – 1927. – № 31. – С. 430.

⁷ Там же. – С. 426.

в следующей программной формулировке: «Сочетание советской системы с диктатурой одной единственной партии; такая форма лучше демократии европейского типа»¹. По мнению Бицилли, идеал евразийцев в их стремление к утверждению в России идеократии – господство «абсолютно истинной православно-догматической идеологии»².

Статьи П. М. Бицилли «Народное и человеческое» и «Два лика евразийства» наиболее глубоко и значительно раскрыли противоречивую и эклектическую сущность евразийства. Они показали истинное отношение автора к сформировавшимся евразийским доктринам.

¹ *Бицилли П. М.* Два лика евразийства... – С. 430.

² Там же. – С. 425.

Глава 5. Критический анализ евразийства в советской и современной историографии (С. Н. Погодин)

§ 1. Первые оценки «чуждой идеологии» и исход в небытие

Советская и современная российская историография, посвященная евразийству, богата интересными исследованиями. Первая библиография евразийских работ была опубликована еще в 1931 г. Ее автором был П. Н. Савицкий, выступивший под псевдонимом Степан Лубенский¹. В ней автор перечислил основные работы основоположников евразийства. В середине 90-х годов XX века были опубликованы краткие библиографические данные евразийского движения. Они включали общие работы², работы основоположников движения³, а также отдельных их представителей⁴.

Первые работы, посвященные евразийству, появились в СССР уже в начале двадцатых годов. Они принадлежали заместителю главного редактора первого издания Большой Советской Энциклопедии, члену-корреспонденту АН СССР, Н. Л. Мешерякову. На основе материалов

¹ Евразийская библиография, 1921–1931: путеводитель по евраз. литературе / Степан Лубенский // Тридцатые годы. – Париж: Изд. евразийцев, 1931. – С. 285–317; *Lubenskij S.* [псевд. П. Н. Савицкого] *Bibliographie de L'Eurasisme // Le Monde lave.* – 1931. – Vol. 8. – № 3. – P. 388–422; *Лубенский С.* [псевд. П. Н. Савицкого] *Евразийская библиография 1921–1931 гг.: Путеводитель по евразийской литературе // Славяноведение.* – 1992. – № 4. – С. 86–104.

² Библиография // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1994. – С. 364–368; Библиография // Мир России–Евразия. – М., 1995. – С. 391–398.

³ Евразийское движение: Книги. Журналы. Сборники / Сост. О. В. Манихин // Советская библиография. – 1991. – № 1. – С. 82–86; Евразийство: Библиографический список / Сост. Р. И. Вильданова, А. А. Троянов // Вече: Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1994. – Вып. 1. – С. 36–37.

⁴ *Карсавин Л. П.* Список трудов Льва Павловича Карсавина // Вестник РСХД. – 1972. – № 104/105. – С. 285–317.

своей работы «На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции»¹, он дал общую критическую оценку евразийства: «ЕВРАЗИЙЦЫ, литературно-философское течение среди русской контрреволюционной эмиграции, утверждающее, что господствовавшая до сих пор на З. (Западе. — С. П.) романо-германская культура переживает глубокий кризис и разлагается, а на смену ей идет новая культура, носителем которой будет русский народ, объединяющий вокруг себя не только восточное славянство, но и ряд неславянских народов, населяющих так наз. Евразию. В основе мирозерцания Е. лежит старое славянофильство. Вместе с тем евразийство носит на себе яркую печать того пессимистического взгляда на зап.-европ. культуру, к-рый был широко распространен среди буржуазной интеллигенции гл. обр. Германии в связи с послевоенным кризисом, нашедшим отображение в сочинениях Шпенглера, Кайзерлинга и др. философов-публицистов этого лагеря»².

После первых публикаций евразийцев в 20-х годах появились первые критические отзывы на их работы в Советской России. Идеи евразийства широко рассматривались на философских семинарах в 1927–1928 годах в Институте красной профессуры³. На семинарах под руководством академика АН СССР И. К. Луппола⁴ обсуждались статьи первых коллективных сборников евразийцев: «Исход к Востоку», «На путях», а также работы основоположников евразийства Трубецкого, Савицкого, Сувчинского, Карсавина и др. Общая установка семинаров была направлена на критический анализ этих работ, а также рассматривались вопросы критики ими марксизма в целом и его философии в частности. Результатом этих семинаров стал коллективный труд, опубликованный в 1929 г., «Против новейшей критики марксизма»⁵. Сборник состоял из большого количества «разгромных» формулировок и обвинений в реакционности евразийского течения.

¹ Мещеряков Н. Л. На переломе: (Из настроений белогвардейской эмиграции). — М.: 1-я тип. МСНХ, [1922]. — 73 с.

² Мещеряков Н. Л. Евразийство // Большая советская энциклопедия. — Вып. 1. — Т. 23. — М., 1931. — С. 827–828.

³ Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса (1921–1930 гг.) // Петербургская историческая школа. Третий год выпуска. Памяти Е. Р. Ольховского. — СПб., 2004. — С. 414–424.

⁴ Иван Капитонович Луппол 1896–1943 / Рос. акад. наук; сост.: С. Н. Корсаков, Л. А. Калашникова авт. вступ. ст. С. Н. Корсаков. — М.: Наука, 2015. — 148 с.

⁵ Против новейшей критики марксизма: Сборник критических очерков / Под

Автор одной из статей сборника Н. Иванов (Омский) представил однозначную, резко политизированную оценку философствующим евразийцам. «Евразийцами мы называем сторонников существующего за рубежом с 1921 г. политического направления — евразийства. Это направление зародилось в среде белой эмиграции. Круг активных организаторов и пропагандистов евразийства рекрутировался исключительно из числа наиболее правой части кочующей по Европе массы белой эмиграции. К евразийцам примкнула высланная из СССР часть реакционной профессуры»¹. После такой оценки понятие евразийства практически исчезло из советской политической, философской литературы. Издание сборника вынесло «приговор» евразийству, которое стало запрещенной темой в советской историографии.

Дальнейшее «изучение» евразийства связана с тенденциозной статьей М. К. Корбута² «Евразийство как белоэмигрантский фашизм и его агентура в СССР»³. Название статьи говорит уже само за себя, ее содержание и аргументация носят ярко выраженный не научный, а политизированный характер. В начале статьи автор пишет: «Как это ни представляется, быть может, на первый взгляд, странным, но славянофильство, казалось бы, „успокоившееся“ навсегда, вновь в их лице ожило. Его философией, „оплодотворенной“ целым рядом новейших буржуазных теорий, пропитано учение евразийцев, которое мы определяем и пытаемся это определение доказать на нижеследующих страницах как белоэмигрантский фашизм»⁴. Попытка «доказать» у Корбута сводилась к прямым оскорблениям в адрес авторов евразийства, а тон статьи соответствовал «полемики» 30 годов XX века в советской историографии. На основе анализа советской литературы 20–30-х годов XX в., посвященной евразийству, можно сделать следующий

ред. И. Луппол; Ин-т красной профессуры. Философское отд-ние. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1929 (М.: тип. «Красный пролетарий»). — XVI, 276 с.

¹ Против новейшей критики марксизма: Сборник критических очерков / Под ред. И. Луппол; Ин-т красной профессуры. Философское отд-ние. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1929 (М.: тип. «Красный пролетарий»). С. 298.

² Литвин А. А., Маслова Е. С., Сальникова А. А. Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). — Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2009. — 125 с.

³ Корбут М. Евразийство как белоэмигрантский фашизм и его агентура в СССР // Советское государство и революция права. — М.; Л., 1931. — № 8 (Август). — С. 110–129; № 9 (Сентябрь). — С. 106–122.

⁴ Корбут М. Евразийство как белоэмигрантский фашизм и его агентура в СССР // Советское государство и революция права. — М.; Л., 1931. — № 8 (Август). — С. 110.

вывод: евразийство трактовалось как идеологическое направление, возникшее среди белоэмигрантов, которое было направлено на подрыв СССР. В этой связи евразийство следует запретить, а имена основателей его должны быть вычеркнуты из истории.

В сороковые-пятидесятые годы XX века в СССР систематическое исследование евразийства не проводилось, ограничиваясь лишь его научно-исторической критикой. Эта критика была связана с выходом в США после войны на английском языке шеститомного труда эмигрировавшего в США историка Г. В. Вернадского¹ «История России», издание которого осуществлялось частями с 1943 по 1968 г. В советских научных журналах появились критические статьи, направленные против исторической концепции Вернадского как одного из сторонников евразийства². В частности, критика касалась его евразийских воззрений, отразившихся в томе III «Монголы и Русь». К примеру, историки: академик АН СССР М. Н. Тихомиров³, доктор исторических наук, профессор Н. Я. Мерперт и член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто⁴, в своих рецензиях подвергли резкой критике пришедшее, по их мнению, евразийству преувеличение роли степных кочевников в истории образования Российского государства и умаление роли славянского фактора в русской истории. Продолжением советской научной критики исторической концепции евразийства надо считать опубликованную в 1992 г. незаконченную работу Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе». Об В. Т. Паушто и его книге будет сказано ниже.

§2. Возрождение проблемы

Косвенное обращение к проблеме евразийства возникло в советской исторической науке в 60-е годы. Так Л. В. Данилова в статье «Русское

¹ *Болховитинов Н. Н.* Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США: сборник биографической информации. — М.: РОССПЭН, 2005. — 139 с.

² *Вернадский Г. В.* Опыт истории Евразии: с половины VI века до настоящего времени / худож. С. Карцева. — Берлин: Изд. Евразийцев, 1934 (Speer&Schmidt). — 189 с.

³ *Тихомиров М. Н.* Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Вестник истории. — 1946. — № 4. Апрель. — С. 124-129.

⁴ *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т.* Рецензия на кн.: Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953 // Вестник истории. — 1955. — № 8. — С. 180-186.

средневековье в современной историографии США¹, не упоминая о евразийстве, много места уделила рассмотрению роли географического фактора для развития России и при этом ссылается на работы американских историков. «Отдаленность от древних культурных центров, относительно слабая заселенность, обширность территории, суровость климата, беспрестанные иноземные нашествия, ставили средневековую Россию в гораздо более тяжелое, невыгодное по сравнению с большинством других стран Запада положение. Географические особенности России сказались на многих ступенях ее исторического развития. Так обширность территории, не будучи причиной, порождавшей колонизационные процессы, несомненно, способствовала последним. А колонизация, в свою очередь, сыграла известную роль в определении темпов исторического развития. Распространение феодальных отношений на новые территории оказывало тормозящее влияние на их развитие вглубь и было одним из факторов, которые обусловили более позднее вступление России в стадию капитализма»². Таким образом, используя эзоповский язык в изложении географического фактора, как одного из ведущих компонентов в евразийской теории, автор невольно исследовал эту теорию. Примечательно и то, что Данилова в своей статье очень подробно разбирает теорию Вернадского о происхождении феодализма на Руси³. Анализируя его работу «Монголы и Русь»⁴, она прямо указывает, «если и затрагивается вопрос о феодальных отношениях, то только применительно к татаро-монголам»⁵. Большой вклад в исследование евразийства, тем же косвенным путем, внес советский, российский военный историк, доктор исторических наук, профессор В. В. Каргалов. В его работе «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники»⁶ был дан глубокий анализ историософии евразийства.

¹ Данилова Л. В. Русское средневековье в современной историографии США // Вопросы истории. — 1961. — № 3. — С. 63–91.

² Там же. — С. 80.

³ Vernadsky G. Feudalism in Russia. «Speculum». — Vol. XIV. — N 3. — July 1939. — P. 300–323.

⁴ Vernadsky G. The Mongols and Russia. — New Haven. 1953. — P. 15, 23–24.

⁵ Данилова Л. В. Русское средневековье в современной историографии США // Вопросы истории. — 1961. — № 3. — С. 70.

⁶ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники: [Учеб. пособие для ист. фак.] — М.: Высшая школа, 1967. — 262 с.

Автор детально исследовал публикации Н. С. Трубецкого, периодическое издание «Евразийский временник» и многие другие¹.

В 60-е годы XX века в советской историографии термин евразийство официально в литературе не упоминался. Однако основные концепции евразийства, труды его основоположников получили детальное освещение в исторической литературе. В предисловии к изданию «Мир России – Евразия: Антология» было отмечено, что до недавнего времени об евразийстве было известно крайне мало и «оно продолжало находиться под покровом таинственности, а разрозненные евразийские издания оказались хорошо упрянтанными в каталогах „спецхранов“»².

Прорыв в озвучивании евразийства в середине 70-х годов произошел в публикациях не ученых, а деятелей культуры. Казахский поэт и публицист Олжас Сулейменов в 1975 г. опубликовал книгу «Аз и Я»³, где поднял ряд «евразийских» вопросов, связанных со значимостью тюркского влияния на русскую культуру, историю, язык. В академической среде «Аз и Я» вызвала огромный резонанс, появились отрицательные отзывы и обвинения в инакомыслии⁴. Однако глубокий анализ книги «Аз и Я» дает основание полагать, что длительный период взаимопроникновения древнеславянских и древнетюркских культур является историко-культурным фундаментом гуманистического взгляда на человечество как единую социокультурную общность, движущуюся к справедливому социальному устройству и демократии⁵.

В 70-е годы теоретические взгляды евразийцев, их подходы в изучении истории России, их политическая ориентация, в советской историографии считались неверными. Поэтому теоретикам евразийства было отказано в признании их в исследованиях, посвященных русскому зарубежью. Их точка зрения советской

¹ Там же. – С. 235–244.

² *Новикова Л., Сиземская И.* Евразийский искус // Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 5.

³ *Сулейменов О. О.* Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазушы, 1975. – 303 с.

⁴ *Фришман Л. Г.* Возмутитель спокойствия // Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнём идеологической критики // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 3 (55). – С. 28.

⁵ *Лихоманов И. В., Бойко В. А.* «Аз и Я» Олжаса Сулейменова в контексте евразийского дискурса // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 454. – С. 137–144.

исторической наукой признавалась ошибочной, и о них можно было писать только с этой позиции. Сами представители евразийства оставались неизвестными советской аудитории. В таком ключе были написаны работы Г. З. Иоффе¹, В. А. Кувакина² и Л. К. Шкаренко³. Данные авторы представляли обзорный материал по изучению эмигрантских общественных организаций, группировок, среди которых они особо выделяли евразийство. Ограниченность характеристик, приписываемых евразийству, а также ограниченность источниковедческой базы — все это не дает полного представления о сущности евразийской организации. В этих работах евразийство преимущественно рассматривается как эмигрантское общественно-политическое движение, занимавшееся контрреволюционной пропагандой. Так в монографии В. А. Кувакина «Религиозная философия в России: начало XX века» отмечалось, что «определяющими в евразийстве были антизападнические настроения», и далее идейная эволюция евразийства, по его мнению, «отразила факт проникновения идеологии сначала итальянского, а затем немецкого фашизма в определенные слои контрреволюционной эмиграции»⁴. Работы М. В. Кувакина⁵ и О. А. Кудинова⁶ описывают евразийство в старых пропагандистских терминах советского периода в отечественной историографии. В. Т. Пашуто⁷ еще в 1977 г. кратко упомянул «авторов евразийского толка» — Г. В. Вернадского, Э. Хара-Давана, Н. С. Трубецкого, «славивших сильную личность Чингис-хана»⁸. Однако идеализация Чингис-хана этими историками, по мнению В. Т. Пашуто, казалась излишней, а методологический подход

¹ *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. — М.: Наука, 1977. — 320 с.

² *Кувакин В. А.* Религиозная философия в России. Начало XX века. — М.: Мысль, 1980. — 309 с.

³ *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. — М.: Мысль, 1987. — 236 с.

⁴ *Кувакин В. А.* Религиозная философия в России: начало XX века. — М., Мысль, 1980. — С. 125.

⁵ *Кувакин М. В.* Между красными и белыми. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего пути. — М.: Центрполиграф, 2006. — 413 с.

⁶ *Кудинов О. А.* Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918–1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права). — М.: Ось-89, 2006. — 224 с.

⁷ *Новосельцев А. П.* Творческий путь В. Т. Пашуто // История СССР.— 1984. — №4. — С. 80–91.

⁸ *Пашуто В. Т.* Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1977. — С. 210–227.

евразийцев — ошибочным. Тем не менее, следует отметить большой вклад Пашуто в развитие позднесоветских и постсоветских исследований евразийства. Этот вклад отчетливо виден из некоторых материалов его архива, частично опубликованный его вдовой. Только в 2000 г. Е. А. Мельникова, ученица Пашуто, опубликовала статью памяти своего учителя¹. В статье не упоминается евразийство напрямую, но отдельные части статьи косвенно говорят о нем. «Одним из первых в послевоенной исторической науке В. Т. Пашуто поставил вопрос об исконной полиэтничности Древнерусского государства, территория которого включала земли, населенные не только восточными славянами, но и финно-угорскими и тюркскими народами»². «Еще в 60-е годы, когда само слово „эмигрант“ было ругательным, а наследие выдающихся историков, высланных или уехавших из России после революции, как и их имена, было вычеркнуто из официальной историографии, Пашуто был единственным отечественным историком, который обратился к изучению их творчества и их судеб... Его привлекали широчайший исторический кругозор Г. В. Вернадского, источниковедческая скрупулезность В. А. Мошина, глубина исследований А. В. Флоровского. По замыслу, книга об историках-эмигрантах должна была осветить становление эмигрантской историографии, возникшие в ней научные школы и направления, ее вклад в изучение истории России, судьбу виднейших представителей этих школ»³, — отмечала Мельникова. Лишь несколько глав из задуманной монографии были закончены Пашуто, а вся работа была опубликована после смерти автора⁴. Монография Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе» стала плодом его изучения русской эмигрантской историографии в 60–80-х годах на основе как самих исторических трудов историков-эмигрантов, так и архивных материалов Праги, Белграда и материалов личной переписки с историками-эмигрантами. Пашуто критиковал ритмо-циклическую схему образования русского государства Г. В. Вернадского за игнорирование в ней этнических и социальных основ образования Русского государства. Положенный в ее основу принцип борьбы «леса» и «степи» он называл доведенной до абсурда

¹ Мельникова Е. А. Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983) // Историки России: Послевоенное поколение. — М.: АИРО–XX, 2000. — С. 177–184.

² Там же. — С. 179.

³ Там же.

⁴ Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б. В. Левшин; [Вступ. статьи Е. А. Мельниковой, М. К. Шацилло] Рос. акад. наук. Арх. АН СССР. — М.: Наука, 1992. — 398 с.

соловьевщиной¹. Столь же критично Пашуто отзывался об историко-географических трудах Савицкого, называя их евразийскую концепцию «безудержным географическим детерминизмом». Однако замечал в ней и некоторые верные моменты: Савицкий обращает внимание на взаимосвязь роста территории Русского государства и развитие имперской идеологии («Москва – третий Рим»), правильным казалось Пашуто и выделение Савицким континентальности России (отсутствие выхода к незамерзающим морям) как одной из причин ее специфического экономического развития в доледоковую эпоху. Однако главный тезис Савицкого об объединяющей роли монголов в истории Евразии-России Пашуто отвергал, считая, что навыки такого объединения формировались уже в Древней Руси.

Всестороннее изучение евразийства в советской исторической науке не осуществлялось. Были опубликованы только критические работы евразийской исторической концепции. Евразийство как целостная идеология не изучалась, что было обусловлено, в частности, засекреченным характером материалов Русского заграничного исторического архива, находящегося в спецхранах ЦГАОР, куда доступ к ним историки не имели. Первая работа, написанная Л. К. Шкаренковым на основе этих архивных материалов, вышла в 1981 г.² Автор работы характеризовал евразийство как религиозно-мистическую утопию, в политической сфере отождествляя евразийцев со сменовеховцами, что было характерно для общего состояния советской науки того времени и отношения к эмиграции³. В целом следует отметить, что период 70–80-х гг. характеризовался весьма осторожным изучением наследия русского зарубежья. Например, В. В. Комин в работе «Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом»⁴

¹ *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б. В. Левшин; [Вступ. статьи Е. А. Мельниковой, М. К. Шацилло] Рос. акад. наук. Арх. АН СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 84–85.

² *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. – М., 1981.

³ *Вандалковская М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Памятники ист. мысли, 1997. – С. 10.

⁴ *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом.: Учеб. пособие / В. В. Комин; Калинин. гос. ун-т. – Калинин: Калинин. ун-т, [Ч. 1]. – 1977. – 121 с. О нем: *Червякова М. М.* Владимир Васильевич Комин (1920–1997) // Тверской государственный университет: исторический очерк. – Тверь, 2001. – С. 172–174.

отмечал преемственную связь евразийцев с веховством, получившее своё название по программному сборнику «Вехи» (1909)¹. Комин положительно оценивал взгляды евразийцев на систему советов как представительных органов власти, и поэтому их называли «православными большевиками»². Исходя из этой амбивалентности, Комин делал вывод, что политико-правовые взгляды евразийцев противоречивы, одновременно включают религиозные и псевдокоммунистические начала, ввиду чего «надуманное бесперспективное евразийство нашло свое место на кладбище идей, рожденных антисоветской эмиграцией в пореволюционный период»³. Аналогичные взгляды высказывает историк Г. Ф. Барихновский в работе «Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924 гг.»⁴. Автор считал, что евразийство ставило своей целью заменить коммунистическую партию другой, оригинально интерпретировав стремление евразийцев сменить руководство ВКП (б) идеократическим отбором⁵. Политические изменения, происходившие в середине 80-х годов в СССР, вызвали интерес к оппозиционно настроенному эмигрантскому течению. Первые публикации, посвященные евразийству, в новом понимании этого направления были опубликованы А. В. Гусевой⁶ и Д. П. Шишкиным⁷. Эти работы поставили ряд вопросов евразийской проблематики и анализировали это течение с менее жестких политических позиций.

¹ *Багдасарян В. Э., Реснянский С. И.* Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2015. – № 1. – С. 21–41.

² *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом.: Учеб. пособие / В. В. Комин; Калинин. гос. ун-т. – Калинин: Калинин. ун-т, [Ч. 1]. 1977. – С. 105.

³ *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом.: Учеб. пособие / В. В. Комин; Калинин. гос. ун-т. – Калинин: Калинин. ун-т, [Ч. 1]. 1977. – С. 105.

⁴ *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921–1924 гг. – Л., 1978. – 160 с.

⁵ Там же. – С. 152.

⁶ *Гусева А. В.* Концепция русской самобытности у евразийцев: критический анализ. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР. – Л., 1986. – 25 с.

⁷ *Шишкин Д. П.* Историсофия евразийства и русский консерватизм второй половины XIX века // Из истории философской мысли России второй половины XIX – 266 с. начала XX века. – М., 1984. – С. 69–83.

Первыми серьезными исследованиями евразийства как политического течения стали работы И. А. Исаева, который оценивал политические взгляды евразийцев в контексте «сменовеховства» как «политико-правовые утопии»¹. Он считал, что характер идеократического отбора, его «подчеркнутый формализм и замкнутость исключительно на принципе (а не на конкретном содержании идеи-правительниц)» обеспечивали условия для утопического конструирования². Стоит напомнить, что сменовеховство как идейно-политическое течение возникло в 1920-е годы в среде русской эмиграции первой волны, но имевшее много сторонников и в СССР. Название происходит от сборника статей «Смена веков»³, изданного в 1921 г. в Праге. В сборнике были сформулированы основные идеи этого течения. Сменовеховцы выступали за примирение и сотрудничество с Советской Россией, мотивируя свою позицию тем, что большевистская власть уже «переродилась» и действует в национальных интересах России. В 1989 г. Исаев в статье «Геополитические аспекты тотальности: евразийство»⁴ проанализировал политико-правовые идеи евразийцев, которые ратовали за идеократическое государство, построенное на основе демотизма и гарантийности. В первом положении Исаев усматривал черты корпоративизма, во втором — правовое

¹ *Исаев И. А.* Идеинный крах зарубежного сменовеховства (о политической программе «евразийцев») // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне: матер, конф. — М., 1980. — С. 10-17; *Он же:* Идеи культуры и государственности в трактовке «евразийства» // Проблемы правовой и политической идеологии. — М., 1989. — 266 с. — С. 6-36; *Он же.* Политико-правовая утопия в России: конец XIX — начало XX в. — М., Наука, 1991. — С. 203-233; *Он же:* Евразийство — миф или традиция? // Коммунист. — 1991. — № 12. — С. 106-118; *Он же:* Утописты или провидцы? // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России: [Сборник / Сост., вступ. ст., с. 3-26, коммент. И. А. Исаева]. — М.: Русская книга, 1992. — 427 с. — С. 3-26; *Он же:* Геополитические корни авторитарного мышления: Исторический опыт евразийства // Дружба народов. — 1993. — № 11. — С. 134-149; *Он же:* Евразийство: идеология государственности // ОНС: Обществ. науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 42-55.

² *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России: конец XIX — начало XX в. — М.: Наука, 1991. — 266 с. — С. 226.

³ Смена веков: Ежегод. журн. — № 1. — 1921.

⁴ *Исаев И. А.* Геополитические аспекты тотальности: евразийство // Тоталитаризм как исторический феномен: [Сб. ст.] / Филос. о-во СССР, Всесоюз. ассоц. молодых философов; [Редкол.: А. А. Кара-Мурза (отв. ред.) и др.]. — М.: Филос. о-во СССР, 1989. — 395 с. — С. 203-222.

государство, но не в западном его понимании. Это дало возможность ему смягчить по сравнению с ранними своими работами оценку евразийской модели государства. В целом критикуя евразийство, Исаев оценивает евразийский проект как утопический¹, признавая необходимость для государственного строительства национальной идеи: «Если нация еще жива, значит, жива и ее идея. И наоборот: нация жива до тех пор, пока жива ее национальная идея»².

§3. Ренессанс евразийства на рубеже веков

Новый качественный этап отечественной науки по осмыслению евразийства наступает в конце 80-х годов XX века, когда были опубликованы труды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. А. Алексеева, вслед за чем последовала публикация большого количества статей в ведущих философских журналах. Подводя итог обзору критического анализа евразийства, следует отметить, что на протяжении всего советского периода развития исторической и социально-философской мысли отношение к евразийству в полной мере соответствовало «линии партии и правительства». Первоначально евразийство представлялось как «литературно-философское течение среди русской контрреволюционной эмиграции» утверждающее разложение романо-германской культуры, на смену которой идет «новая культура, носителем которой будет русский народ, объединяющий вокруг себя не только восточное славянство, но и ряд неславянских народов, населяющих так называемую Евразию»³. Правда, в те же годы, наряду с такой идеологически нейтральной оценкой, на евразийство, видимо, по чьей-то команде, был навешен ярлык «белоэмигрантского фашизма»⁴. На основе анализа советской литературы 20–30-х годов XX в., посвященной

¹ *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России (конец XIX – нач. XX века). – М.: Наука, 1991.

² *Исаев И. А.* Россия в поисках национальной идеи [Электронный ресурс] // Русский мир. Электрон. издан. 2001. – № 5–6. Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2001/n5_6_2001/8062cb92/220a35d2/

³ *Мещеряков Н. Л.* Евразийство // Большая советская энциклопедия. – Вып. 1. – Т. 23. – М., 1931. – С. 827–828.

⁴ *Корбут М.* Евразийство как белоэмигрантский фашизм и его агентура в СССР // Советское государство и революция права. – М.; Л., 1931. – № 8 (Август). – С. 110.

евразийству, можно сделать следующий вывод: евразийство трактовалось как идеологическое направление, возникшее среди белоэмигрантов, которое было направлено на подрыв СССР. В этой связи евразийство предлагалось запретить, а имена основателей его должны быть вычеркнуты из истории. В послевоенный период тема евразийства была забыта и велась, главным образом, в востоковедческих кулуарах. Мы прекрасно помним, с каким трудом добивался признания Л. Н. Гумилев¹. В рамки полномасштабного философского дискурса, конкретно-исторического анализа и общественного признания евразийство вошло в последние два десятилетия XX в. Апологетика и критика евразийства в тот период были взаимосвязаны между собой, выражая, к тому же, идеологические пристрастия авторов. Одни из них стремились убедить читателей, что Россия должна войти в западный мир, а потому любая идеология, отрицающая это, является попыткой оправдать собственную неполноценность. Да и философия подобного рода «проистекает из комплекса неполноценности, какой возникает у отдельных представителей обществ, отстающих в своём цивилизационном развитии от более передовых стран»². В утверждении евразийства на рубеже веков, с одной стороны, свою позитивную роль сыграла серия выступлений Н. А. Назарбаева в 1994 г.³ А с другой – провокативная идея

¹ См., напр.: *Лауров С. Б.* Лев Гумилёв: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 608 с.; «Живя в чужих словах...»: Воспоминания о Л. Н. Гумилёве / Сост. В. Н. Вороновича, М. Г. Козыревой. – СПб.: Изд-во Росток, 2006. – 624 с.; *Гумилёв Л. Н.* Pro et contra: Личность и творчество Л. Н. Гумилёва в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология / Сост.: Н. М. Дорошенко, И. Ф. Кефели. – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2012. – 1007 с.

² *Дуванов С.* Евразийство – философия оправдания неполноценности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rusev_28_11_01.htm

³ «Мы, – заявил тогда Н. Назарбаев в МГУ, – республики бывшего Союза, историй и судьбой подготовлены к единому сообществу. Нам присущи одни формы и механизмы связей и управления, общий менталитет, многое другое» (<https://e-history.kz/ru/news/show/28540/>; дата обращения 10.10.2021). Точности ради надо напомнить, что Назарбаев впервые упомянул о «Евро-Азиатском Союзе» в своем выступлении 22 марта 1994 г. в Королевском институте международных отношений «Chatham House» – главном «мозговом центре» британской внешней политики (Назарбаев И. А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 480 с. – С. 26).

«планетарного дуализма», противостояния западной и евразийской цивилизаций, высказанная, в частности, А. Дугиным¹ и В. А. Сендеровым².

Мировоззренческие оппозиции подобного рода сходились в представлении о том, что евразийство становилось самым ярким из подлинно национальных учений. Позиция авторов может быть выражена следующем образом: «Евразийцы сверстали нам полноценный, логически совершенный, удивительно притягательный идеал, объёмное, многомерное открытое ко всестороннему развитию национальное мировоззрение, глубоко патриотическое по сути, но заключающее в себе заведомо действенное противоудие против вырождения до вульгарного шовинизма»³.

Важным положением в изучении евразийства стал вопрос о перспективности евразийского проекта. Его сторонники стремились сохранить союз азиатской и европейской культур, сохраняя оппозицию Западу.

¹ Дугин А. Г. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997. — 599 с.

² Сендеров В. А. Фантомы языка и политика. Идея евразийства [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.iicas.org/libr_rus/evraz/04_03_ИБг_rusev.htm

³ Дугин А. Г. Преодоление Запада (Эссе о Николае Сергеевиче Трубецком) // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 1999. — С. 24–25.

Глава 6. Есть ли шанс у евразийского симулякра? [Плебанек О. В.]

Прошло сто лет со дня публикации сборника, положившего начало евразийскому проекту, который после распада советской империи (понимавшейся классическими евразийцами как очередная инкарнация евразийского проекта) получил новую жизнь в урезанном виде. Урезанном даже не в количественном отношении – это только пять из бывших республик СССР, а в структурном. Концепция классических евразийцев предполагала и единое государство, и самое главное – единое идеологическое ядро в виде православия, а современная версия евразийского сообщества ограничивается Евразийским экономическим союзом и претензиями на создание Большого Евразийского партнерства¹. И есть основания думать, что в политическом пространстве евразийская идея используется, скорее всего, как прикрытие гегемонистских устремлений и, как минимум, в двух версиях – славяно-православной и пантюркистской. Хотя притязания на политическую гегемонию различных цивилизационных сил не исключают их евразийский характер: любая геополитическая концепция – это вопрос о гегемонии и контроле. А в классическом евразийстве чередование лесного (славянского – Киевская Русь) и степного (иранского – скифо-сарматского, тюркского – Монгольская империя) компонентов было одной из центральных идей (Г. В. Вернадский). Почему бы не считать, что циклический характер евразийской динамики логично приведет на современном этапе и к тюркскому ядру евразийского сообщества? Ответ на этот вопрос может дать не идеологема, а научно обоснованная концепция.

¹ Большое Евразийское партнерство – новые горизонты сотрудничества: Тематический сборник / Под общей ред. И. А. Максимцева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 159 с.

§1. Истоки: методологические ограничения

История евразийского движения хорошо описана и известна. За прошедшие сто лет в науке произошли серьезные изменения, и есть возможность рассмотреть эту концепцию исходя из новых подходов, включая весь методологический арсенал современного социо-гуманитарного знания. Как признавали сами основатели евразийства, идейным истоком их движения послужили славянофилы и, конкретно, Н. Я. Данилевский.

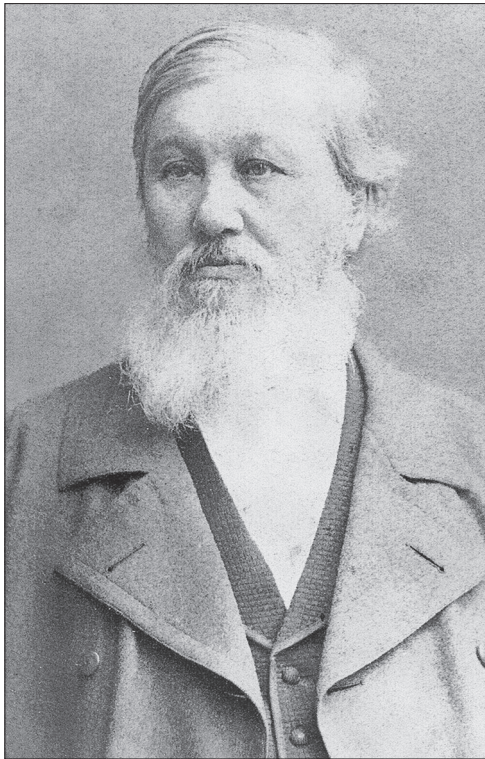

Рисунок 34. Николай Яковлевич Данилевский

[E2irKwcWQAEgRY7.jpg [1004×755] (twimg.com)]

Данилевский, выступивший против линейного подхода к мировой истории, поставил задачу не только обосновать самодостаточность и самостоятельность славянского культурного типа, но и исключительность и прогрессивную роль в истории России. В книге «Россия и Европа» он прямо заявляет об исключительном характере славяно-православной цивилизации, указывая, что только она представляет собой четырехосновный культурный тип, соединяющий в себе достижения всех существовавших до этого времени цивилизаций. Не умаляя значения его труда, следует признать, что Данилевский был первым, кто создал фундированную концепцию цивилизаций, его работы были известны в России, но не так уж широко, и даже в России не были поддержаны большинством научного сообщества, а не только оппонентов со стороны западников. Настоящий переворот в исторической методологии совершил именно О. Шпенглер, и это признавали евразийцы. Много позже (в 1921 г.) П. Савицкий писал: «Нам стыдно за русских людей, которым приходится узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера»¹. Именно после «Заката Европы» начинается бум цивилизационных исследований.

Данилевский, при том, что восстал против линейной концепции истории, не сильно отошел от принципа европоцентризма: пафос «России и Европы» заключается в смене модели «Запад — светлое будущее человечества» на модель «Россия — светлое будущее человечества». Настроения отечественных интеллектуалов того времени объяснимы. Социальное аутсайдерство всегда порождает стремление посмотреть на ситуацию с точностью до наоборот. Именно это желание просматривается в знаменитой статье В. Соловьева «Три силы»², написанной несколькими годами позже (1877) книги Данилевского «Россия и Европа» (1868). И Соловьев, и Данилевский, кажется, одержимы одной мыслью: показать, что вектор истории обратный общепринятому, что прогрессивность Запада иллюзорна, что именно Россия впереди на пути прогресса и метафизической цели человечества. Противопоставление Запада и Востока (две антагонистические силы) и идеальная гармоничность славянства (третья сила) в концепции Соловьева в основе имеет метафизическое содержание, и он тоже ставит Россию в положение высшей ступени социального прогресса.

¹ *Савицкий П.* Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. — М.: Аргаф, 1997. — 464 с. — С. 41

² *Соловьёв В. С.* Три силы // Соловьёв В. С. Избранное / Сост. А. В. Гулыга, С. Л. Кравец. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 41–60.

Предшественники евразийцев пытались разработать концепцию социального бытия, в котором место России в историческом процессе не просто обладало бы бóльшей значимостью, обладало бы в ценностном отношении статусом вершины прогресса. Данилевский в своей теории, где каждому культурно-историческому типу отведена роль всемерного и полного развития одного из четырех видов культурной деятельности (некоторые цивилизации являются двухосновными, то есть успешны сразу в двух направлениях прогресса), Россию наделяет особым свойством — она одна только может быть успешной во всех видах творчества: «Славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, — сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении. Мы можем надеяться, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом. Особенно оригинальной чертой его должно быть в первый раз имеющее осуществиться удовлетворительное решение общественно-экономической задачи»¹. Невольно приходит на ум аллюзия: каждая цивилизация уникальна, но некоторые уникальнее других.

Соловьев также был одержим идеей сверхценности именно славянского культурного типа, отказывая в каком-либо позитивном содержании другим цивилизациям. Он с самого начала заявляет, что «обе эти силы имеют отрицательный, исключительный характер: первая исключает свободную множественность частных форм и личных элементов, свободное движение, прогресс, вторая столь же отрицательно относится к единству, к общему верховному началу жизни, разрывает солидарность целого. Если бы только эти две силы управляли историей человечества, то в ней не было бы ничего кроме вражды и борьбы, не было бы никакого положительного содержания; в результате история была бы только механическим движением, определяемым двумя противоположными силами и идущим по их диагонали»². Под первой силой подразумевается Восток, под второй силой подразумевается Запад. Что же придаст положительный смысл человеческой истории? Конечно, третья сила «которая дает положительное содержание двум пер-

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. 6-е изд. — СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. — 552 с. — С. 430.

² Соловьев В. С. Три силы // В кн.: Соловьёв В. С. Избранное / Сост. А. В. Гулыга, С. Л. Кравец. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 42.

вым, освобождает их от их исключительности, примиряет единство высшего начала с свободной множественностью частных форм и элементов, созидает, таким образом, целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь <...> А эти свойства, несомненно, принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа»¹. Не правда ли, очень похоже на другую идеологию, провозгласившую идею исключительности некоторой нации?

Обе знаковые работы были написаны в период, когда единственно научной методологией признавался линейный взгляд на историческую динамику, заданный гегелевской схемой. Славянофилы делают попытку преодолеть однолинейность в видении истории. В попытке отрицать очевидное — то, что Запад является лидером социального прогресса (а в понятие социального прогресса безусловно входит высокий уровень технического обеспечения общества, а также эффективность политико-правовых институтов и всего того, что мы теперь называем высоким уровнем жизни), что Россия отстает от Запада как в технологическом отношении, так и в достижении социальной справедливости (что и привело в конечном итоге к невиданному социальному взрыву), что отмена крепостного права только еще больше обострила все проблемы, славянофилы не создали новую методологию, позволяющую охватить весь объем социокультурной динамики, они лишь сменили вектор с плюса на минус. Их попытка дать иную интерпретацию места России в историческом процессе свелась к тому, что вместо «унылой», как писал потом Шпенглер, линейной картины истории, где общества выстроены одно за другим, в этой картине весь мир оказался поделен на оппозиционные части, антагонистичные друг другу, но при этом будущее приписывается только одной из общественных систем.

Монохромная картина реальности, редукция сложности до антиномичного противопоставления бывает полезной только на самом начальном этапе освоения нового предметного поля, но никогда не может стать основанием для работоспособной теории. Не спасает эти концепции (в их сходстве и различии) и то, что у Соловьева появляется третий актер мировой истории (как будто нет вообще ни Нового Света, ни многообразия Старого Света), а у Данилевского их тринадцать². У Соловьева весь остальной мир

¹ Там же. — С. 54.

² Часто в серьезных научных работах и даже в учебниках пишут, что Данилевский выделил десять цивилизаций, иногда даже не упоминая, что он пишет о еще двух, закончивших свое существование насильственной смертью. Изумляет

сводится к Востоку и Западу, а Данилевский, чтобы не решать методологические проблемы, не входящие в цель его исследования (доказать, что Россия – высшая цивилизация), просто отказывает множеству народов на самостоятельное место в истории. В выведенном им первом законе исторического развития прямо указывает, что культурно-исторический тип создается самостоятельным племенем, «если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию (выделено мною. – О. П.)»¹. Мы отнюдь не склонны обвинять Данилевского в расизме, но в его концепции все этносы четко делятся на три группы по их отношению к прогрессу (как он пишет, «по их роли в историческом процессе»): народы, составляющие культурно-исторический тип; народы, придающие «цветущее разнообразие культурно-историческому типу» и не способные создать собственную цивилизацию и «бичи Божьи» – народы разрушители, роль которых заключается в освобождении места для новых цивилизаций². И даже, еще конкретнее: «Есть народы, точно также, как и отдельные лица, заслуживающие (по отношению их к самим себе и к соседним народам) лишения свободы, которую всегда употребляли во зло»³. Вот так! Почти первородный этнический грех.

Несомненно, Данилевский попытался дать более полихромную картину социальной реальности, что приближает его концепцию к методологической платформе, которую сейчас принято называть неклассической парадигмой науки. Но также несомненно, что славянофилы в целом, как и авторы указанных работ, были озабочены не разработкой общей методологии социального знания, адекватного реальному историческому процессу, а идеологическому обоснованию исключительной миссии славянства. Поэтому славянофильские идеи сыграли свою роль в большей степени в идеологии, дав позитивный импульс национальному самосознанию, хотя нельзя также отрицать значение их идей и в науке, так как эта полемика способствовала развитию научной мысли. Но совершенно точно, неадекватный

в этом контексте «добросовестность» нашего научного сообщества, не заметившего основную мысль Данилевского: Россия – самостоятельная цивилизация! Итак, их 13 (тринадцать), а не 10, и не 12.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-романскому. 6-е изд. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. – 552 с. – С. 77, 430.

² Там же. – С. 75.

³ Там же. – С. 189.

методологический аппарат может способствовать дальнейшему развитию мысли, но не может ответить на насущные вопросы и, тем более, не может служить основой для решения прикладных вопросов. Поэтому славянофильство остается в моде в политико-идеологическом дискурсе, но не входит в арсенал научной методологии, на основе которой может строиться (или обосновываться) реальная политика. «Любовь» к некоторой этнической группе (в смысле, идея исключительности некоторой группы) не может служить основанием для научного исследования, так как на исключении нельзя построить общую теорию.

Неразработанность теоретико-методологического аппарата означала неприменимость существующих концепций для объяснения исторического процесса и, самое главное, для формирования программ модернизации и для формирования ответов на вызовы среды. Неудивительно, что, при всем пиетете к старшим товарищам, следующее поколение российских интеллектуалов сохранило основную идею – самостоятельности России как актора исторического процесса, но внесло существенные коррективы. Во-первых, снизился пафос метафизического высказывания: славянство теперь не мыслилось ни как цель истории (Соловьев), ни как очередной, но все-таки лидер социокультурного прогресса (Данилевский), и речь уже не шла о «высшей задаче» (Соловьев) славянства, а лишь о самостоятельных, отличных от Европы и Востока укладе жизни и мироощущении. При этом евразийцы не ставили себе задачу дать общую теорию исторического процесса, а только ограниченную задачу объяснения геополитических процессов на евразийском пространстве в широком смысле этого слова – на континенте, не претендуя на общеисторическую теорию. И даже теперь речь шла не о славянстве вообще, как единой этно-культурной группе. В трудах евразийцев-основателей даже в названии социокультурной системы акцент смещен на Россию – Россия-Евразия, исключая братьев-славян Восточной и Южной Европы. Хотя этнической основой этой геополитической системы евразийцы объявили славяно-тюркское единство, в трудах классиков оговаривается, что имеется в виду именно русский культурный компонент. Савицкий даже подчеркивал: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те и другие), а русские»¹. Во-вторых, евразийцы стали искать основание для объяс-

¹ Савицкий П. Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. – М.: Аргаф, 1997. – 464 с. – С. 39

нения исторического процесса не в метафизической «силе», а в естественных условиях формирования социокультурного единства, для чего и было введено П. Савицким понятие месторазвития.

Интеллектуалы следующего поколения – славянофилы в изгнании (или в самоизоляции) – наблюдая за драмой в безопасности, существенно сместили акценты по сравнению со своим духовным учителем Данилевским. Во-первых, российская цивилизация¹ теперь не навязывается в учителя человечества. В Декларации евразийства 1932 г. прямо сказано, что «евразийцы признают за остальным миром и его делениями на разнообразные культурно-сферы права на самостоятельное развитие и самобытное творчество»², и более к вопросам общечеловеческой цивилизации и сверхзадач мировой истории евразийцы не обращаются, целиком сосредоточиваясь на локальных целях евразийского пространства.

Во-вторых, евразийцы отказались от идеи панславизма, подчеркнув новое толкование сущности российской цивилизации другим названием: Россия-Евразия. Данилевский использует понятие славяно-православного культурного-типа, объясняя присутствие в этой общности других народов и распространение пространства этой общности на месторазвитие других языковых групп тем, что эти народы не способны к созданию самостоятельного культурного типа, а предназначены на «служение чужим целям в качестве этнографического материала»³. Он считал, что европейские славяне насильственно оторгнуты от своего культурно-исторического типа и потому не могут реализовать свой творческий и исторический потенциал. Евразийцы, напротив, указывали на славяно-тюркский характер этнического ядра общности и в названии подчеркнули преемственность Российской империи с Монгольской империей, считая органичным и естественным распространением Российского государства на восток и включение в него

¹ В своих декларативных документах евразийцы не используют понятия цивилизации – оно к тому времени еще не закрепило свой статус фундаментальной, методологической категории. В своей Декларации 1932 г. используется понятие культурной личности, о которой речь пойдет далее.

² Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Эл.ресурсы: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932> (дата обращения: 05.08.2021).

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому. – 6-е изд. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. – 552 с. – С. 75.

степных тюркских народов. П. Савицкий, отдавая дань уважения предшественникам, отмечает «лукавые попытки западнического духа, заразившего и славянофилов, растворить проблему евразийско-русской культуры в расплывчатом учении о племенном родстве, мы полемически подчеркиваем „туранские элементы“ и, отрицая мнимонаучный механический подход к вопросу, выдвигаем единство и органичность, целостность культуры, ее личное качество»¹. Н. Трубецкой ставит в один ряд пангерманизм и панславизм, подчеркивая, что это понятия лингвистические², и даже утверждает, что «граница „востока“ и „запада“ иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что те и другие – славяне, а потому, что те и другие испытали сильное тюркское влияние»³.

В-третьих, евразийцы, несмотря на их резкую критику материализма, в своих теоретических построениях в основу концепции положили вполне естественный фактор – географию и историю, которые определяют экономику, быт и институты управления – все то, что мы называем культурой. Концепция славянофилов покоится на более зыбкой почве. Данилевский ввел понятие основания культурного типа, под которым он понимал склонность и способность к одному из четырех видов культурного творчества⁴. Во-первых, эта склонность на уровне популяции трудно верифицируется. Во-вторых, данный им анализ славянского культурного типа как единственного в истории «четырехосновного», т. е., единственного, обладающего всеми культурными «совершенствами», не выдерживает критики ни с позиций идеологии и морали – принципа самоценности всех рас и этнических групп, ни с позиции научной методологии – принципа объективности. Даже обыденная логика подсказывает, что, если бы славяне обладали способностью устройства человеческой жизни во всех основных видах деятельности (выделенных Данилевским), например, в политико-правовой сфере,

¹ *Савицкий П.* Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. *Континент Евразия*. – М.: Аргаф, 1997. – 464 с. – С. 41.

² *Трубецкой Н. С.* Исход к Востоку // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – М.: Русская книга, 1992. – 432 с. – С. 329

³ Там же. – С. 340

⁴ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. 6-е изд. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. – 552 с. – С. 400.

то могли бы устроить свои общественные институты более эффективным образом, не допуская катаклизмов вселенского масштаба.

Евразийская позиция относительно обоснования типа и границ цивилизации тоже несвободна от критики, но и Савицкий, и Трубецкой попытались опереться на научный аппарат того времени. В каком-то смысле им было легче: они не были первыми, кто попытался выйти из руслу линейной версии всемирной истории с ее телеологизмом, и они имели уже возможность знакомства с формирующимися подходами в социогуманитарном знании, получившими впоследствии название неклассической парадигмы. Уже к тому времени была опубликована новая версия цивилизационной концепции истории – книга О. Шпенглера «Закат Европы» (1918, 1922) после которой и начинаются цивилизационные исследования. Уже сложилось целое направление исследований – геополитика, и опубликованы основные работы Ратцеля, Челлена, Хаусхофера; еще в 1889 г. опубликована книга Л. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки» (русский перевод в 1898 г.). Евразийцы не стали полностью включать наработанный к тому времени научный аппарат в свою концепцию, но влияние этих авторов на работы Савицкого неоспоримо. Трубецкой подошел к проблеме происхождения культурного типа как лингвист, добавив евразийству аргумент лингвистического родства, но и он решающую роль в формировании евразийской цивилизации отводит географическому пространству.

Географический фактор как культуuroобразующий выступает в евразийской концепции в двух аспектах. Самую важную роль играет организация пространства: евразийцы усматривают в евразийском материке три самостоятельных, локальных пространства: «1) срединный континент или собственно Евразию и два периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский»¹. Они оставляют без комментариев, что азиатский мир также расчленен на самостоятельные пространства, объединяя совершенно несхожие миры. В современной науке индийский мир выделяют как субконтинент и цивилизацию, самостоятельная также Юго-Восточная Азия. Не обращают внимания на то, что арабо-мусульманский мир также самостоятелен по отношению и к Индии, и к Китаю, он для них как бы не существует, но к предшественникам евразийской России относят эллинский мир и Византию. Структурообразующим фактором евразийцы считают

¹ *Савицкий П.* Евразийство (Опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. – М.: Аргаф, 1997. – 464 с. – С. 41.

широтную протяженность степи — то обстоятельство, что движению народов (и вообще коммуникаций) в широтном направлении не препятствует ничего, в отличие от горных и морских преград, ограничивающих европейский и азиатский миры (в их интерпретации), что детерминировало образование евразийских империй в древности и Российской империи в новое время. Крупнейшие реки континента, перечеркивающие эти пространства, возможно, справедливо интерпретируются евразийцами как не являющиеся естественными границами, так как в северном полушарии реки текут на север и становятся наиболее полноводными в широтах малозаселенных и практически не используемых в хозяйственной деятельности.

Второй аспект географического фактора — среда как источник существования. Евразийцы исходят из того, что естественные условия диктуют род хозяйственной деятельности и (что характерно для евразийской цивилизации) комплиментарные связи. Важная идея евразийцев — комплиментарный характер леса и степи, города и кочевника. Евразийцы, исходя из этих обстоятельств, усматривают естественный характер продвижения русских до естественных пределов «континента Евразия»¹ и естественный характер соединения в одном государстве славянского и туранского элементов. Правда, славянский элемент евразийцами сужается до восточного славянства, а туранский элемент расширяется до всей алтайской языковой семьи, родство с которой тюркских языков дискутируется в современной лингвистике². Спорным здесь является как раз лингвистический фактор, так как в истории существовали и существуют этнические сообщества, воспринявшие чужой язык, но сохранившие свою культуру (например, венгры — славяне по фенотипу, генотипу и культуре, но финно-угры по языку; пришлые угры совершенно растворились в славянском этносе). Но комплиментарный характер хозяйственной деятельности служит объединяющим фактором.

Евразийская концепция российского культурного типа лежит в русле географического детерминизма (и то, что одним из центральных принципов «Декларации Евразийства» является идеократизм, не отменяет этого факта), т. е. фактически является возражением Данилевскому. То, что евразийцы выступали против универсализма в социальном знании и линейного

¹ Такое название дали составители сборнику работ П. Н. Савицкого издательство Аграф и непосредственный составитель А. Г. Дугин.

² *Гаджиева Н. З.* Тюркские языки // [www.lingvotech.com/gadzhieva-90 Лингвистический энциклопедический словарь]. — М.: Советская Энциклопедия, 1990. — С. 527-529. — 685 с. — ISBN 5-85270-031-2.

видения истории, верно лишь отчасти. Признавая вклад славянофилов в самопознание русского культурного типа, Савицкий писал: «Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее нам близких по духу»¹. Даже в начале XX в. уже невозможно было ни придерживаться, как писал Шпенглер, «скудного» однолинейного видения истории, ни развивать противоречивое в своей методологической основе учение славянофилов, которые попытались выйти из пределов классического универсализма. Но ни славянофилы, ни евразийцы не смогли преодолеть исторического телеологизма. По сути, славянофильство принципиально не отличалось от европоцентристской версии истории, так как тоже подразумевало «высший тип культуры», только отказывало в притязаниях на эту ступень Европе и Востоку. Но и евразийцы видели линейно исторический процесс, хотя бы и для Континента Евразии, не допуская отклонений от назначенного географией и православием пути, интерпретируя все культурные трансформации, помимо циклов туранства и славянства, как извращения культурной самобытности.

Евразийцы вообще оставили в стороне обсуждение методологии и не ставили себе задачу построения теории цивилизаций. Они поставили себе конкретную задачу разработки трансконтинентального проекта для России, далеко выходящей за пределы славянства, простирающуюся от океана до океана. Для успешности любого масштабного объединения всегда требуется идеологическое обоснование. Для обоснования Римской империи был придуман *Pax Romana*, для Великой Британии англосаксы придумали «миссию Белого человека», евразийцы придумали Евразию. Причем, идеология занимает в концепции евразийства едва ли не более видное место, чем фактор геопространства. Шесть первых пунктов «Декларации Евразийства» 1932 г. посвящены обоснованию идеократической сути евразийского государства. Евразийцы не создавали социальной теории (видимо, им близок был тезис Данилевского о том, что «общественные явления не подлежат никаким особому рода силам, следовательно, и не управляются никакими особому рода законами <...> Теоретическая политика или экономия так же невозможны, как невозможна теоретическая физиология или анатомия»²), они лишь ставили задачу «организации жизни особого

¹ *Савицкий П.* Евразийство (Опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. — М.: Аргаф, 1997. — 464 с. — С. 40.

² *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические от-

мира России-Евразии»¹, игнорируя идеологию тюркского мира. Признавая многие достижения большевиков в деле строительства государства и сохранения прежних границ империи (что, видимо, и было самым важным в евразийской идеологии), евразийцы отвергали коммунистическую идеологию, которая как раз смогла спаять весь многообразный «евразийский» мир в силу того, что была наднациональна. Православие таким свойством не обладает именно в условиях Евразии: для этого пространства православие прочно связано со славянством, оно и приобрело к тому времени славянский колорит, тогда как в пространстве зарождения европейского мира, Восточном Средиземноморье, христианство обладало именно наднациональным характером.

Евразийский дискурс приобрел в 90-х гг. XX в. новый импульс на фоне тех же геополитических событий, который осмысливали классические евразийцы: Россия опять уходила с тех пространств, которые уже привыкли считать российскими территориями. Следует заметить, что в Декларации классических евразийцев принципиальным положением было доминирование именно славянского государства. Это вытекает из: а) теократического характера государства на основе православия и б) из символического имени — Россия-Евразия, подчеркивающего структурообразующее ядро цивилизации. Вместе с тем Г. В. Вернадский указывал на циклический характер цивилизационного процесса в евразийском пространстве. И если верно базовое положение евразийцев, что цивилизационная специфика, «культурная личность», по выражению евразийцев, складывается под воздействием материального фактора — комплиментарности леса и степи, то следует отказаться от этно-конфессиональной окраски евразийского дискурса. В таком контексте совершенно не обязательно: а) что евразийское государство должно быть православным и б) институционализация евразийской общности обязательно должна быть на основе доминирования России, это вполне может быть и «туранский» компонент. В тюркском мире тоже есть претенденты на собиранье земель, также имеющие опыт идеократического и имперского государства.

ношения Славянского мира к Германо-романскому. — 6-е изд. — СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. — 552 с. — С. 134.

¹ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Эл.ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932> (дата обращения: 05.08.2021).

Однако, современное евразийство раскалывается именно по поводу отношения к этническому ядру евразийской общности. Н. Назарбаев, открыл новую страницу евразийства, как отмечалось выше, своими выступлениями в Королевском институте международных отношений «Chatham House» — главном «мозговом центре» британской внешней политики (22 марта 1994 г., там он впервые заявил о «Евро-Азиатском Союзе») и в МГУ (28 марта 1994 г.). И это было вполне закономерно (как в свое время и славянофилы, которые тоже не желали видеть старшего брата в лице европейцев) ориентируется в настоящее время на Тюркский союз¹, как, во-первых, более близкий по идеологии (исламский), во-вторых, с не меньшим основанием (а может и с бóльшим) претендующий на евразийскую сущность. В конце концов, именно Восточное Средиземноморье, а не степь сама по себе, имеет бизкуменальный характер² и стало месторождением двух типов цивилизаций. По-видимому, вопрос, каково будущее евразийского проекта, нужно рассматривать в другой плоскости: является ли евразийская концепция частным случаем социокультурной динамики и объяснима в русле научной методологии или это политико-идеологический проект, жизнеспособность которого зависит от количества людей, уверовавших в него?

§2. О концептах: Восток-Запад, культурная личность, цивилизация

Современные дискуссии об историческом месте России и ее будущем имеют недостаток, проистекающий из общего состояния социо-гуманитарного знания, которое однажды было охарактеризовано как «методологический кошмар»³. Не будем сейчас подробно рассматривать суть этого «кошмара» (мы об этом уже писали⁴), сосредоточимся только на одном из аспектов

¹ *Кумранов А.* Антироссийский тюркский союз стал реальностью // URL: <https://www.politnavigator.net/antirossijskijj-tyurkskijj-soyuz-stal-realnostyu.html> (дара обращения: 05.08.2021).

² Концепцию бизкумен предложил отечественный автор Г. Померанц // См.: Померанц Г. В. Выход из транса. — М., 1995.

³ *Айдинян Р. М., Шипунова Т. В.* Методологические тупики социологии // Проблемы теоретической социологии. — Вып. 4: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. О. Бороноев. — СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. — 354 с. — С. 36–51.

⁴ *Плебанек О. В.* Социальное знание: пределы роста // Научно-технические ве-

этого «кошмара» — терминологической неяршливости и некорректности концептов, в которых осуществляются эти дискуссии, поскольку однозначность употребления терминов — одно из первых требований формальной логики и стандартов научного исследования.

Сначала о концептах *Востока* и *Запада*, между которыми мыслители пытаются найти место для России, начиная с творцов идеологемы «Москва — Третий Рим». На протяжении истории социальной мысли место это находилось в четырех вариантах: Россия — Запад, но запоздалый; Россия — Восток, но тяготеющий к Западу (а потому им испорченный); Россия — и Запад, и Восток; Россия — не Запад, и не Восток, а нечто третье. Чтобы разобраться с этим вопросом, прежде всего, нужно уяснить, что же такое Запад и Восток? Понятно, что это категории не географические, а социокультурные, и с этих позиций мы должны иметь в виду, что содержание их (в отличие от географических, естественно-научных категорий) имеет парадигмальный характер. Парадигмальный — то есть, имеющий связь с конкретной научной парадигмой или имеющий смысл только в контексте определенной парадигмы, но в другой парадигме имеющий другое содержание.

Первое, на что нужно обратить внимание в использовании категорий Восток и Запад — происхождение этих понятий. Мыслители Нового времени, когда только складывались нормы и стандарты научного мышления и когда социальное знание еще не конституировалось в качестве научной отрасли знания, в основу подхода к анализу человеческого бытия положили тип рациональности, выработанный для исследования естественной природы и, главным образом, неживых объектов. Совсем коротко, теперь это называется классической рациональностью (Степин¹) или классической научной парадигмой и может быть сведено к следующим принципам: бытие гомогенно, законы универсальны, процессы линейны². Такие представления зарекомендовали себя положительно в исследованиях природы, и казалось, что их можно распространить на исследование социальной реальности.

В силу того, что научное мышление формировалось в западном культурном круге, то за эталон социального бытия было принято европейское

домости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 1(191). — 2014. — С. 275–284.

¹ Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.

² Плебанек О. В. Парадигмальные основания анализа социальной реальности. — СПб.: ИД «Петрополис», 2012. — 352 с.

общество, по отношению к которому все, что находилось на востоке от Европы, казалось отсталым. Здесь нужно обратить внимание на два момента. Во-первых, само понятие Востока «ездило» по географической карте и продолжает «ездить» до сих пор. Для европейца Нового времени Восток начинался уже в Византии, столица которой, конечно, была в будущем Стамбуле (Константинополе), но включала в себя земли Восточной Европы, Италии и Северной Африки. К слову сказать, колыбель западной цивилизации – Древняя Греция находилась как раз на этом востоке, и даже восточнее. А эллинистический мир не то, чтобы продвинул «Восток» еще восточнее, в эпоху эллинизма это противопоставление перестало быть актуальным, и возродилось оно римлянами. Такой поворот вполне объясним: эллинистический мир не был ни централизованным, ни федерацией, это были независимые государства, объединенные культурной средой, во многом связанной с мощной миграцией из материковой Греции.

Возобновление ментальной границы (ментальной потому, что географические границы двигались вместе с расширением границ империи) с Востоком в римское время связано со становлением имперского сознания. Империи нужна была легитимация своего присутствия/отсутствия, римские легионы продвинулись в земли заселённые (как и всякие колонии, земли не бывают свободными от населения, они бывают свободны от господства), но здесь сложились социальные институты, не способные противостоять государственной машине насилия. Легко заметить на географической карте, что Риму не удалось даже вполтину продвинуться в эллинистический мир, эта часть и стала Востоком, не поддающимся романизации. А вотчина Рима – колонизированная Римом Европа, стала Западом.

Примерно такие же коллизии происходят и в пространстве, именуемом теперь евразийским. Восток и Запад не были понятиями географическими, они представляли собой геополитическую оппозицию, откуда в равной степени исходила угроза для Киевской Руси, славяно-православной (Данилевский), русско-сибирской (Шпенглер) цивилизации. Подмеченное евразийцами включение татарской знати в состав социальной элиты не воспринималось никем как евразийское воссоединение, так как официальная доктрина признавала туземцев только как ИНОродцев. Несмотря на то, что еще в 1700 г. к Петру I обратился хивинский Шахняз-хан с просьбой о принятии ханства в российское подданство, что было обусловлено жестокой политикой Китая по отношению к завоеванным народам, но что не является признаком цивилизационной общности (в истории

российско-американской компании есть эпизод с аналогичной просьбой гавайского вождя Тамеамеа, оставшимся нереализованным), окончательное присоединение центрально-азиатских территорий произошло в 1867–68 гг. после разгрома Кокандского ханства, одновременно с написанием Данилевским своей книги, разделившей народы на «способные создавать цивилизацию» и способные только к «приданию культурного разнообразия». Идея Евразии (первоначально как идея панславянского мира как культуuroобразующего с народами, придающими разнообразие) рождалась в противостоянии английскому и китайскому колониализму, так как сами турки в этот исторический период не могли претендовать на политическое доминирование. Не правда ли, сюжет очень похожий на обстоятельства, породившие концепт Востока в Европе? Это образ Иного, противостоящего, но не включенного в состав образа культурного Я.

Американский социолог арабского происхождения Э. Саид достаточно ярко показал, что и Запад, и Восток являются искусственными конструктами, содержание которых меняется не только со временем, в зависимости от текущей ситуации, но и имеет региональную специфику¹. Саид отмечает, что существует отдельный образ Востока для француза и для британца, что связано с успехами или неудачами колонизационной политики. Он видит истоки этой мифологемы в метафизической необходимости «оправдания Добра», то есть оправдания и легитимации доминирования Запада еще с античных времен. Правда, в эпоху греко-персидских войн речь шла скорее не о доминировании Запада, а о сохранении независимости, что, тем более, требовало мифологизации и демонизации политического оппонента. Противопоставление ценностей Запада и Востока с самого начала цивилиогенеза выполняло функции мотивации и консолидации социокультурной общности в условиях конкуренции (за пространство, за ресурсы, за сознание).

Примерно эту же картину мы наблюдаем в настоящее время на Украине: противопоставление «правильного славянина», братского европейской семье «отатаренному» русскому, выходцу с дикого Востока. Такие идеологемы весьма полезны для конструирования мифа, для проведения демаркационной границы в сознании между «своими» и «чужими», но весьма бесполезны для строго научного анализа и для построения политической

¹ Эдвард В. Саид. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006. – 637.

программы, предназначенной мыслящей части населения (разве что для «масс» в духе Лебона¹, которые, как известно с его подачи, руководствуются иррациональными доводами).

Второй момент, на который следует обратить внимание, – это бытование термина не в идеологическом, а научном дискурсе. Представления об отсталости Востока диктовались именно парадигмальными установками. Исходя их однородности бытия, универсальности законов и линейности истории, все, что не похоже на нас, может быть объяснено только прошлым состоянием, так как мы хорошо знаем, что наша история – это процесс улучшений и совершенствований. Европейским мыслителям было непредставимо, что реальное положение дел было совсем иным: Восток, в лице Китая, намного опережал Европу по накоплению знаний, а по экономическому развитию до начала XIX в.². И исходя из классического (в парадигме классической науки) представления о социальных процессах, когда развитие понимается как универсальный однолинейный восходящий процесс, высокая степень консолидированности незападных социальных систем, иерархический характер социальной организации интерпретировался как консервация и воспроизводство архаических институтов, а Восток репрезентировался не как альтернативный вектор истории, а как тупиковый вариант социальной эволюции.

Научная картина мира, сложившаяся под воздействием естественно-научных представлений, подразумевала только универсальный мир и однонаправленное время. Но постепенно в результате освоения новых, более сложных уровней реальности, формируются принципы, которые в дальнейшем получили название неклассической парадигмы науки. Объекты социальной реальности имеют специфические свойства, не позволяющие или ограничивающие эмпирическую верификацию теории. Паллиативом эксперименту (которым надежно верифицировалась теория в естествознании) в социальных науках стал компаративный метод, который также имеет гносеологические ограничения: в компаративистском исследовании все многообразие исследовательских объектов вынуждено разбивается на две (или более, но обязательно ограниченным числом) группы с противоположными свойствами. Такой подход дал позитивные результаты в науке, но на начальных этапах исследований. В русле такого подхода в целях

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.

² Петров А. М. Запад–Восток (Из истории идей и вещей). Очерки. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. – 223 с.

упрощения исследовательской задачи вполне резонно было разделить все многообразие общественных систем на две оппозиционные модели — Запад и Восток. Стоит ли доказывать, что это чрезмерно упрощенное понимание социального бытия, заложившее первые камни в основание цивилизационных исследований, на современном этапе развития социальных наук уже не может быть перспективным, когда в серьезных социальных теориях давно уже избегают понятия «Восток» как несостоятельного, объединяющего слишком различающиеся сообщества? То есть «Восток» стал символическим обозначением всего, несовпадавшего с эталонной моделью социального развития, а именно, европейской истории. В этом контексте сам категориально-теоретический аппарат, на котором была построена концепция евразийства, изначально не отражал реального содержания социальных процессов. Логика заставляет сделать вывод, что концепт евразийства, в основе которого лежат некорректные исходные постулаты, по-видимому, тоже является некорректным. Чтобы проект был состоятельным и конструктивным, в его основе должны лежать корректные, верифицированные теоретические положения.

Обнаружение Востока, как альтернативы универсальному человечеству, сыграло свою роль на начальных этапах парадигмального кризиса (распада классической парадигмы науки), но зрелая цивилизационная парадигма (реализация неклассической парадигмы в социальном знании) отказалась от такой упрощенной социокультурной картины мира. И как бы ни подвергалась критике концепция цивилизационного строения социального бытия английского историка, все же ни у кого не хватает смелости заявить, что модель истории А. Дж. Тойнби хуже отражает реальный исторический процесс, чем трехчленная модель Вл. Соловьева (с его тремя силами) или модель фантазера О. Шпенглера (с его девятью цивилизациями, имея в виду «нарождающуюся русско-сибирскую» цивилизацию¹). Но и неклассическая парадигма науки претерпела революционные преобразования в последней четверти XX в. Эссенциализм и индетерминизм, составившие серьезную альтернативу классическим основаниям науки, также оказались несостоятельными гносеологическими принципами для объяснения сложных процессов. Пришедшая взамен «скудной» линейной схеме социальной динамики модель самостоятельных, никак не связанных между

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. — М.: Мысль, 1993. — 592 с.; Т. 2. — М.: Мысль, 1998. — 663 с.

собой социальных субъектов исторического процесса, также не отражала реальной жизни: никакая схема с конечным числом типологических единиц не может описать сложные нелинейные процессы, характерные для саморазвивающихся систем. Поэтому описание социального бытия в бинарной категории «Восток-Запад» как первичное противопоставление оказалось продуктивным, но очень недолго. Поэтому все неклассические подходы, использующие бинарные схемы — талассократия / теллурократия, демократия / монархия, революция / эволюция — в настоящее время если и используются в объяснениях, то лишь как предельное обобщение, никогда не существующее в действительности. И даже троичная схема в духе Соловьева помогла отказаться от дуалистического толкования истории, но тоже оказалась никак не применимой к всемирной истории. Но и попытки построить модель исторического процесса на базе восьмичленной схемы (Шпенглер) и более критиковались именно за невозможность втиснуть в жесткую структуру изменчивый мир, в котором господствует не статика, а динамика.

Исходя из этого посыла, Восток и Запад — не более, чем миф или гипотеза, не прошедшая проверку временем. Можно ли тогда строить концепцию государственного строительства, если неверны исходные постулаты? В чем же тогда специфика России? Стоит ли пользоваться категориями как базовыми в построении геополитической доктрины, если они не используются в современной науке?

Следующая категория, которую мы намерены рассмотреть и которая также является одной из важнейших для евразийской доктрины — культурная личность. Собственно, с этого понятия и начинается построение евразийской доктрины: концепция евразийства — не социальная теория вообще, применимая для любой общественной системы, желающей блага своим народам, избирающей путь прогресса и процветания; евразийство — это прикладная теория, политическая программа для отдельно взятой страны. Точнее, империи.

Евразийцы, представлявшие собой интеллектуальную элиту начала XX в., оставили заметный след не только в чисто русском социально-историческом дискурсе, но и в мировой науке. Тем не менее в их идеологическом возращении классической социальной парадигме еще не нашлось места категориям, ставшим фундаментальными для неклассической парадигмы — цивилизационного подхода. Они пытались предложить геополитическую программу для будущей России, которая, по мнению евразийцев,

представляет собой в советском исполнении «евразийский вариант на заданные Западом и развернутые в евразийском месторазвитии социально-политические темы»¹.

Понятие цивилизации в 20-е гг. XX в. в науке еще только отвоевывает себе место. И даже шумный успех книги Шпенглера, с которой и началось разрушение линейной концепции истории и становление цивилизационной парадигмы, не привел к концептуализации понятия цивилизации. У самого Шпенглера оно используется в двух смыслах: цивилизация как культурно-историческая общность и цивилизация как конец этой общности, последняя ее стадия жизни, как смерть культуры. Понятие цивилизации все еще остается многозначным еще и потому, что оно имеет парадигмальное содержание: в каждой парадигме (классической, неклассической, постнеклассической) под цивилизацией понимаются разные явления. В классической парадигме под цивилизацией понимается стадия развития общества, следующая за дикостью и варварством – городское общество, политико-правовое регулирование, классовая структура и т. д. Некоторые из признаков цивилизации, зафиксированные в классической парадигме, вошли в методологический аппарат более поздних социальных концепций, но в целом такое понимание цивилизации осталось накрепко связанным с линейным видением социальной динамики, а поэтому несостоятельным для анализа социальных процессов. В неклассической парадигме под цивилизацией стали понимать самостоятельную, самодостаточную социокультурную систему, иногда расширяя ее содержание до вообще любого локального общества, смыкая понятие цивилизации с понятием культуры, включая архаические².

Данилевский вводит понятие культурно-исторического типа, используя понятие цивилизации как разговорный синоним, но не как центральную категорию. Из контекста, однако, ясно, что социокультурный объект, которому в конце XX в. С. Хантингтон даст определение как «самой широкой

¹ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Эл.ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932> (дата обращения: 05.08.2021).

² *Плебанек О. В.* Культурный релятивизм как научная концепция и как сублимация // Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Научный альманах. – Вып. 2. Культурологические интерпретации социальной динамики. – М.: Согласие, 2011. – 368 с. – С. 77–87.

социокультурной общности» и «наивысшей культурной целостности»¹, и объект, выделяемый Данилевским как культурно-исторический тип, это есть один и тот же объект, и это есть цивилизация. Но в первой половине XX в. это понятие еще не приобрело четкой дефиниции, концептуализация этого понятия происходила с трудностями и, как сказано выше, продолжалось до конца XX в. Самый известный труд, заложивший основы теории цивилизаций, «A Study of History» А. Дж. Тойнби (приведен авторский вариант названия, т. к. в русских переводах есть разночтения²) выходит только два года спустя после публикации Декларации Евразийства (1932) в 1934 г., и то только первый том, остальные из 12 томов публикуются до 1961 г. Знаменитая «Грамматика цивилизации» Ф. Броделя³ была опубликована в 1963 г. как раз в процессе смены парадигмальных основ науки и образования, но уже в 1965 г. ее изъяли из программ, а потом и из продажи. И только в 70-е гг. XX в. «Грамматика...» была опубликована вновь и вошла в программу изучения (не последнюю роль в этом сыграли события 1968 г., которые повлияли на общественное сознание и историческое мышление). Труды по теории цивилизаций повлияли на последующие поколения историков не только во Франции, но и вообще на Западе, заняв, наряду с трудами английского историка А. Тойнби, место фундамента современного социального знания. Но к тому времени евразийский дискурс угас (неоевразийское возрождение при этом также не озаботилось анализом исходных категорий).

Основатели евразийства избегали использования в своих работах, в частности, в коллективном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения», рассуждений о цивилизации, обозначая ее расхожим понятием «культурная личность», хотя в то время (1926) в русскоязычной научно-философской среде сохранилась связь с немецкой традицией разделения социальной ткани на материальную цивилизацию и духовную культуру (Шпенглер также интерпретирует цивилизацию как торжество материального, технократического, конец культуры). Бродель в своей «Грамматике цивилизаций», по этому поводу приводя слова В. Моммзена: «Сегодня

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с. – С. 50.

² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. – СПб., 2006.

³ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.

(1951) долг человека состоит в том, чтобы помешать цивилизации разрушить культуру, а технике — человеческое существо», добавляет: «Эта фраза удивляет нас потому, что в нашей стране, как в Англии или США, слово „цивилизация“ остается доминирующим, тогда как в Польше и в России, подобно Германии и под ее влиянием, первое место занимает слово „культура“»¹. Евразийцы, следуя этой традиции, называют социокультурные организмы симфонической или культурной личностью. В этой категории *культурной личности* Савицкий разводит искусственное объединение и естественное, обосновывая естественные пределы Российской цивилизации. Он пишет: «Заменяя понятие внешней связи понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но, в отличие от индивидуумов, личностями соборными или симфоническими»². Идеологи евразийства ставят цель обосновать границы «Русской империи, „естественность“ которых засвидетельствована в последнее время тем, что они уже более или менее восстановились, несмотря на страшные потрясения войны и революции»³. Савицкий пишет эти слова, еще не ведая, что срок этому восстановлению менее человеческой жизни.

Итак, евразийцы, не занимаясь конструированием теории цивилизации, ратовали за будущее России: «Своей основной задачей евразийцы считают практическую организацию жизни и мира»⁴. В их текстах понятие цивилизации практически не встречается, но мы можем увидеть за понятием культурной личности, понимаемой как органическое единство, обусловленное «географическими особенностями месторазвития евразийской культуры; особенностями наречий того языкового союза народов, которые населяют Россию-Евразию; особым мироощущением, отличающим евразийские народы и обусловленным особым складом их душевной и духовной жизни и особым от остального мира историческим процессом»⁵, фундаментальную категорию современного социального знания — категорию цивилизации.

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. — М.: Весь мир, 2008. — 552 с. — С. 36.

² Савицкий П. Исход к Востоку // Савицкий П. Континент Евразия. — М.: Аргаф, 1997. — 464 с. — С. 356.

³ Там же. — С. 377.

⁴ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-teziyu-1932> (дата обращения: 05.08.2021).

⁵ Там же.

Концепт цивилизации в современном социальном дискурсе все еще сохраняет многозначность, что допустимо для метакатегорий, но научная ценность высказывания имеет прямую зависимость от точности употребляемых понятий. Строгость категориального аппарата – требование стандартов научного исследования, но в отечественной науке есть два, связанных между собой проблемных поля, в которых понятие цивилизации размывается настолько, что теряется его гносеологическая ценность. Это проблема сущности и специфики советского общества и проблема евразийской цивилизации.

Для евразийцев принципиальным является положение о том, что Россия-Евразия представляет собой самостоятельную историческую культурную личность, то есть цивилизацию как органическую целостность, отличаемую от других таких же культурно-исторических личностей естественными признаками. Евразийцы понимают эту культурную личность – цивилизацию, как протяженную в истории, что является одним из признаков естественного органического единства, включая в нее ряд государственных образований, начиная от империи Чингиз-хана (Савицкий) или даже ранее (Вернадский). Самовозобновляемость социального единства, обусловленное географическими особенностями месторазвития евразийской культуры, они считали важнейшим признаком органической целостности. Такое понимание цивилизации согласуется с современным содержанием этого концепта, который имеет гносеологическую ценность именно в современной парадигме социального знания. Цивилизационный подход был серьезным шагом вперед в познании социального бытия, позволившим вычленить самостоятельные линии развития общественных систем. В свою очередь, более адекватная социальная теория способствовала решению прикладных проблем, например, разработке модернизационных программ. Категория цивилизации прочно заняла свое место в социальной теории, и ее методологический потенциал прямо зависит от адекватности дефиниций. И если в быденной речи мы можем употреблять слово в значении метафоры, употреблять устаревшее значение слова или, напротив, неустоявшееся, то в научном тексте неоднозначность понятия разрушает логическую конструкцию.

В современной науке утвердилось определение цивилизации, которое включает как раз все признаки культурной личности по Савицкому¹.

¹ См. подр.: *Виравчева В. А., Плебанек О. В.* К вопросу о происхождении понятия «цивилизация» // Вопросы культурологии. – 2014. – № 1. – С 39–43.

Во-первых, оно включает социологический аспект : цивилизация не существует в отрыве от своего носителя, под цивилизацией понимается общество. И поэтому важнейшими признаками цивилизации являются гуманитарные признаки: лингвистическое единство (при этом имеется в виду не принадлежность к одной языковой группе, в духе Данилевского, а наличие общего коммуникативного средства – например, русский как язык межнациональных взаимодействий); единство системы ценностей (чаще всего религии как ядра ценностной системы, но иногда надрелигиозной системы ценностей); единство мироощущения и осознание общности, вытекающих из общей исторической судьбы, т. е. под цивилизацией понимается социолингвистическая общность. Во-вторых, понятие цивилизации включает естественно-материальный аспект как объективные детерминанты общественного бытия: географическое пространство (его связность и взаимозависимость); природно-климатические условия, определяющие тип хозяйственной деятельности; характер экономической деятельности (связанный, с одной стороны, с естественными условиями – тип хозяйства, а с другой стороны, с системой ценностей). Это означает, что цивилизация – это локальное социокультурное образование, имеющее пространственные границы. В-третьих, в силу того, что социальное бытие имеет процессуальный характер, оно может быть рассмотрено вне темпорального аспекта. Культурные личности, как их называли евразийцы – цивилизации, существуют в долгих промежутках времени, складывание их структуры и социальных институтов занимает большой временной лаг, под цивилизацией понимается общественная система, устойчивая к вызовам бытия, способная транслировать свою структуру и возобновлять стержневые социальные институты в процессе трансформаций и деструктивных воздействий. Подчеркивая темпоральный аспект бытия цивилизаций, культурно-историческая школа «Анналов», одна из первых сделавшая предметом своих исследований цивилизации и разрабатывавшая методологию исследования цивилизаций, вводит для этого понятие «долгого времени» (*la longue durée*)¹. Для евразийских исследований этот методологический принцип стал одним из важнейших для анализа специфики цивилизаций. Для формирования устойчивых, воспроизводящихся социальных структур, которые являются предметом рассмотрения евразийцев, требуется продолжительное время, поэтому и анализ

¹ *Бродель Ф.* Что такое Франция? // Кн. первая: Пространство и история. – Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 405 с.

их должен захватывать большие промежутки времени. В-четвертых, все наиболее влиятельные исследователи цивилизаций (начиная от А. Тойнби, Ф. Броделя и заканчивая концом XX в. — С. Хантингтоном и др.) указывают и на формационно-технологический аспект: цивилизацией может называться только городское общество и имеющее в основе производящее хозяйство, потому что только оно имеет сложную социальную структуру, которая нуждается в объединении больших масс людей и создании сложных интегративных механизмов.

Хантингтон, подводя итог теоретизированию по поводу концепта цивилизации в конце XX в., определяет цивилизацию как наивысшую культурную общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, обращая внимание на то, что цивилизация определяется как объективными элементами (язык, история, религия, обычаи, социальные институты), так и «субъективной самоидентификацией людей»¹. Еще он, вслед за Броделем (который считал культуру постоянной, а цивилизацию эволюционирующей²), вслед за Тойнби (который определил два типа сообществ — примитивные общества или культуры и сложные общества или цивилизации³) и другими значимыми исследователями, считает, что важным признаком цивилизации являются чрезвычайная *la longue durée* и изменчивость. Цивилизации как целостности «хотя и смертны, но живут очень долго; они эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций <...> Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят — цивилизации остаются»⁴. То есть одно из основных отличий цивилизации от культуры является динамичная преемственность, в то время как культура транслирует жизненные паттерны десятками тысяч лет без изменений, подобно австралийским племенам или бушменам.

Для анализа цивилизационной специфики предмета исследований евразийцев все эти аспекты важны, и они включают их в свой методологический

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с. — С. 51.

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. — М.: Весь мир, 2008. — 552 с. — С. 46.

³ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 т. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. — СПб., 2006. — Т. I. — С. 243.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с. — С. 52.

арсенал, в той или иной степени, независимо от того, называют ли они этот феномен цивилизацией или культурной личностью. Но мы подчеркнем несколько моментов. Исходя из сложившегося концепта цивилизации, исследование специфики обществ, относящихся к неинтегрированным, племенным сообществам имеет значение, как исследование происхождения, но бытие цивилизации начинается только со становления государственности, сохраняющей преемственность социальных институтов в длительном времени. Савицкий по этому поводу пишет, что «Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-Восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал, как целое, в империи Чингизхана»¹.

Имея в виду, что одним из важнейших признаков цивилизационной целостности является ее длительный характер, невозможно признавать самостоятельной цивилизацией общественную систему, которая не в состоянии сохранить свое институциональное ядро на протяжении длительного времени. В случае кратковременности жизни сообщества существует две возможности интерпретации социокультурной динамики такого образования: 1) обратить внимание на преемственные связи и рассматривать такую общественную систему как этап более длительной общности; 2) в случае достаточно значимого разрыва в структурном единстве и возникновении принципиально нового образования, но жизнь которого была относительно кратковременна, можно рассматривать такую общность как цивилизацию с прерванным развитием. Тойнби вводит для такой ситуации специальный термин — «недоразвившаяся цивилизация» (есть у него и задержанные или застывшие цивилизации — цивилизации, начавшие процесс формирования и остановившееся в своем развитии по тем или иным причинам)². При таком анализе специфические признаки, представляющие собой коренной разрыв с предшествующим этапом, будут являться внешними по отношению к ядру цивилизации и деструктивными по своим функциям, а признаки, сохраняющие связь с предшествующими структурами (но при этом

¹ *Савицкий П.* Евразийство (опыт систематического изложения) // Савицкий П. Континент Евразия. — М.: Аргаф, 1997. — 464 с. — С. 381.

² *Тойнби А. Дж.* Исследование истории: В 3 т. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. — СПб., 2006.

эволюционирующие), необходимо рассматривать как структурообразующие и по своим функциям обеспечивающие гомеорезис¹. Это теоретическое положение важно в прикладном аспекте: неадекватное определение сущностных структур приведет к принятию ложных целей государственного строительства, а именно задачу устройства государства ставили евразийцы.

В этом контексте затронем еще одну тему современного отечественного социального дискурса — определение сущности и места в мировой социальной динамике Советского государства. Эта тема была важна и для евразийцев. Они подчеркивали, что «абстрактная идеология вредоносна» и опасна (имея в виду идеологическое отрицание свершившихся перемен), и именно в контексте определения целей государственного строительства и планирования будущего России-Евразии была осуществлена ревизия социально-исторических концепций и отказ от славянофильской версии истории России. Для евразийцев советская эпоха представляла этап в эволюции цивилизации Россия-Евразия, а «октябрьская революция, по внутреннему заложенному в нее смыслу, была евразийской». СССР, таким образом, они понимали как воплощение евразийской сущности культурной личности, объединяющей собой в соборном единстве народы леса и степи, которые лишь по своему происхождению связаны с этничностью, но сутью их является комплиментарное единство. Поэтому они отвергали «отвлеченный и романтический панславизм», так как ядром славянофильской концепции является этнический компонент, а ядром евразийской концепции геоструктурный компонент. И поэтому евразийству чужда идея панславизма также, как и идея пантюркизма. В основе евразийской социальной концепции лежит вполне материальный фактор: естественные географические условия, определяющие необходимость комплиментарного характера хозяйства — союза леса и степи. В этом смысле идея пантюркизма для достижения целей евразийской цивилизации — организация жизни в интересах трудящихся, также весьма ограничена в своей эвристической значимости и потому вредна идеологически, как и идея панславизма, который ставит во главу угла этническое родство.

Существующая в отечественном советологическом дискурсе позиция интерпретации советского общества как цивилизации, то есть общества, возникшего на разрыве и коренной трансформации социокультурных

¹ Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. — М., 1968; Плебнек О. В. Парадигмальные основания анализа социальной реальности. — СПб.: ИД «Петрополис», 2012. — 352 с.

сопряжений, наталкивается на серьезные возражения не только с позиций евразийства, которые понимали СССР как организационное (государственное) воплощение евразийской сущности, как завершение евразийского проекта — зрелую культурную личность, но ни в коем случае не усматривая в советском строе совершенно новую систему. Интерпретация советского общества как цивилизации, то есть представляющей собой отдельную локальную социокультурную систему, является мишенью для критики с позиций цивилизационного подхода: цивилизацией может называться только такая общественная система, которая очевидно жизнеспособна, что подтверждается ее способностью к воспроизводству на протяжении многих поколений. В этом ключе тот факт, что распад Советского Союза был спровоцирован внешними силами, не является серьезным аргументом в пользу концепции советской цивилизации, так как общественная система только тогда может быть названа цивилизацией, когда ее социально-политические и ценностно-регулятивные институты сложились как эффективный инструмент решения проблем социального бытия. Во всех иных случаях (когда социальные институты не способны решать эти проблемы и противостоять вызовам истории) такое образование может быть названо социальным проектом (в том смысле, что состоялось социальное конструирование новых институтов, но они не прошли апробацию реальностью) или даже социальной патологией.

Одним из наиболее известных исследователей советского общества является С. Г. Кара-Мурза, который свою книгу так и назвал «Советская цивилизация»¹. Но по этому поводу стоит здесь специально отметить, что сам автор этого понятия (Советская цивилизация) не считает свою книгу строго научной, а потому не стоит использовать придуманные им метафоры в качестве научных категорий или подвергать критике. Кара-Мурза во Введении специально отметил, что «книга эта — не научный труд, в ней много аргументов, не поддающихся критической проверке строгими методами. Но и нестрогие доводы полезно знать»². И автор сам понимает советскую общественную систему именно как проект, там же, во Введении, он пишет: «Советский проект <...> показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна* (выделение автора. — О. П.)»³. Жизнеспособность социальной системы, способность ее противостоять

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. — М.: Родина, 2019. — 1280 с.

² Там же. — С. 11.

³ Там же. — С. 9.

внешним вызовам и внутренним конфликтам — естественный верификационный критерий цивилизации. Социальные системы, не прошедшие проверку временем, но существовавшие в реальности, все же следует относить к категории конструктов или проектов.

С другой стороны, интерпретация цивилизационной сущности советского общества имеет право на существование. Тойнби, который посвятил свой труд именно разработке цивилизационной теории, предложил концепцию, объясняющую социальную динамику нашего общества. Он ввел понятие сыновне-отечественных связей между обществами, согласно которому между цивилизациями имеются родственные связи, в основе которых лежат общие ценности. На такую связь указывали и евразийцы, которые также, как и английский историк, усматривали преемственность России-Евразии к Византии. Это означает, что Россия имеет общие с Западной цивилизацией корни через христианство. Этим, а не территориальным родством объясняется ее евразийский характер. Также, как и родство Северо-Американской цивилизации (в современной цивилистике выделяют ее как самостоятельную, дочернюю к Западно-Европейской) европейскому источнику объясняется ее христианским ценностным ядром, но никак не общим месторазвитием. В таком случае советское общество, как и предположил Кара-Мурза, представляет собой попытку самостоятельной цивилизации, не преодолевшей порога зрелости, чтобы обрести устойчивость к Вызовам истории. Такие цивилизации, писал Тойнби, «стали жертвами „детской смертности“»¹, подвергшись вызову, который оказался чрезмерно сильным и который они не смогли преодолеть. Но тогда, следуя этой парадигме нелинейного развития, мы должны признавать, что пространство не является структурообразующим фактором: на одном и том же пространстве может формироваться последовательно ряд независимых или преемственных цивилизаций, но в то же время цивилизация может существовать стабильно и статично на одном пространстве, а может изменить локализацию и распространиться на другое пространство (западная цивилизация в Австралии). В этом контексте евразийская концепция как геополитический проект также оказывается уязвимой: как объяснение колониальных взаимодействий вполне удовлетворительна, но как футуристический проект несостоятельна.

¹ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 тт. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. — СПб., 2006. — Т. I. — С. 243.

§3. Евразийство в парадигмальном пространстве науки

Любая социально-политическая концепция настолько полезна в практических целях государственного строительства, сколько в ней науки. Идеология как совокупность исходных принципов практической деятельности, основанных на имеющихся в наличии знаниях, тем более перспективна, плодотворна, чем полнее она включает в свой арсенал научной методологии. В этом смысле перспектива евразийства находится в зависимости от того, насколько она соответствует современным парадигмальным основаниям науки.

Когда в 30–40-х гг. XIX в. после поражения восстания декабристов разгорелась полемика о прошлом, настоящем и будущем России, социальное знание еще находилось в стадии конституирования в русле классической науки. Об особенностях социогуманитарного знания, которые определили принципиальные методологические ограничения классической рациональности, мы уже писали¹, поэтому здесь коротко очертим лишь парадигмальные основания двух влиятельных течений социально-политической мысли России. Социальные науки институционализировались, когда классическая научная парадигма находилась в стадии «нормальной» (ordinary), по выражению Куна, науки², на пике своей эффективности. Поэтому «научные» основания идеологии означали следование принципам классической парадигмы: бытие объективно, гомогенно, универсально, процессы текут линейно, время необратимо; законы социального бытия универсальны для всех социальных систем, история имеет однолинейный характер, общества либо прогрессивные, либо отсталые. Западники заняли именно эту позицию: успешность и эффективность социальной системы означает прогрессивность; любое отклонение от генеральной линии истории есть нарушение законов социального бытия, а поэтому это путь косности и стагнации или даже гибели социальной системы; реформирование социальных институтов должно быть направлено на воспроизведение «прогрессивных» форм, уже освоенных «передовыми» странами.

С другой стороны, сам объект познания – социальное бытие сильно отличается от объекта естествознания, в процессе исследования которого

¹ *Плебанек О. В.* Социальное знание: пределы роста // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 1(191) 2014. – С. 275–284.

² *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 2001.

сложилась классическая парадигма науки. И, как заметил И. Н. Ионов¹ в своём обзоре парадигмальных основ социального знания, специфика самого объекта исследования противоречила принципам классической парадигмы науки, и поэтому в социальном познании новые принципы заявили о себе задолго до формирования неклассической парадигмы науки. Но, в силу того, что смена конвенциональных постулатов науки возможна становится только после того, как совокупность противоречащих принятой парадигме фактов начинает превышать объяснительные способности господствующей модели науки², эти идеи долго оставались на периферии научного знания. Объяснительная способность классической парадигмы в середине XIX в. еще не исчерпала себя, поэтому славянофильская версия социальной динамики не получила признания нигде, кроме самой России. Именно поэтому концепция культурно-исторических типов Данилевского, разумеется, ставшая известной и в Европе, не получила научного признания – она противоречила доминирующим парадигмальным принципам науки, она не была признана научно обоснованной.

И только тогда, когда в естествознании получил признание (верифицирован) принцип относительности, когда в естествознании все больше получала эмпирических подкреплений идея самодостаточности природы (то есть, самостоятельности естественных феноменов) и, следовательно, укреплял свои позиции принцип индетерминизма, когда на рубеже XIX–XX вв. естествознание натолкнулось на методологические препятствия в исследовании сложных объектов и стал формироваться принцип целостности, начала складываться неклассическая парадигма науки. Завершение научной революции и признание актуальными новых познавательных принципов заставило по-новому взглянуть на уже бытовавшие в социальной философии идеи полицентризма истории и горячо одобрить вышедший труд О. Шпенглера «Закат Европы». Совпадение новых подходов в социальном знании с оформившейся неклассической парадигмой науки обеспечило успех цивилизационных концепций. Поэтому в отечественной науке называют основателем цивилизационного подхода Данилевского, признавая его приоритет, но для Запада у истоков цивилизационной парадигмы стоит Шпенглер. Он потому и смог пошатнуть сложившийся взгляд на историю

¹ *Ионов И. Н.* Теория цивилизаций и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // *Общественные науки и современность.* – 2004, № 5. – С. 141–156.

² *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 2001.

как на поступательное движение к конечной цели, заложенное Гегелем, потому что научная общественность уже была подготовлена к восприятию идеи относительности прогресса, ценностей, замкнутости объектов полемикой в мире естествознания и уверенной победой нового взгляда на материальный мир.

Наследники и продолжатели идей славянофилов – евразийцы – отвергли некоторые частные положения своих предшественников (в частности, привязку к этничности – идею панславизма), но строили свою концепцию также в русле неклассической парадигмы науки, к тому времени теперь прочно занявшую свое место как основания познавательной деятельности. Краеугольным камнем их концепции стала идея множественности культурных личностей (цивилизаций), но они не разрабатывают общей теории цивилизации, ограничиваясь анализом месторазвития России-Евразии. При этом, следуя принципам целостности, замкнутости органических единств, евразийцы видят только глубокий вред от любых взаимодействий и заимствований как с Востока, так и с Запада. Основная их идея – идея самодостаточности и локальности культурных систем. Евразийцы не только не задаются вопросом о возможности всеобщих законов социальной динамики (хотя бы и отличных от классического линейного подхода), они подчеркивают полную независимость от остального мира России-Евразии, что «судьбы евразийского мира протекают в основном и важнейшем особо от судеб стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия)»¹.

На первый взгляд, в евразийской концепции присутствует концепт развития, но и в этом отношении их построения остаются в пределах неклассической парадигмы науки, которая предполагает для каждой органической целостности – культурной личности, собственную сверхзадачу и циклический характер развития, что хорошо просматривается в работах Г. Вернадского². Эволюция каждой цивилизации в идеале должна протекать замкнуто, независимо друг от друга, до достижения полноты реализации собственной сверхзадачи. Эта сверхзадача – достижение «братского сотрудничества и взаимопонимания», по мнению евразийцев, недоступна или труднодостижима для народов Европы и Азии. Как видно из текстов,

¹ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Эл. ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932> (дата обращения: 05.08.2021).

² *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории / Георгий Вернадский. – М.: Алгоритм, 2018. – 336 с.

завуалированно евразийцы отказывают другим народам в способности к достижению всеобщего благополучия. Но тогда и развитие России-Евразии имеет конечный характер – достижение этого самого братства, причем только в пределах евразийского пространства. В лучших традициях эссенциализма, утвердившегося как один из принципов неклассической парадигмы науки, евразийцы считают, что цивилизации обладают заданным определенным набором свойств и качеств, за пределы которых они выйти не могут, и этого не нужно, так как это приводит в лучшем случае к отклонению от заданного пути развития, в худшем случае к гибели культурной личности.

Надо ли напоминать, что такое видение истории довольно быстро обнаружило свои ограничения в контексте событий XX в. Прежде всего, растущая взаимозависимость мира и появление на геополитическом поле обществ, не предусмотренных конечным характером социальных целостностей, не укладывались в картину локальных, самодостаточных культур. Оказалось, что естественные локальные пространства играют роль в социальной динамике, но ограниченную, что новые социальные системы появляются на стыке и на месте старых систем, и в результате как внутренних, так и коммуникационных процессов. Оказалось, что нарисованная Шпенглером картина социального бытия с цивилизациями, никак не связанными между собой, умирающими без кумулятивного накопления ценностей – не менее скучная картина, чем критикуемая им линейная концепция истории. Оказалось, что принципы относительности, эссенциализма, индетерминизма и целостности¹ были существенным шагом вперед в методологии исследования сложных процессов, задали мощный импульс цивилизационным исследованиям и развитию социальной теории, но они не могут объяснить событий XX в. и социальной макродинамики.

Неклассические подходы в западной науке стали иссякать уже в середине XX в., и, наряду с разработкой и углублением цивилизационной теории, стали появляться социальные концепции, выходящие за пределы неклассической парадигмы. В отечественной науке, в связи с известными обстоятельствами (знаменитая полемика об азиатском способе производства, ставшая попыткой приоткрыть дверь цивилизационным исследованиям и плохо кончившаяся для многих ее участников, состоялась только в 60-е гг.

¹ *Степин В. С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

XX в.), еще долго господствовал классицизм с его универсализмом, детерминизмом (классического варианта) и линейностью.

Основные принципы постнеклассической парадигмы, приходящей на смену неклассике, суммированы В. С. Степиным, наиболее важные из них – принцип системности, принцип нелинейности, принципы дополненности и стохастичности. Евразийцы размышляли о судьбах России еще до того, как Л. фон Берталанфи в 40-е гг. XX в. предложил новый взгляд на сложные объекты – теорию систем. Евразийцы учли основные методологические принципы целостного подхода к анализу сложных объектов, но понятие целостности (в отличие от понятия системы) предполагает внутреннюю связность, интегрированность и самодостаточность, вместе с тем, локальность, внутреннюю обусловленность и независимость от среды. Вот именно это и было методологическим ограничением неклассической парадигмы, а вместе с ней и предмета нашего исследования – евразийской социальной концепции. Реальные сложные объекты, тем более социокультурные системы, не могут не быть зависимыми от среды и не могут не входить во взаимодействия с другими культурными личностями и не реагировать на эти взаимодействия. Принцип системности предполагает не только внутреннюю связность, но и зависимость от внешней среды и изменчивость системы от воздействий среды. Напомним, что для евразийцев чрезвычайно важно было, что Россия-Евразия – самодостаточная культурная личность, и любое отклонение от своей самости есть разрушение ее сущности, а поэтому потеря независимости. Именно за «западнический уклон» они критиковали (включая сюда материализм) Петра I и большевиков, полагая их политику отклонением от евразийского пути, хотя они и декларировали, что им «чуждо некритическое отрицание Запада».

Заданность исторического развития для цивилизации ее месторазвитием, наличие некоей имманентной цели общественной системы как методологические принципы не позволяют увидеть реальные тенденции социальной динамики. А эти же принципы, принятые как политическая программа, резко суживают возможности ответа на вызовы глобального мира. Несмотря на критику ограниченности славянофильства и попытки выйти на новый методологический уровень, евразийцы не сумели преодолеть парадигмального порога неклассической науки. Они не преодолели ограничений первых геополитических концепций, в своих рассуждениях оставаясь на уровне понимания государства как органической формы жизни. При этом надо отдать должное евразийцам: пионер геополитики

Р. Челлен¹ увидел в жизни общества только органическую форму и биологический закон контроля над жизненным пространством; евразийцы увидели в социальном бытии два фактора: пространство, определяющее материальную жизнь (хозяйство в виде интегрированности леса и степи) и идеологию (православие для России-Евразии), «идея, вызвавшая к жизни данное государственное образование и оправдывающая его»². Но с позиций постнеклассической социальной парадигмы такое объяснение социальной динамики совершенно недостаточно. Оно недостаточно не только в постнеклассической исследовательской программе, оно вообще не объясняет реальных процессов модернизации, этнической мобилизации, индигенизации, а все эти процессы не только существуют в глобальном социальном пространстве, но они существуют и в пространстве евразийском, и именно их не объясняет. И эти процессы меняют тенденции и даже содержание евразийского социокультурного пространства.

Каков же незадействованный евразийством теоретико-методологический потенциал современного знания? Вышеуказанные гносеологические принципы, составившие постнеклассическую исследовательскую программу, предполагают, в свою очередь, целый ряд методологических подходов. Принцип системности предполагает, что никакая сложная система не может быть детерминирована одним или двумя факторами, из чего вытекает полидетерминизм социальных процессов. Евразийцы в основу своей концепции положили только два фактора: пространство как среду и идею как движущую силу. Не включать в научный анализ такую влиятельную теорию как концепцию технологического детерминизма (Д. Белл³, Д. Гэлбрейт⁴ и др.) — значит не просто ошибиться в прогнозах, это значит избрать неверный инструмент государственного строительства. Не будем здесь останавливаться на деталях этой влиятельной концепции, но укажем, что так называемые вестернизации, понимаемые евразийцами (петровская

¹ *Челлен Р.* Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. с швед. и прим. М. А. Исаева; предисл. и прим. М. В. Ильина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 319 с.

² Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. 1932 // Эл. ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-deklaratsiya-formulirovka-tezisy-1932>. Дата обращения: 05.08.2021.

³ *Белл Д.* Постиндустриальное общество // Американская модель: с будущим в конфликте. — М., 1984.

⁴ *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. — М.; СПб., 2004.

и большевистская) как волюнтаристское искажение евразийской сущности и отклонение от «сверхзадачи» России-Евразии, были детерминированы внедрением индустриальной технологии. Именно индустриальная технология потребовала в процессе своего функционирования новых классов, новых ценностей, а поэтому и новых социальных институтов. Незнакомство евразийцев с социальными теориями XX в. ограничило их в видении объективных тенденций, они продолжали настаивать на союзе леса и степи. А может дело не столько в незнании, сколько в идеологии – евразийцы настаивали на примате веры, точнее, православия, прямо указывая, что государство создает идея, тогда как технологический детерминизм доказывает обратное: тип социальной организации зависит от технологии, и кочевым племенам не нужно централизованное государство, и если создается империя, то она становится паразитическим государством. Зависимость формы государства от доминирующей технологии и альтернативные формы надплеменных структур показали в своих работах Л. Г. Гринин с соавторами¹, в которых показана служебная, а не структурообразующая роль идеологии.

Принцип системности дополняют принципы стохастичности и нелинейности развития. Вероятностный и нелинейный характер сложных процессов допускает существование какой-либо «сверхзадачи» только как идеологии, существующей в сознании, но не обусловленной объективно исторической целью. Это означает, что стратегия государственного строительства должна разрабатываться на основе объективно существующих тенденций, но не на основе религиозной идеи, которая по своей сути является иррациональной константой и поэтому не может служить сверхзадачей в современном изменчивом мире.

Вероятностный характер социальной динамики отводит существенную роль случайному фактору, который может изменить траекторию развития социальной системы и который, с одной стороны, крайне сложно предусмотреть, с другой, – не учитывать его влияние и не реагировать на вызовы среды небезопасно для социальной системы. Евразийцы считали тенденции социогенеза неизменными (хотя и допускали циклический их характер) и поэтому полагались на вечность союза леса и степи. Однако в постсоветском пространстве на западе возобладали этногенетические процессы

¹ Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. Раннее государство и его аналоги. – Волгоград: Учитель, 2006.

в их конструктивистском варианте в духе Б. Андерсона¹. Современная парадигма предполагает полидетерминизм, следовательно, и множественный характер генезиса сложных систем, а потому допускает справедливость как примордиалистских моделей этногенеза, так и конструктивистских. Именно по модели, разработанной Андерсоном и описанной им на европейском материале, происходит конструирование политической элитой новой идентичности на Украине, и этот же механизм использовало руководство современного Казахстана. На востоке евразийского пространства возобладала тенденция, также отрывающая часть евразийской общности в процессе индигенизации. С. Хантингтон указал на роль религиозного фактора в социогенезе, но интерпретировал его совершенно иначе, чем это сделали евразийцы. Он указал, что одним из важнейших факторов социогенеза является религиозная идея, и здесь он на первый взгляд совпадает с теоретическими рассуждениями евразийцев, но в его концепции есть еще один существенный фактор. Модернизация (в духе технологического детерминизма) локальных обществ (у Хантингтона – незападных) ставит вопрос о власти, а власть использует культуру и религию как властный ресурс. Новая элита всеми силами стремится использовать этот ресурс как системообразующий, что детерминирует процесс индигенизации и реанимации этнорелигиозной идентичности². И в реальном геополитическом процессе оказался прав Хантингтон: так называемый туранский компонент в евразийской симфонии на глазах превращается в пантюрокский союз. Евразийцы не играли политической роли в процессах конца XX – начала XXI в., но и существующее политическое руководство не учло этих факторов в геополитическом процессе. Более того, концепция Хантингтона предсказывает, что как раз религия и этническая культура станут теми флагами, под которыми пойдет раскол так называемой евразийской общности. Он утверждает, что «глобальный процесс индигенизации широко проявляется в возрождении религии, которое имеет место во многих частях земного шара и наиболее заметно выражается в культурном возрождении азиатских и исламских государств, вызванном во многом их экономическим

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

и демографическим динамизмом»¹. Евразийцы же утверждали, что идея (религия) создает государство. Хочется сказать, что все как раз наоборот: государства создают религию. Точнее, они используют институционализированную веру в организационных целях. Во всяком случае, так было на Руси: принятие единой религии было выгодно централизованному государству. Так было с исламизацией государств чингизидов. И реализация евразийского проекта как теократического православного государства привело бы к более быстрому концу, чем наднациональная идеология коммунизма.

С другой стороны, взаимоотношения государства, общества и религии намного сложнее. Для описания этих взаимодействий более применима постнеклассическая парадигма, а именно принцип кольцевой причинности, который применим к неравновесным динамическим системам, а к социальным процессам разработан шведским экономистом Г. Мюрдалем (самые известные примеры принципа круговой зависимости, исследованные Мюрдалем – банковские кризисы, проблема бедности) в середине XX в.² Принцип кольцевой причинности позволяет совместить концепцию типов рациональности М. Вебера³, который указывал на причинную зависимость экономической деятельности от религиозной идеи, определяющей систему ценностей, и концепцию технологического детерминизма, согласно которой система ценностей является производной от доминирующей технологии и обеспечивает мотивацию людей на определенные формы хозяйства. С этой методологической позиции также невозможно ожидать, что общество, в основе которой лежит идеология – православие, формировавшаяся в совершенно иных исторических условиях и для мотивации на другие формы хозяйства, будет также динамично развиваться и отвечать на вызовы эпохи – технологические, коммуникативные, геополитические и др.

Для понимания роли религиозности в жизни социума и конкретно роли православия для евразийской общности нужно обратить внимание на еще одну функцию религии – функцию демаркации, определения границы между Мы и Они. Хантингтон указывает на важную роль в социогенезе процесса самоидентификации как мощного фактора психологической устойчивости, роль которого тем больше возрастает, чем более подвижными

¹ Там же. – С. 138.

² *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира» – *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations* (1968). – М.: Прогресс, 1972.

³ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.

становятся социальные барьеры. В условиях подвижности социальных границ люди обращаются к наиболее стабильным социальным маркерам. Реанимация православия в России является результатом обрушения советской идентичности, что сразу же стало использоваться политическим руководством страны. Политическая элита исламских республик также использовала эту карту, что довершило раскол. Хантингтон приводит слова Сюзанны Масси (специалист по истории России, с 2011 г. приняла православие, а в 2021 г. просила у Путина российского гражданства¹) о том, что религиозное возрождение является результатом «страстного желания обрести идентичность, которую может дать лишь православная церковь, единственная неразорванная связь с российской тысячелетней историей», в то время как в мусульманских республиках возрождение является результатом «самого мощного стремления в Центральной Азии: утвердить те идентичности, которые в течение десятилетий подавляла Москва»².

Надеяться на теократическое православное государство в евразийском пространстве, по меньшей мере, неразумно: евразийской идентичности так и не сформировалось, так как, если не считать разведывательных походов купцов и государственных служащих, присутствие Российской империи в Средней Азии можно отсчитывать только с разгрома Кокандского ханства, то есть с середины XIX в. Для сравнения: для формирования латиноамериканской идентичности потребовалось несколько столетий. Если бы евразийцы обратили свой взор на другие месторазвития и попытались бы построить обобщающую теорию, а не идеологию, то, может быть, обратили бы внимание на то, что называемая ныне неороманская идентичность начинает формироваться в XVI в., а завершается освободительными революциями XIX в. Так что, возможно, в предстоящие десятилетия при адекватной политике евразийская идентичность сможет состояться. Весь вопрос в том, какие средства для этого использовать. Подводя итог анализу концепции евразийства, можно коротко резюмировать, что в основе этой геополитической концепции лежали не теоретически обоснованные и верифицированные понятия, а мифологемы, которые могут мотивировать социум, но не могут создать твердых оснований для рациональной программы действий.

¹ Экс-советница Рейгана Масси попросила у Путина российское гражданство. РИА Новости (20210516T1337). Эл. ресурс: <https://ria.ru/20210516/grazhdanstvo-1732516731.html> (дата обращения: 05.08.2021).

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с. — С. 143.

Весомым свидетельством эфемерности евразийских композиций стал даже не распад Советского Союза, Россия как цивилизационное единство не перестала существовать, а прошедший 12 ноября сего года 8-й Саммит «Совета сотрудничества тюркоязычных государств». На этом саммите получило институциональное завершение движения пантюркизма: необязательный «Совет» был преобразован в «Организацию тюркских государств». Эта организация, во-первых, по-видимому, отвечает на вопрос о жизнеспособности и органичности славяно-тюркского единства. Этот союз так и не состоялся, он держался политико-правовыми механизмами. В этой части (и не только) евразийство подверглось критике уже современниками евразийцев (П. Милуков, П. Бицилли, А. Кизеветтер). Во-вторых, тот факт, что как минимум два государства тюркского мира (признанный лидер тюркских государств – Турция и Венгрия на правах наблюдателя «Организации тюркских государств») имеют прямое отношение к европейскому миру, позволяет поставить вопрос о евразийском единстве в альтернативном исполнении – как Пантюркская Евразия. Но и этот проект, на наш взгляд, имеет геополитический, но не цивилизационный смысл. Несмотря на то, что в геополитической науке единицей макроанализа является именно понятие геоцивилизации, смысловое наполнение этого понятия имеет дисциплинарные отличия. В геополитической теории важен именно региональный (территориальный) аспект; на этот специфический взгляд указывает префикс *geo-*, и для этого дисциплинарного поля временной и ценностный аспект или не имеет значения совсем, или имеет второстепенное значение. Для социо-культурного исследования большее значение имеют именно аксиологические детерминанты человеческого бытия, так как именно они придают форму, а иногда и содержание производственной (экономической), познавательной и т. д. деятельности.

Но самое важное в социо-культурном анализе является его системный характер. В этом смысле и этно-лингвистический фактор следует рассматривать лишь только как карту в большой геополитической игре, но не структуро-образующий фактор. В таком случае пантюркская карта – это тоже карта в политической игре, но не кирпич в цивилизационном строении мира. Однако тема детерминантов цивилиогенеза – это тема другой монографии.

§4. Может ли симулякр стать реальностью?

Ценность любой социальной концепции заключается в ее объяснительной, прогностической и конструктивной эффективности. Если это не идеология, как ее понимали евразийцы, — идея, в основе которой вера, освященная традицией (но не рационально обоснованная), а концепция, верифицированная эмпирией и логикой, то она должна быть: а) приложима к однотипным явлениям, то есть объяснять сходные феномены; б) не должна противоречить доказавшим свою эффективность теориям; в) должна предсказывать течение процесса и его результаты в той мере, на которую претендует; г) использование концепции в качестве инструмента конструирования социальной реальности должно привести к предсказуемым и позитивным результатам. Каков же научно-практический потенциал евразийской концепции? И есть ли методологический аппарат в современном социальном знании, который может дать более точный прогноз развитию геополитических процессов на евразийском пространстве?

Первый и основной вопрос, который следует рассмотреть, это вопрос о сущности и специфике культурной личности (цивилизации), называемой евразийцами Россией-Евразией, чтобы подчеркнуть ее отличие от русско-православной модели. Важнейшими признаками цивилизации являются: единство истории (длительность самовоспроизводства), единство языка (наличие единого коммуникативного средства при возможном языковом разнообразии), единство культуры (единство традиций и признаваемых всеми культурных ценностей), единство хозяйственной жизни, единство самоощущения (единая самоидентификация). Россия часто представляется в исследованиях загадочным феноменом (главным образом, в трудах отечественных авторов) — поликультурным, мультиэтническим и т. д. Насколько это соответствует действительности, и действительно ли ее культура уникальна, если не иметь в виду, что любой феномен бытия имеет общее и особенное? Во-первых, расхожий штамп об уникальности в этническом отношении, полиэтничности России — некоторое преувеличение. В России проживает более 190 народов.

Для справки. В Китае ситуация сложнее: официально все народы Китая объединены в 56 национальностей, но также официально в Китае насчитывается 299 языков, что точнее отражает этнический состав государства. В Индии все еще сложнее: в стране проживает несколько сот наций, народностей и племен; все осложняется тем, что некоторые языки бесписьменные

и поэтому есть трудности в регистрации этничности, а некоторые племена никогда не вступают во взаимодействия с администрацией. В Бразилии ситуация настолько сложна, что в официальной статистике даже не фиксируется этническая принадлежность, а только расовая (их пять), но при этом насчитывается до 200 индейских племен, говорящих на родственных, но все же самостоятельных языках. Но насколько лингвистическая однородность может служить маркером цивилизационных границ? Для Китая основой единства цивилизации является единство антропологического и культурного типа: в большинстве своем народы Китая принадлежат к одному расовому типу, скрепой для этнолингвистических групп служит единая информационно-культурная система, базой и надежным гарантом которой является специфическая надлингвистическая письменность и общая духовная основа, называемая в современных источниках религиозный триумвират — даосистско-конфуцианско-буддийское духовное единство. Эта духовная система потому и называется триумвиратом, потому что в своих фундаментальных положениях не противоречат друг другу, давно слились в единую систему ценностей в сознании людей, и в конфессиональном самоопределении люди затрудняются назвать, отделить одну конфессию от другой. В России православие и ислам никогда не представляли и принципиально не могут представлять единство, а конфессиональная принадлежность служит маркером культурно-духовного разграничения. В латиноамериканских странах население в большинстве метисное и гетерохтонное, поэтому и самоидентификация может быть только лингвистическая (не этническая) — их и называют неороманскими народами; эти расовые и этнические потоки не связаны ни культурными, ни историческими узами со страной происхождения, потому что для одних новая Родина — это осознанный выбор, а для других культурная связь со страной происхождения прервана много веков назад. Возникновение культурного синтеза, расовая метисация и формирование единой идентичности, отделяющей латиноамериканский мир и от Западного мира, и от африканского, и от азиатского, позволяют выделять латиноамериканскую цивилизацию.

В России, даже при высокой степени миграционных процессов в советское время, оснований для столь глубокой метисации населения не сложилось, т. к. большинство населения сохраняло автохтонность, а потому сохранялись культурные границы¹. В представлениях евразийцев Россия —

¹ Для сравнения, в латиноамериканском мире складывание неороманской или латиноамериканской идентичности началось после череды освободительных революций и разрыва с метрополией, символом чего и стала новая культурная идентичность, тогда как в России, напротив, это было время присоединения и завоевания окраин империи, длительный период статуса инородца и короткий советский период, когда культурная самобытность была закреплена администра-

страна православная, хотя они и признают право на свободное вероисповедание. В отличие от Индии, тоже многонациональной страны, но которую можно назвать религиозно однородной (более 80% населения индуисты), в отличие от Китая, где с древнейших времен сложился и в настоящее время признан правящей партией как основа духовного единства страны так называемый даосистско-конфуцианско-буддистский триумвират, в России и сейчас признали себя православными только 66% населения, а в имперский период, хотя мусульман и было существенно меньше (на перепись населения 1987 г. — 87 млн православных и 13 млн мусульман), этот раскол совпадает с этническим размежеванием. Кроме того, общей истории на самом деле было не так и много. Среднеазиатские республики получили культурное наследие персов через Сасанидскую державу, а потом и арабов через принятие ислама и пришедшую с ним письменность. И если для сибирских, а также северных народов обретение письменности на основе кириллицы предоставляло возможность приобщения к культурным ресурсам, позволяющим повысить статус и уровень жизни, то для среднеазиатских народов ближневосточное культурное наследие по своему объему, истории и культурному содержанию ничем не уступает (а по длительности совместной истории превосходит) христианско-православный источник. Культурное наследие России, полученное через православие (церковь-куколку, по выражению А. Тойнби¹), отделило восточное славянство от своих европейских корней, но не приблизило и не могло приблизить к тюрко-исламскому миру. «Последний евразиец» Л. Н. Гумилев в своих работах предлагал считать татаро-монгольские взаимодействия русско-татарским симбиозом², что может и верно в отношении именно татарского и башкирского населения в послеордынское время (часть татарского населения даже приняла православие). Подобного симбиоза не состоялось с тюркскими народами Средней Азии: слишком мало было на это отведено исторического времени после присоединения ее к России в 40-е гг. XIX в., да и сохраняло свое

тивными границами. Для Индии консолидирующим фактором является длительный (даже сверхдлительный, если сравнивать с другими цивилизациями) период преемственной государственности и, при наличии других влиятельных религий, индуизм как доминирующая религия (более 80% населения).

¹ Тойнби А. Дж. Исследование истории: В 3 тт. Т. 1. / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. К. Я. Кожурина. — СПб., 2006.

² Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Послел. С. Б. Лаврова. — М.: Экспрос, 1992. — 336 с.

культурное и конфессиональное влияние окружающих стран, относящихся к исламской цивилизации. Такие межцивилизационные границы нелегко преодолеть. И критика разного рода, направленная на автора концепции столкновения цивилизаций, совершенно неубедительна по существу, хотя иногда справедлива в частностях. Например, один из самых известных критиков Хантингтона Пол Берман («Террор и либерализм», 2003¹) пытается показать, что культурных границ в настоящее время не существует, и никаких цивилизаций нет. Очевидно, что глобальные процессы делают границы прозрачными для культурных заимствований, но также очевидно, что в настоящее время все более цивилизации, а не только государства, являются игроками на геополитическом пространстве: при всем прагматизме экономической политики, на международные отношения часто влияет цивилизационная принадлежность. Цивилизационной близостью может быть только продиктован, но никак не экономическими или даже политическими дивидендами, знаменитый Приштинский бросок. И точно также евразийский проект Назарбаева продиктован экономическими соображениями (восстановление советских инфраструктур объективно более достижимо и выгоднее, чем надежда на то, что «Запад нам поможет», а в данном случае – Тюркский мир), а цивилизационная близость определяет пантюркистскую тенденцию культурной (и не только) политики нынешнего Казахстана.

Современная теория цивилизации одним из важнейших факторов социогенеза считает систему ценностей, которая институциализируется в религиозной форме чаще всего, но иногда и в секулярной (Возрождение, Просвещение, Кодекс строителя коммунизма), а также информационно-символическое наследие – тот объем культурных символов, знаний об окружающих социальных системах и о целях социального бытия, которые складываются в ходе совместной истории и получают легитимацию в социальных взаимодействиях. По этому критерию так называемая Евразийская цивилизация в некотором отношении действительно имеет место в евразийском пространстве, и ее название отражает не столько ее географическое расположение (Евразия как континент, а не метафора – это весь материк, включая его европейскую и азиатскую части), сколько социокультурные границы. И в определении этих границ проблема не решается ни наличием

¹ *Berman Paul. Terror and Liberalism. W. W. Norton & Company, 2003. Эл.ресурс: <https://archive.org/details/terrorliberalism00berm/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 07.08.2021).*

горных систем (хотя они имеют значение в распространении культурных паттернов и росте цивилизации), ни наличием государственных границ. Цивилизация Китая включает в себя и горные системы и степи, и долины рек. То же можно сказать об Индии. Вместе с тем наличие европейских поселенцев и даже их доминирующее положение в Новом свете не привело к пересадке Западной цивилизации в чистом виде: в современной цивилистике выделяют самостоятельную Латиноамериканскую цивилизацию, преемственную как Западу, так и сложной культурной композиции, сформировавшейся из больших потоков мигрантов из разных частей света и цивилизаций. Также в Новом свете существует часть Западной цивилизации (иногда ее определяют как самостоятельную Северо-Американскую) — США и Канада. Границы цивилизации России-Евразии могли продвинуться до границ Российской империи и Советского Союза, но этого не произошло, не образовалось славяно-тюркского цивилизационного единства. Существовал только славяно-тюркский союз, определяемый государственными границами, и который распадался, как только государственность слабела. Отличие этой ситуации от неороманской в том, что в латиноамериканском мире была удаленность от материнских цивилизаций, конкурентных исходных цивилизационных моделей было более двух, и не существовало зафиксированного в письменности информационно-символического багажа, альтернативного романскому, он создавался заново. Существовало слишком большое языковое разнообразие, чтобы был избран какой-либо тренд, связанный с уже существующими альтернативными западной цивилизациями. Эти альтернативные модели не представляли собой привлекательные в экономическом отношении цели, а в истории человечества в большинстве случаев (практически всегда, но это требует отдельного анализа) благо понимается как экономическое процветание. Зато была продолжительная общая историческая судьба, сплавившая расовые и этнические потоки в единую идентичность лучше, чем на родине концепции «плавильного котла». В России для тюркских народов такой альтернативный цивилизационный аттрактор был и набирает мощность в настоящее время. Общая судьба славян и тюрков была не столь продолжительна, но имелся большой тюркский мир с нарастающей консолидационной тенденцией. И имеются экономики, которые после распада СССР могут составить конкуренцию при условии объединения ресурсов: имеется цивилизационный выбор.

Кроме того, цивилизация, как сложное образование, имеет сложную структуру, которая, помимо ядра, защитного пояса, имеет и периферию,

и лимитроф. Лимитрофные общества могут иметь судьбу как постоянно-го буфера между цивилизациями, но могут и быть потенциальным источником социогенеза и создать самостоятельную цивилизацию. Византия была частью Римской империи, а так называемый Запад был дальней периферией. Но в ходе модернизационных процессов германский компонент стал не столько полноправной частью цивилизации, сколько ядром нового Западного мира. Западная цивилизация формировалась столь же полиэтничной, как и все прочие цивилизации, отличаясь в этом отношении от России-Евразии религиозным единством, отсутствием эффективной альтернативной цивилизационной модели (Китай не находился в географической близости, но его экономика была более успешной вплоть до XIX столетия¹) и единым информационно-символическим наследием, восходящим только к одному источнику – античной цивилизации. Евразийское пространство не было однородным по культурному ядру, но и не произошла креолизация. Креолизации культуры в России мешало то, что исторический период был недостаточен, и то, что и та, и другая культуры имели культурные центры в непосредственной близости, тогда как в латино-американском мире эти культурные круги были отделены от месторазвития латиноамериканской общности².

Размежевание славянофилов и евразийцев произошло по двум вопросам: определение сущности цивилизации России-Евразии и отношение к Советскому государству. Что касается биэтнической сущности России-Евразии, здесь показано, что, во-первых, этого единства не состоялось. Во-вторых, концепция биэтнической основы России-Евразии автоматически отсекает Кавказ и Дальний Восток. Хотя потенциально это единство могло состояться, что помимо евразийцев отмечают и другие авторы.

¹ Петров А. М. Запад-Восток (Из истории идей и вещей). Очерки. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. – 223 с.

² Термин «креолизация» в лингвистике означает возникновение нового смешанного языка (или языков) на основе двух или более неродственных языков. Трансляция термина в социальное знание было сопряжено с изменением содержания понятия: в социологии креолизация означает возникновение новой культуры при сохранении культурных источников, тогда как «культурный синтез» приводит к элиминации исходных культур (*James Sidbury. Globalization, creolization, and the not-so-peculiar institution // Journal of Southern History: journal. – 2007. – Vol. 73, no. 3. – P. 617–630. – Эл. ресурс: <https://doi.org/10.2307/27649484> (дата обращения: 09.08.2021)*).

В частности, Хантингтон также отмечает значительную роль монгольского влияния, наряду с византийским, в формировании православной цивилизации. Но он же определяет ее как «расколотую цивилизацию»¹. Отечественный автор Г. Померанц определил Россию как бизкумену² — цивилизацию, имеющую двойное ядро. Возможно, Россию действительно стоит рассматривать как специфическую «разорванную» (Хантингтон) цивилизацию, и эта «разорванность» таит в себе как перспективный потенциал, так и деструктивный. Тогда вопрос, что есть Советское общество, получает другой ответ.

В отечественной литературе чем дальше отстоит эпоха так называемой перестройки, тем более пристальное внимание направлено на советское общество. Либеральное направление авторов связывает, как и прежде, Россию с общемировыми тенденциями. И в этом направлении видны все методологические ограничения классической парадигмы: и редуционизм, и европоцентризм, и линейный детерминизм. Альтернативное направление советологов видят в советском периоде самостоятельную общественную систему, обладающую всеми признаками цивилизации. Мы не будем здесь давать оценку советскому политическому строю и давать анализ различным авторским позициям, поставим другую задачу — определение цивилизационного вектора советского общества.

В постнеклассической парадигме значительное место в динамике сложных процессов отводится случайному фактору, который может менять траекторию развития в бифуркационных точках истории (для социальных процессов). При этом динамика сложных процессов определяется сложной же композицией детерминирующих факторов, набор которых не является постоянным, а является результатом нелинейного развития. В истории цивилизации России-Евразии таких бифуркационных точек было несколько, и каждый раз цивилизационный вектор определялся, помимо внутренних структур, состоянием среды, в которой существует социокультурная система, теми вызовами, которые не являются перманентными, в отличие от вызовов пространства, а определяются комбинацией геополитических, социокультурных и технико-технологических компонентов. Современная методология анализа сложных процессов предполагает, что внешняя среда имеет не меньшую роль в цивилизационной динамике, чем внутреннее

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон.; Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М.: АСТ, 2003. — 603 с. — С. 136.

² Померанц Г. В. Выход из трансa. — М., 1995.

ядро. Методологическим ограничением евразийской концепции является абсолютизация пространственного фактора. Они не учитывали ни случайного фактора, который образовывался как во внешней среде, — например, исход с Востока и монгольское нашествие были обусловлены не свойством самого пространства (широтная организация, как считали евразийцы), а наступлением засушливого периода в Великой степи, — ни случайного внутреннего фактора, который невозможно было объяснить, исходя из предшествующих траекторий развития, — например, специфической личности Петра Великого, которому мы обязаны столь мощной вестернизацией, расцениваемой и славянофилами, и евразийцами как искажение сущности России-Евразии.

С цивилизационной точки зрения советский период не может рассматриваться как «тупиковый путь развития», как часто говорили идеологи перестройки, так как в парадигме нелинейного развития саморазвивающихся систем понятие «тупика» не является корректным: стагнация в развитии может наступить только в условиях функционирования в замкнутой среде, при изменении среды или размыкания ее границ изменяется и система. Советский период не может рассматриваться и как самостоятельная цивилизация: для складывания самостоятельного цивилизационного комплекса (вышеперечисленные признаки цивилизации) необходим бóльший промежуток времени. Но потенциально в советском обществе мог реализоваться именно евразийский проект.

Обычно в западной критике Советского Союза присутствует мотив колониальной эксплуатации ресурсов национальных республик и создание на их территории моноэкономик, препятствующих всестороннему развитию. Наиболее фундированный анализ политики Советского Союза дан в работе С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация»¹. Мы не будем здесь повторять его аргументов, укажем только, что в данном случае автор использует понятие цивилизации скорее метафорически, доказывая тезис близкий евразийцам, который заключается в том, что советское общество преемственно славянской общине, восточно-славянскому культурному типу, то есть советская система — это этап в развитии славяно-православной цивилизации. Его аргументы о преемственности в развитии славяно-российско-советского общества кажутся обоснованными, и нас в этом контексте интересует вопрос о том, являлось ли советское общество продолжением

¹ *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. — М.: Родина, 2019. — 1280 с.

славяно-православной цивилизации или завершением формирования евразийской цивилизации, а если это евразийская по своей сути общественная система, то почему в советскую эпоху не произошло ни культурного синтеза, ни креолизации культуры.

Как показано в работе Кара-Мурзы, экономическая политика Советского Союза в отношении национальных республик была обусловлена общими интегративными интересами. Развитая индустриальная технология является высокоспециализированной и требует глубокого общественного разделения труда и региональной специализации. Таковы требования технологии, а не государственной элиты в узкоклассовых интересах, как хотелось бы кому-то показать. Индустриализация страны открывала для национальных республик большие возможности и требовала как раз всестороннего развития: роста общего образовательного уровня, развития в связи с этим всех сфер культуры для обеспечения предотвращения оттока квалифицированной рабочей силы в более привлекательные регионы страны (что все-таки происходило) и привлечения специалистов из центральных районов страны. Именно эту политику проводило советское руководство по отношению к национальным республикам и так называемым малочисленным народам. В каждой республике преподавание велось на родном языке, на родном языке осуществлялись массовые коммуникации (массмедиа всегда были представлены как на государственном языке, так на местном языке), в каждой республике существовала национальная литература, создавались национальные театры и т. д. Для малочисленных народов Сибири и Крайнего Севера была создана письменность. Также для тюркских народов (которые пользовались арабским письмом) была создана письменность на основе кириллицы, на которую был переведен большой объем национального наследия с арабского языка, сделав его доступным для всех слоев населения. В национальных республиках была создана система начального, среднего специального и высшего образования, что сформировало национальную интеллектуальную элиту.

Социальная теория предлагает нам целый ряд концепций для объяснения этнокультурных взаимодействий. Евразийская концепция предлагала считать славяно-тюркский альянс состоявшимся на основе сходных культурных институтов и комплиментарности хозяйственной деятельности (кочевничество и пашенное земледелие) при сохранении лингвистических отличий и традиционной культуры. Возражением против этой концепции служат аргументы: формационно-технологический,

историко-эмпирический. Во-первых, евразийцы обосновывали единство славянской и тюркской культур комплиментарным характером скотоводства и земледелия. Они считали, что земледельцы и скотоводы нуждаются в продуктах производства друг друга и поэтому взаимозависимы, и поэтому создают симбиотические общества. Но индустриальная технология требует специализации и интеграции совсем другого рода. Общественное разделение труда в индустриальном обществе опирается на ресурсную базу, которая более связана с недрами территории, чем с образом жизни и хозяйством. С одной стороны, потребности индустриальной технологии связаны с ростом образовательного уровня населения и разрывом с традиционным укладом. С другой стороны, формирование собственной национальной элиты всегда инициирует национализм и тенденции этнической мобилизации. Г. Смит в своем исследовании «Национальный вопрос в Советском Союзе»¹ утверждал, что Советская власть сама создала основание для национального раскола общества, сконструировав идею тюркских наций (казахской, киргизской, узбекской, таджикской или туркменской), а также славянских – белорусской и украинской, там, где они не могли существовать в силу отсутствия национальной идентичности (имея в виду понятие нации как интегрированной гражданской общности), где существовали или феодальные и племенные институты (тюрки), или субкультурные (белорусы и украинцы) и социальные отличия (казачество) отличия. Культивируя местную интеллектуально-политическую элиту, Советский Союз поставил вопрос о власти, и как только центральная власть пошатнулась, национальная политическая элита сделала этнический вопрос инструментом политических манипуляций. В любом случае, славяно-тюркский альянс пока не состоялся.

Концепция «плавильного котла», популярная в XIX – начале XX в., была не только жестко раскритикована, но и не получила подтверждения на практике даже там, где она имела наибольшее влияние – американское общество не сплавилось в единую этно-культурную² систему. Также не сво-

¹ Cf. *Graham Smith*. The Nationalities Question in the Soviet Union, part IV, «Muslim Central Asia» – L: Longman Publishing Group, 1991. – P.215. – ISBN 058203955X. Эл.ресурс: <https://www.twirpx.org/file/3403165/> (дата обращения: 09.08.2021).

² Мы употребляем здесь понятие «этнокультурная система» для разведения социологического аспекта и этнокультурного. Можно спорить о интегрированности американской нации как гражданства, но очевидно, что противостояние социальных групп и борьба за права «небелого» населения в Америке идет по этнолинг-

бодна от критики сменившая ее концепция «салатной миски», заключающаяся в неслиянности этнических культур, но сосуществующих в одном социальном пространстве: современная история дает нам много примеров, когда сохранение этнической идентичности создает риск распада надэтнической целостности. Это не только самый громкий пример XX в. – распад Советского Союза, но и даже распад более прочной общности, в которой состоявшийся брексит кажется только началом процесса. Зато разрабатывавшаяся в американской науке концепция фронта получила развитие и, несколько изменив содержание (относительно того содержания, которое ему давал автор концепции Ф. Тернер¹), была применена к исследованию России². Было высказано мнение, что пограничное положение российской общности позволяет ей служить мостом между цивилизациями³. То, что российская общность представляет собой межцивилизационный фронт, придает обществу такие свойства, как «толерантность, полиморфность, лабильность, коэволюционную предрасположенность к активному восприятию, усвоению, к творческой переработке „иных“ культурных ценностей, желание поделиться „своими“»⁴.

По-видимому, на такой исход можно было бы рассчитывать – творческую переработку «иных» ценностей, но для того, чтобы такое общество было устойчивым, как видно, все-таки, необходимо достижение следующего уровня завершенности межкультурных взаимодействий – креолизация культуры, когда субъекты осознают происхождение актуальных культурных паттернов и ценностей, но ощущают общую идентичность, отличную от исходных культур. Особенностью межцивилизационного фронта является именно его лабильность – подвижность, то есть неустойчивость ее

вистическому признаку, но при признании единой национальной идентичности – американский народ.

¹ Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Пер. с англ. А. И. Петренко. – М.: Весь Мир, 2009. – 304 с.

² Балалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46–49.

³ Бадмаев В. Н. Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России. – Элиста, 2012. – 78 с.

⁴ Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технического университета. – 2014. – Эл .ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontir-kak-kulturno-istoricheskaya-kategoriya> (дата обращения: 09.08.2021).

культурной матрицы, тогда как признаком самостоятельности цивилизации является устойчивость, инвариантность ее культурного ядра.

Подводя предварительный итог результатам эволюции евразийского культурного пространства, контролируемого российским государством (включая СССР), следует признать, что в этом геополитическом пространстве так и не был достигнут тот уровень интеграции, который бы позволял говорить о цивилизационном единстве: не произошла креолизация культуры и языка (не зря специалисты различают английский американский и английский британский, а также неороманскую культуру и исходную романскую культуру); завоевание азиатских территорий России, а также добровольное вхождение в состав государства в поисках более лояльного господства не привело к формированию общей идентичности, осознания общности происхождения и судьбы, свидетельством чего является нежизнеспособность альянсов, в той или иной степени воссоздающих Союз. Несмотря на налаженные в советское время экономические связи и серьезные инвестиции в экономику и культуру среднеазиатских государств, на этом пространстве в настоящее время существуют мощные центробежные тенденции и поиски альтернативных цивилизационных центров даже среди государств, входящих в Евразийский экономический союз. При этом тезис насильственной гибели Советского Союза (дележ власти между тогдашними лидерами и идеологическая война, развернутая геополитическими конкурентами), выдвигаемый сторонниками евразийской концепции, не является аргументом в пользу евразийской сущности российской цивилизации и Советского государства как воплощения в политических институтах этой сущности, так как признаком органического единства какой-либо системы является ее способность противостоять внешним и внутренним рискам и вызовам.

Евразийская концепция, таким образом, является умозрительным проектом, призванным легитимировать объединение разнородных общественных систем. В интеллектуальной истории бизкуменальных систем (определение России как бизкуменальной системы дал Г. Померанц¹) можно указать на аналог евразийской концепции — идеологии, выполняющей сходную функцию легитимации господства и консолидации разнородных элементов. Это концепция испанидад — концепция «испанского духа», духовной

¹ Померанц Г. Россия на перекрестке культур // Померанц Г. В. Выход из транса. — М., 1995.

общности, объединяющей также разноплеменные сообщества, говорящие на одном языке и исповедующей общую религию – католицизм. Легко заметить аналогию между доктриной Савицкого и его соратников и творением Рамиро де Маэсту¹.

- 1) Источником концепций стали ностальгия по потерянной уверенности, утраченному геополитическому статусу, духовный кризис, постигший общества – кризис империи в конце XIX в. и потеря заокеанских колоний, и кризис империи рубежа XIX – начала XX в. Как евразийцы, так и конструкторы испанидад видели этот крушение былого величия как временно переживаемый кризис, выход из которого связан с религиозным духом и переходом на новый уровень интегрированности.
- 2) Центральной темой испанидад и евразийства является поиск национальной идентичности разнородной по происхождению общности – славяно-тюркской и «иберо-американской расы» (против которой высказывался другой испанский мыслитель – Мигель де Унамуну²).
- 3) Духовное единство те и другие находили в конфессиональной принадлежности – православии и католицизме. Правда, в неороманском варианте с бóльшим основанием можно говорить о единой духовной основе, т. к. язычество и развитые формы религии чаще образуют синтез, тогда как православие (и другие христианские конфессии) и ислам всегда находятся в оппозиции.
- 4) В обоих случаях новый импульс конца XX в. концепциям национальной идентичности придал не столько кризис, сколько тенденции индигенизации и этнизации, спровоцированные глобализацией. Однако и в том, и в другом случае, декларируемая национальная идентичность осталась «бумажной»: сами носители идентичностей никогда не называли и не ощущали себя ни евразийцами (кроме самих идеологов), ни испано-католиками (говоря по-русски). Размежевание по-прежнему проходит между славянами и тюрками в евразийском пространстве, а Новый Свет сформировал отдельную неороманскую общность. Видимо, детерминанты геополитических процессов,

¹ *Журавлёв О. В.* Пути и перепутья: очерки истории испанского консерватизма. – СПб., 1992.

² *Пономарёва Л. В.* Некоторые особенности общественно-политической мысли Испании XIX – начала XX века // Россия и Испания: историческая ретроспектива / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1987. – 347 с. – С. 93–104.

формирующих гецивилизации, следует искать на других концептуальных основаниях.

Достижима ли интеграция разнородных государств и союзов в единую евразийскую общественную систему, или Большое Евразийское партнерство станет сообществом, объединенным транспортными магистралями и смежными границами, как и другие политико-экономические или военно-политические союзы современности? В поисках теоретических оснований социального прогноза и конструирования для евразийского пространства (пока нет серьезных оснований называть это пространство гецивилизацией – не достигнута необходимая степень интеграции, но эти основания могут возникнуть) следует учесть методологические ошибки евразийцев. Во-первых, современная научная парадигма социогуманитарного знания предполагает, что процессы самоорганизации сложных систем нелинейны. Евразийцы необоснованно распространили закономерность, справедливую для ранних технологических систем и ранних этапов социальной истории на все последующие исторические периоды. Во-вторых, постнеклассическая парадигма предполагает полидетерминантную природу сложных процессов. Евразийцы смогли предложить два фактора социогенеза в евразийском пространстве – горизонтальный характер геофизического пространства Евразии и симбиоз народов леса и степи. Однако детерминантов социогенеза более двух, и они выполняют различную роль в разные периоды истории. И определять какой-либо фактор как структурообразующий во всех случаях неправомерно. Освоение новых технологий влечет за собой и смену интеграционных векторов. В-третьих, евразийцы не могли включить в свою концепцию теорию глобальных процессов, которая тогда еще не существовала объективно и, соответственно, в поле научного дискурса. Вместе с тем глобализационные процессы и все включенные в них субтенденции (локализации, нативизации, этнической мобилизации и т. д.) также оказывают влияние на социогенный процесс на евразийском пространстве. В-четвертых, хотя постнеклассическая парадигма науки допускает аксиологическую нагруженность теории, но стандарты научного мышления все-таки предполагают необходимость преодоления религиозного эгоцентризма. Навязывание православной идеологии мусульманскому миру стало бы серьезной ошибкой в социокультурном строительстве.

Современная социальная теория имеет в своем арсенале аналитические средства, позволяющие не только дать более адекватный прогноз социокультурным и геополитическим тенденциям, но и конструировать социальные

процессы. Фундаментальным принципом постнеклассической исследовательской программы является принцип системности. К настоящему времени одной из наиболее влиятельных концепций системного подхода является мир-системный анализ И. Валлерстайна. Изложение мир-системной концепции полностью не входит в задачи текущих рассуждений, их положения достаточно освещены в многочисленных публикациях автора на русском языке¹. В данном рассуждении начнем построение концепции эволюции евразийского пространства с основных принципов постнеклассической парадигмы, привлекая необходимые положения из работ Валлерстайна и соответствующих авторов.

Любая система стремится сохранить свою жизнеспособность, а основным фактором, обеспечивающим жизнеспособность социальной системы, является технология. Технологический детерминизм критиковался множество раз, но справедливость зависимости, которая заключается в том, что технология для своего обеспечения требует соответствующих социальных институтов и социальной структуры, трудно оспорить. В свою очередь, технология находится в зависимости от ресурсов. На ранних этапах развития технологии высока ее зависимость от географических условий, но более совершенная технология – индустриальная и информационная зависит от других ресурсных факторов (например, от социальной стратификации, от уровня образования и т. д.). Относительно евразийского пространства, комплиментарный характер кочевников и земледельцев играл некоторую роль в формирование суперэтнических систем (по выражению Л. Н. Гумилева²), но становление промышленной технологии нивелировало эту взаимозависимость. Более того, разрушение среды, служившей еще и необходимым ресурсом для кочевников, привело к резкому противопоставлению культур и социальных систем. В настоящее время существуют серьезные противоречия, получившие выражение в политических движениях и организациях, между социальными группами, в основе имеющих различные хозяйственные уклады. Освоение газо- и нефтедобывающими компаниями территорий, на которых проживают оленеводческие народы, привело к образованию международных организаций, не всегда действующих в соответствии с целями и законодательством РФ и часто являющихся инструментом вмешательства

¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

² Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экспресс, 1993. – 544 с.

во внутренние дела РФ¹: «Оленеводы мира», Северный форум (американская неправительственная организация, действующая в рамках международной программы «Арктический совет»), Циркумпольный совет инуитов (Inuit Circumpolar Council) и др. С другой стороны, развитие промышленности требует соответствующего образовательного уровня населения, что недостижимо при кочевом образе жизни. Вследствие неравномерного доступа к образовательному ресурсу, формируется перекосяк в экономическом развитии и уровне жизни регионов, что создает условия для антагонистических отношений между этно-региональными системами. Все это слишком ярко проявилось в ходе распада Советского Союза и стало дополнительным фактором, повлиявшим на центробежные тенденции — депривация среднеазиатских республик привела к резкому отпаду от центра и последующим гонениям на русскоязычное население и специалистов, а также к антироссийской политике в настоящее время. В таких условиях оказалось невозможно объявленная евразийская интеграция.

Трудность спецификации российской гецивилизации заключается в том, что значительная часть славянства оказалась втянута в западно-европейскую (капиталистическую — Валлерстайн) мир-систему. Русский этнический компонент в формировании гецивилизации оказался доминирующим в социально-политическом отношении, но не численно; большая часть контролируемого и осваиваемого русскими пространства населена неславянскими и неправославными автохтонами; существование длительных периодов в истории доминирования восточного этно-культурного компонента (см. Вернадский²) способствовало соответствующей эволюции социально-политических структур и институтов; отсутствие естественных границ (в духе Р. Челлена) позволяла строить администрацию не по образцу заморских колоний, а включать в состав государства на правах губернского управления, что создавало условия для ограниченной интеграции. Это давало основание к критике определения цивилизационной идентичности как славяно-православной (Данилевский) или русско-православной. Но предложенный Савицким вариант евразийской цивилизации адекватен

¹ Голобокова Я. Неправительственные иностранные организации как инструмент воздействия на коренные малочисленные народы севера России // Эл. ресурс: <file:///C:/Users/pleba/Downloads/nepravitelstvennye-inostrannye-organizatsii-kak-instrument-vozdeystviya-na-korennye-malochislennye-narody-severa-rossii.pdf>. (дата обращения: 09.08.21).

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. — М.: Алгоритм, 2018. — 336 с.

не уровню интегрированности сообщества, а территориальному признаку. Россия была и остается «разорванной» цивилизацией (Хантингтон) или биэкуменой (Померанц). Валлерстайн предложил интерпретацию мирового исторического процесса как формирование мир-экономик, в основе которых лежит экономическая интеграция, — и это в дополнение к истории систем ценностей (М. Вебер¹), культурных кругов (К. Ясперс²) и как путешествие «церкви-куколки» (А. Тойнби).

В евразийском пространстве целый ряд факторов (от природно-климатического, спровоцировавшего исход кочевых племен с востока, до агрессивной политики сопредельных государств, повлекшей переход под русское подданство) способствовал образованию мир-империи. Экономические связи на основе разделения труда (интерпретированные евразийцами как комплиментарность леса и степи) были эффективны до того момента, когда индустриальная технология, эволюционировавшая в капиталистическую мир-систему, не стали вовлекать Россию в западную систему разделения труда. Эта тенденция привела к колебательным трендам, получившим выражение, в том числе, в вестернизационных и ориентальных циклах. Валлерстайн указывает, что любая система имеет ограниченный ресурс и конечна во времени (как и в пространстве), в том числе и капиталистическая³. Россия может стать цивилизационным ядром на основе разделения труда и вновь стать привлекательным цивилизационным центром для евроазиатского сообщества, если станет лидером и доминантой шестого технологического уклада⁴. Но лидерство может перехватить альтернативный цивилизационный центр.

Хозяйственно-технологический фактор в процессе цивилиогенеза является структурообразующим, т. к. влечет за собой формирование соответствующей социальной структуры и социально-политических институтов. Он обеспечивает жизнеспособность и стабильность социальной системы.

¹ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Образ общества. — М., 1994.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.

³ Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 320 с.

⁴ Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВладДар, 1993.

Религиозный фактор обеспечивает гомеорезис – устойчивую эволюцию социальных систем, переход на новый уровень социогенеза¹ при сохранении идентичности. Религия – одна из форм идеологии, которая может носить и светский характер (Савицкий и называл религию идеологией, и указывал на идеологию как на важнейший фактор существования цивилизации). Относительно евразийского сообщества, религиозный фактор послужил фактором размежевания, который сработал при первом же неблагоприятном случае. Раскол произошел как раз по линии православие / ислам, как и указывал Хантингтон. Неслучайно, советская идеология смогла на время объединить евразийское сообщество, и начала формироваться надэтническая, надрелигиозная идентичность – советский народ. Поэтому стоит считать ошибкой нынешнего руководства РФ эскалацию религиозного экстаза: попытка сохранения режима конфессионального равноправия неосуществима. Во-первых, потому что в силу конфессиональной принадлежности титульной нации на первых ролях всегда будет выступать православие, и модели социальности будут строиться по православному образцу, что автоматически ставит представителей других конфессий и граждан нашей страны в неравнозначное положение. Это обстоятельство всегда будет соблазном для государств-партнеров по БЕП разыграть конфессиональную карту для осуществления манипуляций в свою пользу. Во-вторых, усиление роли церковных иерархов в официальных мероприятиях и в реальной политической жизни приводит к неизбежному ущемлению положений нетитульных конфессий как в отношении обеспечения возможностей отправления культа, так и в отношении соблюдения норм права (например, ислам подразумевает примат религиозного права и шариата). В-третьих, религия по определению является не столько объединяющим, сколько разграничивающим фактором. Заблуждением является аргумент апологетов, что само слово «религия» предполагает объединение, что оно происходит от латинского *religare* – «связывать, соединять». Одной из основных функций религии является демаркационно-консолидационная, объединяющая «своих» и отделяющая от Иных, маркирующая их для облегчения «правильных» с точки зрения системы социальных взаимодействий. Этот фактор всегда будет разграничивать общество, независимо и вопреки

¹ Плебанек О. В. Парадигмальные основания анализа социальной реальности. – СПб.: ИД «Петрополис». 2012. – 352 с.

общественному разделению труда, что показывают европейские события в ходе миграционных конфликтов.

§5. Проект новой Декларации Евразийства

Подводя предварительный итог рассуждениям о евразийском проекте, надо иметь в виду еще один из важных постулатов постнеклассической парадигмы: в точке бифуркации процесса самоорганизации сложной системы резко возрастает роль случайного фактора. В роли такого случайного фактора уже не раз выступали идеи, формирующие телеологический тренд развития. Например, само существование альтернативы капитализму как цели изменило и сущность капиталистической системы, инициировав концепт государства благосостояния или хорошего общества (*welfare state* или *good society*). Привлекательная социальная концепция также может создать новый тренд развития, если будет усилена системой детерминирующих факторов. В этом контексте евразийская концепция, в том виде, в котором была декларирована, может считаться уже дискредитировавшей себя как не реализовавшийся, потерпевший поражение проект: не состоялось славяно-тюркского альянса, невозможно теократическое государство на современном этапе и в данных условиях, пространственный фактор не является решающим, если не подкреплён инфраструктурой и общественным разделением труда. Но стоит обратить внимание и на концепцию социального конструирования реальности (Бергер, Луман¹) и на идею самоисполняющегося пророчества: если большинство людей верят, что так будет, то так и будет. Идеологии являются мощным фактором социогенеза, если находят соответствующую комплиментарность с другими необходимыми факторами. В этом контексте уместно обратить внимание на уже упоминавшийся феномен испанидад². Чтобы евразийский проект состоялся, нужна хорошо разработанная идеология, в основе которой лежит надрелигиозная доктрина и адекватный современной эпохе системообразующий фактор — освоенный и внедренный новый технологический уклад. В этом случае центром

¹ Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.

² Василенко Ю. В. «Идея испанидад» как имперская проекция испанского национализма // Вопросы национализма. — 2019. — 1 (32). — С. 171–181.

притяжения для евразийских партнеров будет Россия, а не альтернативные аттракторы. В качестве новой духовной цели вполне годится идеологема евразийства. В современном мире существуют концепты, символизирующие те или иные актуальные социокультурные тенденции, привлекательные, желательные (воспринимаемые перспективными) для одних социальных групп и нежелательные, воспринимаемые как несущие опасность для других социальных групп. Например, объективно существующая тенденция централизованного планового хозяйства получила символическое выражение в идее социализма. Как показал Валлерстайн¹, капитализм также не может существовать без плана, но символическим выражением планового хозяйства, целью которого является не централизованное распределение конечного продукта, а накопление капитала, стала идеологема свободного рынка и либерализм. Идеологема социализма стала выражать привлекательную цель для многих социальных групп и сыграла роль телеологического фактора в социальном развитии для многих обществ, даже не имеющих объективных к тому предпосылок.

Для евразийских государств такой привлекательной идеей может стать идея геочивилизации, альтернативной как Северо-Американской, так и Западно-Европейской. Привлекательным видится пример Китая, который не отказался от коммунистической идеологии, несмотря на то, что в мире, как утверждают либерально мыслящие ученые и политические деятели, коммунистическая идея дискредитировала себя. Но в КНР официально признано, что в основе современной идеологии Китая лежат традиционные ценности – знаменитый религиозный триумвират. Подчеркнем, однако, что целостность китайской цивилизации обеспечивается не столько религией, сколько общим культурным наследием, транслируемым надлингвистической письменностью, чего нет в евразийском пространстве. Объединить в культурном отношении разнородные сообщества можно посредством идеи, являющейся ответом на наиболее актуальный вызов эпохи. Это не вызов пространства, а вызов глобализма. Источником глобализации является технико-технологический прогресс, который, в свою очередь, исходит из наиболее развитых в экономическом отношении стран – стран капиталистической

¹ Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? // Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.

мир-системы с ее индивидуалистическими и антропоцентристскими ценностями (Вебер). Альтернативой этим ценностям, противоположностью идее обогащения, должна быть идея солидарности, которая очень созвучна и православному сознанию, и исламу, а также представленным в восточной части России конфессиям (включая местные традиционные культы), но вместе с тем не связанная непосредственно с религией. Концепт welfare state в настоящее время утратил прежнюю ценность в связи с выявившимся глубоким противоречием — невозможности совмещения идеи свободы и равенства. Как пишет исследователь государства благоденствия Т. Ю. Сидорина: «В рамках же Welfare State этический контекст остался нерешенным. Достигли материального благосостояния, — но не дошли до нравственных преобразований. В этих условиях в отсутствии определенных этических регулятивов демократия благосостояния перерождается в общество потребления, появляется тип человека-потребителя, развивается социальное иждивенчество, зависимость от Welfare»¹. Кроме того, принципиальным ограничением концепции государства благосостояния является его локальный характер: оно не соответствует глобальному миру, так как все социальные регулятивы возможны только на уровне национального государства. Альтернативный проект социалистического общества был также дискредитирован правовой практикой государства, которая немало способствовала тому, что социалистические государства не смогли противостоять внешним вызовам. Однако потенциал социалистического проекта еще не исчерпан. Этический ориентир, о котором пишет Сидорина, был задан моральным Кодексом коммуниста. Проблема заключалась в том, что в советском государстве не был отработан механизм ротации, и советская номенклатура, в полном соответствии с теорией элит Тойнби, была в большей степени озабочена сохранением власти, чем благосостоянием народа. Современные представления об общественном идеале перешагнули границы отдельных сфер социальной системы — экономической (равенство) или правовой (свобода). Исследования общественного идеала сосредоточились теперь в дисциплинарном поле Peace research или Peace Science. О различных, последовательно

¹ Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Terra economicus. — 2012. — Т. 10. — № 3. — С. 97.

разрабатывавшихся концепциях мира мы уже писали¹. В контексте этого рассуждения необходимо остановиться на концепции мира третьего поколения, получившего название мульти-интер-транскультурного мира. Суть этой программы заключается в том, что мир как благополучие и благоденствие обеспечивается не только и не столько отсутствием войны, которая является частным случаем насилия, а межконфессиональным, межнациональным и межэтническим взаимодействием, обеспечивающим наиболее эффективное сотрудничество и наиболее полное использование человеческого потенциала на макро-, мезо- и микроуровне. Имея в виду необходимость выработки целеполагающего идеала для евразийского сообщества, которое как раз и отличается поликонфессиональностью, полиэтничностью и поликультурностью, видимо, стоит в Евразийской программе учесть не общность евразийской культуры, которой как раз нет, а взаимное уважение как цель. Итак, Декларация Евразийства нового поколения может включать следующие положения:

1. Как система мировоззрения и жизни евразийство основывается на положении о том, что социальная реальность глобальна и гетерогенна. Поэтому целью евразийского сообщества является взаимное благополучие и взаимная безопасность сопредельных государств и народов, а также вытекающие из этого взаимные обязательства и гарантии.
2. Понимание роли пространства в жизни социума и роли социума в жизни пространства евразийского сообщества базируется на том, что эти отношения носят нелинейный характер. Это означает, что границы евразийского мира (как и любого другого) являются подвижными, и включение в пределы евразийского мира или выход из него определяется не географической границей, а образовавшимися системными связями.
3. Евразийство полагает концептуальным ядром своей геополитической стратегии положение о том, что народы Евразии объединяет не только общее пространство, но общее мироощущение, противоположное

¹ *Плебанек О. В.* Мы наш, мы новый мир построим! А что такое «мир»? (о концептуализации понятия) // Глобализация: на грани реального и виртуального. Коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Баранов, — СПб.: Геополитика и безопасность, ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2020. — 292 с. — С. 35–58.

эгоцентризму и антропоцентризму, противопоставляющего человека природе.

4. Евразийство нового поколения должно сосредоточиться на движении к этическому идеалу, который созвучен мироощущению народов Евразии. Эта интенция может осуществиться при условии смены всей системы социализации и воспитания с потребительского и актуально-ориентированного вектора деятельности на вектор самосовершенствования и перспективно-ориентированную деятельность.
5. Евразийский Союз полагает важным свободное и независимое участие своих членов в деятельности международных организаций и союзов. Множественность и многовекторность политических связей позволят укрепить международную безопасность, связав евразийское пространство с другими регионами мира. Участие государств в других экономических и политических союзах не рассматривается как угрожающее целостности и безопасности евразийского мира, но понимается как развивающее сотрудничество в глобальном мире.
6. Евразийство признает полицентризм как систему, обеспечивающую гибкие, своевременные и эффективные ответы на глобальные вызовы времени на уровне Евразийской геоцивилизации и признает только партнерские транспарентные отношения между участниками Евразийского Союза и сторонами международных отношений.
7. Евразийская концепция социального развития предполагает, что будущее не дано, что объективно заданной цели и направления развития не существует. Поэтому в основе международной и внутренней политики участников Евразийского Союза лежит принцип стратегической гибкости, позволяющий менять не только тактические программы, но и стратегические цели в соответствии с актуальными глобальными вызовами.

РАЗДЕЛ III.
НА ПУТИ К БОЛЬШОМУ
ЕВРАЗИЙСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ:
НАДЕЖДЫ И РЕАЛИИ

Глава 1. Евразийская интеграция на постсоветском пространстве: три препятствия [Комлева Н. А.]

Интеграционные процессы являются трендом современного межгосударственного взаимодействия. Активно развивается интеграция и в рамках постсоветского евразийского пространства, имеющая преимущественно экономический характер.

Правовой основой экономической интеграции на постсоветском пространстве является Договор о Евразийском экономическом союзе¹, который был подписан в г. Астане 29.05.2014 (с изменениями и дополнениями вступил в силу с 01.08.2021)². В данном документе указано, что основными целями Союза являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета по случаю 5-летия подписания Договора о Евразийском экономическом союзе констатировало, что за пять лет с момента образования ЕАЭС произошли следующие положительные изменения в развитии стран-членов: рост взаимной и внешней торговли, рост ВВП, рост промышленного производства, улучшение позиций стран ЕАЭС в международных рейтингах³.

¹ Государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (текст) // Евразийский экономический союз. – Официальный сайт. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения 25 августа 2021).

³ Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического совета

В то же время ни один социальный процесс, тем более процесс такой сложности, не обходится без препятствий и трудностей. В данной статье уделяется внимание трём факторам, которые автор считает важными препонами на пути полномасштабной евразийской интеграции в рамках постсоветского пространства.

§1. Гибридная война

Первый из этих факторов – гибридная война, ведущаяся, в том числе, и против стран-членов ЕАЭС с целью затормозить и переформатировать как их собственное развитие, так и развитие их интеграции в рамках ЕАЭС.

В научной литературе можно встретить несколько десятков определений сущности феномена гибридной войны, но подавляющее большинство авторов трактует данный тип войны как сочетание традиционных и нетрадиционных (вариант: конвенциональных и неконвенциональных) форм вооружённого противостояния. Однако феномен гибридной войны в рамках военной и политической науки не определяется исчерпывающе, его сущность и специфику невозможно понять вне геополитической парадигмы. *Гибридная война, на наш взгляд, представляет собой исключительно геополитическое явление, в своём полном объёме не определяемое в иных исследовательских парадигмах. С этой точки зрения гибридная война – это совокупность действий, направленных на одновременное разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение.* Основными геополитическими пространствами автор данной статьи полагает следующие: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются в соответствии с природой данного типа пространства.

Основные способы ведения гибридной войны в *географическом пространстве*: локальные «традиционные» войны в ресурсных регионах страны-объекта агрессии, вовлечение данной страны в серию «конфликтов

по случаю 5-летия подписания Договора о Евразийском экономическом союзе// Евразийский экономический союз. Официальный сайт. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01421942/ms_31052019 (дата обращения 25 августа 2021).

малой интенсивности» по периметру её границ; «цветные революции», то есть государственные перевороты в стране-объекте агрессии и в государствах, являющихся её геополитическими союзниками; поощрение сепаратизма и терроризма в стране-объекте агрессии.

Все перечисленные технологии применяются к современной России. В конце 90-х – начале 2000-х годов страны Запада и их союзники, страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ) спонсировали террористическую войну (термин С. Иванова, тогдашнего министра обороны РФ) на российском Северном Кавказе в финансовом отношении, поставляли в регион наёмников, военных советников, современное вооружение. Террористическая война была составной частью сепаратизма так называемой Республики Ичкерия, образованной на большей части Чеченской республики в составе России, а также определённых сил в республиках Ингушетия, Кабардино-Балкария, Дагестан (проект «Лакской республики»). Попытки осуществить «ромашковую революцию» в Российской Федерации наблюдались в 2003–2008 гг., а также в 2012 г. (2012 г. – «белоленточное движение»). «Цветные революции» или попытки их осуществления произошли в разные годы в странах по всему периметру российских границ, в том числе в таких странах-членах ЕАЭС, как Армения, Белоруссия, Кыргызстан. Россия, так или иначе, испытала влияние «конфликтов малой интенсивности» вблизи своей территории: Приднестровского, Украинского (гражданская война в Донбассе), Карабахского (две так называемых Карабахских войны между Арменией, членом ЕАЭС и Азербайджаном), гражданской войны в Таджикистане 1990-х.

Конфликты, к счастью, по большей части невооружённые, в центральной части постсоветского пространства могут возникнуть и периодически возникают по следующим причинам: 1) наличие пограничных споров между Таджикистаном, Кыргызстаном (член ЕАЭС) и Узбекистаном вследствие того, что сотни километров границ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана до сих пор не делимитированы и не демаркированы; 2) неравномерность распределения водных ресурсов в регионе обуславливает конфликт интересов ключевых поставщиков воды (Таджикистан и Кыргызстан) и её основных потребителей (Узбекистан, Казахстан, член ЕАЭС и Туркмения); Таджикистан вместе с Кыргызстаном заинтересованы использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии для удовлетворения собственных нужд и на экспорт в третьи страны, в свою очередь, Казахстан, Туркмения и Узбекистан настаивают на преимущественно

ирригационном характере эксплуатации как существующих, так и планируемых новых ГЭС; 3) внутренняя политическая нестабильность и терроризм (гражданская война в Таджикистане в 1992–1997 гг.), «цветные революции» в Кыргызстане (2005, 2010 гг.) и массовые беспорядки в Узбекистане (г. Андижан, 2005 г.); 4) в странах региона существует разветвленная сеть исламистского подполья¹; 5) за последние 10 лет Чуйская область Кыргызстана, Алматинская и Южно-Казахстанская области Казахстана не раз становились ареной межэтнических конфликтов, которые привели к человеческим жертвам и серьезному имущественному ущербу². Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время многие из перечисленных проблем находят своё решение. Однако на данный момент серьезной угрозой является приход к власти в Афганистане в августе 2021 г. запрещённого в РФ движения «Талибан». Многочисленные беженцы из Афганистана, в числе которых могут находиться и боевики «Талибана», имеющие целью дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в центральноазиатских странах и на юге России, проникают в страны-члены ЕАЭС.

Основные способы ведения гибридной войны *в экономическом пространстве*: 1) санкции против отдельных отраслей экономики страны-объекта агрессии, в том числе закрытие для неё международных рынков (или отдельных их сегментов) и блокирование доступа к определённым технологиям; 2) санкции против всех отраслей экономики страны-объекта агрессии в совокупности (экономическая блокада); 3) санкции против ключевых персоналий, определяющих содержание и ход экономических процессов в стране-объекте агрессии.

В настоящее время Россия находится под экономическими санкциями со стороны США, ЕС, Австралии, Канады, Японии и некоторых других стран, введёнными в 2014 г. после присоединения Крыма к России. Под санкциями оказались практически все системообразующие банки страны, нефтедобывающие компании, основные предприятия оборонно-промышленного комплекса. Санкции направлены, прежде

¹ Трусова А. А., Черняев М. С. Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – № 6. – С. 470–478.

² Данков А. Вооруженные конфликты в Центральной Азии: факторы влияния. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://islam-today.ru/islam_v_mire/centralnaa-i-srednaa-azia/vooruzennye-konflikty-v-centralnoj-azii-factory-vliania/ (дата обращения 17.08.2021).

всего, на ключевой сектор российской экономики – нефтяной. Блокируется доступ к технологиям для освоения арктических, сланцевых и трудноизвлекаемых месторождений нефти. Санкции, установленные в отношении российского банковского сектора, затрагивают довольно значительную его часть – более 50% суммарных активов. Произошло резкое сужение географической и продуктовой диверсификации российского агропродовольственного импорта, ослабление сырьевой и производственной базы пищевых отраслей¹. Санкции против России пали на «плодородную почву»: страна находилась в чрезмерной зависимости от импорта не только указанных продуктов промышленного производства, но и лекарств, изделий электроники, продовольствия, товаров широкого потребления. Так в тяжёлом машиностроении доля импорта в 2014 г. составила 60–80%, станкостроении – свыше 90%, радиоэлектронике – 80–90%, медицинской промышленности и фармацевтике – 70–80%, лёгкой промышленности – 70–90%. За период 2000–2014 объем ввозимой продукции увеличился в 8,4 раза². Действуют также персональные санкции против ведущих политиков, банкиров, промышленников страны.

Непосредственно против стран ЕАЭС никто экономических санкций не вводит, однако западные санкции против России оказывают большое влияние на экономику этих стран, поскольку российский рынок является крупнейшим в отношении сбыта товаров, производимых в них. Курс национальных валют стран ЕАЭС подвергся определённой корректировке, также последствием антироссийских санкций стало снижение уровня доходов населения и ускорение инфляции³.

¹ Последствия введенных санкций для экономического развития России [Электронный ресурс] // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы». – [сайт] Режим доступа: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения 10 августа 2021).

² Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. [Электронный ресурс] // Институт экономики РАН [сайт] Режим доступа: http://inecon.org/docs/Kheifets_paper-2016.pdf (дата обращения 14 августа 2021).

³ Санкции Запада «против Центральной Азии». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/13777-sanktsii-zapada-protiv-sentralnoj-azii.html> (дата обращения 14 августа 2021).

Основные способы ведения гибридной войны в *информационно-идеологическом* пространстве: 1) замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества; 2) фальсифицирование истории страны-объекта агрессии; 3) десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны-объекта агрессии; 4) имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик: промискуитета, насилия в отношении слабых и беспомощных, наркомании, инцеста, бытовой и экономической преступности.

Информационно-идеологическое пространство России на рубеже XX–XXI вв. сжалось почти до минимального объёма. «Ценности теряют ценность <...> Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся»¹. Следствием сформированности фактора «общей несчастливой судьбы» – или, в иной терминологии, ощущения перенесённой глубокой социальной травмы – стала «своеобразная идеализация Запада, стремление сблизиться с ним вплоть до обретения единой идентичности»². Имплантация западных идеологических конструктов и западных ментальных ценностей внутрь информационно-идеологического пространства постсоветской России была эффективной, поскольку, в том числе, строилась на компенсационной технологии преодоления социальной травмы (социальной травмой являлись распад СССР и «шоковая социальная терапия») – т. наз. инновационной стратегии, состоящей в быстром восприятии новых навязанных ценностей³. «Главная тенденция, отмеченная в последние годы, – рост числа людей с индивидуалистическими ориентациями. Если в 2008 г. в целом по стране преобладали представители социальных ориентаций, то к 2012 г. ситуация сменилась на противоположную. По словам исследователей, сдвиг происходит во многом за счет более молодых поколений, ценности которых сформировались под влиянием

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 11.

² Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 11.

³ Асташов А. Б. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / Отв. ред. А. П. Логунов; Рос. гос. гуманит. ун-т, Фак-т истории, политологии и права, Каф. истории и теории ист. науки. – М.: изд. РГГУ, 2011. – С. 44–55.

мощных политических, экономических и культурных изменений рубежа 1980–90х»¹. В настоящее время «тенденция сохраняется, индивидуалистов в России с каждым годом все больше»².

Интенсивность ведения данной формы гибридной войны очень высока, в том числе и в центральноазиатских странах ЕАЭС. В частности, различные западные правозащитные организации обвиняют эти страны в отсутствии терпимого отношения к ЛГБТ-сообществу³. В 2016 г. в Таиланде (Бангкок) на XXVIII конференции Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов (англ. International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association, сокр. ILGA) на одном из пленарных заседаний единогласно было принято решение о включении ЛГБТ-организаций и инициатив стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации – ILGA Europe⁴.

Основные способы ведения гибридной войны в *кибернетическом пространстве*: 1) вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны-объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков; 2) хакерские атаки против экономических и политических институтов страны-объекта агрессии.

В отношении России применяются и эти способы ведения гибридной войны, однако ради справедливости надо отметить, что российский рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) большим объемом и не обладал. «Доля России на мировом рынке электронной техники и компонентов составляет не более 0,1–0,3%, на мировом рынке информационных услуг доля России составляет приблизительно 0,2%. Вклад ИКТ в экономический рост России заметно ниже (приблизительно в три раза!) соответствующих показателей развитых стран»⁵. При этом «основная часть оборудования, его материальной базы и программных продуктов

¹ Береснева Е. Ценности россиян – много индивидуализма, мало «ценностей роста». [Электронный ресурс] // Научная Россия. Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/tsennosti-rossiyan> (дата обращения 22 августа 2021).

² Там же.

³ Асташов А. Б. Указ. соч. – С. 5.

⁴ Береснева Е. Указ. соч.

⁵ Кузнецов Ю. А., Маркова С. Е. Анализ качественных особенностей динамики развития российского рынка ИКТ. Структурный подход // Труды Нижегородского государственного технического университета им. П. Е. Алексеева. Серия: Экономика, инновации и менеджмент. – 2013. – № 3 (100). – С. 251.

производятся за рубежом и там закупаются»¹. В последнем случае экономические санкции, затрудняющие или пресекающие приобретение российскими структурами элементов западной материальной базы ИКТ и западных программных продуктов, особенно действенны в кибернетическом пространстве гибридной войны.

Несмотря на ограниченность сектора международного рынка ИКТ, занимаемого российскими компаниями, их, тем не менее, вытесняют из этого сектора, в основном, под предлогом связи этих компаний с «русской разведкой» или «с Кремлём», что сегодня считается опасным преступлением против национальной безопасности стран Запада. Так в июне 2017 г. в Сенате Конгресса США прозвучало требование запретить Пентагону использовать программы российской «Лаборатории Касперского»² именно по той причине, что «Лаборатория» связана «с российским правительством».

Российские банки, правительственные структуры подвергаются хакерским атакам в еженедельном или даже ежедневном режиме. «В Кремле заявили, что хакерские атаки фиксируются каждый день, в том числе на сайте президента»³. При этом около 28% кибератак на российские серверы совершаются с территории Соединённых Штатов⁴.

В отношении органов власти центральноазиатских стран ЕАЭС и Белоруссии давно и планомерно ведутся хакерские атаки⁵.

¹ Там же. — С 251.

² Последствия введенных санкций для экономического развития России [Электронный ресурс] // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» // [сайт] Режим доступа: http://www.rescue.org.ru/publ_1_posledstviya-vvedennyx-sankcii-dlya-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html (дата обращения 10 августа 2021).

³ Латухина К. Дмитрий Песков заявил о хакерских атаках на сайт президента России. [Электронный ресурс] // Российская газета. — 08.06.2017. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/06/08/dmitrij-peskov-zaiavil-o-hakerskih-atakah-na-sajt-prezidenta-rossii.html> (дата обращения 28 августа 2021).

⁴ МИД: треть хакерских атак на российские сайты приходится на США. [Электронный ресурс] // МК.RU 7 июня 2017 г. — Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/06/07/mid-tret-khakerskikh-atak-na-rossiyskie-sayty-prikhodyatsya-na-ssha.html> (дата обращения 28 августа 2021).

⁵ Самые яркие хакерские взломы в Центральной Азии. — [Электронный ресурс] — Kloop.kg Режим доступа: <https://kloop.kg/blog/2017/05/19/nash-ideal-dzhedaj-samye-yarkie-hakerskie-vzlomyy-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения 28 августа 2021).

Таким образом, против стран ЕАЭС, как и против России, основного государства этого интеграционного образования, активно ведётся гибридная война, в определённой мере тормозящая развитие ЕАЭС.

§2. Идеологическая база интеграции

Второе препятствие развитию ЕАЭС – *отсутствие общей идеологической базы интеграционного процесса*. Усугубляет положение тот факт, что в каждом государстве-члене ЕАЭС существует конституционный запрет на официальную идеологию. Концепция мировоззренческого нейтралитета государства в её правовом выражении присутствует в ныне действующей Конституции России (статья 13, пп. 1 и 2): «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹. Конституция Республики Беларусь: «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан»². Конституция Республики Казахстан (ст. 5): «В Республике Казахстан признаются идеологическое и политическое многообразие»³. Конституции Республики Армения и Кыргызской республики вообще обошли молчанием вопрос об идеологии (идеологии)⁴. Эта внутривнутриполитическая позиция обуславливает отсутствие общей

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701f6e63f48c943e8175be16462/ (дата обращения 16 августа 2021).

² Конституция Республики Беларусь/ – [Электронный ресурс] // Национальный правовой портал Республики Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 16 августа 2021).

³ Конституция Республики Казахстан. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения 16 августа 2021).

⁴ Конституция Армянской республики. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.am/u_files/file/Constitution/Constitution-nor.pdf (дата об-

официальной идеологии и в рамках такого интеграционного объединения, как ЕАЭС.

Официальная идеология, т. е. ценностная мировоззренческая система, поддерживаемая государством, концентрирует и выражает национальный интерес, т. е. определяет цели развития данного социума и способы их достижения, а тем самым — его экономические, социальные и культурные приоритеты, и в конечном счёте — место данного общества в историческом процессе: в рамках мейнстрима или «на обочине истории», а кроме того, — обосновывает легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности. Отсутствие официальной идеологии приводит к неопределённости социального развития, хаотизации общественных процессов, а в итоге — к утрате данным обществом такого важного качества, как конкурентоспособность. Особенно фатальным отсутствие официальной идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны в рамках войны гибридной: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию.

Идеологические атаки на ЕАЭС в целом и на отдельные страны-члены предпринимаются постоянно. Западные «фабрики мысли» и СМИ преимущественно оценивают ЕАЭС как инструмент российского влияния, отрицая равноправие его членов. В докладе «ЕАЭС в публикациях ведущих западных „фабрик мысли“ в 2019 году», подготовленное проектом «Открытая аналитика», приводятся следующие факты: «Из 56 „американских“ материалов, лишь два (т. е. 4%) можно отнести к материалам с положительным отношением к ЕАЭС, тогда как с отрицательным — 23 (41%). В материалах западноевропейских „мозговых центров“ — 20 (23%) и 27 (30%) соответственно из 89»¹. Западные СМИ концентрируют внимание не на успехах, а на проблемах ЕАЭС. Так «Дойче велле» пишет:

ращения 16 августа 2021); Конституция Кыргызской республики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения 16 августа 2021).

¹ ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году [Электронный ресурс] // Открытая аналитика (сайт). Режим доступа: <http://open-analytics.ru/research/eaes-v-publikatsiyakh-vedushchikh-zapadnykh-fabrik-mysl-i-v-2019-godu> (дата обращения 18 августа 2021).

«Украинская говядина, переделанная в белорусскую, конфликты, связанные с реэкспортом и Санэпиднадзором, молочные „войны“ России и Белоруссии, торговые споры Киргизии и Казахстана – всё это связано с тем, что внешнее партнёрство для членов ЕАЭС оказывается не менее, а порой и более выгодным, чем внутреннее»¹. В материалах крупнейших западных изданий («The New York Times», «The Wall Street Journal», «The Times», «The Washington Post», «The Guardian», «Le Figaro» и др.), посвященных ЕАЭС, преобладают негативные оценки². В этих условиях настоятельно необходима общая идеологическая база евразийской интеграции постсоветских стран.

§3. Русофобия – тормоз евразийской интеграции

Третий фактор, тормозящий евразийскую интеграцию – *русофобия части элит и части населения стран ЕАЭС*.

Это, в частности, выражается в существовании и активной работе музейных учреждений, хранящих экспонаты об «эксплуатации» и «репрессиях» России и русских в отношении автохтонных народов стран-членов ЕАЭС. Экспозиция «Казахстан в составе СССР» находится в Зале истории Казахстана в Национальном музее Республики Казахстан³. Большая её часть посвящена бедам казахского народа в период пребывания в составе СССР. В Бишкеке находится Музей-мемориал памяти жертв сталинских репрессий «Ата-Бейит» («Могила отцов»), являющийся структурным

¹ Как оценивают ЕАЭС западные СМИ и политики. – [Электронный ресурс] // Сонар 2050. Режим доступа: <https://www.sonar2050.org/publications/blednaya-koriya-ili-konkurent-evrosoyuza/> (дата обращения 18 августа 2021).

² Образ Евразийского экономического союза в западных СМИ. – [Электронный ресурс] // Око планеты. Режим доступа: <https://oko-planet.su/finances/financesnews/320112-obraz-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-v-zapadnyh-smi.html> (дата обращения 12 августа 2021).

³ Национальный музей Республики Казахстан (сайт). – [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nationalmuseum.kz/index.php?id=23&Itemid=118&lang=ru&option=com_content&view=article (дата обращения 11 августа 2021).

подразделением мэрии киргизской столицы¹. Музей, посвящённый трагедии сталинских репрессий, планируется создать в Ереване².

В школьных и вузовских учебниках истории стран-членов ЕАЭС период вхождения в состав Российской империи и СССР оценивается, как правило, негативно³. Основные обвинения: утрата национального суверенитета, массовые репрессии по национальному признаку, снижение уровня жизни автохтонных народов, подавление их национально-освободительной борьбы. Параграф о голоде 1930-х в казахстанском учебнике именуется геноцидом казахов и «трагедией казахского аула». В кыргызстанских учебниках подавление восстания в Туркестане в 1916 г. трактуется как геноцид киргизов. В учебниках Армении утверждается: «На Армению смотрели как на колонию, делали из нее сырьевой источник и рынок сбыта товара»⁴. В белорусских учебниках говорится о росте противоречий между российскими властями и стремлением белорусов к самостоятельной культурной жизни и развитию высоких форм белорусоязычной культуры⁵. «Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой. Если Россия, русские, империя прилагали усилия для социально-экономического развития окраин, инвестировали ресурсы, прокладывали каналы и железные дороги, строили заводы и города, создавали театры и университеты, то в логике проанализированных учебников это лишний раз доказывает, что они эти окраины русифицировали и эксплуатировали в своих целях. Если какие-то положительные изменения в жизни нерусских народов все же происходили и не упомянуть о них никак нельзя, то они совершались исключительно вопреки „имперскому

¹ Мемориальный музей Ата-Бейит. — [Электронный ресурс] //Open.kg Режим доступа: <https://www.open.kg/tourist/leisure-and-entertainment/museums/32932-memorialnyu-muzey-ata-beyit.html> (дата обращения 11 августа 2021).

² Музей памяти жертв сталинских репрессий будет создан в Армении. — [Электронный ресурс] // Спутник Армения. Режим доступа: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20170914/8651170/muzej-pamyati-zhertv-stalinskih-repressij-budet-sozd-an-v-armenii.html> (дата обращения 11 августа 2021).

³ См. об этом: Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. — М.: Государственный клуб, Национальная лаборатория внешней политики, 2009. — 389 с.

⁴ Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. — М.: Государственный клуб, Национальная лаборатория внешней политики, 2009. — С. 308.

⁵ Там же. — С. 317.

центру“ и его политике»¹. События и персоналии советской истории перестают быть общими, так как значительная часть населения о них просто ничего не знает, о них не упоминается в учебниках истории.

Подливают масла в огонь и некоторые высказывания политиков стран ЕАЭС. Наиболее авторитетным из них является первый президент независимого Казахстана Н. А. Назарбаев, утверждавший: «Россия просто самим фактом своего существования (и особенно фактом своего существования в статусе великой державы) действительно является фактором дестабилизации государственности для большинства своих постсоветских соседей»².

Естественным следствием такой культурной и образовательной политики стали проявления бытовой русофобии: деятельность «языковых патрулей» в Казахстане³, оскорбления и избиения этнических русских за общение на русском языке⁴. Избиение русского мальчика на спортивных сборах в Кыргызстане в 2021 г.⁵ вызвало протесты у посольства этого государства в Москве, после чего поднялась волна антирусских выступлений уже в Кыргызстане. «В 2017 г. 50,67% жителей Армении заявили социологам, что вступление в ЕАЭС отрицательно сказалось на стране, лишь 34,33% назвали Россию союзником Армении, 40% сочли, что связи с Россией препятствуют отношениям Армении с ЕС»⁶.

¹ Там же. — С. 11–12.

² Антироссийские высказывания Назарбаева нельзя одобрить, но можно понять [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. — Режим доступа: <https://vz.ru/world/2016/12/7/848137.html> (дата обращения 21 августа 2021).

³ «Языковой патруль»: Казахстан начинает перенимать опыт Майдана? — [Электронный ресурс] // Рамблер. Режим доступа: https://news.rambler.ru/politics/46995167/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=sourulink (дата обращения 25 августа 2021).

⁴ Родионов Д. Кто покончит с русофобией в Казахстане? — [Электронный ресурс] // Свободная пресса. Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/308038/> (дата обращения 25 августа 2021).

⁵ Десятилетнего мальчика в Киргизии две недели били за то, что он русский и православный. — [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — 11 июля, 2021. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/28302.5/4442714/> (дата обращения 20 августа 2021).

⁶ Ваджра А. Ценят ли армяне Россию? [Электронный ресурс] // Русская народная линия. — Режим доступа: https://ruskline.ru/opp/2020/10/07/cenyat_li_armyane_rossiyu (дата обращения 25 августа 2021).

Разумеется, нельзя преувеличивать проявления русофобии в странах-членах ЕАЭС. Но и недооценивать тоже не стоит. Если не оказывать таким настроениям должного противодействия, они могут значительно затормозить евразийскую интеграцию на постсоветском пространстве.

Сознавая характер и источники препятствий на пути евразийской интеграции на постсоветском пространстве, необходимо осуществлять проактивные, наступательные действия по их преодолению и предотвращению, а не «ограничиваться простым парированием угроз... Одни лишь оборонительные действия и реагирование на шаги противника не будут эффективны и не дадут желаемого результата»¹.

Глава 2. Исторический опыт советского прошлого *contra* антисоветизм сегодня (Стожко Д. К., Стожко К. П.)

Исторический опыт является важным ресурсом научной и практической реконструкции социальной реальности, в который все мы живем. В качестве суммы накопленных «проб и ошибок», достижений и неудач, он нуждается в постоянном переосмыслении в соответствии с вызовами времени, точно, как об этом писал когда-то А. Тойнби, сформулировавший свой закон исторического развития «Вызов – Ответ»². Прошло почти 30 лет с момента распада Советского Союза. Это была великая держава, наш народ все еще хранит воспоминания о ней и о советском прошлом. Нам есть чем гордиться. Мы совершили индустриальный рывок, каких не было никогда в истории. Мы победили чуму XX века – немецкий фашизм. Мы первыми вышли в открытый космос. У нас было лучшее в мире здравоохранение и образование. И многое, многое другое! И хотя по историческим меркам Советский Союз просуществовал менее 70, но значение, которое он сыграл в мировой и отечественной истории, никак нельзя умалять, а тем более отрицать, шельмовать, извращать. Это же касается и советского периода нашей истории в целом. В прошлом многие великие державы существовали и того меньшее время, оставляли и того более слабый след в истории, чем

¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений / Под ред. А. И. Подберезкина, М. В. Александрова. – М.: из-во МГИМО–Университета, 2016. – С. 568.

² Тойнби А. Вызов - и - Ответ // Тойнби А. Постигание истории: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – С. 79–89.

Советский Союз. Империя Александра Македонского распалась сразу после смерти полководца. Империя Чингиз-хана распалась почти сразу после его смерти. Империя Тамерлана – аналогично. И таких примеров десятки. Но никто из ученых никогда не сомневался в том значении, которое сыграли такие государства в историческом процессе. Почему же нынешние «критики» так активно пытаются навязывать обществу собственные негативные оценки?

§1. Корни антисоветизма

Ответ достаточно очевиден. Потому, что после распада СССР в нашем обществе стал с еще большей силой, чем прежде, распространяться открытый и агрессивный антисоветизм. Любые попытки тщательного рассмотрения советского исторического опыта начали трактоваться как апологетика. Стало предаваться очернительству и фальсификации наше прошлое, наши достижения, наша история. Об этом сегодня пишут многие авторы¹, но, как говорится, «процесс пошел»... Нас стали убеждать, что прошлое – это одно сплошное плохое, что нам нечем даже гордиться. И что «советский режим» изначально был агрессивен по отношению к странам Запада.

Но обратимся к изначальным документам той эпохи. Еще до образования Советского Союза в марте 1921 г. X съезд РКП(б) принял резолюцию под названием «Советская республика в капиталистическом окружении». В ней, в частности, было сказано следующее: «Капиталистические державы в течение трех лет путем вооруженных нападений пытались ниспровергнуть Советскую власть, низвести Россию до роли колонии и, таким образом, превратить русское сырье и русских рабочих и крестьян в источник прибыли для иностранного капитала. Геройскими усилиями трудящихся Советская республика отбила эти попытки и тем завоевала себе возможность вступить в общение с капиталистическими государствами как независимое государство, на основе обязательств политического и торгового

¹ О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России. Сборник материалов. – М.: Совет Федерации, 2012. – 96 с.; *Кукнадзе В. Г., Ионов В. В.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность. – М.: Юго-Восток-Сервис, 2010. – 60 с.; *Рой Медведев:* Путин участвует в реабилитации Сталина? Это фальсификация. – [Электронный ресурс] <https://www.business-gazeta.ru/article/362280>.

характера»¹. Ни слова о классовой вражде, мировой революции, военной агрессии, уничтожении «гнилого капитализма».

А вот более свежий пример нашего восприятия западных ценностей: «До тех пор, пока неизбежные компромиссы не возмущают Вашей совести, но способствуют согласной деятельности на общую пользу, — они не только возможны, но и необходимы»². Тем не менее, западные страны сразу же после появления Советской власти стали проводить свою антисоветскую политику. И в этом нет ничего удивительного. Поскольку антисоветизм изначально возник на почве отрицания самого права нашего народа на строительство социализма и на формирование новой, советской модели государственности. С одной стороны, он прикрывался его сторонниками рассуждениями о праве на свободомыслие и на необходимость дискуссий, заявлениями о конструктивном обсуждении и критике социалистических и коммунистических идей и советских проектов. Но вот только «целились в коммунизм, а попали в Россию» (А. А. Зиновьев).

С другой стороны, он, этот самый антисоветизм, поддерживался и до сих пор поддерживается извне открытыми врагами нашей страны, их финансовыми, материальными, организационными и идеологическими ресурсами. В вязи с этим антисоветизм даже приобрел одну из своих устойчивых разновидностей — западничество. Или, иначе говоря, он слился с западничеством, которое исторически возникло намного раньше, но которое всегда служило формой антирусского, антироссийского идейно-теоретического противостояния в обществе.

Известно, что западниками были многие видные персонажи российской истории. Искать истоки западничества можно в разных эпохах нашей истории. Например, в эпохе Ивана IV Грозного. Его переписка с бежавшим из страны Андреем Курбским, упрекавшим Русь в заскорузлости и отсталости и хвалившим польские и литовские порядки, вполне можно отнести к тому западничеству.

Истоки западничества можно также найти и в эпохе Петра Великого, начиная с которого представителей российской интеллигенции стали регулярно посылать на Запад учиться и стажироваться. Сам император, в частности, отправил своего фаворита П. С. Салтыкова, будущего российского

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов: В 4-х т. Т. 1. — М.: Политиздат, 1957. — 880 с. — С. 207.

² *Иоанн, митрополит*. Одоление смуты. Обращение к русскому народу. — СПб., 1995. — 352 с. — С. 246.

генерала-фельдмаршала, для учебы морскому делу во Францию. Полагая систему образования в нашей стране отсталой, Петр I искренне верил, что подобным способом он может поднять ее до уровня передовых стран. Но с профессиональным обучением в Россию пришло и западное идеологическое влияние. После смерти Петра I практика «учебных командировок» была продолжена его преемниками. Так студенты Московского университета С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков по указанию графа И. И. Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, были командированы в Великобританию (Шотландию) в университет Глазго для обучения юриспруденции, математике, химии и истории. Впоследствии С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков стали первыми русскими профессорами политической экономии, поскольку учились у самого Адама Смита. Но что интересно, С. Е. Десницкий, еще будучи в Шотландии, был принят в масоны, а по возвращении в Россию стал основателем петербургской масонской ложи «Осирис». Таким способом, в то время идеи Запада попадали на русскую почву. Распространенным было западничество и при Александре I. Например, открытыми англофилами были Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский. Правда, масонов Александр I запретил, издав 13 августа 1822 г. рескрипт «О запрещении тайных обществ и масонских лож». Уж больно много развелось масонов в политической элите российского общества. Но российское масонство никуда не делось, оно лишь ушло в тень, и только.

Не вдаваясь в дальнейшую историю, отметим только, что масонство родилось в недрах умирающего феодализма как идеология буржуазии, стремившейся утвердиться в обществе и реализовать свои интересы самыми разными способами, в том числе и мистическими, тайными способами. Например, осуществляя заговоры или дворцовые перевороты или дискредитируя неугодных политиков и т. д.

Очередное распространение масонство в России получило уже в XIX – начале XX вв. Ко времени Февральской революции 1917 г. Россия уже была покрыта густой сетью масонских лож. Через них как раз и шло раскачивание внутривластной ситуации, идеологическое воздействие на общественное сознание в целом, а на российское руководство в частности.

Известно, что даже Николай II одно время поддерживал масонов, но затем вышел из масонской ложи (мартинистов). Тем не менее его дяди, великие князья Николай и Петр Николаевичи, были «заядлыми» масонами. Масоном был и будущий глава Временного правительства А. Ф. Керенский (ложа «Малая Медведица»), и председатель III Государственной думы

А. И. Гучков, и многие другие видные политические деятели России, сыгравшие свою нелицеприятную роль в крушении монархии¹.

По большому счету за работой российских масонов в 1914–1917 гг. стояли откровенная русофобия и желание союзников (прежде всего, Великобритании) держать нашу страну в состоянии войны с Германией. Этим в значительной степени и объяснялось активное влияние Великобритании в революционных событиях 1917 г..²

Но вернемся к сути вопроса. После возникновения Советского Союза традиционная русофобия, зародившаяся изначально посредством западничества и масонства, постепенно эволюционировала в свою новую разновидность – антисоветизм. И, что несколько не выглядит странным, именно в 1991 г. в нашей стране началось очередное возрождение масонства, создание масонских лож. В 1992–1993 гг. Великой национальной ложей Франции на территории РФ были созданы ложи «Гармония» и «Лотос» в Москве, «Новая Астерия» в Санкт-Петербурге и «Гамаюн» в Воронеже. В 1995 г. в Москве была учреждена Великая Ложа России (ВЛР), ставшая первой национальной великой ложей, воссозданной после запрета масонства в 1822 г. Исторически, по мере превращения самой России в великую и передовую державу, западничество само по себе и в своих различных модальностях стало проявлением нашего провинциализма, комплекса неполноценности и хорошей почвой для протаскивания в наше общество и наше сознание разного рода враждебных идей и идеек.

В XX столетии западничество еще в большей степени превратилось в форму антирусского, антироссийского «самосознания» части нашей интеллигенции. Подобный феномен уже отмечался в начале XX века в известном сборнике «Вехи». Этот же феномен проявляется и теперь в распространившемся в нашем обществе уже в начале XXI столетия антисоветизме. Этому распространению способствует и норма ст. 13 Конституции Российской Федерации, в которой утверждается идеологическое многообразие и записано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»³. Странная, если не сказать больше, нор-

¹ *Замойский Л.* За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. – М.: Политиздат, 1990. – 288 с.

² *Стариков Н. В.* 1917. Разгадка «русской» революции. – СПб.: Питер, 2018. – 576 с.

³ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 14 марта 2020 года). – М.: Пит plus, 2020. – 64 с.

ма. Получается, что государство не имеет своей собственной идеологии. Или, иными словами, патриотизм вовсе не обязателен для его граждан, важнее — свобода слова.

Отталкиваясь от мифологем западной демократии, конкретные составители последней российской конституции (С. С. Алексеев, С. М. Шахрай и др.) допустили серьезный просчет, состоявший в легализации идеологического плюрализма и отказе от единой государственной идеологии. А тем самым, и в легализации западничества, русофобии и антисоветизма.

Откуда «растут ноги» у этих идеологических деформаций можно судить по разным источникам. Вот один из наиболее ярких из них. Это слова известного американского деятеля Алена Даллеса, сказанные им еще в 1945 г., когда он был секретарем Совета по международным отношениям США, т. е. еще до его назначения директором ЦРУ. Он, в частности, говорил: «Окончится война, всё как-то утрясется, устроится. И мы бросим всё, что имеем, — всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов,

прежде всего, вражда и ненависть к русскому народу — всё это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов»¹.

Эти слова, заявления и призывы просто омерзительны и чудовищны. Они так и пышут антисоветизмом, русофобией и человеконенавистничеством. Именно это «программное» заявление и стало «прелюдией» к ослаблению и последующему распаду нашей страны. Прежде всего, потому, что на основе этого программного документа в нашей стране стала активно формироваться «пятая колонна» из разного рода диссидентов. Ее представители не только занимались «литературной» и пропагандистской работой. Они проникали во властные структуры. Успеху их действий во многом способствовали и хрущевская оттепель, и брежневский застой, и, конечно же, горбачевская перестройка. «Новое мышление», заявленное М. С. Горбачевым и его ближайшими сподвижниками, на поверку оказалось лишь скрытой формой западничества и, соответственно, антисоветизма.

§2. «Немыслимое» и другие документы на службе антисоветизма

Отметим и «практическое», так сказать «тыловое», обеспечение работы по ослаблению и развалу Советского Союза. Оно было связано с тем, что в США и Великобритания, буквально на следующий день после Великой Победы над фашизмом, был разработан план уничтожения СССР. Его кодовое название — «Немыслимое». Смысл этого плана состоял в том, чтобы накрыть всю территорию нашей страны серией атомных взрывов, наподобие тех, что США организовали в Японии (над Хиросимой и Нагасаки). Были даже определены конкретные цели атомных бомбежек, рамочные сроки и технические средства исполнения задуманного.

¹ Доктрина Аллена Даллеса. — [Электронный ресурс] <http://www.husain-off.ru/hb2n/h2doc26-5.html>.

Напомним, что на тот момент наша страна еще не располагала атомным оружием. Поэтому и соблазн воспользоваться им для США был достаточно велик, и провокационные действия Великобритании, подталкивавшей США к новой мировой войне (любые войны с Россией Великобритания всегда вела «чужими руками»), были существенно активизированы.

Можно, в частности, напомнить об известном выступлении У. Черчилля в Фултоне (США), в котором Советскому Союзу практически объявлялась «холодная война». Речь впрямую шла о превращении Советского Союза из бывшего союзника в главного геополитического противника Великобритании и США, о его уничтожении. Не получилось¹.

Тем не менее, антирусская, а теперь уже – антироссийская, истерия является и сегодня основой антисоветизма и антиисторизма. И об этом следует помнить всем сторонникам и любителям европейских (якобы либеральных) ценностей или атлантической якобы «настоящей» демократии.

За антисоветскими суждениями почти всегда скрывается русофобия. Она присуща практически всем, кто демонстрирует враждебность нашему прошлому, идеологии социализма. Даже те из них, кто пытается изображать из себя патриотов, радетелей за интересы русского народа, якобы ущемлённые с приходом Советской власти, на поверку оказываются теми же русофобами, глубоко презирающими народ, его историю и достижения.

Советская история связана с утверждением первого в мире государства, основанного на принципах социальной справедливости. С победой нашей страны в самой страшной войне. С великим и беспримерным подвигом индустриализации, колоссальными экономическими, научными, культурными и социальными достижениями. Это и есть история высочайшего подъёма русского народа. Подъёма, в котором проявились его воля и безграничные созидательные способности. А слова Аллена Даллеса сегодня западники стыдливо вуалируют и даже отрицают². Хотя есть и несколько

¹ Исторический опыт Великой Победы / Под ред. О. Г. Лоретц, М. Ю. Карпухина, К. П. Стожко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. аграр. ун-та, 2020. – С. 252–279.

² *Дейч М.* Зловещий план Даллеса: поиски шефа американской разведки // Московский комсомолец. – 1005.20 января. – № 1460. – [Электронный ресурс] <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/01/20/200843-zloveschii-plan-dallesa.html>.

инные мнения¹. Кстати, о приведенном заявлении А. Даллеса руководство Советского Союза знало изначально².

Некоторые современные исследователи до сих пор вполне серьезно повествуют об отсутствии агрессивности наших бывших союзников и не совсем адекватной оценке ситуации с нашей стороны. Так В. Мокина заявляет: «У США действительно была стратегия в отношении Советского Союза. Правда, ни о каком „моральном разрушении изнутри“ речи в ней не шло». Ссылаясь на меморандум 20/1 СНБ США («Задачи в отношении России») от 18 августа 1948 г., автор пишет: «Суть этого документа – сдерживание распространения коммунистической идеи и создание в мире новой международной ситуации, в которой не будет места экспансии советской идеологии». Но при этом она все-таки признает, что «Аллен Даллес предложил руководству США действовать не военно-политическими, а более изощренными методами: способствовать моральному разложению советской молодежи»³. Тем, кто пытается доказать «миролюбивые намерения» США и Великобритании, следует напомнить об официальных документах США в отношении Советского Союза:

- Меморандум Совета Национальной Безопасности 20/1 (NSC 20/1) от 18 августа 1948 г.: «Цели США в отношении России»;
- Меморандум NSC 20/4 (от 23 ноября 1948 г.) «Задачи США в отношении России, направленные на обеспечение безопасности США»;
- Директива NSC 58 (от 14 сентября 1948 г.) «Планы США в отношении стран Восточной Европы»;
- Документ NSC 68 (от 14 апреля 1950 г.) «О специальных операциях против России».

И чтобы не оставалось иллюзии, приведем фрагмент из известного плана «Dropshot»: «В данной кампании упор делается на физическом истреблении противника»⁴. Все. Точка. Несостоятельность сторонников «западных ценностей» настолько очевидна, что больше и обсуждать нечего.

¹ Красников М. Как нас предали... «Пятая колонна» опережает график Даллеса // Советская Россия. – 9 мая 1995; Вдовин А. И. «План Даллеса», «золотой миллиард» и российские либералы-космополиты // Politpros.com. 2012. – № 3(68) [Электронный ресурс] <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=1353&journal=96>.

² Хлобустов О. М. Неизвестный Ю. Андропов. – М.: Эксмо, 2009. – 648 с.

³ Мокина В. «План Даллеса». История фальшивки. – [Электронный ресурс] <https://vatnikstan.ru/history/plan-dallesa/>

⁴ Главный противник. Сборник документов / Под ред. И. М. Ильинского. – М.,

§3. Противодействие антисоветизму не снимается с повестки дня

Следует, однако, помнить, что сегодня антисоветизм переживает фазу мимикрии, трансформируется, развивается по разным направлениям. Первое из них связано с отрицанием интернационализма и обвинениями Советского Союза в «русском колониализме». Хотя очевидно, что после распада Советского Союза бывшие союзные республики стали жить намного хуже. Ежегодный отток населения из стран Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония) составляет по 20 тыс. чел. И это притом, что общая численность населения в каждой из этих стран не превышает 2 млн чел¹. На Украине ситуация еще сложнее: оттуда за последние десять лет выехало около 4 млн чел., т. е. треть от всего трудоспособного населения страны².

Для отражения растущих внешних и внутренних угроз России крайне важна консолидация общества. Но нынешний курс, густо замешанный на русофобии и антисоветизме, убивает возможность единения. Рушит любую перспективу национального сплочения.

Возрождение России – наша судьбоносная задача. Для этого необходима твёрдая почва под ногами. Но она может быть только у такой страны, для которой свяшенно бережное отношение к истории и к государственно образующему народу, являющемуся её духовным, социальным и демографическим стержнем. Опора на родную историю исключительно важна в периоды испытаний. На излёте Советского Союза эта истина была попрана. И противники смогли взорвать наше Отечество. Для подрыва его фундамента активно использовали всё тоже оружие: антисоветизм и русофобию. В наше время оно способно принести не менее страшные результаты, посеять не менее разрушительный хаос, чем в конце прошлого века.

Мы не вправе забывать бессмертный завет Александра Сергеевича Пушкина: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие». Он напоминает нам о необходимости изжить пороки русофобии, защитить наши традиционные

2006; Задачи США в отношении России. Директива 20/1 Совета Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 года // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 3–4. – С. 159–176.

¹ Газета.ru – [Электронный ресурс]: <https://www.gazeta.ru/business/2018/03/30/11701616.shtml>.

² Lenta.ru – [Электронный ресурс]: <https://lenta.ru/news/2019/11/23/ukraina/>.

культурно-нравственные ценности (домашнего очага, семьи, продолжения нас в потомстве, мира и любви), оградить общество от пропаганды насилия и пошлости. К этому всё активнее стремится наш народ. Именно поэтому он так дружно приветствует возвращение Крыма и Севастополя в родную гавань. Поддерживает антибандеровскую борьбу Донецка и Луганска и миротворческие действия российских вооружённых сил в Сирии, уверенно встаёт в ряды «Бессмертного полка», поднимает на щит советские ценности. Где здесь агрессия, о которой кричат западные СМИ: ее, этой агрессии, нет, и никогда не было. А вот помощь и солидарность были и будут всегда. Как в братской Испании, воевавшей в 30-х гг. прошлого века против фашизма. Как в балканских славянских странах, народы которых безжалостно вырезали турецкие янычары. Как на Кубе, восставшей против проамериканских агрессоров.

Исторически Российское государство росло и крепло, пока у него хватало сил идти по пути самобытного развития, сохранять свою уникальную цивилизацию, следовать собственным историческим путём, пусть и заимствуя при необходимости лучшие достижения соседей, но, не смешиваясь с ними, не допуская господства чужеродных идей и ценностей в душах и умах соотечественников. Любое отступление от этого «золотого правила» оборачивалось неминуемой Смутой. Государство утрачивало эффективность и прочность. Появлялись разные самозванцы (три Лжедмитрия, «спасшиеся цари» Е. Пугачев и С. Разин, «верховный правитель» адмирал А. В. Колчак и т. д.). Общество, раздираемое внутренними противоречиями, превращалось в поле бесконечных политических и идеологических конфликтов. Ясное национальное самосознание народа меркло на фоне безначалия и бушующих страстей.

Другое направление современного антисоветизма – это отрицание конструктивного опыта государственного строительства в советское время и демагогия, выпячивание на передний план общих и часто отвлечённых тезисов и лозунгов. Их модно называть общечеловеческими ценностями. Это и гендерная распушенность, и алкоголизм, и наркомания. То есть все то, что ныне называют суверенитетом (свободой) личности. А что же государство?

Советское государство было государством советов. Советы возникли по инициативе самого народа, а не создавались сверху. Не лишним будет напомнить о том, что первые советы как форма самоуправления появились еще в марте-апреле 1905 г. на Надеждинском и Алапаевском уральских

горных заводах. А после Октябрьской революции 1917 г. именно эта форма государственного устройства получила свое развитие.

Нельзя забывать и о том, что Декларация о государственном суверенитете, принятая в июне 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР, стала одним из главных шагов на пути к развалу Советского государства. Провозглашение в начале 1990-х «суверенитета» России явилось предвестником тех негативных процессов, которые как раз и привели к фактической утрате нашей страной суверенности. Что, разве до этого Россия не была суверенной, т. е. не была свободной и независимой? Была! Так для чего нужно было все это, как не для того, чтобы под шумок прийти к власти новым господам из числа «пятой колонны».

Необходимо напомнить, что еще до роспуска Советского Союза в Беловежской пуще, а именно в марте 1991 г., абсолютное большинство советских граждан высказались за сохранение СССР. Но в декабре того же года их воля была незаконным образом попрана беловежскими «реформаторами» во главе с Б. Н. Ельциным и его поделельниками. Объявив о прекращении существования Советского Союза, они совершили одно из самых мерзких политических преступлений в истории человечества. Сегодня более 25 млн русских людей остались за пределами своей исторической родины, превратившись в меньшинство в соседних странах. И это преступление еще получит свою должную оценку в истории, которая (выражаясь словами русского поэта М. Ю. Лермонтова) «не подвластна звону злата, дела и мысли видит наперед».

Сегодня сложилась новая реальность. Оставаясь на строго научных исторических позициях, ее необходимо осмыслить и оценить. Очевидно, что и сегодня власть не желает до конца дать справедливую правовую оценку совершённым тогда беззаконию и призвать к ответу тех, кто в нём участвовал. Потому что в этом случае придётся наказать и многих из тех, кто по-прежнему вхож в коридоры власти, прибрал к рукам целые отрасли промышленности, командует русофобскими и антисоветскими СМИ. Фактически, в результате политического авантюризма и социальной демагогии тех лет, единая русская цивилизация оказалась разорванной на три части. Для каждой из них последствия такого разделения оказались разрушительны, и в социально-экономическом, и в демографическом, и в культурном планах.

Вопрос о новом воссоединении славянских республик, который часто поднимается сегодня, связан отнюдь не только с восстановлением

утраченного геополитического статуса России. Вопреки утверждениям наших недругов, он не исчерпывается исключительно российскими интересами. Это вопрос жизнеспособности всех трёх республик и населяющих их народов, накрепко связанных общими корнями, которые не могут быть разорваны никакими противниками и никакими временными разногласиями.

Восстановлению полноценного союза России, Украины и Белоруссии помешало, прежде всего, отсутствие должной политической воли со стороны российского руководства. Именно это, в конечном счёте, развязало руки проамериканскому политическому истеблишменту, захватившему власть в Киеве в 2014 г. Именно это провоцирует сегодня процессы, грозящие нарастанием конфликта в отношениях между Россией и Белоруссией. Эта политика должна быть немедленно изменена.

Третье направление современного антисоветизма – это дальнейший экспорт демократии и экономических порядков Запада в нашу страну. Это происходит путем трансфера иностранных инвестиций на желательные для иностранного капитала управленческие решения. Сегодня доля иностранного капитала в российской добывающей промышленности составляет более 55%. А в обрабатывающей – около 40%. Еще выше она в энергетическом машиностроении – достигает 95%. При этом очень высока и доля прямых иностранных инвестиций¹, а это создает, в свою очередь, еще большую угрозу, повышая зависимость отечественных производителей электроэнергии от зарубежных инвесторов.

В оптовой и розничной торговле – почти 90%. В цветной металлургии – 76%. В химической промышленности – половину. В электротехнической промышленности и в производстве нефтепродуктов – 43%. В пищевой, текстильной и фармацевтической промышленности – более четверти. При этом иностранный капитал оказывает давление не только на экономику, но и на политику. В 2018 г. ЦБ РФ зафиксировал рекордный отток зарубежных инвестиций из России, что стало реакцией западных финансовых кругов на развязанную США против Российской Федерации войну санкций².

Развал советского народного хозяйства нанёс колоссальный урон отечественной экономике и социальной сфере. Его результатом стало то, что в 1990-е национальный доход сокращался в среднем на 5,7%

¹ *Зубкова Я. Н.* Прямые иностранные инвестиции в электроэнергетике России. – М.: Инфра-М, 2019. – 204 с.

² ЦБ зафиксировал рекордный отток зарубежных инвестиций. – [Электронный ресурс] <https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab58a09a7947da221f5958>.

ежегодно – существеннее, чем в начале Великой Отечественной войны. В первые два десятилетия XXI века наша экономика либо продолжала падать, либо демонстрировала «рост», не выходящий за пределы статистической погрешности. То есть экономика страны стагнировала. В 2019–2020 гг. ВВП Российской Федерации практически не рос¹.

Обращает на себя внимание во многом антисоциальный характер нынешней экономической политики, что противоречит Конституции РФ, в которой миллионы людей стремительно нищают и погружаются в долговую яму. В то время, как два десятка главных российских миллиардеров увеличивают своё суммарное состояние на 1,5 трлн рублей каждые полгода, почти на 300 млрд – за месяц, на 9,5 млрд – за день и на 400 млн за час. Таковы данные, опубликованные авторитетным зарубежным агентством «Блумберг».

В 2020 г. новый виток кризиса, к которому Россия не смогла достойно подготовиться, привёл к тому, что стремительное падение экономики возобновилось. Ускорилось обнищание людей. Нанесён очередной удар по производственной сфере, по малым и средним предприятиям, по миллионам семей. Этому способствовали растущая макроэкономическая и политическая нестабильность, объявленная нашей стране западными державами война санкций, таможенные и ценовые войны, недобросовестная мировая конкуренция, эпидемия лихорадки Эбола, распространение птичьего гриппа, пандемия коронавируса Covid-19 и другие причины.

Поэтому следует признать, что в сохранении разрушительной системы, возникшей на руинах великой Советской державы, заинтересованы лишь олигархия, захватившая наши национальные богатства, и обслуживающие её чиновники. Но народ заинтересован в том, чтобы из руин восстала великая, подлинно независимая страна. И наша история подтверждает, что это возможно только при условии, если в борьбе за своё возрождение Россия будет опираться на социалистические принципы.

На протяжении всей советской эпохи, за исключением Великой Отечественной войны, в которой мы потеряли 27 млн чел., стремительно росло и население СССР в целом, и население Российской Федерации. К 1941 г. оно на 43 млн превышало население Российской империи конца XIX века. А уже через 10 лет после Победы почти сравнялось с довоенным

¹ *Стожко Д. К.* Модернизация российской экономики: История. Теория. Практика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 412 с. – С. 264.

временем. К началу 90-х годов XX века в России жило в два с лишним раза больше людей, чем за 100 лет до этого. Безо всякой миграции, благодаря высокой рождаемости, которую стимулировала социальная политика Советской власти.

Вот исторические данные о средней продолжительности жизни в нашей стране и на Западе: Россия в 1900 г. — 32 года; США в 1900 г. — 49 лет; СССР в 1967 г. — 70 лет; США в 1967 г. — 67 лет. В Америке, где к началу XX века люди жили в среднем на 17 лет дольше, чем в России, средняя продолжительность жизни к 1967 году увеличилась на 18 лет по сравнению с 1900-м. А в СССР через 50 лет после установления Советской власти люди стали жить в среднем на 38 лет дольше, чем в России начала XX столетия. И в 1967 году Советский Союз уже превосходил США по средней продолжительности жизни. В нашей стране её увеличение за советский период оказалось в два с лишним раза более существенным, чем в США — ведущей стране капиталистического мира. СССР опередил по продолжительности жизни не только Соединённые Штаты, но и такие страны, как Франция, Бельгия, Финляндия. И сравнился по этому показателю с Японией, ФРГ, Италией и Канадой. Это говорит о том, что советское государство способствовало намного более быстрому социальному прогрессу, чем современная рыночная система в её самом благополучном варианте.

В середине XVII века русских насчитывалось на наших просторах лишь 7 млн. К концу XIX столетия их стало почти на 50 млн больше. На такой демографический рост в эпоху монархии ушло 250 лет. А в Советском Союзе за 63 года — с 1926-го по 1989-й — русских прибавилось на 67 млн с лишним. В середине 1920-х годов их было около 78 млн а в конце 1980-х — уже более 145. И это после гражданской и двух мировых войн, унёсших десятки миллионов их жизней!

Последняя советская перепись населения, проведённая в 1989 г., показала, что только в РСФСР русских тогда насчитывалось 120 млн. К концу 1991-го их стало на миллион больше. Ныне 121 млн русских в самой России и 25 млн — в других союзных республиках. А что имеем теперь? С 1991 г. по 2019 г. Новгородская область потеряла 155 тысяч человек, Орловская область — 165, Костромская область — 170, Псковская — 217, Смоленщина и Ярославская область — более 220, Курская область — 225, Пензенская — более 240, Владимирская — 300, Тульская и Тверская — 400, Архангельская — 430, Мурманская — почти 450, Нижегородская — 570 тысяч.

За советскую эпоху численность русских увеличилась более чем вдвое. За последние тридцать лет она сократилась на 13%. Неуклонно снижается и численность аграрного населения в стране. Так в Свердловской области в 2004 на селе проживало 554 тыс. чел, а в 2014 г. — уже 502 тыс. чел., к 2029 г. прогноз составляет 456 тыс. чел. Аналогичная ситуация в Челябинской, Курганской и других областях Большого Урала. Так в Челябинской области коэффициент рождаемости составляет 1,8. Иначе говоря, численность сельского населения в области неуклонно сокращается¹. Какие ещё нужны доказательства тому, что советская страна была страной для людей, была народной страной?!

Сегодня абсолютное большинство молодых россиян не могут рассчитывать на приобретение собственного жилья — даже самого скромного. Более того, они лишены перспективы приобрести жильё и через 10, 15 или 20 лет. С начала 1990-х стоимость жилья в России выросла стократно. Даже если откладывать всю зарплату до копейки на покупку квартиры, что, само собой, невозможно, то среднестатистическому москвичу придётся копить 12 лет, жителю Питера — 11 лет, живущему в одном из центральных регионов России — 18 лет, жителю южных — 10 лет. А те, кто пытается решить проблему с помощью банковских кредитов, должны будут, из-за грабительских процентов, выплатить банку двойную, а то и тройную стоимость приобретённой квартиры. Либо убраться из неё, если выплата кредита окажется непосильной. Масштабы жилищного строительства в советское время сегодня признаются и зарубежными авторами². Да и было бы трудно не признавать, если учитывать, что сегодня в год в Российской Федерации строится менее 20 млн кв. м жилья. И все оно — баснословно дорогое³.

Накопленный опыт планирования в советской экономике и успехи в решении социальных проблем вплотную подводит нас к необходимости широкого обсуждения и принятия стратегии социально-экономического развития страны. Следует разработать и вынести на всенародное обсуждение проект комплексного социально-экономического развития России на ближайшие десять лет. Необходим ясный и вдохновляющий

¹ *Стожко Д. К.* Модернизация российской экономики: История. Теория. Практика. — Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2020. — 412 с. — С. 258.

² *Мойзер Ф.* Жилищное строительство в СССР 1955–1985. — М.: Dom Publishers, 2020. — 204 с.

³ Строительство жилья в Российской Федерации. — [Электронный ресурс] <https://rg.ru/2020/06/23/skolko-zhilia-stroitsia-sejchas-v-rossii.html>.

общенациональный созидательный проект, способный объединить народ, его передовые, ответственные и способные, социально-авангардные силы. Необходимо стратегически определиться в самом типе и курсе социально-экономического развития, модели применения рыночных инструментов. И в этом плане использование исторического опыта советского периода нашей страны имеет особое, очень конструктивное и перспективное значение.

В чем это значение состоит?

Первое. Необходимо строить государственную политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. Для этого нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение и образование одними из лучших в мире. Важнейшее направление — это улучшение состояния окружающей среды, что также станет вкладом России в решение глобальных экологических проблем.

Второе. Необходимо расширять пространство свободы. Это принципиально важно для становления сильного гражданского общества, для развития экономики и социальной сферы, науки и культуры. Курс на снятие барьеров, на либерализацию законодательства отвечает, прежде всего, интересам и запросам наших граждан.

Третье. Для технологического прорыва, для того чтобы быть конкурентоспособными в современном динамичном мире, нужно быть восприимчивыми для новых идей, для технологий, которые меняют жизнь людей, определяют будущее страны и мира.

Четвёртый ключевой принцип современного развития — это открытость страны, её нацеленность на активное участие в мировых процессах и интеграционных проектах. Следует усилить роль нашей страны в мировой транспортной и информационно-коммуникационной системе. А ведь после распада Советского Союза эта роль существенно ослабла. В 1990 г. мощность портов Советского Союза составляла почти 600 млн т, а в начале 2000 г. — только 300 млн т. И очень важно, что в 2018 г. пропускная способность морских портов превысила 1 млрд т. Это особо подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин¹.

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации В. В. Путин Федеральному собранию. 1 марта 2018 г. — [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957/print>.

Как тривиальна и истина о том, что есть «время разбрасывать камни», но есть и «время собирать камни». Очень многие русские эмигранты, убежденные антисоветчики, масоны, западники в конце своей жизни разочаровались в своих прозападных пристрастиях. Тот же П. Н. Милюков, доживая свои дни во Франции, незадолго до смерти признал успехи «советского проекта» и искренне желал победы русского (советского) оружия над немецким фашизмом¹. Весьма показательная трансформация закоренелого англофила! «Единство, мощь и процветание Российского государства требует единой и сильной государственной власти в центре, национальной по духу, внеклассовой и сверхсословной по направлению воли, доступной каждому гражданину во всех его справедливых притязаниях и нуждах»². Эти слова великого российского философа И. А. Ильина были сказаны почти сто лет назад. Но и сейчас они сохраняют свою актуальность.

И еще один вывод, в назидание. Нельзя прельщаться и тем более обольщаться никакими западными идеалами и ценностями (демократии, рыночной экономики, образа жизни и т. д.) Последние события избирательной президентской кампании в США (2020) ярко показали истинную ценность демократии: когда финансовым воротилам понадобилось, все крупнейшие компании СМИ просто стерли в порошок имидж действующего президента могущественной страны. Путем многочисленных подтасовок они привели в Белый дом старого человека, возродив у себя ту самую геронтократию, которая сложилась в нашей стране в начале 80-х гг. XX в. и которая ослабила нашу страну. А уж что касается пропагандируемых «гендерных идеалов», то, как говорится, «избави нас Бог от лукавого». Все отчетливее начинаешь понимать, что современное западничество – это обморок сознания нашей эпохи. А густо замешанный на нем антисоветизм – еще более порочен как производная его фракция.

И последнее. Нельзя обольщаться собственными успехами и победами, поскольку они могут быть иллюзорными. Как это произошло в далекие 80-е гг. прошлого века, когда на июньском Пленуме ЦК КПСС (1983) было заявлено о «формировании духовно богатой, гармонично развитой и идейно убежденной личности, строящей жизнь по законам социальной

¹ Милюков П. Н. Воспоминания: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1991.

² Ильин И. А. О воспитании в грядущей России / Собрание сочинений: В 10 тт. Том 2. Книга 2. – М.: Русская книга, 1993. – С. 178–192.

справедливости, разума, добра и красоты»¹. Поспешили, выдали желаемое за действительное. И здесь тоже: «Избави нас от лукавого».

Наконец, необходимо всегда помнить о том, что «влияние Запада на Россию отнюдь не было улицей с односторонним движением», а идея преодоления отсталости России и ее вхождение на равных в «клуб» западной цивилизации со стороны самих западных государств всегда сопровождалась требованием безоговорочного признания «западных ценностей». А если и допускалось сохранение собственно российской идентичности, ее традиций и культуры, то такая идея являлась, по сути, акциденцией и трактовалась как временный компромисс². Тогда спрашивается: зачем нам такая прозападная идеология, враждебная всему русскому и российскому, по сути, и агрессивная по содержанию? Россия – это великая культура и цивилизация. И она не должна стоять в очереди ни в какие «клубы» цивилизаций: ни в западный, ни в восточный, ни в саксонский, ни в тевтонский и т. д. Для этого необходимо воспитание в себе, в каждом из нас, самодержавия духа – нашего самосознания, в котором мы должны воспринимать себя как полноценных и самодостаточных людей, не склонных к фетишизации чужих ценностей и идеалов. Людей, понимающих объективную необходимость (обладающих такой способностью) противостоять любым внешним культурным, идеологическим и практическим попыткам нашей ассимиляции, агрессии против нас и, тем более, нашему уничтожению.

И здесь рыночная психология и ориентация на максимизацию прибыли не поможет. Она, эта психология дельцов и стяжателей, ставшая когда-то флагом протестантской Реформации в Западной Европе, только разъедает наше самосознание и нашу государственность. И именно поэтому она должна иметь подчиненное значение. Она должна быть детерминирована нашими духовными ценностями. Не западными, а именно нашими. Среди них: воля к совершенству (И. А. Ильин); соборность (В. С. Соловьев); софийность (С. Н. Булгаков); сизигия (П. А. Флоренский); накопление в себе сил добра (С. Л. Франк); социальная взаимопомощь (П. А. Кропоткин). А также правдоискательство, трудолюбие, служение, патриотизм и др. Весь этот спектр наших духовных скреп давно и тщательно был разработан и предложен обществу русскими мыслителями и учеными, представителями

¹ *Игнатовский П. А.* Экономическая жизнь социалистического общества. – М.: Экономика, 1983. – 248 с. – С. 202.

² *Поздняков И. В.* Условность слова и безусловность истории. – Екатеринбург: Элита-Регион, 2009. – 242 с. – С. 123–124.

идеал-реализма – совершенно особого и глубоко направления в истории философии. Направление, которое опять-таки все еще не в чести не только у философов-марксистов, но и у философов-модернистов. Направление, которое, однако, вполне успешно может стать философской основой формирования нашей государственной идеологии в XXI веке.

И этот «философский пароход», опрометчиво отправленный когда-то радикальными марксистами-революционерами (идеологами опять-таки западного типа) в эмиграцию, необходимо ныне возвращать в родную гавань. А это означает только одно, а именно: нашему обществу, всем нам предстоит большая творческая работа по реконструкции и возрождению еще забытых и близких русскому сердцу созидательных форм и устоев народной жизни. И практическое использование позитивного опыта советского периода нашей истории в этом отношении может служить хорошим объединяющим стимулом, который позволит выйти нашему обществу и нашей экономике из кризисного состояния.

Глава 3. Советская цивилизация: минувшая реальность в современном дискурсе (И. Ф. Кефели)

§1. Оправдает ли история движение вспять?

Первая глобальная победа западнизма – это «антикоммунистический переворот» в Советском Союзе в 1991 г., который готовился на всем протяжении холодной войны. Но на этом процесс западнизации не завершился, он обретает форму «эволюционной войны», то есть мирной войны за всю последующую эволюцию человечества. Спустя четверть века подобная «мирная война» обрела реальные контуры гибридной войны, которая представляет собой новую форму межгосударственного противоборства. Вот наглядный пример: американский президент Дж. Байден уже в первых строках «Временных указаний по стратегии национальной безопасности» (март 2021 г.) предупреждает, что «мы сталкиваемся с миром растущего национализма, ослабевающей демократии, растущего соперничества с Китаем, Россией и другими авторитарными государствами... Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть

разрушительную роль на мировой арене»¹. А потому в противодействии им все средства хороши, в первую очередь, в киберпространстве.

Как отмечалось выше, в соответствии с законом гибридизации, эволюция *постсоветизма* может осуществляться по двум направлениям (раздвоение единого) – *советизированный* западнизм либо западнизированный *советизм*. Внешние факторы инициируют развитие постсоветизма по первому направлению. Однако внутренние факторы, укорененные историей, традициями, менталитетом и характером экономического развития, утверждают приоритеты западнизированного советизма. В соответствии с законом гибридизации, эволюция постсоветизма может осуществляться по двум направлениям (раздвоение единого) – либо советизированный западнизм, либо западнизированный советизм. Внешние факторы инициируют развитие постсоветизма по первому направлению. Однако внутренние факторы, укорененные историей, традициями, менталитетом и характером экономического развития, утверждают приоритеты западнизированного советизма. Действительно, вполне справедливо прозвучал упрек Президента Российской Федерации В. В. Путина еще в 2006 г. в Послании Федеральному Собранию в связи с тем, что «с переменами начала 90-х годов были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан»². За последние 20 лет, согласно рейтингу Forbes, к 2020 г. число российских миллиардеров выросло до 123, суммарное состояние которых в 2021 г. составил \$663 млрд. – и это в условиях жесточайшего коронакризиса³! Более того, британская газета Financial Times сообщает, что состояние этих 120 миллиардеров составляет 1/3 от всего ВВП России, которая по этому показателю вышла на первое место в мире. Для сравнения стоит сопоставить динамику роста наших замороженных миллиардеров (рис. 35) и реальных доходов населения Российской Федерации (рис. 36)⁴.

¹ Interim national security strategic guidance. March 2021. The white house. – Washington. – 23 p. – P.6, 8.

² Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н Президент России (kremlin.ru).

³ 200 богатейших бизнесменов России – 2021. Рейтинг Forbes | Forbes.ru.

⁴ Число долларовых миллиардеров стало рекордным в России с 2000 года: В поддержку Платошкина Н. Н. Newsland – комментарии, дискуссии и обсуждения новости (дата обращения 10.11.2021).

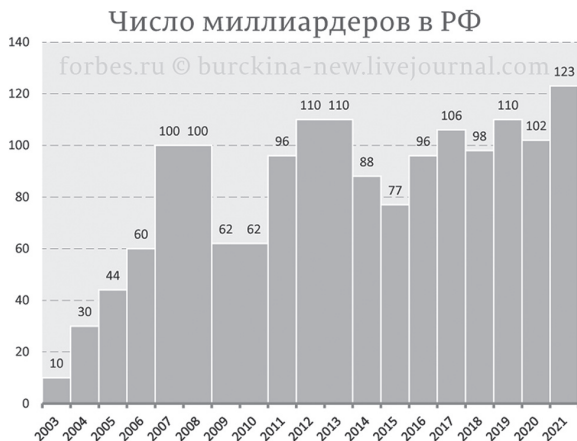

Рисунок 35. Число миллиардеров в Российской Федерации

Рисунок 36. Реальные доходы населения Российской Федерации
(в % к предыдущему году)

По данным консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG), обнародованным в июне 2021 г., на 500 самых богатых россиян приходится 40% состояния населения нашей страны¹. Недаром борьба с бедностью стала одной из приоритетных задач российского государства.

Весьма примечательным было выступление В. В. Путина на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге весной 2007 г., в котором был провозглашен новый курс, резко отличающийся от либеральной модели развития российской экономики и общества в целом, хотя внешне Путин не вышел за рамки либеральной экономической мысли. Однако важно его заявление о том, что Россия может (по крайней мере, теоретически) строить свой ареал экономического и финансового влияния.

«Убеден, – заявил тогда Путин, – финансовые центры и центры принятия решений новых глобальных корпораций могут находиться в том числе и в нашей стране... Сегодня протекционизм, с которым и призвана бороться Всемирная торговая организация, часто исходит из развитых экономик, учредивших эту структуру. Именно в них сосредоточена большая часть мировых объемов государственной поддержки бизнеса.

Не случайно, что параллельно идет формирование региональных союзов и соглашений, создающих, по сути, новую структуру глобального рынка. И процесс либерализации торговли по преимуществу также идет в рамках этих соглашений. Для стимулирования торговли и инвестиций *стоит подумать о создании региональных евразийских институтов свободной торговли...* Россия продолжит проводимую нами политику, направленную на повышение привлекательности нашей национальной валюты – рубля, нашего финансового рынка и банковской системы» (курсив мой. – *И. К.*). Пожалуй, впервые Путин заявил не о том, как надо встраиваться в западную модель глобализации, а о том, что нужно строить альтернативную модель на евразийском континенте².

Однако в действительности «вал приватизации» продолжает разваливать российскую экономику. Пятьсот крупнейших промышленных гигантов России были проданы по бросовым ценам. По некоторым оценкам, реальная стоимость всех проданных на протяжении 90-х годов предприятий составляла не менее 6 трлн долларов, из которых в государственную казну поступили лишь 9,3 млрд долларов. Так Россия стала страной

¹ Миллиардеры в России (tadviser.ru) (дата обращения 10.10.2021).

² Цит. по: *Хазин М.* Путин и геополитика // Завтра. – 2007. – № 25. – С. 3.

миллиардеров. В результате безудержной приватизации полностью были разорены такие важнейшие отрасли, как электронная и химическая, авиационная и космическая, машиностроение и металлообработка. В середине второго десятилетия XXI в. 90% объектов хозяйственной деятельности нашей страны перешли в частные руки, тогда как в Западной Европе и США в собственности государства находятся от 33 до 60% предприятий. Многие промышленные объекты стратегического значения перешли под контроль иностранного капитала. Среди них – Западно-Сибирский, Нижнетагильский, Кузнецкий, Орско-Халиловский металлургический комбинаты, Красноярский, Братский, Новокузнецкий, Саянский алюминиевые заводы, МАПО «МИГ», АКБ «Сухой», АКБ им. А. С. Яковлева, АКБ им. О. К. Антонова, авиакомплекс им. С. В. Ильюшина, завод «Пермские моторы» и др. В разы уменьшилось число проектных организаций, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов. И как результат – если в 1990 г. за счет научно-технического потенциала у нас обеспечивалось до 65% экономического роста, то сейчас – менее 5%. Для сравнения, на долю семи высокоразвитых стран приходится 80–90% наукоемкой продукции, а на долю России – 0,3%. По признанию С. Ю. Глазьева, в России уже не одно десятилетие происходит сокращение научно-технического потенциала. Мы – единственная страна из группы G20, где наблюдается абсолютное сокращение количества ученых и инженеров¹. Подобного рода примеров можно приводить достаточно много, но это лишь подтверждает действенность закона зеркальности, характеризующего разрыв между благими намерениями и верными заверениями, с одной стороны, и реальными событиями – с другой. В подтверждение сказанного Ю. П. Савельев приводит данные по натуральным показателям экономики современной России (по состоянию на 2014 г.), превосходящие соответствующие показатели РСФСР спустя четверть века (таблица III.1)²

¹ Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с. – С. 469–470.

² Савельев Ю. П. Реальная экономика советской и современной России. Аналитический справочник: советские цифры против современных мифов. 2-е изд., перераб. и дополн. – СПб., 2017. – 326 с. – С. 248.

Таблица III.1. Перечень натуральных показателей экономики современной России (по состоянию на 2014 г.), превосходящих соответствующие показатели РСФСР

Продукция	2014/1985	Комментарий
Табак и табачные изделия	291%	Антисоциальная продукция
Алкогольная продукция	139	Антисоциальная продукция
Полистирол	262	Энергоемкое и химически вредное производство
Поливинилхлоридная смола	214	Энергоемкое и химически вредное производство
Полиэтилен	215	Энергоемкое и химически вредное производство
Древесностружечная плита	146	Энергоемкое и экологически вредное производство
Клееная фанера	224	Энергоемкое и экологически вредное производство
Холодильники и морозильные камеры	107	Сборочное производство из комплектующих зарубежных компаний
Телевизоры	237	Сборочное производство из комплектующих зарубежных компаний
Вагоны ж/д грузовые	203	
Автомобили легковые	145	Сборочное производство из комплектующих зарубежных транснациональных корпораций
Мясо домашней птицы	383	Бройлерное производство из материала зарубежных компаний
Гречиха	147	
Овощи	110	
Масло растительное	602	

Постсоветизм – реальность, по отношению к которой законы социальной динамики воплощаются в постановке целей, прогнозировании, проектировании и управлении социальными процессами. Цели, социальное прогнозирование, проектирование и управление реализуют, в таком случае, действие законов социальной динамики. Целями выступают как построение общества социальной справедливости, так и построение общества, в котором утверждается принцип социального неравенства и обогащения

меньшинства за счет бедствующего большинства. Подобная дивергенция целей была заложена еще в социальных утопиях гуманистов Возрождения. Уже в то время наметились две тенденции в истории развития гуманистических идей. Первая, как известно, выражала интересы идущей к власти молодой буржуазии. Это был тот самый буржуазный гуманизм, представители которого (начиная с итальянских гуманистов) строили планы справедливого общественного устройства на основе индивидуализма и «разумного эгоизма», свободного развития «естественной природы» человека, творческой личности. Вторая тенденция получила воплощение в утопическом социализме, выражавшем интересы зарождающегося пролетариата, человека труда. Здесь ключевой темой выступала проблема форм общения и связи людей, имущественного равенства, равного участия всех в общественном производстве, создания справедливого общественного устройства, где, как писал в «Городе Солнца» Т. Кампанелла, «знания, почести и наслаждения являются общим достоянием». Условием счастья каждого и всех должен стать «философский образ жизни общиной». Эти идеи Кампанеллы были восприняты менталитетом русского человека, культурной историей России, что, в конечном счете, реализовалось в социалистическом гуманизме¹. Социальное проектирование опирается на социальные цели, которые выражают глубинные ментальные характеристики цивилизационного устройства того или иного общества, и направлено на создание масштабных социальных институтов, социальной инфраструктуры и социотехнических систем, которые в своей совокупности обеспечивают развитие и функционирование социума на новых принципах организации. Так советский проект включал в себя и утверждение социалистических отношений, и создание институтов социалистического государства, и реализацию общегосударственных технических проектов, обеспечивающих геополитическую безопасность Советского Союза – ракетно-ядерного щита, освоение космоса, коммуникационной (транспортной и информационной) инфраструктуры страны.

¹ См. подр.: *Кефели И. Ф.* Судьба России в глобальной геополитике. – СПб., 2004. – С. 178–199.

§2. Геополитическая судьба России: от холодной войны к полицентричному миру

Завершение Второй мировой войны означало наступление новой геополитической эпохи – Ялтинско-Потсдамской. С завершением войны в Европе на первое место во внешней политике встали вопросы мирного урегулирования, начиная с определения границ и налаживания взаимоотношений и кончая решением социально-экономических задач. Для их решения необходимо было созвать международную конференцию. С 17 июля по 2 августа 1945 г. в пригороде Берлина Потсдаме состоялась встреча глав правительств трех держав: СССР, США и Великобритании. Советское правительство было готово продолжить сотрудничество с союзниками, оформившееся во время Тегеранской и Ялтинской конференций. Прежде всего, участникам конференции предстояло решить вопрос мирного урегулирования в Европе. Необходимо было создать такой международный орган, который подготовил бы мирные переговоры с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, а в дальнейшем и с Германией. Атмосфера Потсдамской конференции отличалась от Ялтинской: руководители СССР, США и Англии держались менее дружелюбно, чем прежде. Еще в мае 1945 г. Черчилль писал Трумэну о том, что «над Восточным фронтом опускается железный занавес». За день до открытия конференции в США был проведен испытательный взрыв первой атомной бомбы.

Потсдамская конференция имела большое международное значение. Принятые решения содержали программу устойчивого послевоенного европейского устройства и были высоко оценены общественностью. Успеху Потсдамской конференции способствовала благоприятная международная обстановка. СССР в это время занимал прочные позиции в самой Германии, его вооруженные силы стояли в ее центре, на Эльбе. Через неделю после окончания конференции предстояло вступление СССР в войну против Японии. Руководители США и Англии вынуждены были считаться с возросшим авторитетом СССР и с чувством глубокой симпатии, которую народы Европы питали к своим освободителям. К сожалению, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, сложившаяся по итогам Второй мировой войны, оказалась нежизнеспособной в условиях мирного развития. Из союзников СССР США и Англия превратились в открытых геополитических противников. Говоря о нашей стране, необходимо отметить следующее. Советская геополитическая эпоха

в мировом масштабе охватила Версальскую эпоху, последовавшую вслед за окончанием Первой мировой войны, и Ялтинско-Потсдамскую эпоху, которая, после завершения Второй мировой войны, определила переход от многополярного к биополярному миру. Советский Союз в начале 50-х гг. XX в. впервые за всю свою историю достиг пика военно-политического могущества, обладал самыми мощными в мире вооруженными силами и стал, наряду с США, глобальной ракетно-ядерной сверхдержавой. Какое место во второй половине XX в. занимал на геополитической карте мира Советский Союз?

Геополитический парадокс 1930-х гг. заключался в том, что «континентальный» Советский Союз стремился к достижению союза с «континентальной» Германией против «морских» США и Англии (что нашло подтверждение в подписанном в августе 1939 г. в Москве пакте о ненападении и дополнительном секретном протоколе, согласно которому разграничивались «сферы интересов» Германии и СССР в Восточной Европе). Однако все же Советскому Союзу пришлось объединиться с США и Англией против «континентальной» Германии, поскольку нацистская империя была для СССР в то время гораздо более чуждой, нежели либеральный мир «морских» держав Запада. История распорядилась таким образом, что Советский Союз вышел из Второй мировой войны, несмотря на колоссальные потери, окрепшим геополитически, военно-стратегически и духовно. Впервые в отечественной истории наша держава оказалась недосыгаемой в военном отношении, вокруг нее был образован мощный геополитический континентальный блок.

Рост могущества СССР как геополитического центра Евразии вызывал ответную реакцию со стороны другого центра силы – США. В противовес созданию к концу 1940-х гг. мировой системы социализма внешняя политика США реализовалась в доктрине Трумэна и плане Маршалла, в создании Североатлантического союза (НАТО). Еще в годы войны началось образование нового типа международных отношений и международного права. 12 декабря 1943 г. СССР заключил договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Чехословакией, 11 апреля 1945 г. – с Югославией, 21 апреля 1945 г. – с Польшей, 4 февраля 1948 г. – с Румынией, 18 февраля 1948 г. – с Венгрией, 18 марта 1948 г. – с Болгарией, в феврале 1950 г. – с КНР. На протяжении 1947–1949 гг. страны народной демократии заключили аналогичные договоры между собой, что юридически закрепило создание мировой системы социализма. Так стал складываться тот тип международных отношений,

для которого принцип сотрудничества стал основой формирования современного (послевоенного) международного права. «Чтобы народы могли действительно объединиться, – писал еще К. Маркс, – у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими»¹. Реакция Запада на это была достаточно жесткой и однозначной, хотя на нее определенные ограничения накладывали нормы международного права, в т. ч. новый свод императивных норм, т. е. таких норм, которые создаются международным сообществом в целом и от которых государства не могут отступить даже по взаимному соглашению. Однако еще 5 апреля 1947 г. американский президент Г. Трумэн заявил, что «мир смотрит на нас как на своего руководителя»², тем самым открыто выразив притязания США на мировое господство. Как известно, поводом для экспансии американского империализма в Европе и открытого провозглашения антисоветского курса послужило принятие английским правительством в феврале 1947 г. решения вывести свои войска из Греции и прекратить финансовую поддержку Турции. Уже 12 марта того же года Трумэн обратился в конгресс США с просьбой ассигновать 400 млн долларов для оказания срочной «помощи» Греции и Турции. Однако истинные намерения доктрины Трумэна достаточно четко выразил в то время американский публицист У. Липпман, который писал: «Мы выбрали Турцию и Грецию не потому, что они являются блестящими образцами демократии, а потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море, к сердцу Советского Союза»³. Вскоре, летом 1947 г., государственный секретарь США Д. Маршалл заявил о желании Соединенных Штатов помочь экономическому восстановлению европейских стран. Суть «плана Маршалла» заключалась в использовании американской экономической помощи в качестве средства для обеспечения господствующего экономического, политического и военного влияния США в странах Западной Европы. Образованный по инициативе Англии в марте 1948 г., Западный союз представлял собой первый после войны

¹ Маркс К. О Польше // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 4. – С. 371.

² Truman H. Memoire. Stuttgart, 1955. Bd. II. – 594 s. – S. 116.

³ История внешней политики СССР: В 5 т. / Под ред. А. А. Громько, Б. Н. Пономарева. – М., 1981. – Т. 2. – С. 130.

военно-политический блок, направленный против СССР и положивший начало разделению Западной и Восточной Европы. Этот союз был тесно связан с планом Маршалла и привел к образованию в апреле 1949 г. НАТО.

Советская геополитическая эпоха завершилась поражением Советского Союза в мировом соперничестве с США. В собственно геополитическом плане завершение советской эпохи было связано с нарушением того, что следует называть принципом геополитической полноты. Для государства или же цивилизационного мира (в данном случае, для нашей страны) действие этого принципа определяется: наличием естественных и исторически сложившихся границ; дружескими отношениями с непосредственными соседями и возможностями мирного решения спорных территориальных вопросов; материально-сырьевой и экономической самодостаточностью; наличием оптимального демографического, информационного и интеллектуального потенциала; эффективностью действия норм международного права. При этом необходимо учитывать, что сразу же после окончания Второй мировой войны Запад навязал Советскому Союзу «холодную войну». Особую остроту она приобрела в период с конца 40-х до 60-х годов и охватила практически все сферы международных отношений: политическую, экономическую, военную и идеологическую. Пролог «холодной войны» следует относить к заключительному этапу войны. Предпосылками ее надо полагать, во-первых, попытки У. Черчилля открыть второй фронт не во Франции, а на Балканах и продвигаться не с Запада на Восток, а с Юга на Север, чтобы не допустить дальнейшего продвижения Советской Армии. Во-вторых, одной из предпосылок этому была договоренность руководства США и Англии не информировать Советский Союз о работах по созданию атомного оружия. В-третьих, в последний год войны вынашивались планы оттеснения советских войск с центра Европы к довоенным границам. Наконец, 7 марта 1946 г. У. Черчилль в своей речи в Фултоне открыто объявил крестовый поход против коммунизма. Период «холодной войны» еще долго, по мере публикации рассекреченных документов, будет привлекать внимание ученых и политиков, но одно можно утверждать с достаточной мерой определенности: «холодная война» развернулась между двумя сверхдержавами США и СССР. В частности, в качестве примера следует привести Директиву 20/1 Совета Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 г.

«Задачи США в отношении России»¹. Советская геополитическая эпоха завершилась, к великому сожалению, поражением Советского Союза в мировом соперничестве с США. В собственно геополитическом плане завершение советской эпохи было связано с нарушением того, что следует называть принципом геополитической полноты. Для государства или же цивилизационного мира (в данном случае для нашей страны) действие данного принципа определяется: наличием естественных и исторически сложившихся границ; дружескими отношениями с непосредственными соседями и возможностями мирного решения спорных территориальных вопросов; материально-сырьевой и экономической самодостаточностью; наличием оптимального демографического, энергоинформационного и интеллектуального потенциала; эффективностью действия норм международного права. При этом необходимо учитывать, что сразу же после окончания Второй мировой войны Запад навязал Советскому Союзу холодную войну. Особую остроту она приобрела в период с конца 1940-х до 1960-х гг. и охватила практически все сферы международных отношений: политическую, экономическую, военную и идеологическую. Пролог холодной войны следует относить к заключительному этапу войны. Предпосылками ее надо полагать, во-первых, попытки У. Черчилля открыть второй фронт не во Франции, а на Балканах и продвигаться не с Запада на Восток, а с Юга на Север, чтобы не допустить дальнейшего продвижение Советской Армии. Во-вторых, одной из предпосылок этому была договоренность руководства США и Англии не информировать Советский Союз о работах по созданию атомного оружия.

В-третьих, в последний год войны вынашивались планы отеснения советских войск с центра Европы к довоенным границам. 7 марта 1946 г. У. Черчилль в своей речи в Фултоне открыто объявил о начале крестового похода против коммунизма. Период холодной войны еще долго, по мере публикации рассекреченных документов, будет привлекать внимание ученых и политиков, но одно можно утверждать с достаточной мерой определенности: холодная война развернулась между двумя сверхдержавами – США и СССР. В подавляющем большинстве случаев обострение обстановки и доведение конфликтов до критического состояния исходили от США. В годы холодной войны стало правилом применение силы или его

¹ Задачи США в отношении России. Директива 20/1 Совета Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 года // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 3-4 (35-36). – С. 159-176.

угроза. Первыми в этой конфронтации выступали США, которые строили отношения с СССР исключительно на основе постоянной кризисной конфронтации и стремления к военному превосходству над СССР. Задача американской внешней политики состояла в «ускорении разложения советской системы» и установлении всего мирового господства над миром¹. США как сохранившийся полюс мировой силы пытался сохранить «новый мировой порядок», при котором России было уготовано место сырьевого придатка Запада. Уроки геополитической истории учат тому, что в тысячелетней российской истории именно Октябрьская революция и Гражданская война как завершающие звенья «Великой российской революции 1917–1922 годов» (придержимся современных формулировок. – *И. К.*) сохранили российскую государственность в виде Советской России. Недаром в вышедшей еще в 1927 г. в Праге книги Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» прямо указывалось: «Союз Советских Республик (так у автора. – *И. К.*), потеряв много коренных русских земель на западе бывшей Российской империи, удержал русские владения на востоке и даже отчасти продвинул Евразийское государственное объединение к востоку... ныне Евразия представляет такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела»². Советская эпоха (по определению Вернадского – «Евразийское государственное объединение»), начало которой было положено Октябрьской революцией, органично явилась связующим звеном в тысячелетней евразийской истории России.

Вторая половина XX века ознаменовалась рождением на евразийском континенте множества международных организаций, экономических союзов и военных блоков, которые дополнили палитру национальных геополитических интересов интересами межгосударственными, региональными, межконтинентальными и способами их реализации. Не претендуя на всеобщий анализ деятельности всех организаций в пространстве геополитических связей и зависимостей, следует обратить внимание на ряд международных объединений военно-политического и экономического порядка, которые определяют геополитическую карту евразийского континента начала XXI века. Активности НАТО, реализующей в Евразии, да и не только, англосаксонской политике управления миром,

¹ Протопопов А. С., Козьменко В. М., Елманова Н. С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). – М., 2010. – С. 294–299.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. – 320 с. – С. 31, 33.

противостоит набирающая силу Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая многое в геополитическом плане унаследовала от Организации Варшавского договора (ОВД). С другой стороны, Европейский союз явился наглядным примером реализации идеи «единой Европы», способной в послевоенный период противостоять мощи двух сверхдержав как единый геополитический и геоэкономический центр силы. В этом же направлении, хотя порой весьма непоследовательно, идет и Содружество независимых государств, пытающееся сохранить тенденции геополитического единства, заложенные Советским Союзом. И вот теперь начинает набирать силу новый геополитический актор на евразийском континенте – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Иначе говоря, на евразийском континенте просматриваются следующие оппозиции: в военно-политическом плане – НАТО и ОДКБ, в социально-экономическом и гуманитарном – ЕС и ЕАЭС. Вместе с тем, континентальный блок, выражающий геоэкономические и геополитические интересы государств и цивилизаций центральной части Евразии, включает ОДКБ и ШОС. Рассмотрим подробнее диалектику их геополитического взаимодействия.

§3. «Война и мир» между геополитическими акторами Евразии

4 апреля 1949 г. по инициативе США двенадцатью странами (США, Франция, Нидерланды, Бельгия, Великобритания, Канада, Португалия, Люксембург, Италия, Дания, Норвегия и Исландия) была образована Организация Североатлантического договора (НАТО) как военно-политический союз. Организаторы альянса официально заявляли, что целью его создания признавалась защита свободы и безопасности государств-членов альянса «политическими и военными средствами, гарантия защиты демократии, свободы личности, верховенства права и мирного разрешения споров, а также способствование распространению этих ценностей во всем Евроатлантическом регионе». Неофициальную цель альянса в 50-х годах XX века разъяснил с военной прямотой и лаконичностью первый генеральный секретарь НАТО британский генерал Гастингс Исмей: «To keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down» («Русских – вон, американцев – на их место, а немцев – держать в подчинении»). Иначе говоря, не допускать СССР в Европу, обеспечивать в ней американское присутствие и сдерживать Германию. Этой доктрины НАТО придерживается

по сей день: первую скрипку в альянсе неизменно играют США, все попытки Германии сформировать объединённые европейские вооружённые силы блокируются, а Россия остаётся для НАТО тем, чем был СССР, даже в еще большей степени, – противником № 1, несмотря на все «партнёрства ради мира» и «открытое небо». Расширение «НАТО-пространства» в беловежскую геополитическую эпоху – тому подтверждение.

Подтверждением тому служит смена акцентов в руководящих документах НАТО спустя полвека после своего появления на геополитической карте мира. В «Стратегической концепции Североатлантического союза» (апрель 1999 г.) были зафиксированы следующие ключевые положения:

1. НАТО успешно обеспечивала свободу своих членов и *предотвращала возникновение войны в Европе* на протяжении сорока лет «холодной войны». Сочетая оборону и диалог, она *сыграла незаменимую роль в мирном разрешении конфронтации между Востоком и Западом* (ст. 2).
2. НАТО является воплощением *неразрывной трансатлантической связи* между безопасностью Северной Америки и безопасностью Европы (ст. 7, 27).
3. Во имя укрепления мира и стабильности в Европе и за ее пределами европейские союзники усиливают свою способность к действиям, в том числе и военный потенциал (ст. 18).
4. Ряд стран внутри и за пределами Евроатлантического региона переживают серьезные экономические, социальные и политические трудности. *Противоборство на этнической и религиозной почве, территориальные споры, малоэффективные или неудавшиеся попытки осуществления реформ, нарушения прав человека и распад государств могут привести к локальной и даже региональной нестабильности* (ст. 20).
5. Проводя политику сохранения мира, НАТО будет содействовать предотвращению конфликтов, а в случае возникновения кризиса – участвовать в его эффективном урегулировании в соответствии с международным правом, включая *возможность проведения операций реагирования на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора* (ст. 31, 41, 43, 47, 49, 53с, 54, 61).
6. Россия играет исключительную роль в обеспечении евроатлантической безопасности... *НАТО и Россия приняли на себя обязательства развивать отношения на основе общих интересов, взаимности*

и транспарентности во имя строительства прочного и всеобъемлющего мира в Евроатлантическом регионе на принципах демократии и безопасности, основывающейся на сотрудничестве (ст. 36).

7. Вооруженные силы НАТО должны обеспечивать военную эффективность и свободу действий Североатлантического союза (ст. 41).
8. Географическое распределение сил в мирное время будет обеспечивать достаточное *военное присутствие на всей территории Североатлантического союза, включая размещение и развертывание сил за пределами своей территории и территориальных вод и передовое базирование сил по мере необходимости*. Необходимо будет учитывать региональные и, в частности, геостратегические соображения в рамках Североатлантического союза, поскольку *нестабильность на периферии НАТО может вызывать кризисы или конфликты, требующие от союза военных ответных мер* в предположительно короткие сроки предупреждения (ст. 53b).

Из многостраничного документа мы выделили те статьи (курсивом – ключевые формулировки), по которым можно зафиксировать смену парадигмы деятельности НАТО за полвека его существования:

- ст. 20 – косвенное указание на нестабильность на постсоветском пространстве;
- ст. 31 и др. – присвоение себе права совершать военные операции вне регламентных рамок ст. 5 исходного документа НАТО (1949 г.);
- ст. 36 – декларативное заявление о развитии отношений на основе общих интересов между НАТО и Россией;
- ст. 41, 53b – свобода действий (в том числе и военных) Североатлантического союза.

Итак, первоначально цель создаваемого альянса формулировалась как обеспечение безопасности государств-членов альянса, а геополитическая сфера безопасности определялась Евроатлантическим регионом. Однако история показала, что истинной целью создания НАТО являлось обеспечение защиты стран-участниц альянса от советской военной угрозы. Отдельный вопрос – что следует понимать под Евроатлантическим регионом, если не только страны-члены НАТО (от 12-ти до 28-и, вошедшие в альянс на протяжении 65-ти лет)? Так академик РАН В. Г. Барановский в Докладе для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI) (Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г.) четко определял этот регион следующим образом: «Под таковым

понимается геополитический ареал, состоящий из США, Европы и России. Их совместные усилия обеспечивают евроатлантическую безопасность — состояние защищенности указанного ареала от дестабилизирующих угроз. Образ треугольной конфигурации, которую образуют США, Европа и Россия, не является абсолютно безупречным. Достаточно сказать, что даже пределы Европы, занимающей в этом образе центрально место, трактуются неоднозначно: может, например, возникнуть вопрос относительно правомерности „вычленения“ из нее России или включения в нее стран Южного Кавказа. Далее, по геополитическим основаниям и с учетом реалий НАТО и ОБСЕ, частью евроатлантического пространства является также и Канада (в этом смысле в качестве части евроатлантического „треугольника“ было бы более уместно обозначить Северную Америку, а не только США). А вот у США и России есть значительные интересы безопасности за евроатлантическими рамками. Все эти уточнения обоснованны, однако они, как представляется, не ставят под сомнение уместность целостного, обобщенного анализа проблематики безопасности применительно к евроатлантическому региону». При этом методологически оправданным автор полагает критерий, согласно которому необходимо учитывать общие для рассматриваемого региона вызовы и возможности общего ответа на них. «Такие вызовы и такие возможности, — продолжает далее Барановский, — существуют; именно их наличие рассматривается здесь как системообразующее качество, способное трансформировать неупорядоченное и размытое множество „США, Европа, Россия...“ в структурированную конструкцию „США + Европа + Россия“. Только в этом случае можно будет говорить о евроатлантическом регионе, евроатлантическом пространстве, евроатлантической безопасности как о геополитической реальности (или хотя бы как о возникающей реальности), а не в абстрактно-гипотетическом плане»¹. Из сказанного следует, пожалуй, достаточно простой вывод: геополитическая безопасность евроатлантического ареала, представленного конструкцией «США + Европа + Россия», — это безопасность не от военных угроз со стороны какой-либо внешней силы (будь то исламский мир, Китай или кто-либо еще), а безопасность,

¹ Барановский В. Г. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7-8 февраля 2010 г. — М.: ИМЭМО РАН, 2010. — 41 с. — С. 7-8.

связанная с сохранением своей цивилизационной целостности. Стоит обратить внимание на то, что темами исторической встречи Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска 12 февраля 2016 г. на Кубе и совместного заявления стали не только гонения на христиан, причем без различия – западных и восточных (и это после раскола христианства в 1054 году), но и призыв к христианам Западной и Восточной Европы «объединиться для совместного свидетельства о Христе и Евангелии, дабы Европа сохранила свою душу, сформированную двухтысячелетней христианской традицией». И здесь мы должны четко различать противоречие между геополитическими (точнее, геочивилизационными) закономерностями и военно-политическими усилиями НАТО (скорее, стоящими за спиной этой организации некими тайными силами, пусть это звучит в стиле модной ныне конспирологии; см. рис. 38), вспоминая риторический вопрос Т. Шеллинга: «Если игра с нулевой суммой есть предельный случай чистого конфликта, то какова другая крайность?». На этот вопрос он дает четкий ответ: «Это должна быть игра „чистого сотрудничества“, в которой игроки побеждают или проигрывают вместе, имея идентичные предпочтения относительно исхода... Игроки должны понимать друг друга, находить модели индивидуального поведения, которые делают предсказуемым поведение каждого игрока для его партнера»¹.

Иначе говоря, эвристические возможности теории игр достаточно тесно коррелируют с различными геополитическими доктринами, которые принято классифицировать, исходя из тех политических отношений, которые служат реализации государственных интересов на международной арене, будь то *конкуренция*, *доминирование* или *кооперация*. В математической теории игр был предложен тот логический переход от классической к глобальной геополитике, который позволил раскрыть природу взаимодействий акторов мировой политики в формирующемся полицентричном мире и выступить основой геополитической доктрины, которая выражает третий тип политических отношений – кооперацию.

Далее. Согласно пятой статье Договора данный союз, вопреки Уставу ООН, присвоил себе право применения вооруженных сил его участниками без каких-либо полномочий от Совета Безопасности (союз обязывает его участников лишь уведомлять Совет Безопасности о принятых ими мерах).

¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликтов. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 109, 110–111.

Итак, спустя полвека, в апреле 1999 г. была принята и опубликована Стратегическая концепция альянса, ключевые задачи которого заключались в следующем:

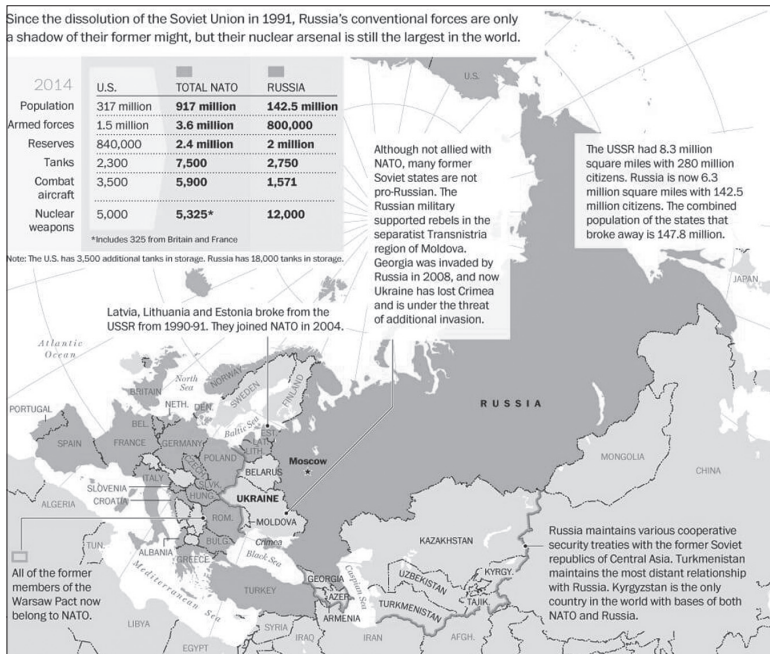

Рисунок 37. Расклад сил на карте: СССР – НАТО 1986 и Россия – НАТО 2014

(Источник: <http://mapinmap.ru/archives/5506>)

- быть гарантом стабильности в Североатлантическом регионе;
- проводить консультации по вопросам безопасности;
- осуществлять защиту стран-членов от любой агрессии или ее угрозы;
- проводить мероприятия, которые способствуют предотвращению вооруженных конфликтов, а также принимать участие в урегулировании кризисов;
- способствовать развитию международных отношений во всех сферах с другими государствами Североатлантического региона.

В рамках этой стратегии НАТО заключило соглашение о сотрудничестве с целым рядом государств Европы («Партнерство во имя мира»). 1.2. Основные претензии России в той или иной мере связаны с фактором неопределенности. Прежде всего, имеются в виду:

- масштабы и направления расширения сферы интересов НАТО за пределы традиционных «зоны ответственности» и задач «жесткой» безопасности (энергетическая безопасность, киберпреступность, Арктика, водные ресурсы, продовольственная безопасность и др.);
- толкование ст. 5 Вашингтонского договора 1949 г. о создании НАТО («коллективная оборона»), которая была ориентирована против «советской угрозы» и все еще считается центральной;
- вопросы применения силы с учетом обсуждаемых сценариев использования силового потенциала альянса.

Решительный шаг НАТО был связан с принятием в 2010 г. Лиссабонской декларации «Стратегическая концепция обороны и обеспечения безопасности членов Организации североатлантического договора». В отличие от двух предыдущих концепций, данная характеризуется рядом новых положений:

- утверждение своей уникальности: «Хотя мир меняется, основная миссия НАТО остается неизменной: обеспечивать, чтобы Североатлантический союз и далее оставался единственным в своем роде сообществом свободы, мира, безопасности и общих ценностей» (Введение);
- утверждение своей привлекательности: «НАТО будет активно работать в целях укрепления международной безопасности... держа открытыми двери Североатлантического союза для всех европейских демократий, которые удовлетворяют критериям НАТО» (ст. 4с);
- утверждение своего превосходства: «Кризисы и конфликты за пределами границ НАТО могут представлять прямую угрозу безопасности территории и населения Североатлантического союза. Поэтому НАТО будет действовать там, где это возможно и необходимо, чтобы предотвращать кризисы, регулировать их, стабилизировать постконфликтные ситуации и поддерживать восстановление» (ст. 20);
- утверждение своей «доброжелательности» по отношению к России: «Сотрудничество НАТО с Россией имеет стратегическое значение, поскольку оно содействует созданию единого пространства мира, стабильности и безопасности. НАТО не представляет угрозы для России.

Наоборот, мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответственно, ожидая от России взаимности» (ст. 33). Мы должны, очевидно, исходить из сложившихся реалий: Североатлантический альянс остается ключевым геополитическим и силовым фактором, который влияет на ситуацию у наших границ и на нашу безопасность. И отношение России к нему должно быть основано на прагматизме и политической целесообразности, утверждающей исключительно ее национальные интересы и безопасность на пространстве Евразийского экономического союза. 2. Модель ОДКБ (региональная международная организация, провозглашаемая целями деятельности которой являются «укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам») Пожалуй, именно ОДКБ следует рассматривать в качестве того самого ключевого звена обеспечения евроатлантической безопасности, который входит в зону геополитического треугольника «США + Европа + Россия», который предложил Барановский. На рис. 38 этот «геополитический треугольник» достаточно четко можно выделить как пространство борьбы с глобальным терроризмом.

В плане вызовов для евроатлантической безопасности и возможностей ее укрепления особое значение, по его мнению, имеют следующие территориальные ареалы: Западные Балканы, Южный Кавказ, Черноморский регион, Молдова и Приднестровье, Постсоветское пространство, Ближний Восток и Арктика¹. А это как раз те звенья евразийской дуги нестабильности, которые рассматривались на ряде конференций Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета в 2013–2020 гг.²

¹ Барановский В. Г. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа / Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7–8 февраля 2010 г. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 41 с. – С. 18–21.

² Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Евразийский союз versus «евразийская дуга нестабильности»: глобальная геополитика в контексте теории игр // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Колл. монография / Отв. ред. В. Н. Колотов. – СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Студия НП-Принт, 2013. – 576 с. – С. 90–148.

Итак, поиск путей военно-политического взаимодействия НАТО и ОДКБ следует рассматривать, используя аппарат математического моделирования «геополитических игр» с ненулевой суммой (и параллельных игр), а межцивилизационные взаимодействия «вечных» соперников (представителей талассократии и теллутократии) — в моделях кооперативных игр.

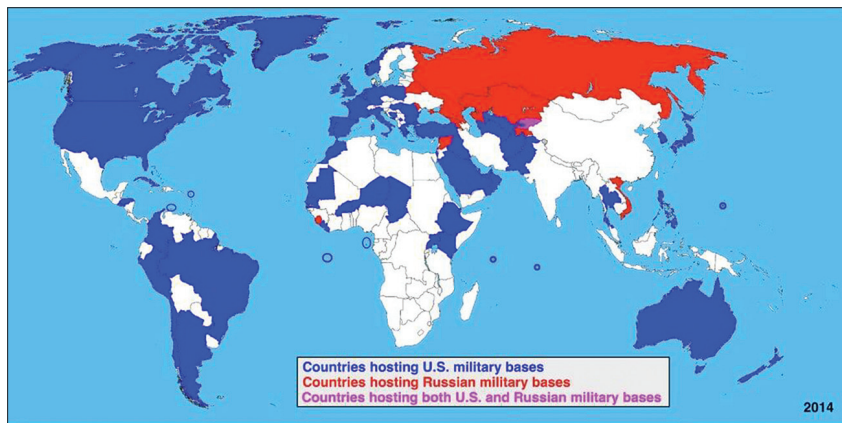

Рисунок 38. Страны с военными базами США и России на карте мира

[Источник: <http://mapinmap.ru/archives/5808>]

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляет собой военно-политический союз, созданный бывшими советскими республиками на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного 15 мая 1992 г. По своим геополитическим контурам ОДКБ в основном аналогичен формату СНГ.

Членами ОДКБ являются, как известно, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. 2 декабря 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. Россия связывает большие надежды с этой организацией, рассчитывая с её помощью укрепить свои геополитические позиции в Центральной Азии, и признает этот регион зоной своих стратегических интересов. В отличие от ШОС, ОДКБ, которая является региональной

военно-политической структурой, более системно и глубоко сконцентрирована на сфере безопасности. На ее работе сказывается не только коллективный интерес семи государств к поддержанию безопасности в регионе, но и возросшая роль России в развитии двусторонних военно-технических, энергетических и торгово-экономических связей с каждым из участников проекта. Еще с 2016 г. отмечалось необходимость проявления особого внимания к деятельности ОДКБ в Кавказском и Центральнoазиатском направлениях, где не ослабляется активность террористической структуры ИГИЛ, а также Турции. Шла речь и о совершенствовании военного потенциала ОДКБ в условиях обеспокоенности в Организации в связи с усилением военной инфраструктуры стран НАТО вокруг границ ОДКБ, которая является региональной структурой безопасности. В связи с этим заявлением заметим, что до недавнего прошлого ОДКБ ограничивало сферу своего влияния лишь Центральнoазиатским регионом. На перспективу прослеживается тенденция расширения геополитических границы сферы влияния ОДКБ за счет и Арктической зоны России, и российского Дальнего Востока. Задачами ОДКБ является защита территориально-экономического пространства стран участниц договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. В соответствии со «Стратегией коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» (утвержденной Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года) зоной ответственности ОДКБ определена территория государств – членов Организации, ограниченная участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ. А это примерно 60% территории всего евразийского континента с примыкающими водными просторами.

В. В. Путин задолго до начала дискуссий на научных и политических площадках о Большом Евразийском партнерстве в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» отмечал: «Два крупнейших объединения нашего континента – Евросоюз и формирующийся Евразийский союз – основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами

и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство от Атлантики до Тихого океана ... Затем будет логично начать конструктивный диалог о принципах взаимодействия с государствами АТР, Северной Америки, других регионов»¹. Так Европейский Союз и Евразийский Экономический Союз – союзники или...?

Интеграционный процесс, следуя жанру глобалистики, охватывает все континенты, страны, цивилизации. Евразийская интеграция находится на начальном этапе, поэтому крайне важно правильно задать векторы ее развертывания – геополитический, цивилизационный, экономический, социально-политический и идеологический. Вместе с тем необходимо в полной мере учесть опыт интеграции, накопленный Европейским Союзом, и дополнить его своими начинаниями (рис. 38). Наконец, нельзя забывать и о том, что государства-члены Евразийского Экономического Союза входят в Шанхайскую организацию сотрудничества, что накладывает определенные обязательства на Евразийский Союз и его участников. При этом необходимо учитывать опыт Европейского Союза, накопленный в межправительственной, институциональной и коммуникативной сферах деятельности.

§4. Глобализация и стратегия развития России

На Всемирном экономическом форуме в Давосе 20 января 2016 г. с докладом «Четвертая промышленная революция: Что она собой представляет и как на нее реагировать» выступил Клаус Мартин Шваб, швейцарский экономист, основатель и бессменный президент Форума с 1971 г. «Мы стоим на пороге технологической революции, – заявил Шваб, – которая существенным образом изменит наш образ жизни... Её отличительной особенностью является постепенное стирание граней между физической, цифровой и биологической сферами... Революции в биотехнологиях и искусственном интеллекте заставят нас переосмыслить само понятие человека, поскольку в будущем мы определённо будем мыслить быстрее и эффективнее и жить дольше... Мы должны направить Четвертую промышленную революцию в то русло, которое отвечает нашим общим целям и ценностям. Чтобы это сделать, нам необходимо выработать глобальную систему взглядов на то, как технологии влияют на нашу жизнь, экономику, общество, культуру

¹ Известия. – 3 октября, 2011.

и человека. Будущее может принести великое благо, а может и беду... В итоге все упирается в людей и их ценности. В будущем, которое нам нужно, человек должен стоять на первом месте... Самые негативные последствия Четвертой промышленной революции могут привести к роботизации человека и духовному отчуждению... Если прогресс сконцентрируется на наших лучших чертах: изобретательности, сочувствии, лидерских качествах, то нас ждёт успех, тогда человечество достигнет небывалых высот взаимопонимания и самосознания. Наша цель – воплотить последний сценарий»¹. Обращает на себя внимание то, что автор неоднократно обращается к вопросу о смысле человеческого существования, духовном отчуждении в стремление технологического совершенствования окружающей действительности. Более того, Шваб уверенно призывает к необходимости, в условиях усложнения «революционной и распределенной природы Четвертой промышленной революции», формировать системное лидерство, включающее в себя три направления – технологическое, управленческое и лидерство в формировании ценностей².

Естественно, возникает вопрос, какое участие в этой технологической революции может быть отведено России? Среди нескольких сценариев развития наиболее вероятной для России может оказаться перспектива окончательного превращения в ресурсную периферию, считают некоторые эксперты, в частности, Дмитрий Белоусов, представляющий Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП).

Технологический прорыв и конкуренция региональных лидеров – не единственный глобальный сценарий. В качестве альтернативного сценария рассматривается глобальный технологический рывок, при котором вместо нескольких конкурирующих центров силы в мировой экономике останется какой-то один ведущий лидер. Не исключен еще один вариант – сценарий «медленного мира», в соответствии с которым будет происходить замедление научно-технологического развития. И опять вопрос: на что может рассчитывать Россия в рамках сценариев «быстрого» и «медленного» глобального развития? Ответ – можно рассматривать следующие сценарии:

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция: Что она собой представляет и как на нее реагировать // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 1 (33). – С. 122–126.

² Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции: [перевод с английского] / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 20 с. – С. 250–251.

А. «Быстрый мир», в котором появится несколько центров силы, будет предполагать для России два варианта будущего:

- Россия окончательно превращается в сырьевую периферию и остается за бортом развернувшейся между региональными лидерами борьбы за влияние.
- Россия становится центром силы и включается в глобальную конкуренцию.

В том случае, если «быстрый мир» выстроится в технологическую пирамиду, то единственный шанс для России – включиться в глобальные технологические цепочки.

В. «Медленный мир», в котором для России сохраняется шанс выстраивать «умный сырьевой» сценарий: мы продолжаем существовать за счет экспорта сырья, а сырьевую ренту вкладываем в развитие отдельных технологий, прежде всего, оборонных.

Специалисты ЦМАКП ранжировали сценарии по степени вероятности, исходя из своих представлений о перспективах развития мира и России. И самый вероятный для России сценарий (35%) – окончательное превращение в ресурсную периферию. Остальные сценарии набрали от 5 до 25% вероятности. Таким образом, перспективы России в условиях четвертой технологической революции, судя по всему, не так уж радужны.

Россия же пока идет по другому пути, делая ставку на анклавное развитие технологий, которые никак не меняют жизнь массового пользователя. Типичный пример – развитие технологий внутри военно-промышленного комплекса, которые никак не переносятся в мирную жизнь. На этом пути можно увидеть попытку страны выйти из разряда ресурсной периферии и стать региональным лидером¹. Рассмотрим далее в тезисной форме геополитический прогноз преобразования евразийского пространства.

Проблемы выбора стратегии и соответствующих инструментов управления российской экономикой на глобальном, региональном или отраслевом уровнях так или иначе связаны с определением трендов развития глобальной экономики, способной работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты.

Вместе с тем достаточно четко прослеживается тенденция к формированию полицентричной модели мира на основе процессов, протекающих на региональном уровне. В условиях рассредоточения глобального

¹ URL: http://www.ng.ru/economics/2016-01-25/1_revolution.html.

потенциала силы и развития по регионам мира, смещения центра экономической и политической активности в Восточную и Северную Евразию, наблюдается стремление государств этих регионов к объединению. В данном случае следует рассмотреть три типа моделей межгосударственных объединений:

- a. Союз государств (ЕАЭС), решающий общие экономические задачи и имеющий свой щит безопасности (ОДКБ).
- b. Континентальная (евразийская) организация (ШОС), реализующая общие геоэкономические и геополитические задачи ее участников;
- c. Глобальное полицивилизационное формирование (БРИКС), представляющее собой модель полицентричного мира будущего. 1. С начала XXI века на евразийском континенте геодивилизации и эти международные коалиции (ШОС, АТЭС, ЕС, ЕАЭС, БРИКС) все более активно начинают вступать в геополитические игры.

2. Новые геополитические условия – это, во-первых, состояние перехода от одной геополитической эпохи (Беловежской, *past cold war*, псевдо-однополярной) к новой (Крымской, полицентричной). Во-вторых, – это формирование Евроатлантики и Евразии как тех полюсов силы (политической, экономической, духовной), отношения между которыми задают основной тренд мировой политики.

В контексте указанных выше новых геополитических условий развития глобального мира более-менее четко прослеживаются перспективы евразийской интеграции, в которых выявляется теллурократическая тенденция к объединению усилий стран и народов в создании полицентричного устойчивого мира. Как прозорливо заметил наш «геополитический партнер» Г. Киссинджер («Мировой порядок», 2014), «даже самые возвышенные убеждения не приведут к гарантированному успеху при отсутствии всеобъемлющей геополитической стратегии». Но этот же «геополитический партнер», выступая 7 февраля 2016 г. в Фонде Горчакова в Москве на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Примакова, заявил буквально следующее: «В возникающем многополярном порядке Россию следует воспринимать как ключевой элемент нового глобального равновесия, а не как угрозу Соединенным Штатам... Я выступаю за диалог, который сольет воедино наше будущее, а не будет усугублять наши конфликты – и я считаю, что он возможен. Для этого

необходимо взаимное уважение обеих сторон к жизненно важным ценностям и интересам друг друга»¹.

3. На евразийском пространстве подобного рода «всеобъемлющая геополитическая стратегия» формируется не только крупными державами, но и коалициями государств, которые обеспечивают согласованное развитие национальных интересов в создаваемом полицентричном мире.
4. В геополитическом дуализме «*вызов-ответ*» на евразийском пространстве «*вызовом*» выступает Евразийская дуга нестабильности, которая выражается в активизации военной деятельности США и НАТО на внешних границах всех регионов коллективной безопасности ОДКБ и в расширении военной инфраструктуры НАТО в Восточной Европе, Каспийско-Черноморском регионе и Центральной Азии.
5. В качестве «*ответа*» создается Евразийский пояс безопасности, объединяющий усилия действующих на постсоветском пространстве международных структур (ОДКБ, ЕАЭС, ШОС) и Единой системы ПВО и ПРО ОДКБ.
6. Реальным проектом, задающим вектор евразийской интеграции в сложившихся геополитических условиях, является обсуждаемые на многих экспертных площадках перспективы и варианты сопряжения двух проектов – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской программы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).
7. Произойдет ли примирение вечного геополитического противодействия теллурократии и талассократии – сухопутного и морского могущества – покажет время. Во всяком случае, рассматриваемый проект должен стать мощным противодействием стратегии Анаконды.
8. Необходимо учитывать крупнейшие проекты России по модернизации портов Дальнего Востока и Северного морского пути. Объединение их с проектом «Один пояс – Один путь» позволит охватить практически весь евразийский континент.
9. Формы реализации этих проектов можно достичь только мирным, созидательным совместным трудом. В качестве методологической основы их реализации следует рассматривать математическую теорию кооперативных игр как один из разделов математической геополитики.
10. Теория игр занимается изучением конфликтов, то есть ситуаций, в которых актерам приходится вырабатывать какое-либо решение, касающееся их всех.

¹ URL: http://worldcrisis.ru/crisis/wc_2227473 (Дата обращения: 10.02.2016).

В теории кооперативных игр изучается весь круг вопросов об условиях и достижимых результатах взаимодействия акторов. Основными характеризующими признаками кооперативной игры как математической модели ситуации выступают:

- С. наличие нескольких акторов;
 - Д. неопределенность поведения акторов, связанная с наличием у каждого из них нескольких вариантов действий;
 - Е. различие (несовпадение) интересов акторов;
 - Ф. взаимосвязанность поведения акторов, поскольку результат, получаемый каждым из них, зависит от поведения всех акторов;
 - Г. правила поведения, которым должны следовать все акторы.
4. **Кооперативные игры** относятся к классу игр с ненулевой суммой, в которых акторы принимают согласованные друг с другом решения и создают коалиции (частным условием кооперативных игр может быть отсутствие коалиций). Любая коалиция представляет собой объединение двух или более акторов кооперативной игры на основе определенных договорных обязательств (раздел выигрыша, обмен информацией и др.).
5. Следует рассматривать игры с переменным составом коалиций, что соответствует реальному положению дел. Примером тому служат растущий состав участников ЕАЭС, расширение круга задач участников ШОС (объединение ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути»), созревание качественно новых характеристик БРИКС – *ценностных*, предлагающих миру историческую альтернативу миропорядку эпохи холодной войны в виде модели, в равной степени привлекательной как для развивающихся, так и для развитых стран.

И все же каждого из нас на уровне обыденного сознания волнуют вопросы не глобального масштаба, а вопросы повседневности, личностного развития, соотносённости себя с другими. В таком случае на первый план выходит проблема соотносённости естественного и искусственного (разума и телесности). В одной из недавно вышедшей коллективной монографии представлены в форме аналитических статей и научно-фантастических рассказов сценарные разработки влияния технологического развития на экономику и общество в России и мире в перспективе до 2035 г., а также взгляд на перспективы отдельных технологических направлений. В ней, в частности, можно встретить замечания следующего рода: «Активное использование искусственных или культивированных органов поставит вопрос о различении живого человека и полу- или

полностью искусственной личности, в разной мере синтетической. Изменится представление о незыблемости границ между искусственной и естественной личностью. Искусственные личности смогут во многих случаях заменять людей на исследовательских, производственных или социальных работах...

Появятся новые типы личностей – полностью искусственные и „составные“ живые. Часть из них сформируется последовательной заменой органов „естественного“ живого человека. В некоторых случаях они будут основаны на искусственном разуме, при этом станут неотличимыми от живых существ с помощью интеллектуальных, культурных или эмоциональных тестов. Личность окажется оторванной от физического тела; постепенная замена органов на искусственные приведет к возникновению нового типа идентичности (людей-андроидов), для которых граница между „естественным“ живым и „искусственным“ живым будет размыта...

Настоящая проблема, к поиску решения которой человечество должно приступить уже сейчас, это не противостояние между искусственным интеллектом и живым индивидуумом, а исчезновение различия между первым и вторым. Искусственные и естественные организмы будут постепенно интегрированы друг с другом, что исключает апокалиптические сценарии противостояния людей и роботов. Однако сопутствующие изменения приведут к острой социальной проблеме, к необходимости управлять перераспределением прав между новыми разновидностями личностей»¹.

Как бы ни парадоксально не звучали эти апокалиптические сценарии, возможность их свершения не исключается. К этому надо быть готовым и верно соизмерять геополитический, технологический и антропологический форматы настоящего и будущего.

¹ Вызов 2035 / Агамирзян И. Р. и др.; Сост. Буров В. В. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 240 с. – С. 69–71.

§5. Советская цивилизация: минувшая реальность в современном дискурсе

В первом разделе аксиологические ориентиры историографического дискурса рассматривались в контексте гегелевской философии истории. Речь шла, во-первых, о включенности в философскую историю предшествующих видов и подвидов истории (в частности, прагматической истории) как ее отдельных моментов, ступеней. Во-вторых, дух у Гегеля — это постоянно обогащаемый мир человеческого знания, охватывающий бесконечное множество событий, явлений истории природы и социума и обеспечивающий возможность выявления всеобщей связи и внутренней логики развития — *«жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней»*. Наконец, аксиологические ориентиры неизбежно предполагают обратить взор исследователя на ход истории сквозь своеобразную мировоззренческую оптику, прибегая к использованию в качестве политических, религиозных, этических и прочих «фильтров» определенную методологическую установку, не зависящую от политической конъюнктуры, но нацеленную на получение достоверного знания и понимания смысла истории. Если же речь вести о поисках смысла *всеобщей истории* (в гегелевском понимании) России, российской цивилизации (и советской как одного из ее этапов), то мы, очевидно, не должны посыпать голову пеплом и признавать, как по мановению волшебной палочки, героическое (и трагическое) в отечественной истории «грандиознейшим историческим самообманом». В противном случае мы сами по себе начинаем терять ориентиры в поисках смысла истории и своей жизни в ней, мы сами себя настраиваем на отрицание достижений, полученных нашими предками, предшественниками, родителями. Аксиологические ориентиры должны, очевидно, предохранять историографический дискурс от выхода за пределы национальных интересов, которые выступают своего рода смысловыми скрепами народа, общества, страны, государства. В ключе данного хода рассуждений была весьма своевременной и упомянутая выше книга С. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», изданная еще в начале 90-х годов XX в. и представляющая собой наглядный пример гегелевской рефлексивной истории — честный, беспристрастный и убедительный. А вот уже доклад «Код Сталина», представленный А. Наклонным и В. Винниковым Изборскому клубу в августе 2020 г., можно с полным основанием рассматривать как проникновенную философскую рефлексию советской

цивилизации (точнее, «сталинской советской цивилизации», памятуя годы жизни Сталина), представленной «матрицей» советской цивилизации, включающей её цивилизационное «ядро». Достаточно убедительно в докладе приведены две таблицы: для оценки достижений и побед (табл. III.2) и характеристики обобщенных сопоставимых данных о прямых и косвенных потерях в годы Гражданской войны, Великой Отечественной войны и в первое десятилетие постсоветской поры (табл. III.3).

Таблица III.2. Динамика основных показателей за 40 лет

Год	Территория млн кв. км	Население млн человек	Место в экономике мира, ВВП ППС
1913	21,800	178,378 (163,7 ¹)	5 ²
1926	21,674 ⁵	147,027	7 ⁴
1940	22,124 ⁵	198,712	4 ⁶
1953	22,402	188,700	2

Примечания: ¹ без Великого княжества Финляндского; ² без учёта Британской Индии в качестве самостоятельной экономики; ³ после постановления Президиума ВЦИК СССР от 15 апреля 1926 г.; ⁴ самое низкое место по этому показателю Россия занимала в 1921 г. — 9-е; ⁵ по состоянию на 5 июля 1940 г.; ⁶с учётом экономик захваченных Германией к 25 июня 1940 г. территорий.

Таблица III.3. Обобщенные данные прямых и косвенных потерь

Последствия	Период гг.		
	1918-1922	1941-1945	1992-2003
Демографические (млн чел.)	- 42	- 35	- 170
Территориальные (млн кв. км)	0,8	нет	5,3
Экономические (трлн долл., 200 г.)	- 40	-20	-55

Приведенные данные характеризуют «матрицу» советской цивилизации, включая её цивилизационное «ядро», которое создавалось в эпоху Сталина де Голля, сказавшего, что Сталин не ушёл в прошлое, а раствор и под его непосредственным руководством. Недаром характеристику Шарля ился в будущем,

и, вместе с тем, теория и практика сталинского проекта во многом выглядят как «цивилизация будущего» по сравнению с тем, что мы наблюдаем сегодня¹.

В конечном счете, «переоценка» отечественной истории (на уровне *«рефлексивной истории»*, если по Гегелю) получила конституционное оформление: в статье 67.1 новой редакции Конституции Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., указано, что «1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации. 2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Во всяком случае, признание Российской Федерации, объединенной тысячелетней историей, правопреемником и правопродолжателем Союза ССР дает основание утверждать закономерный характер существования советского общества, советской цивилизации в единой российской и в мировой истории. Правда, если мы будем отходить от сугубо историографического дискурса и доверяться во всей своей полноте дискурсу цивилизационному, то можем столкнуться с ситуацией, которую обрисовала упомянутая выше Л. И. Новикова как «эстетическую необязательность».

Цивилизационная диалектика: Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация. На постановку вопроса именно о *цивилизационной* диалектике тысячелетней российской истории наталкивает нас включенная в российскую Конституцию в 2020 г. статья 67.1: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях... Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

¹ *Нагорный А., Винников В.* Код Сталина // Изборский клуб. — № 5 (81). — 2020. — С. 10–17.

Не правда ли, примечательная статья основного государственного документа! Наконец-то результаты философских споров и многолетних теоретических изысканий, культурологического дискурса и полемических выступлений воплотились в политический документ. Союз гуманитарной науки и политики, похоже, начинает складываться весьма надежный и продуктивный в части воссоздания государственной идеологии, предписывающей цели и перспективы развития страны на десятилетия вперед. Пока же 13-я статья Конституции, утверждающая «идеологическое многообразие» в Российской Федерации и не допускающая установления в качестве государственной или обязательной идеологии чего-либо из этого «многообразия», сдерживает наметившийся прорыв в осознании тысячелетней истории и преемственности в развитии Российского государства¹.

Интерпретация отечественных авторов евразийской цивилизации напоминают умонастроения 1920-е гг. в среде русской эмигрантской интеллигенции. Главная идея трудов евразийцев заключалась в том, что Россия – это евразийский суперэтнос и одновременно особый социокультурный мир, уравновешивающий позиции Запада и Востока, синтезирующий внутри себя их ценности. Главным субъектом этого мира выступает особая «симфоническая» личность, примирившая в себе европейские и азиатские культурные влияния.

Представители философской и культурологической школы евразийства выделяли как одну из особенностей евразийской цивилизации наличие многонациональных народов и этносов, проживающих в месторазвитии Евразия и объединенных общим местоположением, историей, культурой, хотя и разных по происхождению, языкам и религиям. В научный оборот упомянутое выше понятие «месторазвитие» ввел П. Н. Савицкий как одно из фундаментальных в евразийском учении, которое охватывает не только географическую среду, но и исторические, а также культурные характеристики определенного региона. Одним из основных концептуальных положений теории месторазвития, которое он детально рассмотрел в работе «Географические и геополитические основы евразийства», является наличие пространственно-временного взаимодействия между социумом и вмещающим его ландшафтом в их взаимозависимости как некую систему.

¹ Кефели И. Ф., Комлева Н. А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 1(27). – С. 54–60; Ильницкий А. Ментальная война и гибридность современного мира (интервью). – URL: <https://amicable.ru/news/2021/05/07/19467/mental-war-and-hybrid-earth/>.

И подтверждением этому является высказывание Савицкого о том, что месторазвитие нужно понимать как категорию синтетическую, как понятие, обнимающее одновременно и социально-историческую среду, и занятую ею территорию. Он утверждал, что и культура есть принадлежность «месторазвития», и каждая социальная среда, появляющаяся (будь то в силу «необходимости» или свободного «выбора») в пределах данного месторазвития, может испытать на себе влияние этого месторазвития и со своей стороны приспособить его к себе и «слиться» с ним. При этом Савицкий делает обоснованное заключение, что, наряду со взаимодействием со средой, в этих явлениях имели значение начала «генетической близости» и «расового смешения». Однако в определенной степени и в определенных случаях также расы и «расовые» признаки должны рассматриваться как принадлежность месторазвития: раса создается, «вращивается» месторазвитием и в свою очередь определяет его; месторазвитие формирует расу, а раса «выбирает» и преобразует месторазвитие¹.

Особенностью месторазвития Евразии является его флагоподобное строение: горизонтальные полосы на российском флаге символизируют чередующиеся с севера на юг зоны тундры, леса, степи и пустыни. Р. Р. Вахитов, развивая эту мысль Савицкого², отмечает: «Поскольку тундра и пустыня слабо заселены, то основу народов Евразии составляют народы Леса и Степи. В основном это славянские (русские, украинцы, белорусы) и туранские (тюркские, финно-угорские и монгольские) народы. Для евразийской цивилизации характерна поликонфессиональность, представленная христианством (русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины), исламом (азербайджанцы, казахи, таджики, туркмены, узбеки, киргизы, татары, башкиры, дагестанцы, ингуши, чеченцы и др.), а также буддизмом (буряты, калмыки, тувинцы). Несмотря на религиозные различия народов Евразии, и для православных славян, и для тюркских мусульман, и для буддистов-бурят и монголов свойственны переплетение религии с бытом (так называемое бытовое исповедничество), стремление строить государственную политику и жизнь не на корыстных интересах, а на идеях (идеократия), восприятия жизни как судьбы, предопределенной высшей силой (религиозный фатализм)³.

¹ Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — 464 с. — С. 288–290.

² Там же. — С. 124.

³ Вахитов Р. Р. Евразийская цивилизация. — URL: <http://nevmenandr.net/vaxitov/eurcivil.php>.

В работе «Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры)» Трубецкой указывал на то, что «в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем славянства. Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи и с славянством и с туранским Востоком... Связь русских с туранцами закреплена не только этнографически, но и антропологически, ибо в русских жилах, несомненно, течет, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь. В народном характере русских, безусловно, есть какие-то точки соприкосновения с туранским Востоком. То братание и взаимное понимание, которое так легко устанавливается между нами и этими азиатами, основано на невидимых нитях расовой симпатии... Целый ряд черт, которые русский народ в себе особенно ценит, не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике. Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но тем не менее совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком. Удадь, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни славянам»¹. Выходит, что русский национальный характер достаточно сильно отличается как от угро-финского, так и от тюркского, но в то же время он решительно непохож и на национальный характер других славян.

В статье «О туранском элементе в русской культуре» Н. С. Трубецкой отмечал, что восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную (западную) часть той громадной территории, которую занимает современная Россия, а именно речные бассейны, связующие Балтийское и Черное моря. «Вся большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем „туранских“ или „урало-алтайских“. В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально гораздо более значительную роль, чем восточнославянские, русские племена»². Под именем «туранских» («урало-алтайских») народов Трубецкой выделял пять групп: угро-финские, самоеды, тюрки, монголы

¹ Трубецкой Н. С. Исход к Востоку. — София, 1921. — С. 86–103. — URL: <http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/trubeckoi2.html>.

² Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский вестник. — Берлин, 1925. — URL: http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.html.

и маньчжуры¹. Такая многоликость национального состава России-Евразии сохранилась и до настоящего времени: на территории Российского государства проживает более 190-ти народов (по данным Всероссийской переписи 2010 г.). Евразийцы в этой ситуации задавались вопросом, как органично и бесконфликтно совместить национальное своеобразие и сверхэтническое единство народов Евразии. Объединяющую функцию как раз и призван сыграть, полагал Трубецкой, «общеевразийский национализм», который не отрицает значения национального своеобразия евразийских этносов, но лишь утверждает наличие единых глубинных ценностей, способных объединять народы поверх национальных, культурных и религиозных различий. Важно, что эти евразийские ценности не навязываются народам извне, подобно пресловутым демократическим «общечеловеческим ценностям», а органически прорастают из глубин общей евразийской истории и культуры, специфически и творчески преломляясь сквозь коренные национальные ценности народов России-Евразии. Сверхнациональное не отрицает здесь национального и не противоречит ему, а, напротив, придает этому национальному не только всеевразийское, но и вселенское измерение; оттеняет и делает национальное своеобразие более рельефным и зримым на фоне этого единства². Правда, эти авторы, заявив, что эта «новая евразийская этнокультурная целостность будет связана с глобальным переходом к какому-то принципиально иному типу цивилизационного существования», ограничились лишь предложением называть этот тип «духовно-экологической цивилизацией»³.

До сих пор речь шла о евразийской цивилизации, как она представлялась в интерпретации отечественных авторов. Думается, будет небезынтересно обратиться к выяснению вопроса, а как же представляется евразийское цивилизационное пространство в политологических и культурологических конструкциях европейских авторов. В полном объеме эта проблема требует самостоятельного исследования, и не одного. Обратим свое внимание на две примечательные фигуры – немецкого геополитика Карла Хаусхофер и Жана Парвулеско, французского писателя, публициста,

¹ *Трубецкой Н. С.* О туранском элементе в русской культуре // Евразийский вестник. – Берлин, 1925. – URL: http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.html.

² *Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю.* Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул: Азбука, 2007. – 243 с. – URL: http://www.tuva.asia/lib/books_regions/1593-evrazistvo.html.

³ Там же.

исследователя «скрытой истории» (как его называет А. Дугин). Первый из них — один из основателей и ярких представителей классической, силовой геополитики, второй — выразитель идей геополитики постмодерна, обращенной к построению теории заговоров, поиску тайных маршрутов мировой политики, покрытых неким сакральным флёром.

Карл Хаусхофер, один из основателей классической немецкой геополитики, генерал, основатель Института геополитики Мюнхенского университета и журнала «*Zeitschrift für Geopolitik*», в 1931 г. опубликовал работу «Панидеи в геополитике», одна из глав которой (2-я) имеет название «пан-Азия — Евразия — пан-Европа». Не претендуя на детальный анализ хода рассуждений Хаусхофера, упоминающего персидские войны как источник «создания некоей первой теории панидей», сосредоточим внимание на его толковании евразийства XX века. По признанию автора, ряд ученых, в том числе представители «политической секты евразийцев», пытаются оспорить «традицию изображения пяти привычных частей Света»¹. Он же считает необходимым различать «великоевразийскую и младоевразийскую (евразийскую) точки зрения»: согласно первой, Европа рассматривается всего лишь как «одна из важнейших крупных структур, полуостров-колыбель народов наряду с Аравией, Индией, Восточной Азией», согласно второй — Россия отсекается от Запада и устремляет взор на Восток, а потому «желает по-иному провести границу Европы»². Хаусхофер определяет пространство между Маньчжурией и Карпатами как «североазиатский миграционный пояс» или, еще точнее, — как «промежточную Европу», т.е. Советский Союз, обращенный «лицом к пан-Азии и спиной (Ruckfront) к Европе» и скрывающийся под личиной «русского империализма»³. Озабоченный трудностями с разграничением для Евразии и Промежточной Европы, Хаусхофер высказывает свое мнение относительно евразийцев, да и страны Советов,

¹ *Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет: 2-е изд. / Карл Хаусхофер; пер. с нем. и примеч. И. Г. Усачева. — М.: Мысль, 2016. — 460 с. — С. 238.

И. Г. Усачев, отмечая многозначность толкования самих названий с частицей «пан-», справедливо подчеркивает субъективный характер оценки различными исследователями тех или иных аспектов пандвижений, что было присуще и Хаусхоферу. Немецкий геополитик, пытаясь быть предельно объективным в этих оценках, позволял себе осуждать одни пандвижения и позитивно оценивать другие «без достаточных на то оснований, а порой и вопреки очевидной истине» (там же, с. 417).

² Там же. — С. 240.

³ Там же. — С. 241.

отнодь недружелюбным образом: «В этом созвучном широкой душе восточного славянина пространстве евразийцы воздвигают свои воздушные замки будущего, в равной мере отходя и от западноевропейской, и от азиатской культуры, хотя и с противостоящей в религиозном отношении Советам, но родственной геополитически идеологией... нельзя предвидеть заранее, как сможет квиетическая (пассивная), выдуманная эмигрантами евразийская идея посредничать путем дистанцирования (*Abkehr*) между пан-Азией и пан-Европой»¹. Завершает главу Хаусхофер следующим образом: он предлагает отказаться от евразийской идеологии в деле создания «первых ступеней будущей структуры всего человечества» и вернуться к традиционному делению частей Света, мотивируя это тем, что фактически лишь «Европа и Азия обязаны продвинуть важнейшее решение о том, смогут ли панидеи (не говоря о захолустных пространствах Земли) и впредь плодотворно сказываться на дальнейшем развитии человечества»².

Несмотря на неприятие российского варианта евразийства, Хаусхофер взял его на «вооружение» спустя десять лет, рассматривая среднее звено в идее «пан-Азия – Евразия – пан-Европа» в сугубо пространственном смысле в написанной в 1940 г. работе «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония»: «Самым крупным и самым важным поворотом в современной мировой политике, несомненно, является формирование мощного континентального блока, охватывающего Европу, Северную и Восточную Азию». Заметим, что здесь Евразия упоминается как Северная Азия, далее по тексту рассматриваемая уже не как цивилизационный мир народов, культур, смыслов и ценностей, а в контексте сухих геополитических конструкций – площадь территории, численность населения, протяженность сухопутных и морских границ, природные ископаемые, что в своей совокупности могут быть использованы в интересах часто упоминаемого блока «Берлин – Рим – Токио». Хаусхофер здесь же признается, что угроза создаваемого блока для «англосаксонского мирового господства», основанного на тактике «анаконды», была заявлена «авторитетными» англичанами и американцами еще в середине XIX века, тогда как немцы времен Второй империи даже не подозревали, «какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии [т. е. Японией] через

¹ Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет... – С. 243–244.

² Там же. – С. 247.

необъятную Евразию»¹. Сокрушаясь по поводу того, что «более широко-пространственное и геополитическое мышление и меньшее увлечение идеологией» позволило бы избежать ненужных жертв и трений на всем протяжении первых четырех десятилетий XX века на всем протяжении оси Берлин – Москва – Токио, Хаусхофер смело заявляет: «В 1940 г. перед всеми тремя евро-азиатскими партнерами (надо полагать, относящимися к этой оси. – *И. К.*) стояла прежде всего задача позаботиться о новой устойчивости... организации пространств. Ведь каждая победа в конечном счете выражена в пространстве, и приз победы – приобретенная территория»². Остается только догадываться, какие территории и кого обладателями приза победы имел в виду Хаусхофер... Впрочем, автор далее дает небольшое разъяснение, упоминая о восстановлении треугольника «Берлин – Рим – Токио» 27 сентября 1940 г. (речь идет о подписанном тогда Германией, Италией и Японией трехстороннем пакте, зафиксировавшем претензии этих государств на мировое господство, передел мира и открытое выступление против Советского Союза): «Если бы удалось смело согнутую дугу треугольника Берлин – Рим – Токио привести к обоюдной выгоде в соответствии с солидным массивом пространства и изобилием сырья в Советском Союзе и таким образом придать этому треугольнику неприступную глубину „хинтерланда“ и устойчивость, тогда все старания „третьих держав“... были бы исчерпаны»³. Итак, все добродушные поначалу рассуждения Хаусхофера о недалёковидности российских евразийцев, предлагавших правильным образом обустроить Россию-Евразию, завершились вполне конкретными расчетами в духе военной геополитики использования ее (Россию-Евразию, т. е. конкретно Советский Союз) в интересах «крайних составляющих» оси Берлин – Москва – Токио.

«Особразная» геополитика – также любимый конек и прием в постмодернистской интерпретации евразийского пространства Жаном Парвулеско. На языке геополитической беллетристики автор заявляет (в статье «Православие и католицизм: великое возобновление?»), что «политико-историческое пришествие Евразийской империи конца, включающей Западную и Восточную Европу, Россию и Великую Сибирь, Индию и Японию, навсегда перечеркнет нынешние гегемонистские империалистические проекты тех сил, которые Билл Клинтон недавно собирательно

¹ *Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет... – С. 331.

² Там же. – С. 353–354.

³ Там же. – С. 357–358.

назвал „планетарным сверхмогуществом Соединенных Штатов“¹. Автор ратует за объединение православия и католицизма, которые, объединив свои духовные усилия, приведут к становлению «Евразийской империи конца» – Imperium Ultimium. Однако автор не считает необходимым включать Китай (за исключением Тибета) в эту «Империю», а единственным врагом последней он признает США. Такие псевдополитические послы явно не на руку устроителям евразийской цивилизации и евразийского союза, объединяющего государства на единой платформе сотрудничества и разрешения межгосударственных конфликтов.

Парвулеско, ратуя за укрепление национальных интересов, в первую очередь, Франции и Германии, выдвигает ряд тезисов по установлению на месте оси Париж – Берлин – Москва «оси нового имперского велико-континентального и евразийского авангардного уровня». Вот некоторые из этих тезисов:

- «Россия – Новая, *наша* Россия – должна стремиться... предпринять сверхчеловеческую попытку отыскать свой полярный центр тяжести...»;
- «Великая Европа, нуждающаяся сегодня в мобилизационной оси Париж – Берлин – Москва, может и должна срочно сделать все для политического и индустриально-экономического восстановления Новой России...»;
- «Восток Великого континента и высший имперский континентальный проект должны воссоединиться через Новую Россию»².

Эти призывные тезисы чем-то напоминают положение России как «геополитического балансира» в Европе конца XIX века, когда (в 1882 г.) был основан «Тройственный союз» Германии, Австро-Венгрии и Италии, который был направлен против Франции и России. В ответ на создание «Тройственного союза» возникли франко-русский союз (1891–1894 гг., кстати, после многочисленных просьб и обращений с французской стороны к российскому правительству), англо-французское соглашение (1904 г.) и англо-русское соглашение (1907 г.), приведшие к формированию Антанты как временной геополитической коалиции России, Великобритании и Франции. И к чему это все привело?!... По этому поводу стоит напомнить доклад барона Р. Р. Розена, известного дипломата, члена Государственного

¹ Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. Сб. статей / Под общ. ред. А. Г. Дугина. – СПб.: Амфора, 2006. – 447 с. – С. 179.

² Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя... – С. 208–213.

совета, с примечательным названием «Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный в Октябре того же 1912 года». Обращают на себя внимание следующие слова: «Россия, занимающая большую половину Европейского материка, есть не столько величайшая европейская держава, сколько сама по себе целая часть света, поставленная между Европою и Азией, и с точки зрения такого ее положения и должны быть рассматриваемы истинные ее интересы в мировой политике. Предоставлением Германии преобладания в западной половине Европы и устранением себя от всякого участия в соперничестве европейских держав на почве чисто европейских интересов, Россия обеспечила бы себе безопасность ее западной границы и полную свободу рук для преследования ее миссии в Азии, повелительно указанной ей ее географическим положением, от выполнения которой ей тем труднее будет отворачиваться, чем яснее будет обрисовываться начавшееся пробуждение азиатских народов»¹.

Мудрые слова, произнесенные сто лет назад, должны стать назиданием сегодняшним политикам и геостратегам, которые порой увлекаются постмодернистскими интерпретациями реальных политических процессов.

Рассматривая вопрос об историософских и геополитических контурах евразийской цивилизации, следует четко представлять, что системообразующим фактором ее становления и развития явилась российская государственность, претерпевшая за многовековую свою историю многочисленные трансформации – от Киевской и Владимирской Руси до Российской Федерации и создаваемого Евразийского союза. Можно приводить многочисленные суждения отечественных, и не только, авторов (малая часть упоминалась в данном разделе), в которых с разной степенью убедительности утверждалась одна и та же идея: в геополитическом, этнографическом и историко-культурном отношении «Континент-Евразию» следует рассматривать как одну из локальных цивилизаций. На протяжении своей истории расширялись ее геополитические границы, этнический и конфессиональный состав. История войн полна примеров того, какие усилия предпринимались близкими и дальними соседями, чтобы разрушить это цивилизационное единство. Но смысл истории выявляется, в данном случае,

¹ Розен Р. Р. Европейская политика России. – Петроград: тип. А. Бенке, 1917. – 40 с. – С. 22.

в том, что если в прошлые века этот процесс цивилизационного единения осуществлялся во многом стихийно, находя свое выражение в многочисленных историсофских прозрениях (та же идея «Москва – Третий Рим» или уваровская триада «Православие, самодержавие, народность»), то XX век и начало XXI века ознаменовались реализацией глобальных цивилизационных проектов – создание единого Советского Союза и Евразийского Союза. Кстати говоря, следует вникнуть в первоначальные слова «Договора о Евразийском экономическом союзе»: «Евразийский экономический союз... является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью»¹. Пожалуй, эта формулировка – ключевая характеристика ЕАЭС как основы создания евразийской цивилизации, поскольку он изначально позиционирует себя как ядро континентальной интеграции.

Глава 4. Сибирское областничество: история самоопределения Северной Азии (Ляпкина Т. Ф)

§1. Сибирь в географическом пространстве России

Географическое положение и историческая традиция России являются эталонным центром в познании судеб евразийских культур, структур и образований. Люди, живущие на этой территории, как никто другой, ощущают состояние внутренней раздвоенности. Эта раздвоенность все время вызывает желание понять «кто мы?», ведь нахождение одновременно и на Западе и на Востоке в России в конечном итоге не ощущается принадлежащим, ни тем, ни другим. Поистине территория пограничья, разделяющая и мировоззрение, и повседневные практики, проживающих на этих обширных пространствах.

Европа и Азия – два географических пространства, которые исторически используются в конструировании культурного пространства России. Их объединительное начало рассматривается и сегодня не только

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. См.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW.

как географическая особенность, но и как особое культурное пространство, где сосуществуют разные народы и культуры. Происходящие изменения все время стимулируют научный интерес к Евразии (России), поскольку некоторые трансформации заставляют искать адекватный язык описания процессов, которые имеют разные результаты, особенно в сфере культурного пространства. Это интересно еще и потому, что формирующаяся многополярная мировая политическая система побуждает проблемы не только безопасности, но и проблемы интеграции на фоне все еще сохраняющегося и существующего культурного разнообразия России как центра Евразийского культурного пространства. Интеграция, в свою очередь, актуализирует цивилизационный и культурологический подходы к Евразии как пространству равноценных различных культурно-исторических миров.

Государство – это особая пространственная целостность. Сибирь всегда была и остается регионом, находящимся в центре Евразии, и это касается не только её географического положения. Это территория соприкосновения двух культур – Запада и Востока. Такое положение делает этот регион чутким к малейшим изменениям, происходящим как внутри обширного региона, так и вне его границ. Тем более, что территория Сибири всегда была и сейчас остается зоной интересов в области экономики, поскольку ее территория по-прежнему богата природными ресурсами.

Если широким мазком представить процесс вхождения цивилизации в пространство Сибири, то начать, пожалуй, надо с более определенного XVI века, когда Сибирь от регионального топонима территории ханства и земли язычников и иноверцев постепенно в XVII веке стала частью территории Московского государства. Это территория соединяла в себе два аспекта для активного освоения: Сибирь была богата «рухлядью» – «мягким золотом», и этим она манила к себе, однако она оставалась пока еще чужой землей, холодной, неизвестной, непроходимой и с большими просторами.

В XVIII веке Сибирь – это все территории на востоке от исторического ядра императорской России. Её сравнивают и называют «золотым дном», открывают древние сооружения, каменные изваяния и писаницы. Просыпается и формируется устойчивый интерес ученых к изучению богатств недр и культурному разнообразию этой огромной территории. Изучению Сибири посвящают свои исследования Татищев и Миллер, где она является частью общей истории России. Мессершмидт называет

Сибирь ареной миграций народов в древности и родиной «путешественников поневоле».

В XIX веке появляется знак разделения территории «Европа-Азия» – граница водораздела метрополии и окраины. Формируются внутреннее разделение Сибири на Западную, Восточную, а также закрепляются территории Уссурийского края, Приамурья и формируется представление о Дальнем Востоке. В это время появляются первые серьезные работы сибирской интеллигенции и «заезжих любителей умного препровождения времени» (П. Словцов). Они создают и описывают разные образы Сибири: «земля отверженная Богом», «земля на пользу человеку», «Сибирь как колония», «Сибирь – пространство предприимчивости», «Сибирь как европейский Тибет», «пустыня, которая считается земным раем», «Сибирь как лиминальное пространство» и т. п. Все эти доводы и перечисления показывают рождение регионального самосознания, важного в ответе на вопрос «кто мы».

Национальное самосознание является уникальным способом репрезентации национальной культуры в различных регионах, среди которых уже практически нет монокультурных. В поликультурной России характерные особенности, национальное самосознание и культура формировались параллельно с политическим, экономическим, юридическим процессами самоопределения. А национально-культурное самоопределение, в свою очередь, связано с вопросами самоидентификации. Евразийское пространство – территория особым образом организованный и «привязанный к месту» фрагмент ноосферы.

§2. Основоположники областничества и украинофильства

Геопанорама евразийского пространства – образ пространства. Этот геокультурный образ начал формироваться задолго до понятия «Евразия» и собственно общественно-философского течения – евразийства. Оно, безусловно, связано с направлениями общественной и философской мысли западничества и славянофильства в 1830–1850 годы в России. Формирование этих направлений закрепляет стремление русской интеллигенции определиться с региональной локацией. Дискуссия о том, что такое Россия, какая географическая доминанта в её развитии преобладает, стали обычным делом, поскольку они продолжают

и сегодня. Все еще происходят дискуссии о поисках адекватной методологии, которая бы акцентировала внимание не только на общероссийской идентичности, но и на региональной идентичности и ее мобилизационном потенциале. Этот потенциал успешно использует регионально-национальная элита, поскольку ресурсное содержание идентичности пробуждает повышенный интерес региональных сообществ к разнообразным мифологическим текстам, символам и идеям¹.

Уже в конце XVIII – начале XIX века начала происходить регионализация общественной и исторической мысли. Если пытаться определить истоки рождения регионов, регионализации и регионального самосознания, то, пожалуй, самым удачным примером, с точки зрения научных концепций, будет являться работа Ивэра Нойманна – норвежского специалиста по международным отношениям. В своем исследовании он, применив конструктивистский подход, пришел к выводу о том, что регионы в общественном сознании рождаются и воображаются в соответствии с теми же принципами, что и нации², где работает механизм сопостранственности, согражданственности, когда территория объединяет.

Такие идеи объединяющей роли территории стали рождаться в России XIX века. Надо признать, что учение областников, о котором пойдет речь ниже, все еще стоит особняком в общественно-исторической мысли России, поскольку их идеи в некотором смысле примеряли позиции западников и славянофилов, а также сформировавшихся радикальных народников и идей консервативного движения. Можно даже предположить, что идеи областников стали предтечей евразийцев, которые на арене общественной, политической и научной мысли появятся лишь в начале XX века. И те и другие могут рассматриваться как идеологии, с одной стороны, территориально-культурного своеобразия России, с другой – усматривающие в территории интегративное начало, которое и формирует ее особое географическое положение и культурное многообразие.

Однако не будем идеализировать или преуменьшать роль учения областников, а попытаемся обратиться к содержанию. Вспомним о том, что история

¹ *Назукина М. В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009. – С. 3.

² *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании национальных, региональных и общеевропейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.

России в XIX веке, это история централизованного государства. Однако это не означает, что это была единственная научная концепция. Параллельно с ней, в это же время, формируется представление о истории России как истории отдельных областей, и все это одна история¹. Как результат, начала формироваться идея федерализма (регионализма), например, в виде работ по истории Сибири².

Кроме того, в развитии регионализма XIX века приняли участие: русский публицист-революционер, писатель, педагог и философ, А. И. Герцен (1812–1870) и журналист и публицист Г. З. Елисеев (1821–1891), а также русские историки – Н. И. Костомаров и А. П. Шапов, которые, по сути, и сформулировали земско-областную концепцию истории России как способ особой пространственной организации³. «Русская история, в самой основе своей, есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»⁴.

Обращение к истории «народной жизни» сильно повлияло на развитие не только собственно истории России, но и на развитие археологии и этнографии. Теория А. Шапова помогла создать теоретическую базу для многих провинциальных историков-исследователей. Кроме того, сформулированная земско-областная форма общественной жизни была очень похожа на государственно-союзную. Причем сформировалось понимание связности сельского и городского мира, на которые влияла естественно-бытовая традиция, организующая земский мир посредством федеративной связи, распространяющейся по всенародному русскому земскому миру⁵.

¹ *Богданов В. В.* Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краевых материалов // Вопросы краеведения. – Нижний Новгород, 1923. – С. 125–132.

² *См. Словцов П. М.* Историческое обозрение Сибири. – Ч. 1. – СПб., 1793. – Ч. 2. 1844; *Словцов П. А.* Письма из Сибири. – М., 1826.

³ *Ляпкина Т. Ф.* Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири. Конец XVII – начало XX века. – СПб.: Инфо-Да, 2006. – С. 47.

⁴ *Шапов А. П.* Неизданные сочинения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при казанском университете. – Казань, 1926. – Т. 33. – Вып. 2/3. – С. 13.

⁵ *Шапов А. П.* Новая эра // Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937. – С. 16–17.

Обратим внимание на то, что идеи А. П. Шапова, по сути, стали руководством к действию для провинциальной интеллигенции. Они стали проявлять повышенный интерес к изучению местной, локальной истории на основе конкретно-исторического и этнографического материала. Эти исследовательские практики способствовали распространению теории областничества. Идея децентрализации истории России - это и есть основной стержень теории областничества. Отметим и еще одну особенность теории - это идея саморазвития и самообразование областей путем колонизации, которая на тот момент истории была достаточно смелой и острой. Возможно, именно это способствовало тому, что наследие ученого неоднозначно оценивалось как общественной, так и представителями научной мысли. И его идеи относили то к славянофильству, то к народничеству, то к революционным демократам¹.

Ряд интересных фактов привлекает нас в истории распространения этой теории. Известно, что уже в середине XIX века в Киеве существовала областная организация - Кирилло-Мефодиевское братство (1845-1847), членами которой были Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш, а также нами упоминаемый выше Н. И. Костомаров и др. Но к теме украинского областничества мы еще обратимся чуть позже, поскольку интерес к национально-региональной идентичности резко актуализировался в современной истории Украины.

Формирование и развитие областнического движения заняло почти весь период с середины до конца XIX века. В 50-60-е годы в общественной жизни Петербурга стала активно проявляться группа молодых людей, называющая себя «сибиряками», - Г. Н. Потанин, Н. С. Щукин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков и др.

На формирование мировоззрения этих молодых людей существенно повлияли Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин, П. В. Павлов, А. П. Шапов. Представители сибирской интеллигенции активно пропагандировали свои взгляды в разного рода средствах массовой информации: газетах, журналах, альманахах. Открыто выступали как в городах Сибири, так и в Петербурге вплоть до 1865 г., когда под надзором полиции

¹ *Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х годов XIX века. - Л., 1971. - С. 95-96; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. - М., 1941; История СССР. Т. 2 / Под ред. М. В. Нечкиной. - М., 1949. - С. 449; *Кабанов П. И.* Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова. - М., 1954; *Козьмин Б. П.* А. П. Шапов - историк-демократ // Очерки истории исторической науки в СССР. - Т. II. - М., 1960. - С. 66-80.

их выслали в северные губернии европейской части России (Архангельскую и Вологодскую губернии). Признание деятельности этого землячества выразилось в сформированном в этом же году «Деле об отделении Сибири от России». Этот год можно считать годом официального роспуска кружка сибирских студентов.

Значительной в научном наследии сибирских областников является проблема развития культуры сибирского региона. Они предприняли попытку вытянуть эту проблему на уровень мировой, сравнивая колонизационные процессы в России с аналогичными в Европе и Америке. Признавая территорию Сибири частью территории России, они все же акцентируют внимание на зависимости развития региона от общих цивилизационных процессов. Оценка их влияния на развитие Сибири значительна, поскольку они не только сделали активной дискуссию положения региона в России, но и сделали «большую и плодотворную культурную работу»¹ как яркие представители сибирской интеллигенции. Отметим, что, если и можно говорить о развитии областной теории в России, то только благодаря деятельности именно сибирской интеллигенции.

Обратим внимание и на то, что российские и сибирские областники осознавали свою связь с украинофильством. И у тех, и у других были свои журналы, в которых публиковались статьи по региональной тематике. Именно об этом, сравнивая журналы, писал в письме Г. Н. Потанин Н. С. Щукину из Петербурга в 1860 г.: «„Амур“ что-то плоховат. А вот Малороссия, которая, если можно так выразиться, параллельна теперь с нашей страной, начинает действовать. Кулиш затевает журнал „Основа“² на русском, малор[оссийском] языках, кроме того „Украинский вестник“. Завидно»³.

Дадим небольшое пояснение: «Амур» – это первая частная газета в Сибири, которая появилась и издавалась в Иркутске (1860–1861)

¹ Коржавин В. К. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX века. Возникновение и сущность «областнической идеи» // Литературное наследие Сибири. – Т. 5. – Новосибирск, 1980. – С. 9–10.

² Ежемесячный журнал «Основа» издавался под редакцией В. М. Белозерского при участии Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша в Санкт-Петербурге.

³ Письма Г. Н. Потанина / Под ред. Ю. П. Козлова и др. – Иркутск, 1987. – Т. 1. – С. 49.

благодаря инициативе прогрессивной местной интеллигенции. Её редакторами были М. В. Загоскин¹ и Б. А. Милютин².

Затем с 1861 стала выходить под новым названием «Амурская газета Восточной Сибири» и собственно являла собой печатный орган свободомыслящих людей до 1862 г. включительно³. Название газеты «Амур» являлось отражением общественно-политического интереса к территории, в отношении к которой формировалась новая политика России. Газета привлекала внимание еще и потому, что в центре её обзоров была не только Сибирь и Амурский край, но и Китай, Япония, Америка и Индия⁴.

Выше мы указывали на то, что активность общественной жизни в Киеве объяснялась деятельностью украинофильского общества, возникшего в Петербурге, а её членами были недавно вернувшиеся из ссылки Н. И. Костомаров, Т. Г. Шевченко и П. А. Кулиш, а также их другие единомышленники.

Молодые люди инициировали патриотический интерес к изучению украинской культуры и традиций, тем самым они вызвали повышенное внимание имперской власти, которая теперь после польского восстания 1863–1864 гг. была готова на разные репрессивные действия. Не случайно именно в это время вышел циркуляр, в котором был прописан запрет на издание украинской литературы на национальном языке, вместе с ней и научной, учебной и религиозной. Окончательным запретительным документом стал, так называемый, «Эмский указ»⁵, который не только ограничивал деятельность на украинском языке, но и запретил выпуски газеты «Киевский

¹ Краткую биографию и познакомиться с результатами деятельности М. В. Загоскина можно на сайте http://irkipedia.ru/content/zagoskin_mihail_vasilevich_goldfarb_si_irkutsk.

² Борис Алексеевич Милютин (1832 – 13 января 1886, г. Санкт-Петербург, Российская империя) – тайный советник, член Совета Главного управления Восточной Сибири от Министерства финансов, действительный член Сибирского отдела ИРГО, журналист. Гласный Иркутской городской думы (28 ноября 1872–1874).

³ *Кубалов Б. Г.* Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862) // Записки Иркутского областного краеведческого. – Иркутск, 1961. – Вып. 2. – С. 55–87.

⁴ «Амур» – первая частная иркутская газета [Электронный ресурс] // URL: http://irkipedia.ru/content/amur_gazeta (дата обращения 25.07.21).

⁵ *Карнишин В. Ю.* Историографические интерпретации научного творчества М. П. Драгоманова // История государства и права. Отечественная история // Наука. Общество. Государство. – 2014. – №1(5). – URL: 2014. esj.pnzgu.ru.

телеграф», в также все сценические выступления на украинском языке. Однако до запрета, в период «великих реформ», центр украинского национального движения переместился из Петербурга в Киев. Идеино-организационным ядром стала «Киевская громада» — объединение украинской интеллигенции, которое занималось общественно-культурной и просветительской деятельностью и закрыто выше названным Эмским указом.

Одним из ярких представителей украинских областников, украинофилов был М. П. Драгоманов¹. Сегодня его именем назвали один из университетов Киева. Существуют разные источники, которые помогают составить портрет личности украинского патриота, например, Гревс И. М.², который не раз вспоминал в своих статьях о встречах с ним за границей, в Париже, считая его «истинным революционером против русского самодержавия»³.

Мало того, в своих статьях об украинском патриоте он пишет, что Драгоманов пробовал организовать за границей свободный русский политический журнал, который бы развивал, защищал и распространял начала конституционного демократизма и федерализма. Поэтому Гревс И. М. называет его «родоначальником идеологии конституционного демократизма»⁴, подготовил и отредактировал «Политические сочинения» М. П. Драгоманова⁵.

Пытаясь определить характер украинофильства, одного из направлений российского областничества, обратимся к некоторым публикациям М. П. Драгоманова⁶ 1870–1880-х годов, где особое место занимает

¹ Михайло Петрович Драгоманов (1841–1895) — украинский ученый, историк, философ, экономист, фольклорист. Один из организаторов Старой громады в Киеве, доцент Киевского университета, идеолог украинских автономистов.

² И. М. Гревс (1860–1941) — историк-медиевист, профессор Петербургского-Ленинградского университета.

³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Из архива И. М. Гревса. — [Электронный ресурс] // URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2016/04/Ananich_B_V_16.pdf (дата обращения 20.08.2021).

⁴ Там же.

⁵ *Драгоманов М. П.* Политические сочинения / Под ред. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. — М., 1908. — Т. 1.

⁶ См.: *Драгоманов М. П.* Малороссия в ее словестности // Вестник Европы. — 1873. — № 10; *Драгоманов М. П.* Восточная политика Германии и обрусение // Вестн. Европы. — 1872. — № 2; *Драгоманов М. П.* К вопросу об «оскудении» литературы и о столичной печати и провинции // Молва. — 1876. — № 36.

программный документ «Вільна Спілка» – «Вольный Союз», изданный в Женеве в 1884 году¹. А также сравним его позицию с идеями Г. Н. Потанина, поскольку исследователи XX и XXI века называют их «типичными областниками»² и в целом должны иметь, как точки соприкосновения, так и принципиальные различия. В реальной жизни они не встречались, и ради справедливости скажем, что программа сибирских областников появилась чуть позже.

Все действия М. П. Драгоманова были направлены на критику общественного движения в России, где, по его мнению, не было политической свободы. Он критиковал структуры местного самоуправления в России и считал, что с совершенствованием этого института власти существенно изменится внутренняя политика государства. Он настаивал на политическом переустройстве России, которое должно вызвать к действию социально-экономические реформы. Он писал о необходимой активности идейных и политических движений, которые также активно стимулировали бы проведение государственных реформ. Такими активными, по мнению Драгоманова, были: Общество Соединенных Славян и Кирилло-Мефодиевское братство³. Он пишет: «Мы не решились придать нашей политико-социаль-

¹ *Драгоманов М. П.* Собрание политических сочинений. – Париж, 1905. – С. 273–375; *Драгоманов М. П.* Политические сочинения. – Т. I. Центр и окраины / Под ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 586 с.

² См. например: *Колосов Е.* Два русских областника – М. П. Драгоманов и Гр. Н. Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // Сибирские записи. – 1916. – № 3; *Колосов Е.* Сибирские областники о прошлой и краевой интеллигенции // Сибирские записи. – 1916. – № 3; *Зайнутдинов А. Э.* Интеллектуальная галерея сибирского областничества второй половины XIX в. // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского / Отв. ред. Р. Г. Браславский, А. В. Малинов. СПб., 2014; *Троицкий С. А.* Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 1; *Троицкий С. А.* Проблема терминологической точности при изучении зон культурного отчуждения // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3 (133); *Шерстова Л. И.* Областная идеология: некоторые аспекты региональной идентичности // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. – СПб.: ИД СПб гос. ун-та, 2010.

³ *Ланно И. И.* Происхождение украинской идеологии новейшего времени // Вестник Юго-Западной Руси. – 2007. – № 5. – С. 102–103.

ной программе даже внешнюю форму программы всероссийской, а предлагаем её как попытку программы, приспособленной к краю, наиболее нам известного». <...> И далее, стремясь найти ответ для поисков политической свободы в России, продолжает рекомендовать «создание таких организаций, областных политических обществ, которые собрали бы под знамена политико-социальных требований как можно большее количество членов и кружков в своих областях, а после этого восстановили бы связи между собой для совместных действий, направленных на преобразование России соответственно этим требованиям»¹.

Обобщая идеи и публикации М. П. Драгоманова, можно сказать, что они имеют две части. Первая посвящена роли общественных организаций украинской интеллигенции, а вторая сосредоточена на проблемах прав человека и гражданина; неприкосновенности личности для унижительных наказаний и смертной казни; неприкосновенности личности и жилья для полиции без судебного постановления; неприкосновенности частных писем и телеграмм, свободе выбора, свободе проживания и занятий; неприкосновенности национальности (языка) в частной и публичной жизни; свободе совести; свободе слова, печати, театров и обучения; свободе собраний, петиций, обществ и объединений, равенству всех в гражданских правах и обязанностях². Кроме того, важной частью его программы было совершенствование самоуправления, которое могла бы иметь такую структуру: 1. Местное: общинное (сельское и городское), волосное, окружное, областное; 2. Государственное³.

И все бы хорошо, если бы внутри движения Малороссии не случился раскол, который не только негативно повлиял на характер отношений внутри группы украинских патриотов, но и повлиял на изменение общей идеологии украинофильства. Дело все в том, что постепенно движение украинофилов утратило гуманистические и демократические основы областничества. Сегодня исследователи подчеркивают изменения в сторону новой «человеколюбивой» идеологии национализма. И сегодня «реактуализация украинского областничества способна существенно скорректировать

¹ Драгоманов М. П. Политические сочинения. Том I. Центр и окраины / Под ред. проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. — М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина. 1908. — С. 278.

² Драгоманов М. П. Политические сочинения... — С. 280–281.

³ Там же. — С. 284–285.

идеологию современного украинства, указывая на общие его истоки с сибирским и великорусским областничеством»¹.

Однако вспомним, что сибирское областничество возникло как культурное и литературное движение, а в политический контекст они вошли лишь в годы Первой русской революции, именно тогда стали появляться проекты федеративного устройства Сибири. Общее, что сближает украинофилов и сибирских областников, это понимание социальных и политических идеалов в сфере самоуправления, автономизации и децентрализации. А вот процессы децентрализации государства интерпретируются теми и другими по-разному. Для украинофилов децентрализация связана с идеей «народа и народности». А для сибирских областников – децентрализация и социально-политические и финансово-экономические реформы должны были способствовать развитию культуры региона². Неслучайно Г. Н. Потанин пишет: «Децентрализация государственных финансов повлекла бы децентрализацию всей общественной жизни. <...> Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношении. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами. <...> Культурное движение в области получит независимость от государственного центра и будет развиваться в большем согласии с местными условиями»³.

§3. «Печальник Сибири»

Продолжая характеристику теории областничества, обратим внимание на еще одну яркую персону и его концепцию областничества – Николая

¹ Малинов А., Пешперова И. Областничество в исторической ретроспективе // Новое литературное обозрение. – № 3. – 2015. – [Электронный ресурс] // URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/133_nlo_3_2015/article/11445/ (дата обращения 30.06.2021).

² Малинов А. В., Пешперова И. Ю. Две версии областничества: Г. Н. Потанин и М. И. Драгоманов // Studia Culturae: Вып. 1 (27): Symposium: А. В. Малинов. И. Ю. Пешперова. – С. 136–149.

³ Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. – Томск, 1915. – С. 112.

Михайловича Ядринцева (1841–1894). За личностью этого ученого, общественного деятеля, публициста, литератора, прочно закрепились две характеристики, точно определяющие место и его роль в развитии областной теории. Его называли «печальником Сибири» и «неисправимым западником». Он, как и все сибирские интеллигенты, искренне любил свой край. Глубоко переживал за судьбу Сибири. Изучал прошлое, настоящее и будущее региона, а также горячо интересовался жизнью народа, населяющего этот суровый край. Он один из первых представителей сибирской интеллигенции заговорил о проблемах рождения, развития сибирского самосознания. Он рассуждал о проблемах соотношения центра и периферии, метрополии и колонии, столицы и провинции в российском государстве. И, наконец, именно он, а за ним и Г. Н. Потанин, стали развивать тему рождения и формирования нового этнографического типа российского народа – сибиряков.

Широта интересов Н. М. Ядринцева распространялась не только на проблемы России и сибирской провинции, но и на опыт в истории западноевропейских колоний, а также на актуальные политические и экономические теории того времени. Всю жизнь исследователь интересовался опытом Северо-Американских Штатов и был глубоко уверен, что Сибирь может прийти к такому же столь прекрасному будущему. «Список западных авторов, чьи имена рассыпаны по сочинениям и письмам, весьма внушительен. Это П.-Ж. Прудон и Луи Блан, А. Сен-Симон, Г.-Ч. Кэри, К. Маркс, В. Рошер и А. Леруа-Болье. В сочинениях Д. Дреппера о колонизации в Америке он ищет подкрепление своим мыслям о влиянии климата на развитие Сибири, ее населения. Интерес к западным идеям диктовался, прежде всего, необходимостью дать научное обоснование так называемым „сибирским вопросам“»¹.

Ключевой проблемой для Н. М. Ядринцева была проблема сибирской автономии в контексте Российского государства. Проанализировав массу экономических и статистических данных, он обнаруживает несоответствие ресурсного богатства региона с его отсталой инфраструктурой. Сибирь к концу XIX века, как и сейчас, все еще оставалась сырьевой базой развития экономики центральных районов России. Неэффективное расходование имеющихся капиталовложений и отсутствие отлаженной логистики как

¹ Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири. Конец XVII – начало XX века. – СПб.: Инфо-Да, 2006. – С. 57–58.

внутри региона, так и за его пределами, не вселяли в сознание исследователя оптимизма.

Описывая основания для автономии Сибири, Н. М. Ядринцев, приводит такие доводы: ни в Сибири, ни в Америке, ни в Австралии нет такого социального слоя как аристократия, как и нет вообще жестких разделений на сословия, и в этом смысле население региона находится в равноправном положении; царству капитала, сопровождающееся злоупотреблениями, безнравственностью и бессердечием, в колониях противостоит свобода человека и возможность поиска счастья. Сам колонист, человек по своим характеристикам имеющий недюжинные качества, полон энергии и дарований. Сибирь провоцирует в человеке чудеса предприимчивости. Крестьянин в регионе становится все менее похожим на своего русского собрата. Тогда, в XIX веке, он был менее заражен предрассудками и суевериями, он открыт всему новому, он легко адаптируется к городской жизни. Все эти характеристики соответствуют характеристикам людей, живущих в европейских колониях. Единственный недостаток видит во всех этих процессах Н. М. Ядринцев. Он отмечает «понижение русской расы» вследствие метисации с местным населением. Эти процессы он сравнивает с аналогичными процессами в Латинской Америке.

И последним маркером в доказательстве автономного положения Сибири в России является сформированная пенитенциарная система, которая превращает регион в дисциплинарное пространство. Все это специально обостряется в его главной работе «Сибирь как колония»¹. Яркой иллюстрацией доводов исследователя является его цитата: «Представьте невежественную территорию обособленной, она более проиграет, чем выиграет за неимением сношений. Связь колонии с метрополией имеет поэтому свой смысл, и чем колония неразвитее, тем потребность в этой связи должна быть сильнее. Невежественная страна умрет с голоду, погрузится в застой, она станет Монголией, Китаем. Но, помилуйте, ведь барыши слишком громадны за это обучение, за перенесение „части знаний“, эти барыши состоят из плоти и крови. Что делать, плата за ученье велика, как запрос бесцеремонного учителя, но лучше платить дорого, чем остаться совсем без ученья и образования»².

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — СПб., 1982.

² Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1. — Красноярск: Издание журнала «Сибирские записки», 1918. — С. 52.

Характеризуя культуру и социальную жизнь Сибири, Н. М. Ядринцев отмечает, что их состояние не зависит только от отношения к региону России. Они зависят от собственной активности местного населения, ведь именно оно должно быть более заинтересовано в преобразении культурного пространства региона и в изменениях качества жизни. Он был уверен, что частичное решение «сибирских вопросов» в отдельно взятом регионе поможет России в целом: жизнь частей – источник жизни целого. Поэтому, чтобы быть ближе к населению сибирского региона, исследователь призывает изучать народно-областные этнографические группы. Научные исследования и развитие местной литературы должно было пробудить «спящую красавицу» – Сибирь. Литература, считал Н. М. Ядринцев, это негласный показатель развития сибирской провинции. Поэтому призывал к писательской активности в различных средствах массовой информации и сам был активным участником различных областных сборников, историко-статистических описаний, публицистических статей. Литература должна расшевелить, растревожить сознание сибиряков. Она должна их заставить действовать. Природные богатства Сибири должны соответствовать духовному богатству народов.

Литература, которую Н. М. Ядринцев разделял на литературу о провинции и литературу, созданную в провинции, должна стать принципиальным показателем развития провинциальной культуры. В этом отношении велика роль русского народа, русской культуры. «Воспринимаемая инородцев по сторонам, русское население в середине быстро всасывает, претворяет их и поглощает. Поэтому только около самых границ мы встречаем инородческие помеси, а в середине идет уже сплошной слой русского племени, переваривший и переработавший уже смешанные элементы»¹.

Все эти условия и процессы создают, по мнению исследователя, новый народно-областной тип населения – сибиряков. Они отличаются внешними признаками: у них темные волосы, черные или карие глаза, значительно выдающиеся скулы, широкий нос, что достаточно заметно отличает их (сибиряков) от славянского типа центральной части России. В отношении же самого русского народа и его культуры Н. М. Ядринцев утверждает, что они на территории Сибири должны нести цивилизованное и вместе с тем нравственное начало. Русская культура обязана была распространять лучшие духовные блага, а также принести местным народам добро просвещения.

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб., 1982. – С. 97.

Однако эти идеалистические идеи представления Н. М. Ядринцева разбились о суровую реальность региона. Это проявилось, прежде всего, в том, что на территории региона она распространилась только небольшими оазисами. Торговые отношения, сформированные общей моделью экономики царской России, скорее портили отношения с русскими, и в этом отношении дорого обошлись местному населению, превратившись в эксплуатацию¹. К слову сказать, эти антигуманные методы применяла и советская власть, насильно забирая детей в школы-интернаты. Если же семья, сопротивляясь, не отдавала детей в школы, власти забирали у мужчин охотничье снаряжение, тем самым обрекали семью на голодное существование.

Были замечания у Н. М. Ядринцева и к политике христианизации². В исследовании этого вопроса он отмечает несколько аспектов: во-первых, его интересует, насколько религия усваивается местным населением; во-вторых, насколько она понята; в-третьих, поддерживается ли она процессом религиозного воспитания и самой православной культурой. В поисках ответа на эти вопросы он отмечает, что в целом тяготение народов Сибири к восточным религиям, в частности к буддизму, более характерен, что в свою очередь затрудняло деятельность христианских миссионеров. Неуспешность в работе Русской православной церкви (РПЦ) на территории сибирской провинции он объясняет малочисленностью миссионерских центров, духовенства и монахов. Кроме того, он отмечает невысокий уровень образования и готовности к активной деятельности православных церковнослужителей. Он пишет: «Привитие высшего религиозного культа и христианской миролюбивой религии требует большей подготовки и высокого нравственного призвания, а главное терпения и миролюбия»³. Продолжая анализировать не очень успешную деятельность РПЦ, он пишет: «Попытки основания школ были случайные, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось, и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях,

¹ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 175–179.

² См. об этом: Ляпкина Т. Ф. Н. М. Ядринцев о проблемах культурного влияния // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А. В. Малинов. — СПб.: ИД СПб гос. ун-та, 2010. — С. 89.

³ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 231–232.

здесь совершенно устранилась»¹. Таким образом, выводы по анализу и миссионерской деятельности, и деятельности с точки зрения налаживания просвещения и образования для инородцев у Н. М. Ядринцева носят критический характер. Он критикует РПЦ за упущенное время, которого так и не хватило для более продуктивного включения местных культур не только в христианский мир, но и в контекст российской цивилизации.

Особняком стоят идеи Н. М. Ядринцева о культуре кочевых народов Азии, Сибири и Монголии. Задолго до появления работ о характере и природе кочевого быта и культуры, идей о разрушительной силе кочевников в европейской и отечественной науке XIX века, исследователь чуть ли не впервые в этнографии и истории замечает отсутствие их враждебности по отношению к культуре и цивилизации западного типа. Кочевники не угрожают оседлому быту западной цивилизации. Он считает такую точку зрения ошибочной. Кочевой быт просто противоположен оседлому, утверждал Н. М. Ядринцев. И здесь конечно надо вспомнить его положение в общественной, научной и культурной жизни XIX века. Он организатор первой комплексной экспедиции на Алтай. Им составлены географические карты Телецкого озера и реки Чуи, он первооткрыватель древнетюркских памятников на р. Орхон. Он член экспедиции в Каракорум и Орду-Балык — столицу Уйгурского каганата, член Западно-Сибирского отдела РГО. Он совершал несколько экспедиций в Минусинский край и Монголию (1886, 1889, 1891). Н. М. Ядринцев организовал издание газеты «Восточное обозрение» и был заведующим статистическим отделом управления Алтайского горного округа. Он оставил значительное наследие в виде публицистических статей, дневников, исследований и переписку, в том числе и с Г. Н. Потаниным, с которым судьба свела его в 1860-е годы. Все это показывает его глубокий интерес и знание о местном населении Азии, Сибири и Монголии и полную компетентность в суждениях о природе особенностей кочевого быта и культуры.

Нам представляется, что Н. М. Ядринцева не до конца оценили современники и история. Его яркая работа «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад»², где исследователь развернул открытую критику положения дел в России и Сибири, в свое время не приняли ни в «Русский вестник», ни в «Русскую мысль», но зато охотно несколько раз издавали

¹ Там же. — С. 233.

² *Ядринцев Н. М.* Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад. — Geneve: M. Elpidine, 1891. — 30 с.

заграницей, в частности в Женеве. Это исследование стало результатом его поездки в Америку, где он много изучал и сравнивал постановку и организацию переселенческих дел, которая сопровождается основным принципом свободы. Для Н. М. Ядринцева в России колонизация Востока — это большой вопрос как минимум по трем причинам: 1. колонизация Сибири — это штрафная колонизация; 2 — колонизация Сибири — колонизация подавления (вывозят золото и пушнину, ввозят деревянные ложки); 3 — отток только что рожденной местной интеллигенции в центральную Россию.

Таким же «печальником Сибири» был и еще один, нами уже упоминаемый исследователь, этнограф, фольклорист, географ, путешественник — Г. Н. Потанин. Он, так же как и Н. М. Ядринцев, сначала был членом студенческого сибирского землячества (конец 1850–1860-х годов), а потом и теоретиком сибирства, или местного патриотизма, а в конце XIX века — сибирского областничества¹. Все поиски места Сибири, в контексте России, свелись к видению специфической «сибирской идеи». Её смысл он видел в сформированности самобытных культурных, экономических и территориальных черт Сибири.

§4. Новый «Сибирский поворот»

В современной социально-гуманитарной сфере стало очень популярным понятие «трансфера». Понятие характеризует перемещение в географическом пространстве и во времени феноменов, идей, артефактов в другой культурно-географический ареал². Так вот, на наш взгляд, в отношении сибирского региона, этот трансфер был осуществлен с некоторыми изъятиями, поскольку процессы, стимулированные переносом, начав развиваться, так и не получали окончательной формы, будь то в сфере экономики или управления, образования, науки или собственно культурных практик, распространенных в центре, но неразвившихся в Сибири. Может, в этом и реализуется или проявляется принцип взаимодействия центра и периферии, или столицы и провинции. Но сегодня ясно одно, что у России до сих пор нет ресурсов, а может быть, и желания осваивать этот богатый регион

¹ Троицкий С. А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — Вып. 1. — С. 60–77.

² См. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.

равнозначными и равноценными технологиями, сохраняя социально-культурное пространство в его гармонии и не создавая условия возможности такой жизни в экстремальных условиях, заставляющие и сегодня местную интеллигенцию покидать эти, в каком-то смысле, уже «намоленные» территории. А человек, рожденный в Сибири, был бы главным ресурсом для развития и процветания региона.

Обратим внимание на то, что, сформировавшись в середине XIX века, областничество активно существовало в среде русских эмигрантов вплоть до Второй мировой войны, а в начале XX века, оформившись в особую политическую силу, в качестве Сибирской парламентской группы, участвовала в работе I и II Государственных дум, выступая с политическими требованиями «равноправия Сибири» и децентрализации управления государством. По этому поводу Г. Н. Потанин писал: «Сибирь слишком большой придаток к территории Европейской России; русские люди, обитающие на этом придатке, не могут не чувствовать, что они живут в особых условиях. У территории Сибири, как ни сходна она во многих чертах с Европейской Россией, особенно с северной её частью, все-таки свой физический организм, и люди, живущие в зависимости от этого особого организма, должны чувствовать солидарность между собой прочнее, чем жители других областей империи. Цементом для такого сплочения областных жителей могут служить одни экономические и культурные интересы без национальной подкладки»¹. Нам представляется важным подчеркивание отсутствия «национальной подкладки», поскольку Сибирь примеряет противостояние Европы и Азии в пространстве территории России, и в этом смысле Сибирь могла бы стать материнским пространством для рождения евразийского самосознания.

Все областники понимали, что развитие и подъем Сибири невозможен без общественной активности в России. Они говорили о неизбежности цивилизационных столкновений и трансформаций, которые рано или поздно произойдут на Востоке. В целом, областники показали значение и достижения народов Северной Азии в истории человечества, доказали и описали ценность кочевого быта. Предложили модель эволюции культурных форм «переходного типа» — лесных культур (Н. М. Ядринцев). Обосновали «восточную гипотезу», по которой многие эпические и литературные сюжеты в Европе были заимствованы из Азии (Г. Н. Потанин).

¹ Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина: Избранные статьи и биографический очерк. — Томск, 1915. — С. 52–53.

В своих исследованиях областники практически первыми стали использовать статистику для изучения Сибири, а также повлияли на формирование и развитие краеведения и кочевниковедения в истории науки и культуры, которые позже были подхвачены и развиты евразийцами.

Современный этап развития России показывает (демонстрирует) нам новый поворот на Восток и возрастающую в этом направлении роль Сибири и Дальнего Востока. К тому же эти территории потенциальный ресурс для реализации очередного большого проекта российского государства – «Сибирского поворота»¹. И надо понимать, что этот проект должен продвинуть не столько экономическую, военную и социально-политическую роль территории, сколько социально-культурный статус территории, который и будет залогом успеха в развитии региона. «Новая» идея заключается в формировании «новой» элиты сибирского и дальневосточного регионов, которая будет актором выхода из очередного экономического кризиса, связанного с кризисом валют и в целом с кризисом западной цивилизации. Обращение к проекту «Сибирского поворота» вселяет надежду на возвращение к себе, к Великой Державе.

¹ *Ильницкий А.* Чистка и национализация: Команда Шойгу приготовила для элит предложение века. – [Электронный ресурс] // URL: https://rannews.ru/48539-chistka-i-nacionalizaciya-komanda-shoigu-prigotovila-dlya-elit-predlozhenie-veka?utm_source=smi2&utm_medium=cpc&utm_content=11109600&utm_term=40392 (дата доступа 07.10.2021).

Глава 5. Большое евразийское партнерство на суше и на море: Арктическая стратегия России

(Кефели И. Ф., Николаенко А. В.)

§ 1. Большое евразийское партнерство — новый вариант обустройства континента

«Евразийство, — заявил в одном из своих выступлений еще в 2012 г. В. Путин, — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически переключалось в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы. Более того, мне кажется, что евразийство нужно поставить просто на серьезную системную основу»¹. Весьма показательным является факт признания евразийства — идеологии творческой интеллигенции, эмигрировавшей из Советской России столетие тому назад, которая представляла, по сути, взгляд со стороны на создаваемую впервые в истории новую, советскую цивилизацию. Одним из ключевых пунктов евразийской идеологии оставалась надежда на то, что Советский Союз рано или поздно преобразуется в евразийское государство. «В чисто географическом смысле..., — как намечал П. Савицкий в 1921 г., — условно пределом „Евразии“ можно считать границы Державы Российской или её частей, лежащих к востоку от Пулковского меридиана... Таким образом, Россию мы отождествляем с Евразией»².

В конкретно-научном, философско-методологическом и политическом дискурсе в широкий оборот вошли понятия Большой Евразии, Большого Евразийского партнерства, евразийской цивилизации, интеграции интеграций и ряда других, которые выражают достаточно большой разброс направлений методологически ориентированной рефлексии, научного поиска, аналитики, политических решений, прогнозов и экономических

¹ Путин В. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия». — Москва, 24.04.2012 (цит. по: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136>).

² Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — 464 с. — С. 152-155.

шагов в будущее. Большое Евразийское партнерство в его геополитически ориентированном осмыслении и любом варианте может выступать как альянс государств, на какое-то время объединяющих свои усилия против других государств (или государства), но придерживающихся присущих им национальных интересов. Наглядный пример тому – временный альянс Советского Союза, США и Великобритании против фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Колин Пауэлл, будучи Госсекретарем США в 2004 г., гордо заявлял, что «стратегия президента – это стратегия партнерства, решительно подтверждающая жизненно важную роль НАТО и других альянсов с участием США, включая ООН... Для нынешней администрации партнерство является ключевым понятием государственной стратегии. Быть партнерами – не значит идти на уступки; это означает совместную работу. Президент стремится не только поддерживать партнерские отношения, доставшиеся нам по наследству, но и создавать новые альянсы для решения новых проблем... исходя из практических задач, мы концентрируем основное внимание на связях с крупными державами, особенно с теми из них, с кем у нас складывались непростые отношения в прошлом. Прежде всего, это касается России, Индии и Китая... Москва также является нашим надежным партнером в борьбе с терроризмом и распространением ядерного оружия»¹. Теперь-то, после утверждения Д. Трампом и Дж. Байденом «Стратегии национальной безопасности США», партнерство каждая сторона международных отношений может трактовать в угоду своих стратегических интересов.

Партнерские отношения НАТО начались в 1990 г., когда на встрече в верхах в Лондоне НАТО приняла обязательство *«протянуть... руку дружбы»* своим бывшим противникам по «холодной войне». Как хорошо известно, отношения России и Евросоюза поначалу выстраивались на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), заключенного 24 июня 1994 г. на о. Корфу (Греция) и вступившего в силу с 1 декабря 1997 г. Прошло более двадцати лет, как в видеообращении к организаторам и участникам форума «Потсдамские встречи» (17 ноября 2020 г.) глава МИД России С. В. Лавров недвусмысленно заявил, что в последние годы партнерские отношения между Россией и Евросоюзом продолжают деградировать: «Есовские коллеги – в стремлении обеспечить себе односторонние

¹ Пауэлл К. Стратегия партнерства // Россия в глобальной политике. – № 1. – 2004. Январь/Февраль (URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategiya-partnerstva/> 04.02.2004).

преимущества за счет других — сделали весьма недалководный выбор в пользу логики „ведущий-ведомый“, в пользу архаичных геополитических игр с „нулевой суммой“, в пользу создания новых разделительных линий... Вместе с тем убеждены, что возможность сформировать архитектуру мира и равной и неделимой безопасности в Евразии и Евро-Атлантике еще сохраняется»¹. И ярким подтверждением тому служит активно инициируемый Евросоюзом (после своего очередного расширения в 2004 г.) проект «Восточное партнерство» в отношении «новых соседей» в Европе, направленный на подрыв геополитического влияния России в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии ради укрепления здесь своих позиций. На некоторые нюансы партнерства в «европейском исполнении» обратил внимание С. Лавров 1 ноября 2021 г. в интервью телеканалу «Россия 24»: «Голландцы и британцы продвигают идею „Глобального партнерства по искусственному интеллекту“. Почему не делать этого в ЮНЕСКО? Зачем выносить этот вопрос из организации, специально созданной, чтобы рассматривать все новые научные достижения и делать их доступными всему человечеству? Ответа нет... Французы совместно с НПО „Репортеры без границ“ продвигают „Партнерство по информации и демократии“, куда тоже не всех приглашают»². Из сказанного следует один вывод: идея Большого Евразийского партнерства как идея, выдвинутая российской стороной, должна носить более наступательный характер и выражать тенденции к установлению полицентричного мира, в котором партнерские отношения строятся на основе национальных интересов государств и их коалиций, в полной мере соответствующих Уставу ООН.

§2. Большое Евразийское партнерство как теоретический конструкт и геополитический проект

Сегодня на просторах евразийского континента все более четко вырисовываются несколько разноформатных долгосрочных «евразийских проектов». Это, во-первых, Евразийский экономический союз, во-вторых, китайский «Один пояс-один путь» и, в-третьих, «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific Concept). На 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (2020 г.) Президент

¹ URL: [Vestnik2020/Europe-Mn-Rus_PM.html](https://vestnik2020/europe-mn-rus_pm.html).

² Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «Россия 24». — Москва, 1 ноября 2021 (rusemb.org.uk).

России В. Путин выступил с предложением создать глобальный интеграционный экономический проект, включающий все страны Европы и Азии, – Большое евразийское партнерство. Призвав к усилению международной кооперации для преодоления социально-экономических последствий пандемии коронавируса в рамках ООН и других интеграционных объединений, он указал на то, что «именно эта идея качественного интеграционного роста, „интеграции интеграций“, заложена в российскую инициативу по формированию Большого евразийского партнерства с участием всех без исключения стран Азии и Европы»¹. Российскую инициативу Большого евразийского партнерства следует рассматривать как сильный ход нашего государства, уверенно возвращающегося в строй великих сверхдержав.

Прежде всего следует, очевидно, определиться в том, что следует понимать под партнерством в международных отношениях. Международное партнерство, прежде всего, следует рассматривать как атрибутивный элемент устойчивого развития мирового сообщества и как продукт глобализации. Кстати говоря, еще 15 ноября 2020 г. 15 азиатских стран в ходе виртуальной церемонии подписали соглашение о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP), которое в настоящее время представляет собой самое большое в мире многостороннее торговое соглашение (около 30% мирового населения, 30% мирового валового внутреннего продукта и 30% мировой торговли). Правда, еще в 2019 г. из ВРЭП вышла Индия, мотивируя это неизбежным засильем китайского импорта. Некоторыми экспертами высказываются опасения, полагая это партнерство как необходимое звено структуры нового мирового порядка, в котором Китай распространит свою главенствующую роль на всю Азию. Но все-таки участники ВРЭП надеются собрать воедино различные соглашения о свободе торговли между 10-ю странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и, с другой стороны, с другими странами АТР – Китаем, Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией.

Так была создана крупнейшая в мире зона свободной торговли. В связи с этим невольно возникает вопрос о том, каков состав участников и какая идея закладывается в анонсированное Большое Евразийское партнерство от Лиссабона до Владивостока? Вполне вероятно, «внутренними» партнерами могут стать государства – члены СНГ и ЕАЭС,

¹ Путин предложил создать интеграционное объединение на всю Евразию // Ведомости (vedomosti.ru). 22.09.2020.

а «внешними» – Европейский Союз, а объединительным интересом для участников партнерства станут, в первую очередь, транспортная инфраструктура, глобальная и региональная безопасность (в т. ч. включая акватории морей Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов).

Иницируемый США (кстати, вышедшего из Транс-Тихоокеанского партнерства) проект Индо-Пацифика (Индо-Тихоокеанский регион, ИТР) нацелен на конструирование Евразии по ее внешнему контуру на основе сотрудничества «морских» держав Южной и Юго-Восточной Азии, а также островных тихоокеанских государств (от Японии до Новой Зеландии) главным образом для обеспечения политического и военно-стратегического сдерживания Китая. Право «первооткрывателей» геополитической Индо-Пацифики принадлежит индийским и японским стратегам, обосновавшим целесообразность укрепления двустороннего индийско-японского сотрудничества. В 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступая в индийском парламенте, призывал создать «дугу свободы и благосостояния» по внешнему контуру евразийского континента. Индийско-японское партнёрство, по заверению Абэ, должно строиться «на общих ценностях, таких как свобода, демократия и уважение к основополагающим правам человека, а также стратегических интересах»¹. Кстати говоря, в то же время, в 2007 г., геостратегическая концепция Индо-Пацифики была представлена в статье индийского аналитика Гурприта Кхураны, который заявил, что для Индии безопасность морских путей имеет всё большее значение, поскольку почти вся её внешняя торговля – в том числе импорт энергоресурсов – идёт по морю. В подобной ситуации находится и Япония – а потому интересы двух стран будут всё больше сближаться, что приведёт к созданию особого политического и экономического сообщества, объединяющего два океана. Идея Индо-Пацифики сразу же получила признание в Индии, поскольку понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» индийцев категорически не устраивало². Более глубокие исследования, относящиеся к зарождению идеи Индо-Пацифики, приводят нас к разработанной К. Хаусхофером еще в 30-х годах XX в. теории «Индо-Тихоокеанского региона» как геополитического пространства. Хаусхофер предвидел политическое возрождение Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии

¹ URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html>.

² Gurpreet S Khurana. The «Indo-Pacific» Concept: Retrospect and Prospect <http://www.maritimeindia.org>.

против колониального господства и разработал «индо-тихоокеанское» видение для изменения международного порядка¹.

Хотя концепция Индо-Пацифики пока остается весьма аморфной, все же необходимо учитывать тот факт, что Индийский и западная часть Тихого океанов омывают азиатский берег Евразии, в том числе российское Приморье. В этом виде ИТР не противостоит, а дополняет один из самых амбициозных российских внешнеполитических конструктов – проект Большой Евразии. Индо-Пацифика расширяет пространство Большой Евразии на юго-восток, помогая растянуть её до Австралии и Новой Зеландии, и добавляет дополнительные торговые пути, которые увеличивают связность региона. Более того, по заверению А. Куприянова, «для российского Дальнего Востока Индо-Пацифика – шанс на скачок в будущее. В Большой Евразии ему уготована роль восточных ворот России; в ИТР – северных ворот всего Индо-Тихоокеанского региона, через которые будут идти в Азию ресурсы Арктики. Уникальное геополитическое положение на стыке моря и суши, Большой Евразии и Индо-Пацифики – то, что способно придать новый импульс развитию Дальнего Востока России.

В сложившихся условиях России жизненно необходима собственная концепция Индо-Тихоокеанского региона, связанная с концепциями АСЕАН и Индии, в которой Дальний Восток рассматривался бы как особый регион, инвестиционно привлекательный, прежде всего, для стран ИТР, в первую очередь для государств АСЕАН и Индии»². Министр иностранных дел Сергей Лавров, выступая в Дели на международной конференции «Диалог Райсина», вспомнив среди многих великих людей, продвигавших идею единого и конкурентоспособного евразийского континента в глобальном мире, Ш. де Голля, который представлял свое видение Европы от Атлантического океана до Уральских гор. «Затем идея была расширена от Лиссабона до Владивостока. Мне кажется, что сейчас мы можем констатировать, что, говоря о Евразии, имеем в виду пространство от Лиссабона до Джакарты»³. В создаваемую концепцию Большого Евразийского партнерства следует,

¹ *Hansong Li*. The «Indo-Pacific»: Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts. *Modern Intellectual History* (2021). – P.1-27/ doi:10.1017/S1479244321000214 (Published online by Cambridge University Press: 04 June 2021).

² *Куприянов А.* Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/> (дата обращения 14.11.2018).

³ Выступление С. В. Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, vk.com (дата обращения 15.01.2020).

и это очевидно, включить наработки как по Индо-Пацифике (с учетом предложенных Р. Мэйнингом сценариев будущего ИТР¹), так и по китайскому проекту «Один пояс-один путь».

§3. Аналитика глобальной безопасности Большого евразийского партнерства в наступившей «цифровой эпохе»

Переход от «аналоговой» к «цифровой эпохе» в начале XXI века означал по своей сути революцию в самих данных, что было связано с появлением их нового качества — прогностического (прежде им было присуще оцифровка аналоговых данных и статистическая обработка различных сведений). Наступление «цифровой эры» было ознаменовано расшифровкой структуры генома человека в 2003 г., которая осуществлялась в рамках международного проекта «Геном человека» (The Human Genome Project, HGP), а спустя 10 лет время анализа генома сократилось до десятка минут с помощью геномных машин. Благодаря большим данным об успехах геномики, уже в апреле 2019 г. появилось сообщение о первом бактериальном геноме, полностью созданным с помощью компьютерной программы². В опубликованном в 2018 г. докладе «Эпоха данных — 2025» были проанализированы тенденции развития глобальной инфосферы, охватывающей все новые данные, которые собираются, создаются и реплицируются ежегодно по всему земному шару. В докладе отмечается, что к 2025 г. общий объём информации в мире достигнет 163 зеттабайт (Збайт, равен 10^{21} байт), что соответствует десятикратному росту по сравнению с 2016-м годом. Но недалеко то время, когда в научный оборот войдет еще одна единица измерения больших данных — йоттабайт (YB, Ybyte, 10^{24} байт). К 2025 г. 60% информации в мире будут генерировать коммерческие предприятия, которым придется решать, какие из данных сохранять и каким образом ими управлять, поскольку почти 20% всей информации в глобальной инфосфере будут играть критически важную роль в повседневной жизни, а 10% этих данных

¹ Мэйнинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США: мифы и реальность // Валдайские записки. — 2018. — № 89 (ru.valdaiclub.com).

² Тищенко П. Д. Геномика: новый тип науки в новой культурной ситуации // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. — 2008. — № 7. — URL: https://www.eurekalert.org/pub_releases/2019-04/ez-fbg032819.php (дата обращения 12.07.2021).

будут «сверхкритичными». В то же время огромные объёмы данных, их разнообразие и критически важная роль станут для предприятий и потребителей источником новых сложностей. Не все данные одинаково важны, а без контекста они и вовсе бесполезны. В этот период перемены лидерство будет принадлежать организациям, которые сумеют определить наиболее критичные подгруппы информации с максимальным влиянием на нужную сферу деятельности и сосредоточатся именно на них¹.

Основная проблема обеспечения глобальной безопасности в условиях наступающего «цифрового мира» заключается даже не в количественном росте больших данных, хотя этот стремительный рост не только поражает наше воображение, но и заключает в себе огромный потенциал возможностей в создании новых знаний, а в том, что они приносят в нашу жизнь радикальные качественные изменения. Мир больших данных вносит существенные изменения в науку и образование, здравоохранение и жизненный мир людей, в государственное управление и бизнес. Количество переходит в новое качество, каковым являются возможности прогнозирования как одной из важнейших составляющих аналитической деятельности применительно, в частности, к создаваемой глобальной модели Большого евразийского партнерства. В. Майер-Шёнбергер и К. Кукьер (Viktor Mayer-Schönberger, Kenneth Cukier) недавно предложили три варианта анализа информации, которые позволяют трансформировать наше представление об обществе и его организации.

Это, во-первых, анализ и обработка всего массива данных о тех или иных явлениях, а не полагаться на случайные выборки. Большие данные позволяют давать более четкое представление о деталях, которые ускользают от наблюдения и учета такой выборки, присущей сбору информации в «аналоговую эпоху».

Во-вторых, осознание того, что скачок из сферы «малых данных» к большим данным снижает наши требования к точности. Чем больше масштаб, считают эти авторы, тем меньше мы гонимся за точностью. Точность требует тщательной проверки в сфере малых данных, а в мире больших данных строгая точность невозможна, а порой и нежелательна, поэтому абсолютная точность уходит на второй план. Имея дело с большими данными, приходится довольствоваться общим представлением. Аналитик не отказывается от точности как таковой,

¹ *David Reinsel, John Gantz, John Rydning. Data age – 2025. The Digitization of the World From Edge to Core. IDC White Paper, November, 2018. – 28 p.*

а лишь снижает свою приверженность к ней, что позволяет делать открытия на макроуровне.

В-третьих, — это отход от поиска причинности: в мире больших данных анализ информации ориентируется на выявление корреляции между данными, которые открывают перед нами новые неопределимые знания. Корреляции не могут сказать нам точно, *почему* происходит то или иное событие, зато предупреждают о том, *какого оно рода*. В мире больших данных нам не всегда нужно знать причинно-следственный связи между процессами и явлениями, поскольку данные во всем своем многообразии могут «говорить» сами за себя. Так новым источником ценности становится уже не мощность компьютерного оборудования, а получаемые им данные и прогнозный метод их анализа... «Мы вступаем в мир постоянного прогнозирования на основе данных, в котором, — заключают Майер-Шёнбергер и Кукьер, — возможно, не всегда сможем объяснить причины своих решений»¹. Разумеется, акцент на приоритете прогнозной аналитики вызывает к необходимости переосмыслить во многом сам феномен глобальной безопасности, динамика роста больших данных, о которой четко коррелирует с социально-экономическими трендами, характеризующими становление антропоцена². Слишком много «темных сторон» больших данных вызывают и технократический восторг, и экзистенциальную настороженность. И это только риски технологические, нас преследуют еще экологические, геополитические, экономические и социальные риски. Справится ли человечество с обрушившимся на него «цифровым счастьем»? Это удел уже последующих поколений.

§4. Обеспечение геополитической безопасности — основа реализации проекта Большого Евразийского партнерства

Интерпретация Большой Евразии как цивилизационного пространства по-прежнему остается дискуссионным, что подтверждается, в частности, недавними заявлениями ряда известных ученых-международников: В. Иноземцева, А. Картунова, А. Куприянова и ряда других, предлагающих

¹ *Майер-Шёнбергер В., Кукьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 242 с. — С. 22–23, 25.

² См. подробнее: *Кефели И. Ф.* Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 228 с.

рассматривать евразийскую тематику не в рамках транзита классического евразийства в неоевразийство, а в контексте глобальной трансформации политэкономической карты мира в целом. Так В. Л. Иноземцев откровенно признает, что «концепция „Большой Евразии“ уязвима, поскольку она не исчерпывается только Россией и Китаем (допуская сходство их геополитических интересов) и не опирается на значимые культурно-исторические основы, тогда как концепция „Большой Европы“ имеет прочный ценностно-культурный и исторический фундамент, но ей недостает геополитического и организационного оформления. „Большая стратегия», по Иноземцеву, это:

- развитие тихоокеанского побережья России, а не пресмыкательство перед Китаем;
- сближение с Европой и США;
- утверждение нашей исторической идентичности, культурной и цивилизационной близости России к основным геополитическим игрокам, указанным в предыдущем пункте.

Сегодня, завершает свои рассуждения Иноземцев, ни теория «большой Европы», ни концепт «большой Евразии» не могут являться действенными платформами для позиционирования России в глобальной политике XXI века, и потому «будет печально, если оно (время утверждения идеи всестороннего союза с Западом ради того, чтобы само это понятие исчезло за ненужностью, никогда не ставилась в центр российских „больших стратегий“) придет и застанет российских интеллектуалов внешней политики за собиранием новых конструкций из тех же кубиков, какими баловались еще их деды»¹. Что же касается кубиков, какими баловались «деды российских интеллектуалов», то к последним, надо полагать, Иноземцев относит основателей отечественного евразийства, забыв о только что высказанной им же претензии к концепции «Большой Евразии», якобы уязвимой, поскольку она не опирается на значимые культурно-исторические основы. Здесь, как говорится, комментарии излишни... В свою очередь, А. В. Кортунов, пытаясь упредить «праведный гнев нынешних ортодоксов геополитики», заявил, что евразийский Хартленд XXI в. находится там, где Макиндер полагал «внутренний полумесяц» — на территориях Китая и Индии, «по отношению к которым остальные части евразийского массива: Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток

¹ *Иноземцев В.* Возвращение «Больших стратегий» // РСМД.08.11.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategy/> (дата обращения: 08.11.2018).

и даже протяженный европейский полуостров азиатского материка – выступают в роли континентальных лимитрофов... судьбы Евразии зависят в первую очередь от того, как сложатся отношения в новом Хартленде – между Китаем и Индией»¹.

Стоит вспомнить, что Макиндер, развивая свои взгляды, первоначально сформулированные в статье «Географическая ось истории» (1904), на которую ссылается Кортунув в работе «Круглая Земля и обретение мира» (*The Round World and the Winning of Peace*, 1943), четко определял границы Хартленда: «Это северная и внутренняя часть Евро-Азии. Он простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий переешек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы...»². Возможность геополитики теоретически предсказывать и обосновывать внешнюю политику и военную стратегию государств была выражена Макиндером в его заявлении (а речь об этом шла в 1943 г.) о необходимости открытия второго, Западного, фронта на основе взаимодействия Америки, Великобритании и Франции. Там же Макиндер впервые высказал суждение еще об одной великой черте всемирной географии – о некоем подобии «пояса, как бы обвитого вокруг тяготеющих к Северному полюсу регионов. Он начинается с пустыни Сахара, затем, если двигаться на восток, обретает свое продолжение в арабских, иранских, тибетских и монгольских пустынях и через пустоши „земли Лены“, Аляски и Лаврентийской возвышенности в Канаде дотягивается до засушливой зоны на западе Соединенных Штатов. Этот пояс пустынь и пустошей – черта первостепенной важности во всемирной географии. Внутри него обретаются два взаимно соотносенных явления почти равной значимости: Хартленд и бассейн Средиземного океана (Северная Атлантика) с его четырьмя придатками (Средиземным, Балтийским, Арктическим и Карибским морями). За пределами этого пояса – Великий океан (Тихий, Индийский и Южно-Атлантический) и земли, отдающие ему свою речную влагу (азиатские муссонные края, Австралия,

¹ Кортунув А. Воссоединение Хартленда: геополитическая химера или исторический шанс? // РСМД.06.02.2019. – [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khimerailistoricheskiy-shans/> (дата обращения: 06.02.2019).

² Макиндер Х. Круглая Земля и обретение мира / пер. и комм. В. Цымбургского // Космополис. – 2007. – № 16. – С. 3–6; см. также: *Mackinder H. Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction / by Sir H. J. Mackinder; [ed. by and] with a new introd. by S. V. Mladineo. NDU Press defense classic ed., 1996. – P. 197–201.*

Южная Америка и Африка к югу от Сахары)»¹. Это прозрение Макиндера положило начало обоснованию геополитической концепции Римленда (Rimlend) – «Внешнего полумесяца», преемницы стратегии «Анаконды», а ныне трактуемой как «Евразийский пояс нестабильности»². Поэтому предлагаемый Кортуновым «перенос Хартленда» из его исконного ареала в новый – «между Китаем и Индией» – вряд ли может быть признан как конструктивная основа геополитического дискурса и прогнозирования в целях реализации проекта Большого Евразийского партнерства. В подобном рода дискурсе появилась еще одна позиция, высказанная А. В. Куприяновым и А. С. Королевым: мир стоит на пороге «Второй холодной войны» между США и Китаем, поскольку обе стороны заинтересованы в распространении своего влияния, получении доступа к ресурсам, продвижении своих товаров на рынки зависимых стран и статусе мирового гегемона в мировой рыночной системе. На географической карте «Второй холодной войны» авторы незатейливо изображают три группы стран: ведущие эту самую холодную войну (США и Китай), страны-изгои (Иран, Судан, КНДР, Куба, Сирия, Венесуэла) и «swing powers» (колеблющиеся державы – Россия и Индия). Ответом на сложившуюся обстановку, которая может привести к реализации двух сценариев (холодная война так и останется холодной либо перерастет в горячую), со стороны Москвы и Нью-Дели может стать формирование неофициального, невоенного альянса «Движение мирного развития». Более того, авторы предлагают России и Индии делать «свой выбор с осторожностью: любые изменения в их позициях могут радикально изменить статус-кво, вне зависимости от того, будет это горячая или холодная война. Географическое положение России позволяет ей контролировать как сухопутные, так и водные пути Северной Евразии, в то время как Индия является ключевой силой, контролирующей маршруты Южной Евразии. Без российского участия никто не сможет воспользоваться ресурсами арктического шельфа, без Индии – невозможно получить доступ к ресурсам Восточной Африки. В действительности вместо того, чтобы пытаться

¹ *Mackinder H. Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction / by Sir H. J. Mackinder; [ed. by and] with a new introd. by S. V. Mladineo. NDU Press defense classic ed., 1996. – P. 197–201.*

² Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Итоги 2016 года / Под ред. В. Н. Колотова. – СПб.: НП-Принт, 2017. – 833 с.; *Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. – М.: Юрайт, 2018. – 274 с.*

действовать как „колеблющиеся державы“ (swing powers), обоим странам следует стремиться к такой политике и позиционированию, которые способствовали бы построению многополярного мира. В некоторых случаях это может повлечь за собой балансирование между США и Китаем, которое будет требовать от Дели и Москвы создания коалиций для решения конкретных задач, что позволило бы предотвратить формирование однополярных или биполярных механизмов... Если Россия вступит в союз с Китаем — он чрезвычайно усилится, если США вступят в союз с Индией — позиции Китая заметно ослабнут. Если Россия или Индия внезапно примкнут к США — это будет означать поражение Китая, которому придется забыть о своих морских амбициях и заняться укреплением границы. Если Россия и Индия решат встать на сторону Китая — это будет означать поражение США, потому что ресурсы Китая станут неисчерпаемы»¹. Что же касается геоэкономических трендов, для них авторы уготовили схему сотрудничества, иницируемую «Raisina Dialogue» — ежегодной конференцией по проблематике геополитики и геоэкономики, проводимой в Нью-Дели с 2016 г. на площадке независимого «мозгового центра» Observer Research Foundation при поддержке министерства иностранных дел Индии: «Россия и Индия являются лидерами таких блоков: в случае России это Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в случае Индии — Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) и Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК)»².

Так уважаемые аналитики-международники раскладывают на политической карте мира геополитические кубики, треугольники, диполи для объяснения того, как формировать полицентричное мироустройство без какого-либо учета уже действующих соглашений в рамках ЕАЭС, ШОС, проектов «Один пояс-один путь» и «Север-Юг», Большого Евразийского партнерства, которое, в частности, нацелено на коалиционное взаимодействие ЕАЭС и ЕС.

В. А. Чижов, Постоянный представитель Российской Федерации при Европейском союзе (ЕС), выступая с докладом «Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность» на конференции «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге» в рамках 17-го Родосского Форума «Диалог цивилизаций» (2019 г.), напомнил участникам

¹ *Куприянов А. В., Королев А. С.* Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2019. — С. 8–9.

² Там же. — С. 15.

конференции, что единственный путь для того, чтобы «Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый „задний двор“ мировой экономики и политики – это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока... Что же касается более общего „рецепта“ объединения Евразии, то он, на мой взгляд, уместается в простое словосочетание – интеграция интеграций... На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только „Большая Евразия“ с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)». Правда, российский посол в Евросоюзе справедливо подчеркнул, говоря о здоровой конкуренции, мы отнюдь не противопоставляем евразийский мегапроект инициативам, исходящим из АТР, и что «китайская инициатива „Одного пояса и одного пути“ вполне сочетается с нашим видением общего экономического и гуманитарного пространства на просторах Евразии. Очевидно, что и в плане обеспечения безопасности в нашем общем европейском „доме“ друг без друга нам не обойтись»¹. Вот пример достаточно четкого и недвусмысленного позиционирования России в глобальной геополитике. Правда, два года спустя оптимистичная риторика Чижова сменилась весьма пессимистичным выступлением на ПМЭФ-2021 в Санкт-Петербурге: «С сожалением вынужден констатировать, что отношения России с Евросоюзом находятся сейчас в ненормальном, даже, не буду кривить душой, плачевном состоянии. Более того, они продолжают развиваться по негативному сценарию ... Создается ощущение, что в Брюсселе взяли в корне неверный курс на геополитическую конфронтацию со своим крупнейшим восточным соседом... [и все же] мы – части одной культурно-исторической общности, два столпа единой евразийской цивилизации»².

¹ Выступление В. А. Чижова на конференции «Глобальный беспорядок. Путь к мировоззрению на основе диалога» в рамках 17-го Родосского Форума «Диалог цивилизаций» // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. – [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaeu.ru/ru/vystuplenievac-hizhova-na-konferencii-globalnyu-besporjadok-put-k-mirovozzreniyu-na-osnovediialoga> (дата обращения: 11.10.2019).

² Выступление Постоянного представителя России при Евросоюзе В. А. Чижова на сессии ПМЭФ'21 «Отношения Россия – ЕС: отвечая на вызовы времени» | Russian Mission (russiaeu.ru) (дата обращения 20.06.2021).

§5. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве

«Евразийство, — заявил в одном из своих выступлений еще в 2012 г. В. Путин, — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически перекочевало в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы. Более того, мне кажется, что евразийство нужно поставить просто на серьёзную системную основу»¹.

Евразийство стало знаменем времени, флагом надежды на возрождении России как великой державы и одного из центров многополярного мироустройства. В конкретно-научном, философско-методологическом и политическом дискурсе в широкий оборот вошли понятия Большой Евразии, Большого Евразийского партнерства, евразийской цивилизации, интеграции интеграций и ряда других, которые выражают достаточно большой разброс направлений методологически ориентированной рефлексии, научного поиска, аналитики, политических решений, прогнозов и экономических шагов в будущее. Признавался же Президент Российского совета по международным делам И. С. Иванов в том, что «контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего»². В настоящее время разработка проектов преобразования евразийского пространства (условно говоря, «сухопутной части» Большой Евразии) и «Большой Арктики» — все 27 млн км² Арктики как единого физико-географического района Земли, охватывающего подводную окраину Евразии (в т. ч. Арктическую зону Российской Федерации) и Северный Ледовитый океан — проходит «по разным

¹ Путин В. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия». — Москва, 24.04.2012 (цит. по: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136>).

² Иванов И. С. Закат Большой Европы. Выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», 12 сентября 2015. — Рига, Латвия. — [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evroyp-17680> (дата обращения: 30.09.2019).

ведомствам». Очевидно, на горизонте Большого Евразийского партнерства в скором времени проявятся контуры проектов устойчивого развития единого жизненного пространства.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции от 27.06.2017 г. № 287), в Арктический регион России включены сухопутные территории:

- Мурманской области;
- Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов;
- муниципальных образований «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» (Республика Карелия);
- муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми);
- Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия);
- городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край);
- муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область);
- земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Следует обратить внимание на то, что территории указанных выше муниципальных образований указаны в границах по состоянию на 1 мая 2017 г.¹ Из указанного выше следует, что осуществлять геополитическую экспертизу Арктической зоны России необходимо, опираясь на анализ природно-ресурсных, транспортно-логистических, экономических, демографических

¹ Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции от 27.06.2017 г. № 287). – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377>.

и социокультурных характеристик перечисленных выше территорий. Для наглядности часть исходных характеристик представлена на рис. 39–43.

Рисунок 39. Арктическая зона Российской Федерации

(Источник: https://ds02.infourok.ru/uploads/ex/0991/00083368-7950704b/1/hello_html_1fa5bde4.jpg)

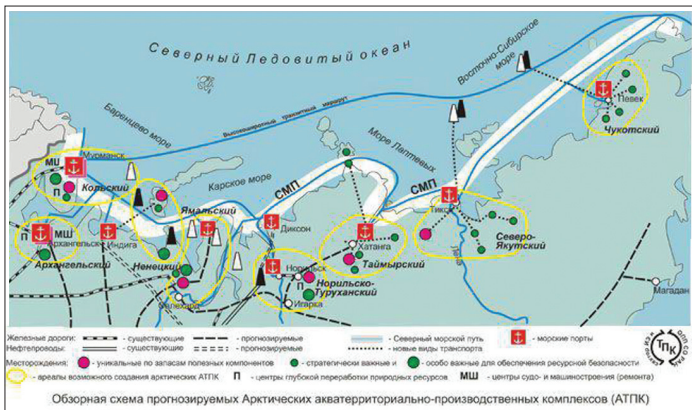

Рисунок 40. Прогнозируемые акваториально-производственные комплексы

(Источник: <https://topwar.ru/76764-sevmorput-osilit-iduschiy.html>).

Рисунок 41. Базовые параметры регионов Арктической зоны России

(<http://region51.com/node/907193/>)

Рисунок 42. Приоритетные виды деятельности в регионах Арктической зоны России

(<http://region51.com/node/907193/>)

Долгосрочные проекты преобразования Российской Арктики (как и Дальнего Востока) необходимо вовлекать в полной мере в стратегические планы реализации Большого Евразийского партнерства. Большая Евразия – это не только пространства суши, но и территориальных вод морских держав, где реализуются проекты «Один пояс – один путь», «Север – Юг» (который, кстати, органично дополняет проект «Севморпуть»), «Цифровая Арктика» и многие другие. В данном случае вполне уместным является замечание О. М. Гизатуллиной относительно того, что Российская Федерация, выступая в роли *евразийского морского государства*, имеет все предпосылки для использования экономического потенциала своих арктических регионов в части оптимизации логистических затрат и диверсификации источников доходов в случае участия в международных арктических проектах, причем лишь «сбалансированное развитие промышленно-производственного потенциала региона при широкой государственной поддержке в совокупности с учетом ключевых рисков социально-экономического и природно-экологического характера создаст необходимую базу для оптимизации логистических затрат в Арктической зоне Российской Федерации»¹. Даже несмотря на оптимистичную информацию, предлагаемую разработчиками Сколтеха², все же справедливыми остаются те замечания к разрабатываемым проектам, стратегиям и конкретным финансовым вложениям, которые касаются проблем жизненного мироустройства людей. Понятно, что мы только начинаем восстанавливать и приумножать «советское наследие», утраченное в 1990-х годах (по заверению В. Н. Лексина и Б. Н. Порфирьева, «более 90% в той или иной степени используемого в настоящее время экономического и инфраструктурного потенциала Арктического макрорегиона было создано в течение периода ее советского (социалистического) освоения»³). А это сказывается на том, что задачи современной арктической политики России ориентированы на приоритетное обеспечение роста сырьевого экспорта и индустриального развития территорий Арктики, нежели на решение задач повышения качества жизни

¹ Гизатуллина О. М. Анализ транспортной инфраструктуры Арктической зоны РФ // Экономические науки. – 2020. – № 11 (192). – С. 278.

² Северный морской путь: история, регионы, проекты, флот и топливообеспечение / Под ред. А. Климентьева. – М.: Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО, 2020. – 104 с.

³ Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 6. – С. 4–21.

местного населения, хотя в российской Арктической стратегии до 2035 г. эти задачи сформулированы достаточно корректно. И все же мероприятия, обозначенные в программных документах, нацелены, главным образом, на обслуживание предприятий экспортно-ориентированных отраслей промышленности и не предполагают столь же интенсивного развития социально-значимой транспортной инфраструктуры, обеспечивающей обслуживание населения¹.

§6. Геополитическая регионализация Евразии — вызов времени

На Евразийском континенте происходит интенсивный процесс создания региональных объединений, охватывающих государства различных масштабов экономического могущества, территориального местонахождения, численности населения и других показателей геополитического, геоэкономического и геокультурного характера — СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и др. Россия больше стремится к сотрудничеству в сфере безопасности и сближению ОДКБ с ШОС (в 2007 г. между этими организациями был подписан Меморандум о взаимопонимании). Китай рассматривает ШОС как инструмент экономического проникновения в страны ЦА и продвигает идею создания зоны свободной торговли в рамках ШОС, к чему другие участники относятся прохладно. Еще одна причина интереса Китая к ШОС — потребность в энергоносителях. Возникновение и успешное функционирование ШОС ставит под вопрос общепринятую идею о совпадении Евразийского региона с территорией бывшей Российской империи и СССР. Строго говоря, ШОС является не региональной, а интеррегиональной организацией, объединяющей государства Евразии и Северо-Восточной и (в перспективе — также Южной Азии и Ближнего Востока), а потому знаменует рождение нового трансевразийского региона. Эффективность взаимодействия указанных

¹ См., напр.: *Биев А. А.* Основные направления формирования сети транспортной и энергетической инфраструктуры в арктических регионах России // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2017. — № 11(85). — С. 66–72.; *Серова Н. А., Серова В. А.* Транспортная инфраструктура российской Арктики: специфика функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 2(185). — С. 142–151. [*N. A. Serova and V. A. Serova.* Transport Infrastructure of the Russian Arctic: Specifics Features and Development Prospects // *Studies on Russian Economic Development.* — 2021. — Vol. 32. — № 2. — P. 213–219].

объединений наглядно может проследиваться на примере последних событий в Афганистане. Так С. В. Лавров, выступая 27 октября 2021 г. на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), указал на то, что Россия призывает «стран-соседей Афганистана не допустить военного присутствия на своей территории сил США и НАТО, которые планируют переместиться туда после ухода с афганской земли»¹.

Конфигурация Большого Евразийского партнерства, как ее видят эксперты клуба «Валдай», – это «нацеленная на десятилетия вперед концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евро-азиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики»².

Другим примером может служить представленная на VI Восточном экономическом форуме «Новые возможности Дальнего Востока в меняющемся мире» (Владивосток, 2–4 сентября 2021 г.) презентация Фондом «Росконгресс» концептуального документа – «Декларации делового сотрудничества в Большой Евразии», – призванного объединить предпринимателей континента от Лиссабона до Владивостока, Шанхая, Джакарты и Ченнаи и призывающего:

- «содействовать формированию общего экономического пространства со свободным движением товаров, услуг, капиталов и людей, упразднению нетарифных барьеров, сертификации товаров и услуг;
- участвовать в развитии на евразийском пространстве современной транспортной и энергетической инфраструктуры, содействовать формированию новых стоимостных цепочек и экономических коридоров вдоль транспортных коммуникаций;
- прикладывать существенные усилия в целях создания общего цифрового пространства;

¹ Выступление С. В. Лаврова на встрече в формате стран-соседей Афганистана (Россия, Китай, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) // <https://interaffairs.ru/news/show/32247>.

² К Великому океану – 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – Москва, сентябрь 2017. – 47 с. – С. 28.

- налаживать устойчивые прямые связи и развивать диалог между предпринимательскими кругами государств Евразии;
- стимулировать расширение информационного обмена и взаимного общения между бизнесменами различных стран, в том числе путем проведения совместных бизнес-форумов, семинаров, конференций, выставок, ярмарок и т. п.;
- объединить усилия представителей аналитического сообщества по разработке прогнозных оценок, средне- и долгосрочных проектов организации деловой активности бизнеса как основы деятельности «Большого Евразийского партнерства»¹.

На просторах евразийского континента все более четко вырисовываются несколько разноформатных долгосрочных «евразийских проектов». Это, во-первых, Евразийский экономический союз, во-вторых, китайский «Один пояс-один путь» и, в-третьих, «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific Concept). На 75-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (2020 г.) Президент России В. Путин выступил с предложением создать глобальный интеграционный экономический проект, включающий все страны Европы и Азии, – Большое евразийское партнерство. Призвав к усилению международной кооперации для преодоления социально-экономических последствий пандемии коронавируса в рамках ООН и других интеграционных объединений, он указал на то, что «именно эта идея качественного интеграционного роста, „интеграции интеграций“, заложена в российскую инициативу по формированию Большого евразийского партнерства с участием всех без исключения стран Азии и Европы»². Российскую инициативу Большого евразийского партнерства следует рассматривать как сильный ход нашего государства, уверенно возвращающегося в строй великих сверхдержав. Время покажет, каков будет отклик.

Итак, наряду с экспертными оценками представителей аналитического сообщества в качестве исходных ориентиров при разработке проектов Большого Евразийского партнерства служат те официальные документы, в которых позиционируется место и роль России на евразийском

¹ Большое Евразийское партнерство – новые горизонты сотрудничества: Тематический сборник / Под общ. ред. И. А. Максимцева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 159 с. – С. 10.

² Владимир Путин выступил с видеобращением на пленарном заседании юбилейной, 75й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций // <http://kremlin.ru/events/president/news/64074/>.

пространстве и подтверждается преимущество историческое воззрений основателей евразийства, прошедших через горнило идеолого-политических ристалищ и органично включенных в руло российской внешней политики и в систему международных отношений:

- Концепция внешней политики Российской Федерации (30.10.2016)¹, в которой четко указаны три региона Евразийского континента: Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский – и определена стратегическая задача в отношении России с ЕС: «формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). В данной концепции также закреплено следующее положение: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону... и настроена на формирование... пространства совместного развития государств – членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82)².
- Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года (14.10.2016)³, в преамбуле которой определена зона ответственности ОДКБ – это «территории государств-членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 640 от 30.10.2016) // [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

² URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

³ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года (утв. Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14.10.2016) // [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/.

- воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств – членов ОДКБ».
- Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» (10.06.2018), в которой заявлено о том, что государства-члены ШОС будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики), а также на формирование общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества¹. Иначе говоря, со стороны России и ряда евразийских организаций (с ее участием) достаточно четко определены предложения по обустройству континента в форматах «Большой Евразии», «Большого Евразийского партнерства», «интеграции интеграций», охватывающих и Российскую Арктику.
 - Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645².
 - Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г., указывающая на необходимость достижения целей внешней политики Российской Федерации, в частности, на основе интеграции экономических систем и развития многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства (ст. 101.6).

В современных условиях разработка сценарных проектов построения Большого Евразийского партнерства, включающего «Большую Арктику» (требующих, в свою очередь, самостоятельной теоретико-методологической проработки) предполагает в полной мере использовать аппарат математической геополитики (теория игр), сценарное моделирование и технологии больших данных. Более того, среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России

¹ Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (подписана 10.06.2018) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315>.

² Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (garant.ru).

и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

Не будем забывать вещие слова П. Н. Савицкого, произнесенные им на Международном съезде историков (Варшава, 1933 г.): «Евразийцы... считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены... евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»¹.

Большое евразийское партнерство следует рассматривать как мегапроект, инициированный Россией с целью объединения уже существующих региональных объединений и проектов (СНГ, ШОС, ЕС, ЕАЭС, китайский «Пояс и путь», Индо-Пацифика и др.). В связи с этим первоочередной задачей становится выработка, в частности, принципов геополитического прогнозирования и работы с большими данными, с целью синхронизации противоречивых по своей природе и интересам акторов интеграционных процессов в Большой Евразии.

¹ *Савицкий П. Н.* Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 126.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно в заключении принято в краткой форме излагать основные выводы, вытекающие из содержания представленных разделов книги, либо умозаключения ответственного редактора. Отойдем немного в сторону от сложившейся традиции и попытаемся задать читателям несколько риторических вопросов, которые диктуются противоречивым ходом истории России, постсоветского пространства, многоликой Евразии.

Россия — великая держава?

Сергей Лавров, министр иностранных дел России, выступая на «правительственном часе» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 1 декабря 2021 г., прямо заявил о нынешнем статусе нашего государства: «Россия – великая евразийская, евро-тихоокеанская держава»¹. Хорошо известно – дипломатам присущи уклончивые высказывания в случае неустойчивой международной обстановки либо прямое, честное и открытое утвердительное заявление, как это было сделано А. М. Горчаковым в депеше правительствам европейских государств в связи с поражением России в Крымской войне: «Россия не сердится – она сосредоточивается» («La Russie ne boude pas – elle se recueille»). Традиция открытой и четкой политики России сохраняется. Ну а новое, диктуемое конкретной обстановкой – она согласуется с заявлением В. Путина о необходимости держать Запад в напряжении («известное напряжение там

¹ Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на тему «Приоритеты внешней политики России» на «правительственном часе» и ответы на вопросы в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – Москва, 1 декабря 2021 // https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4977054 (дата обращения 01.12.2021).

всё-таки возникло»¹). В одном из недавних аналитических обзоров такая позиция России четко выражает одну из ключевых тенденций современности — обособление государств друг от друга и от любых попыток внешнего влияния на их поведение после завершения «тридцатилетнего перехода», следовавшего за холодной войной².

Включение в дипломатический оборот нового термина «держат в напряжении» — это естественная реакция на разворачивающуюся против России гибридную войну, которая в последние годы определяет глобальную военно-политическую повестку дня. Во многом она повторяет предвоенную ситуацию в конце 30-х годов XX века в Европе, которая заставила советское правительство внести коррективы в третий пятилетний план, подчинив его решению первостепенной задачи — повышению обороноспособности Советского Союза. Так и десятилетие тому назад, со снятием с поста министра обороны Российской Федерации А. Сердюкова и назначением на эту должность С. Шойгу, начались качественные изменения в оснащении Вооруженных сил самой современной военной техникой и вооружением. Здесь, что говорится, комментарии излишни.

Как хорошо известно, Российская империя вошла в состав великих держав в соответствии с решением Венского конгресса 1814–1815 гг. (наряду с Австрией, Великобританией и Пруссией), статус великой державы Советский Союз обрел в предвоенный период³, да и поныне современная Россия в глазах европейцев воспринимается как империя, родившаяся, по мнению Э. Каррер д’Анкосс, еще в 1552 г. В своей книге «Евразийская империя» Элен Каррер д’Анкосс (урождённая Зурабишвили), известный французский историк и политолог, задается поиском ответов на вопрос, сможет ли «Евразия после Российской империи стать жизнеспособным субъектом международных отношений в тот момент, когда все страны

¹ Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел России, Москва, 18 ноября 2021 года // www.kremlin.ru (дата обращения 19.11.2021).

² *Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н.* Эпоха пандемии: год второй. Возвращение будущего. Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь 2021. — 28 с. — С. 21.

³ *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison.* Edited by Mark Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 307 pp. — P. 8–37, 268–297 (Tables 1–2–1–11); *Balance of Power. Theory and practice in the 21st century.* Ed. By T. V. Paul, James J. Wirtz, Michel Fortmann. Stanford Univ. Press, 2004.

стремятся стать частью надгосударственных структур? Или же Евразия как единое целое ушла в прошлое, и каждая ее составляющая попытается присоединиться к одному из двух миров: к Европе или к Азии? Другими словами, приведет ли это к Европе от Атлантики до Урала, как считал генерал де Голль, или же к Евразии от Бреста до Тихого океана?»¹. Европейскому читателю такой пассаж будет, надо полагать, весьма полезен, да и нашему тоже. Правда, автор этих слов позиционирует Евразию как «жизнеспособный субъект международных отношений», возникший «после Российской империи», видимо, по умолчанию имея в виду – и после «Советской империи», объединив их в единую Евразийскую империю. Тогда возникает вопрос к автору: что собой может представлять Евразия в подобном качестве? Сделав подробный обзор политических хитросплетений в жизни постсоветской России, Элен Каррер вновь задается вопросом, раз уж идеи евразийства вновь приобрели популярность в России под влиянием националистов, ностальгирующих по империи, которые в идее Евразии видят способ оживить имперскую мечту, следует ли делать отсюда вывод, что «значение, которое придает сегодня российская власть исламу и Азии, является последним проявлением имперского менталитета, пережившего исчезновение империи? Или же все проще, и это прагматизм государства, которое учится жить без империи и пытается после ее распада заменить ее зоной особого влияния, основанной на своего рода „доктрине Монро по-русски“? В конечном итоге не трансформируется ли Россия, вдохновленная американским примером, в республику-империю?»² Ответ вряд ли может быть однозначным. Все-таки Евразия как средоточие геополитических и иных интересов государств мира по-разному воспринимается как государствами собственно евразийского континента, будь то великие державы или государства-лимитрофы, так и с берегов других континентов. В нашей монографии (пожалуй, впервые в отечественной литературе) представлена развернутая и аргументированная критика взглядов основателей евразийского учения как их современниками, так и в современном историческом, культурологическом и геополитическом дискурсе.

¹ Каррер д' Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 367 с. – С. 9-10.

² Там же. – С. 330.

ИЗМЕНЯЕТСЯ ЛИ ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ?

На этот вопрос следует искать ответ, опираясь, в первую очередь, на данные социологических исследований. Проблема «советского человека» как особого социально-антропологического типа возникла в середине 20-х годов XX в. в отечественной и эмигрантской общественной мысли и возродилась в 80–90 годах. В частности, в «Декларации евразийцев» 1932 г. (см. «Приложение») своей основной задачей евразийцы считали практическую организацию «Жизни и мира» и всецело разделяли (п. XVII) «проводимое в политике ВКП(б) принципиальное признание социального строя служебным в отношении интересов трудящихся и приветствуют план индустриализации как усилие к обеспечению экономической независимости особого мира России-Евразии»¹.

Более конкретно задача формирования нового человека была сформулирована в Программе РКП(б), принятой в марте 1919 г., где она была отнесена к области народного просвещения: «В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и не-пролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Спустя 10 лет А. В. Луначарский в одной из своих лекций еще раз подтвердил этот тезис: «Поскольку мы говорим о создании нового человека, совершенно ясно, что перед нами с точки зрения *сознательного влияния на ход воспитательного процесса* выступает как одна из основных задач наша школа... первым настоящим абрисом социалистического общества будет социалистическая школа»². В те годы реализация социальной энергии созидателей нового мира намного опережала спокойный ход теоретических рассуждений о смысле создаваемой истории. Как у Маяковского: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!»

Оставляя в стороне дискуссию о «советском человеке», развернувшуюся в годы перестройки по инициативе Ю. А. Левады³, отмечу, что она положила

¹ Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. — Прага, издание евразийцев, 1932. — 29 с. — С. 5.

² Луначарский А. В. Воспитание нового человека. — Л.: Прибой, 1928. — 48 с. — С. 19.

³ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. А. Левада. — М., 1993. — 300 с.

начало систематическим социологическим исследованиям трансформации российского общества на рубеже веков. Развернулось широкомасштабное изучение общественного мнения. Реальная работа, вспоминал Юрий Александрович, которую мы начали делать 15 лет назад, – проект под названием «Человек советский»... человек, которого мы условно обозвали «советским», никуда от нас не делся (это был «homo soveticus», название которого использовали разные авторы, здешние и зарубежные, не всегда с одним и тем же значением, но, так или иначе, использовали). У нас появилось представление, что он, «человек советский», никуда от нас не делся. Или точнее: мы сами от него никуда не делись – от этого образца, от этого эталона, который сложился или выдуман раньше. И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда, чувствуют себя людьми советскими¹. Вот, к примеру некоторые цифры, характеризующие состояние общественного мнения в отношении граждан России к советскому прошлому по состоянию в динамике: 90-е гг. – 2020 г. (табл. 1–2, графики 1–2)², которые приводят в ежегоднике «Общественное мнение – 2020» сотрудники «Аналитического Центра Юрия Левады»³.

Таблица 1. ПЕРЕСТРОЙКА

Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до начала Перестройки (до 1985 года)?

	1995 X	1998 II	2000 IV	2004 III	2009 II	2015 III	2017 IV	2019 III	2020 IX
Совершенно согласен	31	29	25	22	22	17	23	24	47
Скорее, согласен	22	22	25	24	22	24	27	24	
Скорее, не согласен	20	22	27	24	27	26	23	24	39
Совершенно не согласен	15	17	13	19	14	8	6	15	
Затруднились ответить	13	10	10	10	15	25	20	14	14

¹ Публичная лекция Юрия Левады «Человек советский», 2004 г. // <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.

² Общественное мнение – 2020. – М.: Левада-Центр, 2021. – 152 с. – С. 146–147.

³ Примечание: Минюст России 5-го сентября 2016 г. включил «Аналитический Центр Юрия Левады» в список «иностранных агентов».

Таблица 2. Почему вы так думаете?

(в % от числа тех, кто согласен с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до «перестройки»; ответы ранжированы по убыванию по последнему замеру)

	1999 III	2003 VIII	2012 X	2020 IX
Мы были сильной, единой страной	51	60	50	65
В стране был порядок	44	58	50	55
Отношения между людьми были лучше	31	37	40	43
У людей была уверенность в завтрашнем дне	58	53	48	38
Цены были невысокими и стабильными	41	45	40	33
Жить было интересней, веселей	14	13	16	12
Мы больше заботились об отечественной культуре, образовании, науке	10	9	12	8
Затруднились ответить	12	<1	1	1

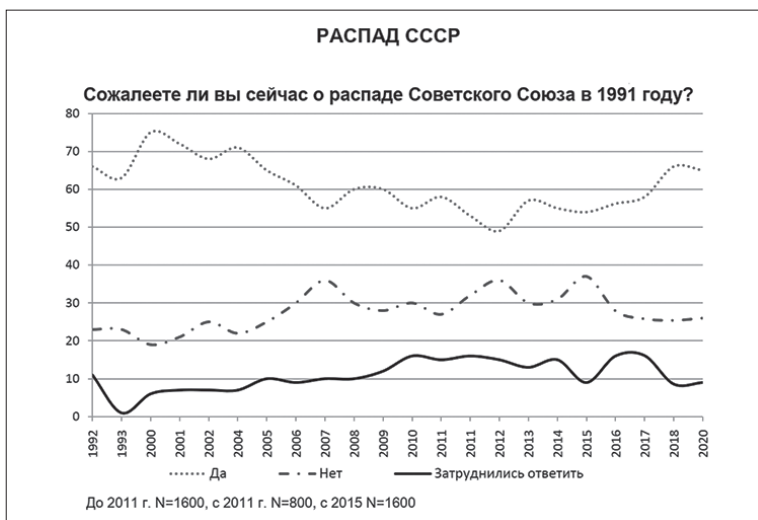

График 1

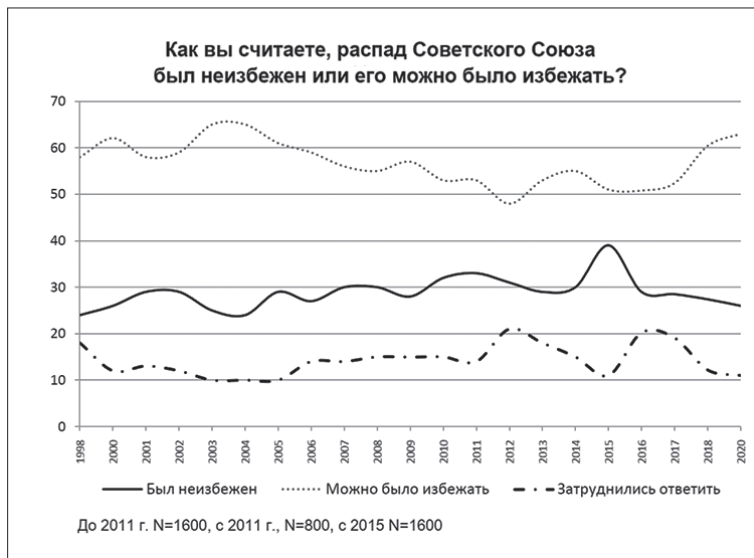

График 2

Цифры говорят сами за себя – на протяжении последних тридцати лет Россия находится в состоянии социально-политического транзита, характеризующегося преобладанием состояния сожаления и признанием того, что до начала перестройки было лучше.

Но это, могут возразить оппоненты, всего-навсего общественное мнение, надо смотреть глубже и шире. Посмотрим...

Во «Введении» уже упоминалось мнение М. К. Горшкова, согласно которому советская парадигма оказалась достаточно устойчивой, что подтверждает социологическая диагностика российского общества. В чем же это выражается, задавался вопросом Михаил Константинович? Реформы, разрушившие «советский мир», чаще всего оцениваются критически. На восстановление авторитета советского строя невольно работает и современная «историческая политика», поставившая во главу угла критику «низкопоклонства перед Западом» и либерализма как такового, которому активно противопоставляется советское единение

с присущим ему чувством патриотизма. Так или иначе, отдавая должное советской системе, россияне в то же время не видят путей возвращения в социалистический «потерянный рай» и не верят в саму возможность такого возвращения. В результате и личного опыта, и «исторической политики», в массовом сознании большинства россиян сформировался весьма своеобразный образ последнего 25-летия: падение от благополучного советского строя к «лихим девяностым», а потом — подъем к стабильному периоду¹. Горшкову вторит и другой известный российский социолог Ж. Т. Тощенко, который предложил включить в сферу социологических исследований феномен, ставший характерным для современной цивилизации, но еще слабо изученный — «общество травмы». Жан Терентьевич мотивирует свое предложение тем, что в мире происходят многие события, которые «невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях *эволюции и революции*, описывающих и отражающих происходящие изменения..., Россия олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки. В развитии этого общества противоречиво сочетаются попытки половинчатой и непоследовательной реставрации некоторых социалистических традиций и норм жизни со стремлением следовать принципам рыночного фундаментализма и либерализма в русле „европейской цивилизации“, но модифицируя их на особый лад, с учетом специфической евразийской ориентации...»². Следовательно, ответы на вопрос об изменении отношения российского общества к советскому прошлому все более настоятельно сосредотачиваются в сфере духовной жизнедеятельности, мировоззренческих установок, которые не только представляют собой рефлексию по поводу «золотого века Союза нерушимых», но и должны быть нацелены на евразийский курс во внутренней и внешней политике России.

¹ Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. — М.: Весь Мир, 2018. — 384 с. — С. 319–320.

² Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). — М.: Весь Мир, 2020. — 352 с. — С. 9, 11.

БЫТЬ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ?

Еще одной характеристикой России как общества травмы является отсутствие у ней государственной идеологии, о чем давно уже заявляет ряд российских политиков и ученых. Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации *произошла потеря прежних ориентиров, а новые не сформировались*. Были утрачены прежние ориентирующие идеи, которые являются (или должны являться) непременным атрибутом всякой эффективной власти, чему способствует господствующая в стране либеральная идеология. Так, Тощенко напоминает, что «отказываясь от государственной идеологии, „творцы“ Конституции России полностью игнорировали тот факт, что ни одно из (194) существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих позиций и ориентаций»¹.

«Почему у нас, – с нескрываемым удивлением задает риторический вопрос С. А. Караганов, – запрещена была идеология и существует внутреннее сопротивление выработке новой русской идеи?... Первое – мы за несколько десятилетий наелись коммунистической идеологии, у всех образовалась оскомина, если не страх перед любой идеологией. Вторая причина – интеллектуальная. Большая часть российской элиты не понимала, что без больших идей великие державы не существуют. Все державы, если они хотят быть великими, должны иметь свод идей, ведущих вперед. Когда эти идеи терялись, великие державы прекращали быть великими или просто распадались... Это произошло с Советским Союзом, когда мы потеряли коммунистическую идею, которая нас вела. Она была ложная, но она была»². Вспоминая про оскомину и называя коммунистическую идею ложной, Сергей Александрович, разумеется, дал когорте российских либералов шанс «на выживание», предупредив, что их век не долгий. В противовес этой столь витиеватой фразе звучат как призыв к свершению великих начинаний обнадеживающие слова Александра Андреевича Проханова: «Сакральная триада русской государственной идеологии содержит три постулата. „Один Народ. Одна Судьба. Одна Победа“. К каждому

¹ Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией... – С. 193.

² Караганов С. Трое в лодке, не считая Европы // URL: <https://vpk-news.ru/articles/64558> (дата обращения 08.11.2021).

из постулатов восходят коды, побуждающие народ к государственному строительству. „Один народ“ создаётся кодами „Россия – душа мира“, „Общее дело“, „Труд священный“. Постулат „Одна судьба“ возвращается кодами „Взыскание“, „Воскрешение“, „Русское чудо“. Постулат „Одна Победа“ соединяет все упомянутые коды и код „Оборонного сознания“¹. Жизнь подтверждает истину: государственная идеология не создается по чьей-то указке, она вызревает долго и мучительно, но для этого нужно ясное понимание того, в каком будущем, теперь уже цифровом, мире видит себя Россия и какое будущее желает сам себе российский народ.

СПОСОБНО ЛИ ЕВРАЗИЙСТВО ВЫСТУПАТЬ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ СИЛОЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Евразийская идея, воскресшая из небытия, за три последние десятилетия воплотилась во множество государственных, общественных и международных структур, творческих союзов, научных организаций, журналов и образовательных программ. Евразийская идея объединила российский многонациональный народ и бывшие союзные республики Советского Союза. Наглядными примерами того явилось образование Евразийского экономического союза, Организации договора о коллективной безопасности, вхождение в состав Шанхайской организации сотрудничества и ряда других региональных организаций.

В одной из своих последних статей («Евразийство: современность концепции...») С. Б. Лавров писал: «Почему именно евразийство стало ключевой темой в дискуссиях о будущем России, об ее геополитических путях? Видимо, эта геополитическая концепция созвучна нашей эпохе... она стала востребованной в наши дни, в эпоху отчаянных поисков „идеи-силы“ (формула евразийцев) для России, как осмысление феномена России... Лучшим доказательством актуальности идей евразийства является их широкий переход из сферы науки в сферу политики, тревога и проклятия Запада по этому поводу»². В связи с этим следует рассматривать вопрос о возможности восстановления статуса

¹ Александр Проханов. Сакральная триада Русского государства // Изборский клуб. – № 3 (89). – 2021. – С. 7.

² Лавров С. Б. В каком мире мы живем? (размышления геополитика). – СПб.: Время, 2001. – 95 с. – С. 60–64.

сверхдержавы России в составе Евразийского экономического союза как одного из центров силы в обретающем свои контуры полицентричном мире и, более того, разрабатывать геополитический проект обретения статуса великодержавности самим Евразийским экономическим союзом. «У нынешней России, — как справедливо отмечает президент Академии геополитических проблем Леонид Григорьевич Ивашов, — несмотря на унижения, заблуждения, разграбление ресурсов, духовности и интеллекта, тем не менее сохранился геополитический потенциал, превосходящий пока потенциалы всех других государств мира»¹.

Вместе с тем, в последние годы нарастает напряженность в Евразийском экономическом союзе, вызванная рядом причин. В настоящее время бывшие республики Советского Союза, а теперь суверенные государства, добровольно вошедшие в состав Евразийского экономического союза, находятся под сильным экономическим и политическим влиянием Европейского союза, США и Турции. Отчасти этим было обусловлено вхождением Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана в статусе наблюдателя в Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет).

12 ноября 2021 г. в Стамбуле завершился VIII саммит государств Тюркского совета (тогда же Тюркский совет был переименован в Организацию Тюркских Государств, ОТГ), по его итогам была подписана Стамбульская декларация и провозглашено создание новой особой экономической зоны «Туран» (TURANSEZ) на территории Казахстана.

Отныне термин для обозначения проекта «Великого Турана» — государства всех тюрков (рис. 1) — существует на официальном уровне и зафиксирован в международных документах, подписанных представителями Организации тюркских государств. На саммите принята программа «Видение тюркского мира — 2040» (кстати, инициированная Нурсултаном Назарбаевым), которую следует рассматривать как стратегию сотрудничества тюркских государств во всех ключевых областях, где у них есть общие интересы, некоторые из которых идут вразрез с национальными интересам России².

¹ *Ивашов Л. Г.* Геополитика русской цивилизации / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. — 800 с. — С. 784.

² *Turkic World Vision - 2040.* <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

Рис. 1. Такой видится Россия-Евразия основателями «Великого Турана»¹

Кстати, нечто подобное еще в 1934 г. предсказывал Г. В. Вернадский в работе «Опыт истории Евразии» (рис. 2), указывал на то, что некоторые из народов Евразии связаны узами или этническими, или религиозно-культурными с некоторыми внеевразийскими народами, что может привести к сепаратным выступлениям на международной арене отдельных народов или их групп народов Евразии не только в прошлом, но и в будущем. «Так возникают, – продолжал далее Вернадский, – проблемы панславизма, пантюркизма, панисламизма. Последняя может быть решена вне политических рамок, если подходить к ней со стороны не политической, а культурно-религиозной только.

¹ <https://vpoanalytics.com/2021/11/13/tyurkskij-mir-redzhepa-erdogana-v-stambule-pytaetsya-rasshirit-gorizonty/> (дата обращения 13.11.2021).

Рис. 2. Обложка и титул первого издания книги Г. В. Вернадского «Опыт истории Евразии»

Панславизм всегда являлся более утопией, чем орудием практической политики ввиду того, что группа славян западных (поляки, чехи) и геополитически, и культурно-исторически к Европе была и есть ближе, чем к России. Пантюркизм был особенно силен, пока мог быть практически связан с панисламизмом и одушевлен его идеями. С ослаблением политической роли религий в наше время, и с разрывом в османской Турции между пантюркизмом и панисламизмом, политическая позиция панисламизма представляется весьма ослабленной. Что касается пантюркизма, то поскольку целью его является отрыв турецких народов Евразии от политического объединения с этой последней, такое распадение Евразии (если оно было бы возможно) явилось бы в первую очередь крайне невыгодным для самих турецких народов, ныне входящих в состав Евразии. Течения панславизма и пантюркизма могли бы стать крупной силой и сыграть крупную политическую роль в случае их примирения между собою и согласованных между собою действий. В этом случае течения эти могли бы способствовать сближению и союзу между Евразией, с одной стороны, и зарубежными турецкими и славянскими народами — с другой¹. Хорошая подсказка для ана-

¹ Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. — 339 с. — С. 14.

литиков и политиков, занимающихся организацией Большого Евразийского партнерства.

С озабоченностью недавно высказался член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН С. Ю. Глазьев по поводу того, что в некоторых «бывших союзных республиках историческое мифотворчество в силу языкового барьера мало известно русскому читателю. Оно также поражает буйной фантазией авторов, изобретающих древние корни государств, появившихся четверть века назад. Устами националистически настроенных политиков штампуются исторические мифы, отодвигающие образование новых независимых государств, названия которых впервые появились на карте СССР в 30-е годы прошлого века, на многие столетия в доисторическую эпоху. Фабрикуются артефакты, задним числом подтасовываются исторические документы, в систему образования принудительно внедряются сказочные истории о мнимых героях-основателях никогда не существовавших государств. Обратной стороной этого мифотворчества является отрицание цивилизационной роли России и СССР, которые создали необходимые условия для этногенеза современных наций и обеспечили им возможности создания собственной государственности»¹.

В современных условиях разработка сценарных проектов построения Большого Евразийского партнерства в рамках концепций Большой Евразии и Большого Евразийского партнерства (требующих, в свою очередь, самостоятельной теоретико-методологической проработки) предполагает в полной мере использовать аппарат математической геополитики (теория игр), сценарное моделирование и технологии больших данных. Более того, среди множества вопросов стратегического порядка, требующих согласованного решения, ключевым для России и других государств, входящих в ЕАЭС, стал следующий: ЭПШП нацелен не только на взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, но и на коадаптацию с интересами Евросоюза. Принципиальное значение имеет тот факт, что Китай и страны Центральной Азии заинтересованы в сопряжении не только ЭПШП – ЕАЭС, но и ЭПШП – ЕАЭС – ЕС. В отсутствие координации в треугольнике ЭПШП – ЕАЭС – ЕС контакты будут поддерживаться только между ЭПШП – ЕАЭС и ЭПШП – ЕС, тогда как экономически чрезвычайно важный элемент сопряжения

¹ Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. – М.: Проспект, 2021. – 416 с. – С. 304.

ЕАЭС – ЕС будет отсутствовать. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации и ЕАЭС, которые понесут существенные экономические потери и утратят шанс реализации своего транзитного потенциала.

Не хотелось бы завершать Заключение столь далекими от оптимизма мыслями, но глобальная геополитика – та суровая реальность, в которой победителями и властителями дум оказываются те акторы мировой политики, которыми движут идеалы гуманизма, справедливости, равноправия и исторической правды. Надеемся, что все написанное выше членами авторского коллектива будет этому способствовать.

Игорь Кефели
12 декабря 2021 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК И ДОГОВОР ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК,
30 ДЕКАБРЯ 1922 Г.**

ДЕКЛАРАЦИЯ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сотрудничество и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, глубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наказать сотрудничество народов.

Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападения империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производственные отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического оружия.

Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повсеместно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспеяние, и свободу национального развития народов.

Власть народов советских республик, собравшихся недавно на съезде своих советов в единодушно принявших решение об образовании „Союза Советских Социалистических Республик“, служат надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным об единением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увеличением заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сотрудничества и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозгласив необходимость основ Советской власти, нашедших свое выражение в конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании „Союза Советских Социалистических Республик“.

ДОГОВОР

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР)—Грузия, Азербайджан и Армения—закладывают настоящий союзный договор об объединении в одно союзное государство—„Союз Советских Социалистических Республик“—на следующих основаниях:

1. Властью Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов подлежат:

- а) представительство Союза в международных сношениях;
- б) обозначение внешних границ Союза;
- в) заключение договоров о вхождении в состав Союза новых республик;
- г) объявление войны и заключение мира;
- д) заключение внешних государственных займов;
- е) ратификация международных договоров;
- ж) установление систем внешней и внутренней торговли;
- з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение профессиональных договоров;

Со времени образования советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам, удалось советским республикам отбить нападения империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам, удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю

безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспевание, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих советов и единодушно принявших решение об образовании «Союза Советских Социалистических Республик», служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом к пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозглашая незыблемость основ Советской власти, нашедших свое выражение в конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании «Союза Советских Социалистических Республик».

ДОГОВОР

ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР – Грузия, Азербайджан и Армения) заключают настоящий союзный договор об объединении в одно союзное государство – «Союз Советских Социалистических Республик» – на следующих основания:

1. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов подлежат:
 - а) представительство Союза в международных сношениях;
 - б) изменение внешних границ Союза;
 - в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик;

- г) объявление войны и заключение мира;
 - д) заключение внешних государственных займов;
 - е) ратификация международных договоров;
 - ж) установление систем внешней и внутренней торговли;
 - з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение концессионных договоров;
 - и) регулирование транспортного и почтово-телеграфного дела;
 - к) установление основ организации вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик;
 - л) утверждение единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, установление монетной, денежной и кредитной системы, а также системы общесоюзных, республиканских и местных налогов;
 - м) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза;
 - н) общее союзное законодательство о переселениях;
 - о) установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное союзное законодательство;
 - п) установление основных законов о труде;
 - р) установление общих начал народного просвещения;
 - с) установление общих мер в области охраны народного здоровья;
 - т) установление системы мер и весов;
 - у) организация общесоюзной статистики;
 - ф) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев;
 - х) право общей амнистии;
 - ц) отмена нарушающих союзный договор постановлений Съездов Советов, Центральных Исполнительных Комитетов и Советов Народных Комиссаров союзных республик.
2. Верховным органом власти Союза Советских Социалистических Республик является Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик, а в периоды между съездами – Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик.
3. Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик составляется из представителей городских советов по расчету 1 де-

- путат на 25.000 избирателей и представителей губернских съездов советов по расчету 1 депутат на 125.000 жителей.
4. Делегаты на Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик избираются на губернских съездах советов.
 5. Очередные Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик созываются Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик один раз в год; чрезвычайные Съезды созываются Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик по его собственному решению или же по требованию не менее двух союзных республик.
 6. Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик избирает Центральный Исполнительный Комитет из представителей союзных республик пропорционально населению каждой, всего в составе 371 члена.
 7. Очередные сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик созываются три раза в год. Чрезвычайные сессии созываются по постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза или по требованию Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, а также Центрального Исполнительного Комитета одной из союзных республик.
 8. Съезды Советов и сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик созываются в столицах союзных республик в порядке, устанавливаемом Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик.
 9. Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик избирает Президиум, являющийся высшим органом власти Союза в периоды между сессиями Центрального Исполнительного Комитета Союза.
 10. Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик избирается в составе 19-ти членов, из коих Центральный Исполнительный Комитет Союза избирает четырех председателей Центрального Исполнительного Комитета Союза по числу союзных республик.
 11. Исполнительным органом Центрального Исполнительного Комите-

та Союза является Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (Совнарком Союза), избираемый Центральным Исполнительным Комитетом Союза на срок полномочий последнего в составе:

- Председателя Совета Народных Комиссаров Союза,
 - Заместителей Председателя,
 - Народного Комиссара по Иностранным Дела́м,
 - Народного Комиссара по Военным и Морским Дела́м,
 - Народного Комиссара Внешней Торговли,
 - Народного Комиссара Путей Сообщения,
 - Народного Комиссара Почт и Телеграфов,
 - Народного Комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции,
 - Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства,
 - Народного Комиссара Труда,
 - Народного Комиссара продовольствия,
 - Народного Комиссара Финансов.
12. В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик верховный Суд с функциями верховного судебного контроля, а при Совете Народных Комиссаров Союза – объединенный орган Государственного Политического Управления, председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза с правом совещательного голоса.
 13. Декреты и постановления Совнаркома Союза Советских Социалистических Республик обязательны для всех союзных республик и приводятся в исполнение непосредственно на всей территории Союза.
 14. Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Союза печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркский).
 15. Центральные Исполнительные Комитеты союзных республик опротестовывают декреты и постановления Совнаркома Союза в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, не приостанавливая их исполнения.

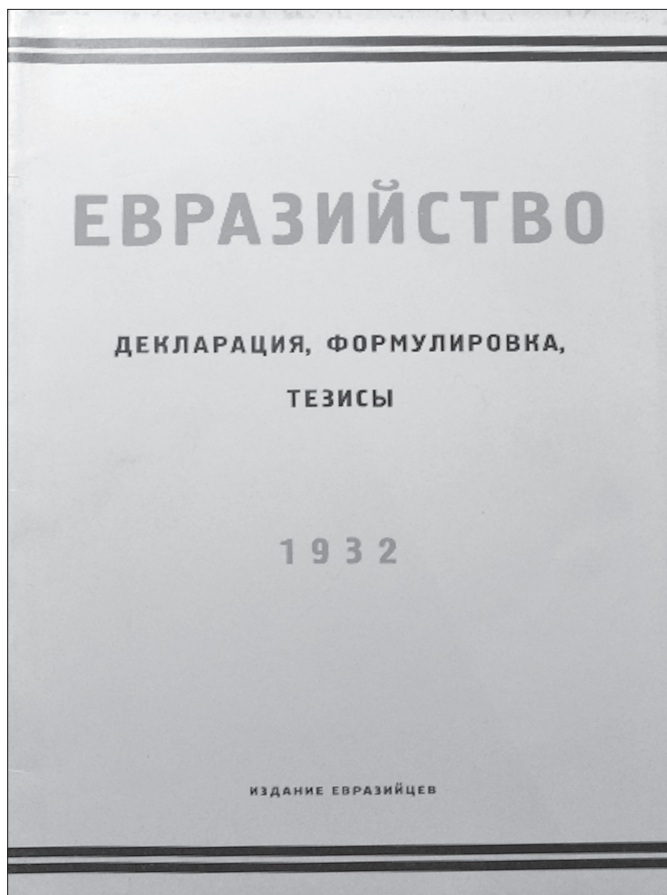
16. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы лишь Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик и его Президиумом; распоряжения же отдельных Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик, его Президиумом и Совнаркомом Союза.
17. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы лишь Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик и его Президиумом; распоряжения же отдельных Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик, его Президиумом и Совнаркомом Союза.
18. Распоряжения Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть приостанавливаемы Центральными Исполнительными Комитетами или Президиумами Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик лишь в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлениям Совнаркома или Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. О приостановке распоряжения Центральный Исполнительный Комитет или Президиум Центрального Исполнительного Комитета союзных республик немедленно сообщает Совету Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и соответствующему Народному Комиссару Союза Советских Социалистических Республик.
19. В Состав Советов Народных Комиссаров союзных республик входят:
 - Председатель Совета Народных Комиссаров,
 - Заместители Председателя,
 - Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства,
 - Народный Комиссар Земледелия,
 - Народный Комиссар Продовольствия,
 - Народный Комиссар Финансов,
 - Народный Комиссар Труда,
 - Народный Комиссар Внутренних Дел,

- Народный Комиссар Юстиции,
 - Народный Комиссар Рабоче-Крестьянской Инспекции,
 - Народный Комиссар по Просвещению,
 - Народный Комиссар Здравоохранения,
 - Народный Комиссар Социального Обеспечения,
 - Народный Комиссар по Национальным Дела́м, а также с правом совещательного голоса Уполномоченные Наркоматов Союза: по Иностранным Дела́м, по Военным и Морским Дела́м, Внешней Торговли, Путей Сообщения и Почт и Телеграфов.
20. Высший Совет Народного Хозяйства и Народные Комиссариаты: Продовольствия, Финансов, Труда и Рабоче-Крестьянской Инспекции союзных республик, непосредственно подчиняясь Центральным Исполнительным Комитетам и Совнаркомам союзных республик, руководствуются в своей деятельности распоряжениями соответственных Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик.
 21. Республики, входящие в состав Союза, имеют свои бюджеты, являющиеся составными частями общесоюзного бюджета, утверждаемого Центральным Исполнительным Комитетом Союза. Бюджеты республики в их доходных и расходных частях устанавливаются Центральным Исполнительным Комитетом Союза. Перечень доходов и размеры доходных отчислений, идущих на образование бюджетов союзных республик, определяются Центральным Исполнительным Комитетом Союза.
 22. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.
 23. Союз Советских Социалистических Республик имеет свой флаг, герб и государственную печать.
 24. Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.
 25. Союзные республики вносят в соответствии с настоящим договором изменения в свои конституции.
 26. Утверждение, изменение и дополнение союзного договора подлежат исключительному ведению Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик.
 27. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

ПОДПИСАЛИ члены полномочных делегаций от: РСФСР [подписи неразборчиво], УССР [подписи неразборчиво], ЗСФСР [подписи неразборчиво], БССР [подписи неразборчиво].

ГАРФ, ф. 3316, оп. 1, д. 5, л. 1-3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ЕВРАЗИЙСТВО. ДЕКЛАРАЦИЯ, ФОРМУЛИРОВКА, ТЕЗИСЫ

ДЕКЛАРАЦИЯ

Первый Съезд Евразийской Организации принимает от имени всего Евразийства следующую декларацию:

- I. Как система мировоззрения и жизни, евразийство покоится на религиозной основе. *Православные* евразийцы придают первостепенное значение Православию в его обращенности к социальной жизни, как праведному началу, на котором строится евразийское государство труда и общего дела. Евразийцы, принадлежащие к другим исповеданиям России-Евразии, подходят к тем же задачам от глубины своих религиозных убеждений.
- II. Утверждая религиозный характер своей системы, евразийцы признают в то же время область религиозных убеждений сферой безусловной свободы. Никакое принуждение здесь неприменимо.
- III. Евразийцы, исходя от религиозных основ, придают исключительно большое значение понятию и явлению личности. Но личность не воспринимается евразийством в отрыве от соборного целого. Служению общему делу должны быть посвящены все ее силы. Из этого служения вытекают и им оправдываются ее права.
- IV. Своей основной задачей евразийцы считают *практическую организацию Жизни и мира*. Наиболее мощным орудием этой организации они признают государство. Во имя осуществления своих целей, они стремятся к овладению государственным аппаратом.
- V. Евразийский государственный строй определяется как *идеократия*.
- VI. Евразийская идеократия осуществляется евразийским ведущим отбором, духовной и практической основой образования коего является действительное служение евразийской идее.
- VII. Евразийский ведущий отбор осуществляет государственную деятельность через систему *свободно избранных* советов.
- VIII. Утвержденные в основном законе права отбора обеспечивают начало преемственности и постоянства в государственном строе.
- IX. Из самого существа Евразийства вытекает, что национальностям России-Евразии Евразийское государство гарантирует возможность действительно — свободного культурного развития, подлинного самоуправления и сотрудничества всех евразийских национальностей. Всего этого нет при коммунистическом режиме.

- X. Утверждая культурную и историческую самобытность мира России-Евразии и исходя в своем мировоззрении из основ религии и ценности личности, как индивидуальной, так и коллективной, евразийцы признают за остальным миром и его делениями на разнообразные культурно-сферы права на самостоятельное развитие и самобытное творчество. Единение всего мира они видят не в стандартизации, являющейся скрытой целью буржуазной западной культуры и открытой задачей III-го (коммунистического) Интернационала, а в действенном союзе разнородных и даже вовсе отличных друг от друга культур, на основе единства экономических интересов и общей воли к служению ближнему. Не в насильственной нивелировке под одну меру, а в творческом соборе трудящихся всех рас и национальностей они видят то истинное братство людей, к которому человечество призвано великими заветами своей истории.
- XI. Евразийскому государству евразийцы ставят два задания: а) задачу организации жизни особого мира России-Евразии; б) задачу духовной и экономической эмансипации трудящихся.
- XII. Средство к осуществлению обоих заданий евразийцы видят в построении государственно-частной системы хозяйства. В ней государственное хозяйство и государственный план кладутся во главу угла. То и другое направлено: 1) на укрепление экономической независимости России-Евразии; 2) на обеспечение интересов трудящихся.
- XIII. Евразийская государственно-частная система *служебна* в отношении интересов трудящихся. Частное начало признается в ней в *функциональном* порядке, т. е. поскольку оно выполняет определенную функцию по поднятию общего благосостояния и заполнению тех пробелов и прорывов в производстве и распределении, которые составляет государственное хозяйство. По утверждению евразийцев, государственно-частная система наиболее продуктивна в экономическом смысле.
- XIV. В Евразийской государственно-частной системе частные предприниматели являются не классом, а профессией, имеющей функциональный характер. Законодательство Евразийского государства должно быть направлено на обеспечение действительного проведения в жизнь этого положения.

- XV. Частный сектор, путем обязательного синдицирования, организационно связывается с государственным и вводится в рамки планового хозяйства. Государственно-частная система, обеспечивая свободу хозяйственного самоопределения личности, не выходит в то же время из рамок планового хозяйства.
- XVI. Всем трудящимся обеспечивается свобода выбора хозяйственных форм и видов заработка. В частности, рабочим гарантируется свобода выбора между работой в государственном или частном предприятии, крестьянам — между работой в совхозе, колхозе или своем единоличном хозяйстве. Крестьянам обеспечивается свобода перехода в рабочие, а рабочим свобода такого же перехода в крестьяне.
- XVII. Евразийцы всецело разделяют проводимое в политике ВКП(б) принципиальное признание социального строя служебным в отношении интересов трудящихся и приветствуют план индустриализации как усилие к обеспечению экономической независимости особого мира России-Евразии. Но они решительно заявляют, что осуществление этого плана осложнено множеством ненужных и вредных, с их точки зрения, моментов.
- XVIII. Евразийцы решительно отвергают материалистическую философию марксизма. Сам марксизм, отрицая в теории самостоятельное значение идеи, свою историческую роль подтверждает решающее значение идеи в истории. Поэтому для евразийцев неприемлемы все элементы коммунистических планов, связанные с пропагандой материалистических идей.
- XIX. Осуществление коммунистического плана индустриализации, в его нынешнем варианте, связано с полным порабощением личности, проявляющемся в насильственном уничтожении частного сектора, насильственной коллективизации, тенденции к прикреплению рабочих к предприятию и т. д. Всё это проводится коммунистами в угоду отвлеченному догмату полного обобществления, вопреки соображениям экономической целесообразности. Этой стороне Плана евразийцы противопоставляют лозунг государственно-частной системы, которая ставит на службу интересам трудящихся и задачам обеспечения экономической независимости страны все наличные ее силы.
- XX. Отказ коммунистической теории и практики от использования полностью и без догматической предубежденности всех возможностей,

как государственного, так и частного сектора России-Евразии, приводит к постоянным перебоям, снижению и отрыву от реальности государственного строительства. Неизбежно должен наступить момент, когда среди коммунистов те, которые не утратили чувства реальности, должны будут обратиться к лозунгам и целям Евразийства.

- XXI. Предвидя и приветствуя такое обращение, евразийцы подчеркивают полную *независимость* Евразийского дела от принципов и установок коммунизма. Евразийцы стремятся к *преобразению* существующего в СССР строя на основе Евразийства.

ФОРМУЛИРОВКА

ВВЕДЕНИЕ

Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира.

С теоретической стороны своеобразие евразийской культуры обосновывается рядом признаков, которые были выделены и описаны в евразийской литературе, а именно: географическими особенностями месторазвития евразийской культуры; особенностями наречий того языкового союза народов, которые населяют Россию-Евразию; особым мироощущением, отличающим евразийские народы и обусловленным особым складом их душевной и духовной жизни и особым от остального мира историческим процессом. Евразийцы считают, что все названные физические, душевные и духовные особенности находятся в глубокой внутренней связи и образуют природу культурной личности России-Евразии. Судьбы евразийского мира в основном и важнейшем протекают особо от судеб стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сотрудничества, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии. В душе евразийских народов слышится особый созвучный ритм, и в этом смысле культурная личность России-Евразии является *симфонической*.

В согласии с выводами современной социологии и философии истории евразийцы учат, что культурная личность есть не простая сумма входящих в нее единичных людей, но некоторое высшее соборное единство, живущее своей собственной жизнью и имеющее собственную историческую судьбу. Из скрытых подсознательных глубин этой жизни истекает сложный поток явлений, в совокупности своей именуемых отдельной самостоятельной культурой. Своеобразие евразийской культуры развертывалось в истории российско-евразийского мира. Оно выражалось и в укладе все-евразийской державы Чингисхана и его преемников в XIII–XIV вв., и в строе Московского Государства XV–XVII в. в., и в огромном здании Российской Империи XVIII–XX вв., – несмотря на стремление подражать Западу, несомненно представлявшей собой политическое образование, не имевшее подобного ни в Европе, ни в Азии. Оно проявляется также и в современном СССР, несмотря на идеологический западнический его уклон и даже вопреки ему. Оттого-то Петр I и Ленин суть е в р а з и й с к и е варианты на заданные Западом и развернутые в евразийском месторазвитии социально-политические темы.

В учении своем об особой культурной личности Евразийство не придерживается тех крайностей, которые свойственны многим органическим теориям общества. Для Евразийства культурная личность не поглощает всецело отдельного человека, напротив того она существует через духовную жизнь отдельных людей. У культурной личности нет иного органа для выявления своей внутренней жизни, кроме сознания отдельного человека. Культурная личность есть, т. о., соборное единство всех входящих в нее индивидуумов – прошедших, настоящих и будущих, со всеми отображающими своеобразие культуры духовными и физическими качествами. Каждое поколение людей отражает только часть этих качеств, в полноте своей раскрывающихся в целостной истории отдельной культурной личности.

Евразийцы считают, что в истоках своих телесную организацию евразийская культура унаследовала как от древней Руси, так и от великой державы Чингисхана. Культура эта проникнута христианскими традициями Византии и испытала на себе влияние духовных заветов религий Азии. Сочетание этих элементов образовало величие Московской Руси, татарской, в основном, по своей материи, восточной и византийской по своему духу. Возникшее во вторую половину XVII-го и ставшее преобладающим в эпоху Империи стремление подражать Западу внесло значительные изменения в материальную и духовную природу российско-евразийского мира, однако

не уничтожило его своеобразия. Для западного человека и Империя была царством «азиатским» или «полуазиатским», так же как «азиатским» является для него и современный коммунизм.

Для евразийцев прошлое России не есть просто царство «азиатской тьмы». В сознании величия этого прошлого они стремятся опознать его положительные стороны, принять их и усвоить, развить и поднять на высшую ступень. В этом смысле Евразийство есть учение самобытническое, хранящее идею исторической преемственности и противопоставляющее себя подражательному западничеству. Евразийству совершенно чуждо некритическое отрицание Запада, так же как и его некритическое приятие. Евразийцы ценят могущественное деятельно-волевое напряжение, свойственное западному человеку, социальный пафос, вдохновляющий общественные идеалы западной культуры, дерзновенный дух исканий, приведший к великим научным открытиям и вызвавший небывалый рост технических и производительных сил.

Но нельзя отрицать наличие серьезного послевоенного духовного и социального кризиса западной буржуазной культуры, как не отрицает его и сам Запад.

Русская Революция, совпавшая во времени с этим кризисом, ныне выдвигает свободную инициативу евразийского культурного творчества, и Евразийские народы призываются не только к самостоятельному построению основ собственного бытия, но и к участию в идейном руководстве судьбами мира. Оттого евразийское самобытничество не замыкается в себя, но ставит перед собой великие вселенские задачи. Евразийцы верят в свою общечеловеческую миссию, служение которой вдохновляет их не менее, чем служение своей собственной культуре.

Основная практическая и деятельная идея, которую выдвигают евразийцы, есть идея самопознания культуры и ее организации. Всякая культура, в том числе и евразийская, начинает свою жизнь в состоянии неопознанности тех своих задатков и устремлений, которые составляют внутреннее содержание ее бытия. Культурная жизнь протекает в этой стадии как бы во сне, и из глубочайших источников бессознательного выходят те двигательные начала, под влиянием которых она растет и развивается. Стадия самопознания культуры наступает позднее, на высших ступенях культурного развития. Основной целью всякой культуры является возведение своей жизни на эту ступень самопознания. Не опознав тех ценностей, которые лежат в основе культуры, и тех принципов, которые ее двигают, нельзя

ставить сознательно преднамеренных целей и осуществлять деятельность планомерного культурного строительства.

Евразийство ставит себе задачей раскрытие особенностей того культурного целого, которое носит имя России-Евразии. Евразийская культура до сей поры жила в состоянии неопознанности своего внутреннего существа, что, впрочем, не мешало блеску ее отдельных проявлений. Существовала большая культурная жизнь в ее различных материальных и духовных проявлениях: в религии, в искусстве, в литературе, в особенностях мироощущения, накладывающих свою печать на быт, на социальный уклад, на государственное строительство, на хозяйственные отношения и т. п. Но не существовало никакого идейного течения, которое формулировало бы принципы этой культуры и возвело бы их на степень сознательных мотивов социального делания.

Основным моментом русской современности является факт Революции, к которому Евразийство и должно, в первую очередь, обратиться в целях раскрытия и уяснения истинного культурного лица России. По мнению евразийцев, октябрьская революция, по внутреннему заложенному в нее, но не раскрытому ею смыслу, была евразийской. Раскрыть этот внутренний смысл является ближайшей задачей Евразийства. Утверждение этого смысла в жизни и явится завершением революции.

По самому существу своему Евразийство есть *пореволюционное* течение; его нельзя понять, не учтя факта Революции; его стремления и цели теснейшим образом связаны с разворачиванием русского революционного процесса. В этих рамках Евразийство есть единственная значительная пореволюционная система мировоззрения и действия. Все другие внутренние-русские течения, не исключая и коммунизма, а тем более эмигрантские группировки, по характеру своему, суть явления *дореволюционные*.

Особенности пореволюционной системы мысли и действия определяют внутреннюю диалектику русского революционного процесса. Российская революция изобличает следующие, присущие ей и в ней раскрывающиеся противоречия: формально революция есть процесс религиозный – искание последней земной правды и стремление во что бы то ни стало ее осуществить; но по теоретическим учениям своим Революция оказалась безрелигиозной и даже более того: противорелигиозной и богоборческой. По политическому характеру своему Революция была процессом освободительным, стремлением широких народных масс сбросить с себя гнет старого режима и добиться вольной жизни; фактически же Революция породила еще более

деспотический политический строй. По ценностным устремлениям своим Революция была индивидуалистической, означала собою попытку отдельного человека и целых народов эмансипироваться от принудительных связей со стороны государства, утвердить свое самочинное бытие и свою независимость от прежних общественных форм; но по своим действительным социально-политическим идеалам русская Революция оказалась коллективистической, приведшей к глубокому поглощению личности обществом, единичного — универсальным.

По социальным своим идеалам Революция была пролетарски-интернационалистической, стремящейся нивелировать социальные, групповые, классовые и национальные различия и построить деклассированное и денационализированное общество людей, основным социальным качеством которых должен быть общий социальный труд. Фактически Революция привела к построению Советского Государства, которое добровольно и открыто проводит принцип национального самоопределения и, несмотря на все старания, не может уничтожить в своих пределах социальных различий между отдельными группами населения: между рабочими и крестьянами, кулаками — середняками — бедняками, квалифицированными рабочими и неквалифицированными, советскими служащими и спецами. И в то же время, хоть и служа коммунистическому интернационалу, она силою вещей не может не проводить, в основном, евразийской внешней политики, защищая интересы того культурного целого, которое носит имя России-Евразии.

Евразийцы исповедуют глубокую уверенность, что только система обоснованных в их учении идей может привести к разрешению и снятию этих основных противоречий русского революционного процесса.

Евразийство утверждает себя, прежде всего, как система мировоззрения и действия, которые в последнем счете исходят из религиозных предпосылок и являются религиозно обоснованными. Пафос Революции, религиозный по форме и безрелигиозный по содержанию. Евразийство стремится наполнить религиозной идеей и освободить его от протivoестественной связи с воинствующим атеизмом. Полнота Евразийства невозможна без веры в религиозный смысл мира и в существование в нем Божественного начала. Поэтому Евразийство, безусловно, враждебно атеизму во всех его формах и благожелательно ко всякой вере, исповедуемой народами России-Евразии. По убеждению евразийцев, только вера в Божественное начало может служить основой человеческих отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением личного достоинства человека.

Евразийство ценит и чтит начало свободы, однако не делает из него идола, как это свойственно некоторым течениям западной гуманитарной мысли. Свобода сама по себе есть идея, лишенная содержания и приобретающая ценностный смысл в зависимости от того, чем она наполнена. Свобода открыта одинаково и для добра, и для зла, и только в наполнении добром приобретает она характер положительной ценности. Евразийство и стремится к тому, чтобы наполнить свободу теми ценностями, которые обнаруживаются и развертываются в жизни евразийской культуры. Принудительно никто не может стать евразийцем, т. к. к приятию евразийской системы можно прийти только в результате свободного убеждения. Но люди, свободно принявшие евразийство, не могут не строить своей жизни и жизни всего евразийского целого на евразийских началах. Это и есть евразийская организация культуры, как положительная миссия, стоящая перед каждым евразийцем. Стремясь к исполнению этой миссии, евразийцы чужды всякого безразличия в отношении к культурным задачам и целям, чужды всякого релятивизма. Они выдвигают принципы, в отношении к которым обнаруживают свою небезразличность. Принципы эти они превращают в цели, осуществляемые со всей силой волевого упора.

Евразийство проникнуто уважением к ценности человеческой личности, но в то же время оно безусловно враждебно к одностороннему культу животного человека, доходящему в пределе своем до обоготворения. Преклонение перед животным человеком, как наивысшей ценностью, привело на Западе к двум учениям, внешне враждебным друг другу, но по существу своему глубоко родственным: к материалистическому индивидуализму и к материалистическому же коллективизму. В первом абсолютной ценностью считается оторванный от других людей, погруженный в личное себялюбие и изолированный индивидуум; во втором такую ценностью считается человеческий коллектив. Практического своего воплощения идеалы эти достигли в буржуазном индивидуализме и в коммунизме, столь отличных по своей внешности и столь родственных по духу.

Основное жизненное противоречие коммунизма сводится к тому, что в теории он стремится осчастливить отдельного человека через благосостояние общественного целого, но на практике приводит к систематическому истязанию человека, к мучению и издевательствам над ним. Своеобразная система личного истязания существует также в буржуазном индивидуализме, с его бессмысленной погоней за деньгами и непомерным напряжением сил, превращающим человека в бездушный механизм и менее

всего обеспечивающим ему состояние душевного довольства и счастья. Отмеченное противоречие русской революции, индивидуалистической по своим истокам и коллективистической по своим результатам, находит свое объяснение в западных общественных идеалах, ее вдохновлявших. Русская революция и не разрешит их, пока не опознает своего евразийского существа.

Евразийство считает абсолютной ценностью не физического, а духовного человека, — человека, который опознал свое духовное существо, свое особое место в природе и свое отношение к Богу, такой человек в удовлетворении плоти не может видеть свое главное призвание, он далек и от материалистического индивидуализма и от материалистического коллективизма. Своим необходимым отношением к Богу и к другим людям обнаруживает он свою соборность, но в соборности этой отдельная личность не расплывается в социальном целом, но творит вместе со всеми то общее дело, к которому каждый призван Богом.

Евразийцы с недоверием и отрицанием относятся ко всяким утопическим социальным системам, не считающимся с естественными законами развития человека и человеческих обществ. Они полагают, что в общественной жизни людей необходимо проявляется тот же закон социального оболбления (социальной дифференциации), действие которого наблюдается во всем окружающем человека мире. Подчиняясь ему, мертвая материя образовала систему разнокачественных химических элементов, живое вещество — систему естественных видов и растений, человеческая история — систему различных рас, национальностей и культур, человеческое общество — систему различных социальных групп к классов, на которые общество неизбежно распадается. Оттого идеал общества, состоящего из совокупности стандартизованных человеческих существ, является противоестественным и невыполнимым. Человеческое общество, в его целом, так же, как и отдельный человек, достигает полноты своего развития тогда, когда порождает наибольшее богатство индивидуальных характеров и отдельных социальных формообразований. С этой точки зрения, чем больше в обществе социальных группировок, тем более простора для развития положительных социальных возможностей. Становясь членом социальной группы, человек качественно не только не обедняется, но вырабатывает свою особую физиономию, приобретает особый характер, становится носителем особого стиля жизни. Это невозможно в деклассированном обществе, идеал коего, родившись в борьбе против материальной нищеты, одновременно

идеализировать культурный пауперизм. Общественный идеал с евразийской точки зрения есть соборное объединение отдельных социальных групп, имеющих каждая свое социальное лицо, гармонически согласованное с жизнью целого.

Евразийцы полагают, что задача социальной политики, построенной на реальной базе, заключается не в искоренении социальных различий, но в управлении теми необходимыми процессами, которые расчлняют человеческое общество и порождают в нем неизбежные социальные группировки. Стихийное течение этих процессов в предшествующей человеческой истории привело к образованию разделяющих человеческое общество экономических классов. Двигательным мотивом этого процесса является экономическая выгода и порожденный ею классовый интерес; социальным его результатом — классовое угнетение и классовая борьба как основные явления человеческой истории. Это классовое начало отрицается евразийцами в той мере, в какой оно является связанным с эгоистическим классовым интересом, с общественной эксплуатацией и классовой враждой. Чтобы уничтожить эти социальные явления, необходимо экономический класс преобразить в функциональную социальную группу, социальное назначение которой состоит в исполнении определенной социальной миссии, в социальном служении. Управлять человеческим обществом умеет не тот, кто стирает с лица земли и истребляет целые классы, на месте которых, впрочем, вскоре возникают новые, вновь обреченные на уничтожение. Такая политика будет иметь один неизбежный результат: полное физическое истощение социального организма, над которым производятся опыты, противные его природе. Управлять человеческим обществом может тот, кто умеет заставить стихийно возникшие процессы действовать в желательном, общественно полезном направлении.

Государство

По убеждению евразийцев, единственной силой, способной выполнить эту задачу, является надклассовое государство. Согласно воззрениям евразийцев, задача преобразования экономических классов в функциональные социальные группы издавна характеризует политическую историю России-Евразии. На разрешение этой задачи был направлен и тягловый сословный строй Московской Руси, и борьба с боярским правлением Ивана

Грозного, и учреждение служилого сословия Петром I, и, наконец, организация единой правящей партии в Советском Государстве. Отрицательной стороной всех этих опытов является недостаточное преодоление ими классового начала, в экономическом смысле этого слова, находившее свое выражение в фактической диктатуре землевладельческих классов в России, московской и послепетровской, а также и в чисто классовом характере диктатуры советской. Русское Государство оставалось и продолжает оставаться организацией классового принуждения и господства, несмотря на упорное стремление преодолеть свою классовую природу. Евразийцы убеждены в том, что только их политическая система дает решение этой старой задачи, поставленной всей предшествующей историей России-Евразии.

Евразийцы считают, что решение названной задачи возможно только путем создания такого организованного порядка, который стоял бы выше классовых и групповых интересов, поверх них и над ними. Порядок этот должен быть властным и принудительным. Он должен обладать большей мощностью, чем каждая социальная группа в отдельности и чем любое сочетание социальных групп. Он должен быть, следовательно, суверенным. Такой властный порядок и есть государство, освобожденное от своей исторически-классовой и несовершенной природы и возведенное до своей истинной идеи. Но они решительно отмежевываются от отождествления государственной идеи с какой-либо исторической государственной формой. Им далека и политическая романтика реакционеров, и демократические утопии радикалов.

Первым условием существования надклассового государственного порядка является образование социальной группы, на которую он мог бы опираться и силами которой он мог бы действовать.

Социальная группа эта не совпадает ни с одним из социальных классов, даже если этот последний приобрел функциональный характер. Она должна быть **всеклассовой**. Принадлежность к ней должна определяться не какой-либо из отдельных частных функций, характеризующих деятельность других социальных групп евразийского общества, но особым общим, преобладающим в евразийском государстве, основным и главным признаком — именно исповеданием евразийской идеи, подчинением ей, «подданством». Таков ведущий отбор в евразийском государстве, являющийся основой государственной власти, образуемый не по принадлежности к классу, но отбор чисто идеократический. Оттого евразийское государство и носит имя *идеократии*. Идеократия есть понятие, определяющее

духовную сущность государства как властной организации. Всякая духовно оправданная власть тем и отличается от голого насилия, что вдохновляется какой-либо идеей и ею оправдывается. Все исторические государства, за исключением разве только тираний, были идеократиями, поскольку в основе их властных отношений лежал некоторый ведущий принцип, некоторая ведущая идея. Но в большинстве исторических государственных форм идеократический элемент существовал в скрытом состоянии и не был поднят на ступень самосознания. Евразийское государство определяет себя как сознательную идеократию, в которой ведущий принцип является реально руководящей целью, осознанным и проводимым в жизнь планом. В то же время ведущий принцип является в евразийском государстве *основным* признаком, на базе которого образуется ведущий отбор, чего нет в других формах государственного устройства. Евразийское государство является государством с определенной положительной миссией. Оно призвано к деятельности не только в отрицательных целях охраны, но и, гл. обр., в смысле постоянного положительного строительства.

Проводя план положительного строительства, евразийское государство накладывает на всех своих членов ряд необходимых обязанностей, несоблюдение которых предполагает принудительную санкцию. Евразийцы признают необходимость властного проведения в жизнь основных государственных целей и заданий и применения силы там, где исчерпаны все другие средства. Но в то же время евразийская политическая система далека от культа принуждения и насилия, которые нужно рассматривать как реакцию на болезненное состояние общества, возникающую в моменты расстройства правильного отправления социальных функций. Государство не может быть построено без наложения принудительных обязанностей, но в совершенном порядке обязанности эти должны выполняться благодаря сочетанию работы государственного аппарата с сознанием долга каждого гражданина. Сочетание это свело бы принуждение до минимума.

В то же время евразийство решительно отмежевывается от всех политических систем и теорий, которые строят организацию социального порядка только на одном наложении обязанностей, на безграничном общественном тягле, в пределах которого нет никакого места для развития свободных сил, для социального и личного самоопределения. Для подобных систем все отдельные части социального организма — социальные группы, национальности, профессии, союзы и общества, отдельные человеческие лица — являются простым пассивным материалом для внешней обработки, лишенным

всякой самооценности, всяких собственных устоев бытия, всякой самостоятельной инициативы и воли. Подобные воззрения резко противоречат сформулированным выше религиозным и философским установкам евразийского учения. Евразийское государство не только устанавливает обязанности, оно гарантирует права, — права на самоопределение как отдельных социальных групп, национальностей, профессий, союзов и обществ, так и отдельных лиц. Оттого оно и является государством г а р а н т и й н ы м, т. е. строит обязанности и отдельной личности, и разнообразных объединений личностей в государстве на основе гарантированных им и им же охраняемых незыблемых прав. Евразийцы отдают себе отчет в том, что конкретное проведение основных принципов их политики нуждается в участии в политической жизни всех кругов населения. В конкретной политической деятельности общие принципы должны найти свое частное применение, чего нельзя сделать, не считаясь с психологией тех людей, в среде которых приходится жить и действовать. Кроме общих принципов в политической жизни существуют и играют роль конкретные и временные местные интересы и потребности отдельных социальных слоев и отдельных лиц. Евразийское государство, как государство гарантийное, обеспечивает отдельным частям государственного целого широкое участие в политической жизни.

Наконец, здоровая политическая атмосфера сама по себе невозможна без активной заинтересованности в управлении самих граждан. Это означает, что в евразийском государстве органы управления не совпадают по личному составу с ведущим отбором. Эти органы комплектуются как из членов ведущего отбора, так и из свободно избранных населением представителей всех интересов страны, к ведущему отбору не обязательно принадлежащих. С этой своей стороны евразийское государство является государством *демотическим*.

Политические формы демократии — современный тип демотического государства — переживают ныне глубокий кризис на Западе и тем более непригодны для евразийского государства. Евразийское государство должно быть построено на глубоко органической базе. Основной политической клеткой его должен быть не отдельный, изолированный человек, не искусственно сложенная политическая партия и не случайное большинство на выборах, но органически возникшие в государстве функциональные группы — профессии и экономические специальности, национальности, географическое, экономическое и духовное единство отдельных территорий, вместе с их населением, отдельные союзы и общества, ведущий отбор и т. п.,

вместе и отдельно участвующие в непрерывном созидательном процессе государственного строительства. Участие это не может ограничиваться теми или иными функциями контроля над действиями власти, что в условиях современной демократии зачастую приводит к маразму власти.

Евразийцы считают, что некоторые элементы их политической программы провозглашены в теории советского государства, которое имеет определенно сложившуюся правящую группу, обладает своим костяком, проводит определенную положительную программу, построенную на начале планирования всей общественной жизни, не отрицает демотического элемента, воплощает это демотическое начало в формы органического представительства советов, не лишено начал самоуправления, находящего свое идейное выражение в советском федерализме и в советской национальной политике, стремится осуществить политический контроль над властью, совместимый с твердыми формами властной деятельности. Но евразийцев решительно отталкивает в советской системе и в советской практике дух чисто классово-вражды и ненависти, отсутствие всякого уважения к идее права, безмерное подавление человеческой личности, голый и циничный деспотизм, постепенное упразднение демотического начала и замена его жестокой диктатурой.

Экономика

Евразийское государство является *государством трудящихся, государством социальной справедливости и правды*. Освященное религиозным началом трудовое государство есть то *общее дело*, которое издавна было свойственно русскому сознанию.

Несомненно в экономическом строе СССР частично воплотились эти полуосознанные чаяния и предчувствия русского духа о государстве социально-экономической правды. Но они настолько затемнены и извращены основной ложью и порочностью атеистической и материалистической теории, что часто обращаются в прямое свое отрицание.

Сейчас в Советском Союзе происходит огромное строительство, невиданное прежде по своему размаху и по своим методам. Это строительство имеет материальные достижения. Можно спорить об их размерах, но их наличие несомненно. Евразийство их всецело принимает и приветствует. Для Евразийства успех индустриализации есть залог укрепления

России – Евразии. Однако Евразийство принимает замысел строительства Советского Союза не только благодаря его внешним успехам. Оно в нем видит и иные, чисто моральные и идеологические ценности. Так, Евразийство признает за *ценность* элемент огромного энтузиазма строительства, распространяющийся на широкие круги населения, и особенно на молодежь. Евразийцев привлекает отношение к экономической жизни как к общему делу, а не как к вопросу личной наживы. Они видят глубокий смысл в том, что «ударничество» и «социалистическое» соревнование в теории открывает широкий путь для рабочих к сотрудничеству в общем деле и этим превращает их из наймитов-рабов, исполняющих бесцельную и монотонную работу, в соучастников и творцов общесоюзного строительства. Евразийцы думают, что только на этом пути можно подойти к разрешению одной из самых трудных проблем современной индустриальной жизни: к приданию смысла и цели ежедневной механической работе, которая давит и обезличивает рабочего даже при хорошем материальном обеспечении и которая в то же время неустранима при современных способах производства.

Это признание положительных сторон Советского Плана, которые являются в подлинном смысле «нашими», т. е. общеевразийскими достижениями, не означает ни признания коммунизма, ни примиренческого к нему отношения. Разница глубока и существенна.

Всё дело заключается в том, на что направлено строительство экономической жизни, что является ее целью, ее основным побуждением.

Для коммунистов это экономическое строительство есть цель в себе. Для них коммунистический строй есть завершение истории, материалистический земной рай. Поэтому всё, что относится к области экономического учения коммунизма, является для них как бы предельными ценностями и приобретает догматический характер. Поэтому коммунисты включают в общий пятилетний план и антирелигиозную пятилетку.

Для Евразийства справедливая и правильная организация экономической жизни является не целью в себе, но средством, необходимым для духовного процветания человека. Экономическое строительство должно обеспечить жизнь трудящихся, а эта жизнь может быть подлинно осмысленной лишь в том случае, если она направлена на служение высшим духовным ценностям. Освященное религиозным началом трудовое государство есть то «общее дело», которое было издавна свойственно русскому сознанию и которое предвиделось целым рядом русских мыслителей.

Именно такое отношение к экономической жизни свойственно всем религиям и в особенности религии христианской, поскольку она обращалась к области социально-экономических отношений.

Из этой глубокой основной разницы вытекает и различное отношение Евразийства и коммунизма к тем внешним формам, в которые должен вылиться праведный экономический строй общего строительства и общего дела.

Для коммунизма принцип полного обобществления является непрерываемым догматом, в угоду которому всё должно быть принесено в жертву. Для Евразийства, не признающего экономического строя целью в себе, не может быть догматов в области экономической жизни. Оно утверждает тот экономический строй, который реально наиболее полно осуществляет принцип справедливости и общего дела. Праведный строй Государства Труда, общего дела и общего строительства может быть осуществлен тогда, когда вовлечение всех трудящихся в творческое строительство экономической жизни будет сопряжено в России-Евразии с хозяйственным самоопределением личности.

Евразийство учитывает те положительные стороны, которые несет в себе обобществление. Не уничтожая личной корысти, оно значительно таковую ограничивает. Оно есть путь превращения хаоса частных и почти всегда противоречивых, конкурирующих усилий в космос общего дела.

Но полное обобществление несет в себе и темные стороны как в области моральной, так и в области чисто экономической. При полном обобществлении личность становится бессильной и бесправной перед лицом общества-государства. Она лишается свободы выбора и становится лишь материалом, при помощи которого общество-государство осуществляет свои цели. Поскольку существует импульс и тенденция к частной инициативе в экономической жизни (отличная от частной собственности, о чем речь идет ниже), насильственное ее подавление и искоренение есть трата ценных сил и возможностей, с одной стороны, и нравственное уничтожение личности, с другой. Если принять принцип полного обобществления за догмат, такое искоренение понятно. Но евразийцы считают, что частная инициатива не вредит и не препятствует общему делу, но, наоборот, будучи поставлена в соответствующие рамки, содействует ему.

Опыт обобществления, произведенный коммунистами в России, не может пройти бесследно. Старые формы хозяйства, основанные на частной собственности и только на ней, никогда не восстановятся

в России-Евразии. Плановое хозяйство и все те положительные достижения, которые оно несет с собой, будут сохранены. Но отказавшись от экономического догматизма, плановое хозяйство, вместо того, чтобы подавлять всеми средствами частную хозяйственную инициативу, будет использовать ее и направлять на служение целому. Таким образом, устойчивый частный сектор будет введен в общий план государственного хозяйства.

В этом заключается суть Евразийской государственно-частной системы. Это не компромисс между капитализмом и социализмом, не механическое соединение того и другого, не «полуленинство». Это — синтез, диалектический выход из тупиков капитализма и полного обобществления, гармоническое разрешение противоречия между частным и общим, в его применении к хозяйственной области. Государственно-частная система имеет и свое философское обоснование. Оно вытекает из общего утверждения Евразийством соборной личности народа как органического синтеза целого и частного, общего дела и личной автономии.

Догматизм в политической экономии должен быть отброшен. Экономическая жизнь есть одна из функций общего народного организма, поэтому она должна быть общим делом.

Это общее дело может осуществляться, если для каждой личности будет обеспечена максимальная степень благополучного экономического существования, но при этом не несущего вреда его соседу, не создаваемого на эксплуатации и нищете других людей и целых классов и не заменяющего собой всех других целей культуры. Экономическим критерием народного планового хозяйства должно быть максимальное увеличение народного дохода. Народный доход понимается здесь как сумма реальных экономических благ, распределенных среди населения, при чем часть их включается в продукты потребления, а часть распределяется непосредственно. Поэтому народный доход можно определить как *экономическое выражение уровня народного благосостояния*.

Соответственное увеличение народного дохода зависит — помимо других причин — от распределения продуктов потребления и средств производства. Всякое хозяйствование и всякая экономическая деятельность заключает в себе два момента: *социальную пользу и пользу частную*.

Для максимального увеличения народного дохода наиболее благоприятным является то положение, когда во всех областях хозяйствования социальная польза больше частной. При частнокапиталистическом хозяйстве, при отсутствии плановости, это положение никогда не достигается.

Наоборот, тенденция частного хозяйства, отпущенного на полную волю, стремится к тем областям производства, где частная польза больше социальной. Поскольку поэтому и капитализм исполняет некоторую социальную функцию, без которой самое существование его было бы невыносимым, эта социальная функция является побочным привеском к основному устремлению к частной пользе.

Казалось бы, что при системе интегрального обобществления достигается максимально благоприятное положение. Однако это лишь так кажется. Каждая частная польза имеет в себе и пользу социальную. Поэтому интегральное и насильственное уничтожение всякой частной пользы есть одновременно уничтожение и пользы социальной, т. е. равнозначно соответствующему уменьшению народного дохода.

Максимально благоприятное положение достигается при *плановой государственно-частной системе*. В частном секторе допускается лишь та форма хозяйствования, в которой социальная польза больше частной. Таким образом, к народному доходу, основным образом составляемому государственным сектором, прибавляется сумма социальных польз частного сектора, т. е. польза, искусственно уничтожаемая при интегральном обобществлении.

Итак, государственно-частная система всецело оправдана не только с ее нравственно-этической стороны как сочетание государства труда, общего дела и общего строительства с хозяйственным самоопределением личности, но и с чисто экономической стороны как максимально продуктивная.

При практическом осуществлении этих принципов государственная («национализованная») промышленность не только сохраняется, как таковая, в рамках государственно-частной системы, но и подлежит дальнейшему развитию. Наряду с ней, путем широко поставленной системы концессионных договоров на определенный срок, создается соразмерная государственной промышленности частная, которая входит в обязательном порядке в состав синдикатов соответствующей отрасли.

Эти синдикаты и суть те органы, через которые проводится плановое хозяйство, руководимое единым государственным центром. Синдикаты регулируют, в согласии с общим планом, уровень цен и определяют контингенты выработки на каждое предприятие как государственное, так и частное.

Частная собственность, как таковая, противоречит идее блага социального целого, поэтому Евразийство требует свободы не для частной

собственности, а для частно-хозяйственной инициативы. Это вытекает из установки на благо социального целого.

Решение этой проблемы лежит в понятии *функциональной собственности*. Идея государственно-частной системы логически неразрывно связана именно с идеей функциональной собственности. Только при функциональной собственности возможно сочетание частной инициативы с идеей государственного хозяйственного плана, с плановым хозяйством.

В области сельскохозяйственной, принятие государственно-частной системы может сделать реальным союз рабочих и крестьян. В устах коммунистов этот лозунг — пример лицемерия: согласно марксистской теории, крестьянство, этот «класс варваров», предопределен к вымиранию. Сельскохозяйственная политика коммунистов направлена, как к конечному своему этапу, к охвату всей земельной площади государственными предприятиями — «совхозами» и к переходу крестьянства на положение сельскохозяйственных батраков. Коммунисты еще далеки от осуществления этой цели, но в их литературе и речах она формулируется совершенно четко. И не подлежит сомнению, что названная участь действительно угрожает крестьянству, если только коллективизация сельского хозяйства будет укрепляться и углубляться на нынешних основаниях. Между тем положение сельско-хозяйственных батраков не может не быть хуже, чем положение промышленных рабочих. Когда крестьяне остаются крестьянами, их неблагоприятное экономическое положение искупается тем, что они свободно распоряжаются своим трудом и своим хозяйством. Коммунисты же, превращая мелкого производителя в батрака, готовят крестьянству тяжелую участь. В Евразийской государственно-частной системе крестьянское хозяйство находит свое обеспеченное законное место. В этом смысле и можно утверждать, что в строе, который защищают евразийцы, союз рабочих и крестьян может стать вполне реальным, чего нет при господстве коммунистов.

Все сказанное отнюдь не означает, что евразийцы против «совхозов» и «колхозов». Те и другие должны существовать, но занимать особое и строго определенное место. «Совхозы» необходимы для того, чтобы дать в руки государства такое количество сельскохозяйственных продуктов, какое необходимо для регулирования распределения продуктов и цен на рынке. Совершенно очевидно, что такое регулирование является одним из обязательных предусловий в проведении «планового хозяйства». Только практика может указать, какая именно часть сельскохозяйственной площади должна быть отдана под государственные предприятия для того, чтобы

экономическое вооружение государства было достаточным для осуществления названной регулировки. Но принципиально это должна быть именно *часть* сельско-хозяйственной территории; на других ее частях должны располагаться крестьянские хозяйства и «колхозы». С таким сосуществованием, по тактическим соображениям, одно время принуждены были мириться и коммунисты. Евразийцы усматривают здесь не только тактическую, но и принципиальную сторону. Не только тактически, но и по существу они являются сторонниками государственно-частной системы.

Колхозы имеют свое законное место в тех районах, где есть значительное количество крестьянских хозяйств, слишком слабых для самостоятельного ведения производства (например, безлошадных), а также в тех районах, где возможно лишь экстенсивное хозяйство, и др. Объединение их в «интегральные кооперативы» является здесь единственным выходом. Но евразийцы решительно высказываются за то, чтобы образование колхозов не перерождалось в прикрепление к ним производителей, что происходит при нынешнем режиме. Только этим путем может быть обеспечена система сосуществования колхозов и крепкого крестьянского хозяйства. Осуществление такой системы и является одной из целей Евразийства.

Государство может и должно оказывать колхозам всемерную помощь. Этим оно поддерживает, с одной стороны, деревенскую бедноту (поощряя ее к производству), с другой, повышает технический уровень сельского хозяйства, способствуя «тракторизации» его в тех местах, где это рационально. Но поддержка, оказываемая колхозам, не должна лишать сельскохозяйственного производителя свободы выбора хозяйственных форм: чувствующий склонность к работе в крупных предприятиях обобщественного типа поступает в колхоз и действует в нем; способный быть самостоятельным хозяином выступает как таковой; каждый, кто скопил достаточные средства для ведения самостоятельного хозяйства, имеет право выхода из колхоза с соответствующим земельным наделом. Выход из колхоза регулируется особым законодательством, которое, с одной стороны, обеспечивает интересы выделяющихся, а с другой, — гарантирует жизнеспособность колхоза.

Наряду с помощью колхозам государство способствует также поднятию уровня единоличных хозяйств.

Плановое хозяйство и предоставляемая личности свобода выбора хозяйственных форм, — вот два, по внешности противоречивых, а по существу вполне согласуемых принципа, на которых Евразийство строит свою систему. На организацию государственного центра обращается в ней

исключительное внимание. В то же время всё внутреннее членение экономической жизни рассчитано на обеспечение свободы выбора хозяйственных форм. Именно такой смысл имеет существование частных (концессионных) предприятий наряду с государственными.

Государство, как работодатель-монополист, становится неограниченным повелителем рабочих. Далеко не всегда нужная поправка вносится тем обстоятельством, что государство хозяйствует «во имя рабочих». Государственно-частная система обеспечивает рабочему свободу выбора между работодателем-государством и частным предпринимателем. Сосуществование государственных и частных предприятий имеет еще и ту положительную сторону, что оно способно подтягивать государственные предприятия, ставя перед ними пример рационально поставленных частных предприятий, и наоборот.

Евразийцы – сторонники сохранения прав государственной собственности на всю земельную площадь страны. Но они не менее решительные сторонники серьезного обеспечения и серьезной правовой охраны прав наличных землепользователей. Это обеспечение, казалось, было дано земельным кодексом РСФСР 1922 года. Но в этом кодексе были оставлены лазейки, через которые, к концу 1920-х годов, широко проник произвол. Евразийцы высказываются за обеспечение прав землепользователей и в то же время за предоставление в известных пределах свободы земельного оборота, т. е. за признание прав землепользования отчуждаемыми, чего нет в настоящее время. Незыблемость прав государственной собственности на землю подразумевает учреждение государственного контроля за земельными сделками. Любая сделка действительна только после утверждения ее особым государственным органом.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Национальности России-Евразии в своей совокупности образуют единый наднациональный союз, возникший на закономерной основе. Эта основа складывается из общего месторазвития – в чем состоит геополитическое единство национальностей России Евразии; общности идеалов в строительстве социальной жизни, обнаруженной с особенной отчетливостью в революционных исканиях и указывающей на духовное единство;

общности исторической судьбы, отличной от судьбы Европейских и Азиатских народов.

Отмечая и утверждая геополитическую неразъединимость национальностей Союза, евразийцы заявляют в то же время о признании ими принципиального равенства каждой отдельной национальности, в моральном и духовном отношениях, всем другим. За каждой национальностью признается право на действительно свободное и культурное развитие, в меру ее сил и возможностей, и на действительно самоуправление в рамках общегосударственного целого. Все они вместе образуют особую многонациональную культуруличность, обладающую тем качеством, что ее культура не отменяет отдельных национальных культур, но вбирает их в себя и на основе их образует высшую, наиболее полную и всем национальностям Евразии собственную культуру, называемую евразийской.

В области политической Евразийство стремится к развитию нынешних форм советской федерации, поскольку они согласуемы с евразийским построением наднационального (и всеклассового) государства на национальной основе. Вместе с тем, евразийцы борются с коммунистическим содержанием этих форм, насильственно навязываемым коммунистической властью национальностям Союза.

Евразийское государство есть государство идеократическое, где властвуют не люди, но идея, вызвавшая к жизни данное государственное образование и оправдывающая его. Однако властное осуществление этой идеи происходит посредством ведущего отбора – группы людей, связанных единством мировоззрения (т. е. идейным единством), посвятивших себя служению идее-правительнице и в силу этого призванных управлять государством. Нынешний ведущий отбор Советского Союза образован в период наиболее острых революционных потрясений; он создан по признаку принадлежности к определенному классу. Жизненная необходимость принудила национальности России-Евразии включить свои ведущие слои в общесоюзную правящую организацию, построенную по классовому признаку.

Евразийцы отвергают классовое понимание государства и, в связи с этим, отвергают классовый принцип составления ведущего отбора. Существенным элементом евразийского наднационального (и всеклассового) государства, построенного на национальной основе, является замена классового принципа – принципом национальным. Идеократический строй России-Евразии должен осуществляться не в классовой диктатуре, но в национальном народоководительстве. Ведущие отборы отдельных национальностей составляют

единый ведущий евразийский отбор, в котором, однако, каждая из составных частей сохраняет свое национальное лицо.

Экономическая политика Евразийства в области национальной (как и в области общегосударственной) строится на общих основаниях, т. е. на принципах государственно-частной системы. Эта система сочетает начало плановости с началом частнохозяйственной инициативы, принимая во внимание местные особенности и местные нужды и рассматривая их как неотделимую часть общеевразийского экономического организма.

Сознание единства судьбы и единства целей национального строительства России-Евразии рождает явление общего всем национальностям Союза патриотизма-национализма — называемого е в р а з и й с к и м .

КУЛЬТУРА

Государственно-частная система применяется Евразийством при организации не только материально-хозяйственных, но и духовных областей культурной жизни. Но отношение между государственным и частным факторами здесь иное, чем в области хозяйственной деятельности.

В области духовной культуры частный принцип не может не занимать иного, более значительного места, чем он занимает в материальных производственных отношениях. В последних он есть выражение частного эгоизма: человек, преследуя свой частный хозяйственный интерес, удовлетворяет свои материальные потребности, питается и обогащается; тогда как, развивая свою духовную деятельность, человек углубляет себя, содействует росту своего духовного «я», определяет свое отношение к миру и к другим людям. В области хозяйства частная деятельность не имеет характера самоценности, цели «в себе»; она определяется здесь той социально-экономической пользой, которую она приносит; напротив того, функциональный смысл частного начала в области духовной культуры определяется внутренним содержанием, раскрывающимся как в самой человеческой деятельности, так и в ее культурных продуктах. В производстве духовных благ большую роль играет личный момент — момент индивидуального творчества, индивидуальных способностей, таланта и гения. В силу этого, блага эти в известном смысле более связаны с отдельной личностью, имеют к ней

более интимное отношение, в большей мере являются ее «собственностью», чем блага материальные.

Однако эта «собственность» отнюдь не нуждается в той степени социального закрепления, какая необходима для благ материальных. В распределении и потреблении духовных благ отсутствует тот момент физической потребности, нужды и природной необходимости, который заставляет распределяющего материальные блага общественного человека прибегать к принудительной регулировке или, по крайней мере, к организованному надзору за соответствующими экономическими процессами. Человек более заинтересован делиться духовными благами с другими людьми, и потому духовные ценности обращаются в человеческом обществе с большей легкостью, чем ценности материальные. По самой природе своей духовные блага более «общедоступны», чем блага материальные. Такова, например, какая-либо вновь открытая научная истина, общее овладение которой не наталкивается на те физические препятствия, которые существуют при распределении материальных благ. Всё это, вместе взятое, значительно ограничивает потребность во властной организации духовной культуры, в управлении ею из одного центра.

Главная задача государства заключается здесь не в обобществлении духовных благ и не в распоряжении ими на основании общего принудительного плана, но в максимальном содействии тому, чтобы частный сектор духовной жизни получил большее количество возможностей к интенсивному автономному развитию. Цель государственной политики по отношению к организации духовной культуры сводится к наибольшему вложению средств, способствующих проявлению духовной инициативы и духовной энергии как отдельного человека, так и человеческих коллективов.

Евразийцы считают значительно недооцененной ту роль, которую исторические государства играли и играют в деле развития различных областей духовной культуры. Организация научных учреждений, университетов и исследовательских институтов, организация системы народного образования, содействие развитию отдельных отраслей искусств – всё это в значительной мере было делом государства.

Евразийское государство считает себя призванным к тому, чтобы предельно увеличить и довести до максимума эту сторону государственной деятельности. Помощь государства развитию духовной культуры должна приобрести систематический, плановый характер. Государство должно приложить максимум усилий, направленных к тому, чтобы духовная

культура и, в частности, наука, вышли из состояния того духовного разброда и духовной анархии, в которых они в настоящее время находятся на Западе. Государство должно содействовать устранению тех отрицательных результатов специализации знаний, которые разрушили идею целостности науки и привели к тому, что ныне один специалист не может понимать другого.

Но евразийцы с особым ударением подчеркивают, что все эти культурные задачи невыполнимы без свободного и автономного участия в их разрешении самого научного сознания, которое не может быть простым орудием чужих целей, не может слушать приказов и внешне исполнять посторонний план. Все названные задачи исполнимы, если государство сумеет организовать максимум возможностей к тому, чтобы духовное сознание само, без чьей-либо указки и постороннего принуждения, решило не чуждые ему, а глубоко родственные, внутренне принятые и одобренные проблемы.

Из сознания, что управлять духовной культурой – не то же самое, что управлять хозяйством, вытекает решительное осуждение со стороны евразийцев тех методов, которыми пользуется в организации культуры коммунистическая власть. Практикуемая в Советском Государстве полная отмена свободных духовных исканий не может не привести к обеднению и даже к гибели всякой духовной культуры. Те значительные жертвы, которые несет советская власть в целях развития знания, бесплодны потому, что продуктом их является мертвая, официальная наука, лишенная главного своего существа – свободного духа исканий.

Тезисы

Исходя из принятой Первым Съездом Евразийской Организации Декларации и Формулировки, евразийцы, на путях к полному осуществлению Евразийства, считают, в обстановке нынешнего момента, необходимым проведение следующих положений:

1. В области *религиозной и идеологической*:
 - а) Обеспечить условия, при которых религиозная пропаганда могла бы бороться с пропагандой антирелигиозной.
 - б) Ликвидировать тот порядок, при котором церковные организации и религиозные общества являются лишенными всех основных прав.

- е) Предоставить им права юридического лица, наравне со всеми иными обществами, этими правами пользующимися.
- з) В интересах подлинного научного и философского творчества, далеко не совпадающего с марксизмом, поставить все виды этого творчества в одинаковое положение с марксистской материалистической доктриной.

II. В области *государственно-политической*:

- а) Усилить демократическое начало в государственной жизни в такой степени, чтобы оно на деле соответствовало духу и смыслу происшедшей революции.
- б) Преобразовать советскую избирательную систему в смысле последовательного утверждения начал профессионального трудового представительства.
- в) Утвердить такой порядок государственно-политической жизни, при котором полнота формальной свободы сочеталась бы с действительным руководством ведущего отбора на принципах взаимного дополнения и взаимной регуляции.
- з) Участие ведущего отбора в государственных органах поставить в законном предусмотренных пределах, обеспечивающие от внедрения в советскую систему произвола, с одной стороны, и вредной игры частно-партийных интересов, с другой.
- д) Ввести такую организацию административного аппарата, при которой компетенции различных органов советского управления были бы уточнены и введены в строго определенные законом границы, с сохранением начала заступления, обеспечивающего сочетание самостоятельности и гибкости в управлении с началами ответственности и подконтрольности.
- е) Уничтожить административный произвол в государственном управлении.
- ж) Не отступая от преимущественной защиты прав труда, освободить законодательство и государственную деятельность вообще от господства одностороннего классового принципа
- з) Утвердить самостоятельную ценность личности в категориях гражданского, семейного и судебного кодексов.

III. В области *экономической*:

- а) Развивая и укрепляя строительство государственной промышленности и начала плановости, приступить, с привлечением отечественных экономических сил, к осуществлению широкой концессионной системы, которая создала бы также и соразмерную частную промышленность, *особенно* в отраслях легкой индустрии — столь важных для снабжения предметами потребления широких масс населения.
- б) Допустить частную торговлю на внутреннем рынке к обслуживанию тех отраслей и мест, которые недостаточно обслужены государственной торговлей.
- в) Установить свободу выхода из колхозов, не устраняя свободы вступления в них.
- г) Оказывать государственное содействие рационализации как колхозов, так и единоличных хозяйств.

IV. В области *национальной*:

- а) Обеспечить развитие национальных культур во всем их своеобразии, не ограничивая их содержание коммунистическими моментами.
- б) Гарантировать действительное самоуправление национальностей в пределах общегосударственного целого.
- в) Согласовать законодательство с бытовыми условиями жизни отдельных национальностей.

Прага, 1932

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной
КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИКОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, 4 ФЕВРАЛЯ 1931 г.**

Товарищи! Работы вашей конференции подходят к концу. Сейчас вы будете принимать резолюции. Не сомневаюсь, что они будут приняты единогласно. В этих резолюциях, — я их знаю немного, — вы одобряете контрольные цифры промышленности на 1931 год и даете обязательство выполнить их.

Слово большевика — серьезное слово. Большевики привыкли выполнять обещания, которые они дают. Но что значит обязательство выполнить контрольные цифры на 1931 год? Это значит — обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45%. А это очень большая задача. Мало того. Такое обязательство означает, что вы не только даете обещание нашу пятилетку выполнить в 4 года, — *это дело уже решенное, и никаких резолюций тут больше не нужно, — это значит, что вы обещаетесь выполнить ее в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности.*

Это хорошо, что конференция дает обещание выполнить план на 1931 год, выполнить пятилетку в три года. Но мы научены «горьким опытом». Мы знаем, что не всегда обещания выполняются. В начале 1930 года тоже было дано такое обещание выполнить годовой план. Тогда надо было увеличить продукцию нашей промышленности на 31–32%. Однако обещание не было выполнено полностью. Прирост промышленной продукции на деле составил за 1930 год 25%. Мы должны задать вопрос: а не повторится ли то же самое и в этом году? Руководители, работники нашей промышленности дают сейчас обещание увеличить продукцию промышленности в 1931 году на 45%. Но какая гарантия, что обещание будет выполнено?

Что требуется для того, чтобы выполнить контрольные цифры, чтобы дать прирост продукции в 45%, чтобы добиться выполнения пятилетки не в 4, а по основным и решающим отраслям в 3 года?

Для этого требуются два основных условия.

Во-первых, чтобы были реальные или, как у нас выражаются, «объективные» возможности для этого.

Во-вторых, чтобы было желание и умение руководить нашими предприятиями таким образом, чтобы эти возможности были претворены в жизнь.

Были ли у нас в прошлом году «объективные» возможности для полного выполнения плана? Да, были. Неоспоримые факты свидетельствуют об этом. Эти факты состоят в том, что в марте и апреле прошлого года промышленность дала прирост продукции на 31% в сравнении с предыдущим годом. Почему же, спрашивается, мы не выполнили плана за весь год? Что помешало? Чего не хватило? Не хватило умения использовать имеющиеся возможности. *Не хватило умения правильно руководить заводами, фабриками, шахтами.*

Мы имели первое условие: «объективные» возможности для выполнения плана. Но мы не имели в достаточной степени второго условия: умения руководить производством. И именно потому, что умения руководить предприятиями не хватило, — именно потому план оказался невыполненным. Вместо 31–32% прироста мы дали только 25%.

Конечно, *25% прироста* — большое дело. Ни одна капиталистическая страна не имела в 1930 году и не имеет сейчас *прироста* продукции. Во всех без исключения капиталистических странах имеет место резкое *падение* производства. В таких условиях *25% прироста* — большой шаг вперед. Но мы могли дать больше. Мы имели для этого все необходимые «объективные» условия.

Итак, какая гарантия, что в этом году не повторится казус прошлого года, что план будет выполнен полностью, что имеющиеся возможности нами будут использованы так, как надо их использовать, что ваше обещание не останется в известной части на бумаге?

В истории государств, в истории стран, в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражение.

Есть ли у нас все возможности, необходимые для выполнения контрольных цифр на 1931 год?

Да, такие возможности у нас имеются.

В чем состоят эти возможности, что требуется для того, чтобы эти возможности существовали в реальности?

Прежде всего, требуются достаточные *природные богатства* в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет

такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале! У нас имеется в стране все, кроме разве каучука. Но через год-два и каучук мы будем иметь в своем распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно.

Что еще требуется?

Требуется *наличие такой власти*, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа. Есть ли у нас такая власть? Есть. Правда, наша работа по использованию природных богатств не всегда обходится без трений между нашими же работниками. Например, в прошлом году Советской власти пришлось вести некоторую борьбу по вопросу об образовании второй угольно-металлургической базы, без которой мы не можем больше развиваться. Но мы уже преодолели эти препятствия. И у нас будет в скором времени эта база.

Что еще требуется?

Еще требуется, чтобы эта власть пользовалась *поддержкой* миллионов масс рабочих и крестьян. Пользуется ли наша власть такой поддержкой? Да, пользуется. Во всем мире не найдете вы другой такой власти, которая бы пользовалась такой поддержкой рабочих и крестьян, какой пользуется Советская власть. Не буду ссылаться на факты роста социалистического соревнования, на факты роста ударничества, на кампанию борьбы за встречный промфинплан. Все эти факты, в которых наглядно видна поддержка Советской власти со стороны миллионов масс, общеизвестны.

Что еще надо, чтобы выполнить и перевыполнить контрольные цифры на 1931 год?

Нужно еще наличие *такого строя*, который был бы свободен от неизлечимых болезней капитализма и который давал бы серьезные преимущества перед капитализмом. Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс — вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накапливаем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом.

Посмотрите, как капиталисты хотят выйти из экономического кризиса. Они снижают максимально заработную плату рабочих. Они снижают максимально цены на сырье. Но они не хотят снижать сколько-нибудь серьезно цены на промышленные и продовольственные товары массового потребления. Это значит, что они хотят выйти из кризиса за счет основных потребителей товаров, за счет рабочих, за счет крестьян, за счет трудящихся. Капиталисты подрубают тот сук, на котором они сидят. И вместо выхода из кризиса получается его усугубление, получается накопление новых предпосылок, ведущих к новому, еще более жестокому кризису.

Наше преимущество состоит в том, что мы не знаем кризисов перепроизводства, мы не имеем и не будем иметь миллионов безработных, мы не имеем анархии в производстве, ибо мы ведем плановое хозяйство. Но это не все. Мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления. Наша слабость в прошлом была в том, что эта промышленность базировалась на распыленном и мелком крестьянском хозяйстве. Но это *было*. Теперь этого уже нет. Завтра, может быть, через год, мы станем страной самого крупного в мире сельского хозяйства. Совхозы и колхозы, — а они являются формами крупного хозяйства, — уже в этом году дали половину всего нашего товарного зерна. А это значит, что наш строй, Советский строй, дает нам такие возможности быстрого продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна.

Что еще требуется для того, чтобы двигаться вперед семимильными шагами?

Требуется наличие *партии*, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса *в одну точку*, и достаточно опытной для того, чтобы не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную, революционную, большевистскую политику. Есть ли у нас такая партия? Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи. Это признают теперь не только друзья, но и враги рабочего класса. Посмотрите, как воют и беснуются против нашей партии всем известные «уважаемые» джентльмены — Фиш в Америке, Черчилль в Англии, Пуанкаре во Франции. Почему они воют и беснуются? Потому, что политика нашей партии правильна, потому, что она дает успех за успехом.

Вот, товарищи, все те объективные возможности, которые облегчают нам осуществление контрольных цифр 1931 года, которые помогают нам выполнить пятилетку в 4, а в решающих отраслях — даже в 3 года.

Таким образом, первое условие для выполнения плана — «объективные» возможности — у нас есть налицо.

Есть ли у нас второе условие — умение использовать эти возможности?

Иначе говоря, есть ли у нас правильное хозяйственное руководство фабриками, заводами, шахтами? Все ли тут обстоит благополучно?

К сожалению, не все тут обстоит благополучно. И мы как большевики должны это сказать прямо и открыто.

Что значит руководить производством? У нас не всегда смотрят по-большевистски на вопрос о руководстве предприятиями. У нас нередко думают, что руководить — это значит подписывать бумаги, приказы. Это печально, но это факт. Иногда невольно вспоминаешь помпадуров Щедрина. Помните, как помпадурша поучала молодого помпадура: не ломай голову над наукой, не вникай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело, — твое дело подписывать бумаги. Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть немало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела, — на этот счет — ни-ни.

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания современной промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой линии наименьшего сопротивления. Есть тут и наша вина, вина центра. Лет десять назад был дан лозунг: «Так как коммунисты технику производства еще как следует не понимают, так как им нужно еще учиться управлять хозяйством, то пусть старые техники и инженеры, специалисты ведут производство, а вы, коммунисты, не вмешивайтесь в технику дела, но, не вмешиваясь, изучайте технику, изучайте науку управления производством не покладая рук, чтобы потом стать вместе с преданными нам специалистами настоящими руководителями производства, настоящими хозяевами дела». Таков был лозунг. А что вышло на деле? Вторую часть этой формулы отбросили, ибо учиться труднее, чем подписывать бумаги, а первую часть

формулы опошлили, истолковав невмешательство как отказ от изучения техники производства. Получилась чепуха, вредная и опасная чепуха, от которой чем скорее освободимся, тем лучше.

Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии в этом деле. Шахтинское дело было первым серьезным сигналом. Шахтинское дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов не хватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы.

Второй сигнал – судебный процесс «Промпартии».

Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно, классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства мало.

Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, – вредителям не удалось бы так много навредить.

Надо самим стать специалистами, хозяевами дела, надо повернуться лицом к техническим знаниям, – вот куда толкала нас жизнь. Но ни первый сигнал, ни даже второй сигнал не обеспечили еще необходимого поворота. Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о невмешательстве в технику, и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами хозяйственного дела.

Спрашивают часто, почему у нас нет единоначалия? Его нет и не будет, пока мы не овладеем техникой. Пока среди нас, среди большевиков, не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики, финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты – толку не будет, единоначалия не будет.

Задача, стало быть, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено.

Дело это, конечно, нелегкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания — все это дело наживное. Сегодня нет их, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть все.

Иногда спрашивают, нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «Ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «Ты убогая, бессильная» — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать.

В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства

его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР.

Но у нас есть еще другие, более серьезные и более важные обязательства. Это — обязательства перед мировым пролетариатом. Они совпадают с обязательствами первого рода. Но мы их ставим выше. Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса. Без такой поддержки нас давно расклевали бы. Говорят, что наша страна является ударной бригадой пролетариата всех стран. Это хорошо сказано. Но это накладывает на нас серьезнейшие обязательства. Ради чего поддерживает нас международный пролетариат, чем мы заслужили такую поддержку? Тем, что мы первые кинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм. Тем, что мы делаем дело, которое, в случае успеха, перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких, большевистских темпов строительства. Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: «Вот он, мой передовой отряд, вот она, моя ударная бригада, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество, — они делают свое дело, *наше* дело хорошо, — поддержим их против капиталистов и раздурим дело мировой революции». Должны ли мы оправдать надежды мирового рабочего класса, должны ли мы выполнить наши обязательства перед ним? Да, должны, если мы не хотим опозориться вконец.

Таковы наши обязательства, внутренние и международные.

Вы видите, что они диктуют нам большевистские темпы развития.

Не скажу, что в отношении руководства хозяйством у нас за эти годы ничего не сделано. Сделано, и даже очень много. Мы вдвое увеличили продукцию промышленности по сравнению с довоенной. Мы создали самое крупное в мире сельскохозяйственное производство. Но мы могли бы сделать еще больше, если бы постарались за это время по-настоящему овладеть производством, его техникой, его финансово-экономической стороной.

Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности. Не хватает только умения использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. Только от нас! Пора нам научиться использовать эти возможности. Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: *вмешиваться во все*. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, — это анекдот, а не хозяйственник.

Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать.

И мы это сделаем, если захотим этого по-настоящему!

«Правда» № 35, 5 февраля 1931 г.

Источник: Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 29–42

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ЛУКНИЦКИЙ. ИСПЫТАНИЕ

Прежде, чем приступить к описанию двух моих первых памирских путешествий, в которых было много событий, необычных и неожиданных, я расскажу о том, как была организована ТКЭ. Эта глава даст читателю возможность дальше, на всем протяжении книги, сравнивать масштабы научно-исследовательской работы на Памире, проводившейся в 1930 и 1931 годах, с масштабами работы 1932-го и последующих лет.

ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ

ТКЭ – так называлась Таджикская комплексная экспедиция 1932 года. В следующие, 1933–1937 годы, эта экспедиция продолжала работу под названием ТПЭ – Таджикско-Памирской экспедиции. История организации

экспедиции такого небывалого, возможного только в Советской стране масштаба стоит того, чтобы о ней рассказать.

Весной 1936 года в Москве праздновался юбилей пятилетия со дня начала организации этой экспедиции. В Доме ученых собралось около тысячи человек, каждый из которых так или иначе принимал участие в экспедиции. Выставка, посвященная итогам пятилетних работ, рассказывала посетителям о сотнях открытых и изученных месторождений полезных ископаемых, о разгаданных белых пятнах, замененных на географических картах линиями горизонталей рельефа, сеткой речных систем, треугольничками высочайших пиков, названиями кишлаков и ущелий; выставка рассказывала об особенностях климата, о ледниках Памира, о деятельности созданных экспедицией в самых труднодоступных углах страны обсерваторий, метеорологических пунктов, биологических стационаров — обо всем, что было сделано руками тех, кто в этот вечер присутствовал в Доме ученых.

В залах были выставлены сотни книг, составлявших труды экспедиции. Тысячи фотографий и рисунков изображали рудники, шахты, заводы, фабрики, комбинаты, созданные на открытых и изученных экспедицией месторождениях; оазисы, белеющие тонковолокнистыми, невиданными прежде в СССР сортами хлопчатника, там, где почвы, грунтовые воды, энергетические ресурсы горных рек и возможности ирригации были исследованы экспедицией; тропические станции, больницы, новые поселки, построенные по плану, подсказанным экспедицией. И много, много другого, что явилось следствием огромной работы десятков, даже сотен экспедиционных отрядов и групп.

— Я восхищен вполне энергией и энтузиазмом молодых деятелей науки, — говорил, аплодируя собранию, президент Академии наук, белоглавый, но всегда жизнерадостный академик А. П. Карпинский. — Вам, мои друзья, есть что вспомнить сегодня...

Слушая академика Карпинского, я размышлял о том, почему иные экспедиции бывали неудачными, умирали в зародыше, не приносили народу никакой пользы, а эта Таджикско-Памирская экспедиция сделала так много для развития народного хозяйства и культуры Таджикистана и даже всей Средней Азии.

Конечно, первой, главной причиной успеха работ экспедиции было повсеместное и непрестанное содействие, оказанное ей всем населением республики, хорошо подготовленным партийными и комсомольскими организациями. Но, кроме этой и многих других причин успеха всякой

научно-исследовательской экспедиции, есть и еще одна — первостепенная, хотя о ней редко вспоминают. Я имею в виду хорошую организованность экспедиции.

От того, как организована экспедиция, зависит успех или неуспех всей ее полевой работы. До революции в нашей стране (а в капиталистических странах и по сию пору) люди, отправляющиеся в экспедицию, чаще всего не умели (или не могли) снарядить экспедицию так, чтобы в будущем ни в чем не терпеть недостатка; не разрабатывали плана работ до мельчайших подробностей, не координировали работу ученых различных специальностей между собой так, чтобы каждый из них помогал друг другу; в экспедицию часто попадали случайные люди — недостаточно опытные, выверенные, бескорыстные, не воспитано было в людях чувство локтя, чувство товарищества.

Именно поэтому погибали многие полярные путешественники. Именно поэтому столько экспедиций на величайшую вершину мира Чомолунгму (Эверест) оказались неудачными. Карьеризм, корыстолюбие и тщеславие были единственным стимулом некоторых авантюристов, отправлявшихся в неисследованные области.

Таджикско-Памирская экспедиция была советской. Преобладающее большинство ее участников были людьми опытными, волевыми, воспитанными в советских традициях, глубоко бескорытными, влюбленными в свое дело. Конечно, в экспедиции этой, состоявшей из сотен научных работников, попадались и люди другого порядка, но сама жизнь отметала их очень быстро, они в экспедиции не удерживались, им нечего было в ней делать.

Как же создавалась Таджикско-Памирская экспедиция? Но прежде чем рассказать об этом, скажу несколько слов о том, зачем она была создана. Железные и шоссейные дороги, гидростанции; хлопкоочистительные заводы, машинно-тракторные станции, сотни школ, ирригационные сооружения — громадное строительство развернулось в Таджикистане на территории, где за несколько лет перед тем жители отдавали своих девушек в рабство в виде налога; где басмачи зверски пытали и убивали всех, кто вступал в борьбу за свободу; где в горных ущельях люди не представляли себе, как выглядит колесо. Быстрые темпы строительства требовали, прежде всего, таких же темпов изучения естественных ресурсов страны. Изучение страны было затруднено отсутствием простейших географических знаний, белыми пятнами на картах республики. Вся сумма научных знаний об этой республике сводилась, в сущности, к разрозненным и чаще всего

поверхностным маршрутным описаниям случайных путешественников. По ним можно было судить только, что Таджикистан может стать богатейшей во всех отношениях страной, что он как будто бы обладает огромными естественными ресурсами. Степень изученности Таджикистана отставала от насущных потребностей строительства, страна не знала по-настоящему своей экономики, страна хотела строить новые гидростанции – и не знала, где их поставить; страна строила новые шоссейные дороги – и не знала, через какой перевал выгоднее и разумнее их проложить; страна хотела удвоить, утроить свои хлопковые площади и площади своих абрикосовых садов, но не знала, где могут оказаться летние заморозки, угрожающие посевам, и откуда могут хлынуть сели – грязекаменные потоки; страна хотела строить фабрики и заводы, шахты и комбинаты, но не знала промышленной ценности известных с древности месторождений полезных ископаемых и не представляла, где и какие новые месторождения могут и должны быть открыты...

Страна приступала к составлению второго пятилетнего плана – не знала, где развернуть сельское хозяйство, как расставить на своей территории фабрики и заводы, чтоб они оказались возможно более эффективными, чтоб они принесли максимум пользы.

Как же получилось, что работавшие до тех пор экспедиции не обеспечили стране этих необходимых ей сведений? Дело, очевидно, заключалось в устаревших методах их работы. Экспедиции, посылавшиеся разными учреждениями, были никак не связаны между собой: ни организационно, ни в отношении программы их работы. Они выезжали из Москвы, из Ленинграда, из Ташкента (в Сталинабаде¹ своего научного центра тогда еще не было), каждая имела свои задания, каждая работала самостоятельно и в той области науки, к какой принадлежали осуществлявшие экспедицию специалисты. Взаимной консультации не было вовсе, или она бывала недостаточной. Часть добытых материалов «консервировалась» и фактически пропадала. Чтоб восстановить их, требовались лишние средства, лишние работники, время, усилия.

В период басмачества разные экспедиционные партии оказывались часто без взаимной связи, без должной охраны, без сведений о том, что ждет их в пути, и даже иногда без оружия. В обеспечении экспедиций

¹ Сталинабад – так с 1929 по 1961 гг. называлась столица Таджикской Советской Социалистической Республики, в 1961 г. городу было возвращено первоначальное название – Душанбе. – *Прим. ред.*

продовольствием и снаряжением не было никакой системы. Задания, получаемые научными работниками, бывали случайными.

Мысль о необходимости новых форм и методов научно-исследовательской работы давно уже зрела в умах наиболее активных и передовых ученых, обсуждалась и в Академии наук, и в других научных учреждениях, и в крупных хозяйственных организациях республик и центра.

В частности, говоря о Таджикистане, можно было опереться на первый удачный опыт организации Академией наук СССР Памирской экспедиции 1928 года¹. Она была сравнительно небольшой, но, организованная на новых началах, на началах комплексности, дала очень хорошие результаты.

И вот в 1931 году ищущая мысль ученых привела к убеждению: для быстрого, всестороннего, целеустремленного изучения естественных ресурсов Таджикистана (половину территории которого составляет Памир) необходимо немедленно приступить к созданию такой экспедиции, в которой приняли бы участие научные работники по всем научным специальностям, требуемым поставленной задачей, — к созданию экспедиции, основой которой был бы единый научный план и которая осуществлялась бы под единым руководством и в научном, и в организационном, и в хозяйственном отношениях.

Такая экспедиция должна была быть комплексной. Организация такой экспедиции требовала большого внимания к себе со стороны правительственных, научных и хозяйственных учреждений, требовала больших средств, опытных и энергичных, коммунистически мыслящих и умеющих работать сотрудников. В работах такой экспедиции должны были быть заинтересованы самые широкие народные массы

¹ Памирская (Алайско-Памирская) экспедиция 1928 г. была инициирована немецким ученым, исследователем гор Кавказа и Памира, профессором Венского университета Вильямом Рикмер-Рикмерсом, который на торжественном заседании в честь 200-летнего юбилея Российской Академии наук (1924 г.) предложил провести совместную советско-германскую экспедицию для исследования Памира. В состав экспедиции были привлечены научные силы молодой Советской республики, географы и картографы Германии (первоочередными задачами экспедиции являлись составление географических и фотограмметрических карт, геологические и ботанические исследования), а также известные альпинисты. С экспедиции 1928 г., превратившейся постепенно в Таджикскую комплексную, а затем в Таджикско-Памирскую экспедицию, началось комплексное изучение производительных сил региона и развитие тяжелой промышленности Таджикистана. — *Прим. ред.*

Таджикистана, ибо для полного успеха ее работ важно было содействие каждого дехканаина, каждого жителя отдаленных и заброшенных в дикие горы селений.

Такая экспедиция могла быть создана только в Советском Союзе. Она должна была быть во всех отношениях советской. 22 ноября 1931 года в научно-исследовательском совете ВСНХ СССР состоялось Совещание по вопросу «об организации в 1932 году комплексной экспедиции в Таджикистан и на Памир». Идею комплексности выдвинули и убежденно поддерживали передовые ученые нашей страны, в числе которых назову прежде всего академиков И. М. Губкина и А. Е. Ферсмана. На совещании присутствовали представители ВСНХ, Главного управления цветных металлов, Всесоюзного объединения редких элементов, Цветметзолота, Энергоцентра, Полярного комитета, Азугля, Института прикладной минералогии и других существовавших в то время в нашей стране учреждений. Конечно, присутствовали и представители правительств Таджикистана и Киргизии.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

В Совете по изучению производительных сил Академии наук СССР была создана специальная Таджикская секция. В состав секции вошли шесть академиков и тринадцать профессоров. Экспедицию возглавил научный совет под председательством академика А. Е. Ферсмана. Начальником экспедиции был назначен Н. П. Горбунов. В состав руководства вошли виднейшие ученые нашей страны: геохимик Д. И. Щербаков, геолог Д. В. Наливкин, паразитолог Е. Н. Павловский, ботаник Б. А. Федченко, геологи Б. Н. Наследов, В. А. Николаев, А. П. Марковский и другие. 27 декабря 1931 года состоялся пленум Совета по изучению производительных сил. Были обсуждены научные планы, формы организации и методы работы экспедиции, разделенной на отряды, охватывавшие самые различные научные специальности.

В числе многих десятков экспедиционных отрядов, которые предстояло создать, были геологические, геохимические, метеорологические, гидроэнергетические, гравиметрические, гляциологические, геодезические, астрономические, магнитные, сейсмологические, ботанические, этнографические, зоологические, паразитологические, экономические...

Автору этих строк – ученому секретарю экспедиции – поручена была организационная работа, которая к этому времени уже началась. Надо было определить все основные объекты работ, определить их районы, составить программы, сметы, установить маршруты, исходные пункты, привлечь лучших специалистов, координировать их работу, обеспечить всем необходимую консультацию, добыть средства, заготовить продовольствие, снаряжение, инструменты и приборы, материалы, реактивы, карты. Решение отказаться от импорта обязывало поставить на наших фабриках и заводах производство тех предметов, какие до того времени выписывались из-за границы. Надо было наладить транспорт, базы снабжения, охрану, медицинскую помощь. Надо было заинтересовать работами экспедиции местное население, разъяснить тысячам колхозников Таджикистана, горцам самых отдаленных ущелий Памира цели и задачи экспедиции.

Академия наук тогда еще была в Ленинграде, а большинство руководителей экспедиции жило в Москве. Когда мы приступали к работе, у нас не было ни рубля государственных денег, ни сотрудников, ни места, где мы могли бы работать, кроме своих жилищ. В этот «утробный» период организации экспедиции, что было у нас, кроме огромного желания осуществить задуманное предприятие? Моя маленькая ленинградская комната временами напоминала переполненный пассажирами трамвай, в котором к тому же разрешалось курить. Все было так зыбко и проблематично, все так еще не перешло из будущего в настоящее, что только очень убежденный человек мог верить в осуществление идеи этого предприятия. Не скрою, в этот период находились неверующие. Один из научных работников однажды в ответ на мои приставания осадил меня:

– Ну вас, только морочите голову, таскаете меня по заседаниям. Дергают, сулят с три короба, а потом и десятой доли не выйдут... Да неужели вы думаете, что моя научная специальность действительно найдет у вас применение? Буду ходить на ваши заседания – только время зря потеряю!..

Через месяц этот самый – почтенного возраста – ученый, запыхавшись, бегал из учреждения в учреждение, шумно теребил молодых, вдохновлял их своей восторженностью и торопился как можно скорее выехать к месту работ. «Утробный» период организации кончился очень скоро. Завелись первые деньги. Нашлось помещение: Совет по изучению производительных сил выделил для экспедиции комнату в просторном, но переполненном здании бывшей Фондовой биржи, на берегу Невы.

Начали появляться первые люди, между которыми можно было разделить организационную работу. В Москве, например, – начальник снабжения. Это был низкорослый, всегда суевающийся человек с быстрыми жестами, невозмутимый только в подтверждении своих обещаний достать то, что, казалось, явно он не достанет. Мы прозвали его «Плавунец», потому что своей суетливостью он действительно напоминал жука-плавунца. Он очень любил командовать и распоряжаться, а командовать и распоряжаться было некем, все приходилось делать ему самому. Он злился и бегал и все делал сам. Он был хорошим «добытчиком», но совершенно не умел планировать и вносил страшный беспорядок в дела. Впоследствии Плавунцу пришлось покинуть экспедицию, как покинули ее еще до отъезда в «поле» и некоторые другие сотрудники, не умевшие достаточно хорошо справляться со своим делом. В Москве и в Ленинграде у нас уже были первые машинистки, которые, возгораясь энтузиазмом, прощали нам бескорыстное наше стремление заваливать их работой. Первый представитель финансовой части, в задачи которого входило странствование по учреждениям для добывания обещанных денег, обладал даром убедительного красноречия и, страшно жестикулируя ладонями перед собственным лицом, талантливо склонял любого скупца к выполнению взятых им на себя обязательств. Технический секретарь, гражданка солидных лет, тщетно силилась проникнуть в премудрость самых замысловатых геологических и гравиметрических терминов, чуть не плакала, звоня мне по телефону и требуя разъяснений, и очень старалась жить в бешеном темпе организационных работ. Бухгалтеры Совета по изучению производительных сил ожесточились на нас необычайно: мы нарушали спокойную атмосферу их существования, мы негодовали, когда бумага тащилась, как ломовая телега, по созданным ими бесчисленным инстанциям; нам требовалась быстрота голубиной почты, мы беззастенчиво ломали ветхие, на наш взгляд, формы делопроизводства, мы упрощали их до крайности. Мы неустанно тормозили ученых и научных работников, которые, по своей ли вине или по причине загруженности прочей научной работой, мешкали или слишком «медленно торопились». И постепенно в наш лагерь «воинствующих организаторов» переходили все новые и новые люди.

В МОСКОВСКОМ НАУЧНОМ ШТАБЕ

Шла зима. В Ленинграде появился энергичный работник – Ольга Александровна Крауш, которая раньше работала у А. Е. Ферсмана. Заняв должность второго секретаря экспедиции, она с первого же дня вошла в самую сердцевину дела и повела его с умом и тактом. Такт был необходим потому, что в процессе организации иногда возникали мелкие конфликты между научными работниками – из-за личных ли отношений, из чувства ли неверно понятого самолюбия, или еще по каким-либо неясным для нас причинам. Тот хотел ехать начальником отряда, а его утверждали помощником; этот интересовался одним районом, а его посылали в другой, практически гораздо более важный; другой хотел иметь в караване своего отряда двенадцать лошадей, а ему предоставляли только одиннадцать; четвертый обижался, что, выдав ему на руки сметные деньги на полевые работы, мы попрिдержали, опасаясь перерасхода, деньги, полагавшиеся на камеральную обработку будущих коллекций; пятый...

Но ведь не перечислить всех мелочных вопросов, для разрешения которых требовался прежде всего такт. Дело уже разрослось необычайно. Работать без ежедневного личного общения с академиками, возглавлявшими экспедицию, стало невозможно. Не помогали ни мои ежесуточные рапорты, ни еженочные телефонные разговоры по прямому проводу Ленинград – Москва. Пришлось выехать в Москву. В Москве, в приютившейся под крылышком Комиссии содействия ученым конторе экспедиции, с утра до ночи шумели и волновались многочисленные сотрудники. Контора эта походила на штаб времен Гражданской войны. Так мы и называли ее – штабом. Папки с бумагами, карты, книги, образцы снаряжения загромождали коридор и комнаты, столы, диваны и стулья. Научные работники приезжали из Ленинграда и засиживались здесь до глубокой ночи. Ночью на полу расстилался ковер, на ковре разворачивались спальные мешки, люди забирались в них, как на памирских высотах, и спали рядком до утра, а проснувшись на рассвете, вновь ожесточенно принимались за дело. Приходил альпинист, ведавший заготовкой высокогорного снаряжения, – сильный и здоровый человек, спокойный, энергичный, выдержанный, прекрасный товарищ. Он приносил с собой образцы. Тогда здесь начинались странные дела, которые очень удивили бы случайно зашедшего, неподготовленного, постороннего зрителя: альпинист снимал с себя элегантный пиджак, стягивал свежевывутюженные брюки, облачался

в штормовой зеленый костюм, в шакельтоны и начинал проделывать хитромные махинации, скажем, с альпийской веревкой. Потом цеплялся ледорубом за карниз книжного шкафа и повисал на нем. Развитое, массивное тело альпиниста качалось на весу, и кто-нибудь из нас тянул его за ноги. Это называлось испытанием прочности ледоруба. На полу расставлялись палатки, и мы ползком забирались в низкую, так называемую «шустеровскую», сшитую из пропитанного специальным составом парашютного шелка, — надо было на себе испытать ее качества.

Однажды вечером явился Плавунец, в ту пору еще у нас работавший. Ему хотелось удостовериться в прекрасном впечатлении нашем от образцов альпийских ботинок, присланных накануне с фабрики. Он пришел в неудачный момент: двое здоровяков — альпинист и геолог, пробуя все наличные ножи и даже пилу, прилагая все свои силы, кряхтя и посмеиваясь, силились разрезать пополам тяжелый ботинок, с толстенной — в палец толщиной — подошвой. Плавунец ужаснулся такому святотатству: резать пополам великолепный новый ботинок! Но когда ботинок разлетелся, наконец, на две половины, когда альпинист и геолог мрачно переглянулись, обнаружив между слоями кожи пластину картона, Плавунец попытался возможно незаметнее удалиться. Он был настигнут жалом спокойных, но весьма язвительных замечаний. Подошве полагалось быть только из кожи. Ботинки «на взрез» оказались недоброкачественными. В следующей партии обуви никаких дефектов обнаружить уже не удалось. Однажды утром москвичи, проходившие по переулку мимо нашего штаба, столпились у ворот дома, во дворе которого раскинулся большой лагерь палаток. Москвичи удивлялись, а орава восхищенных мальчишек прыгала из палатки в палатку, воображая себя в дебрях неизвестной страны. Плавунец приносил банки с консервами, изготовленными для экспедиции, и целая комиссия собиралась дегустировать какую-нибудь банку иваси или сгущенного молока. Члены комиссии были неумолимы. Они браковали продукты без всякого зазрения совести, и Плавунец истощным голосом клялся и божился, уверяя, что продукты хороши и что сотрудники экспедиции не цацы, могут, мол, съесть и такие. Плавунец и слышать ничего не хотел об особенностях климата, о предстоящей многомесячной перевозке продуктов во вьюках и в кузовах автомашин — то под лучами жгучего солнца, то под покровом морозной ночи. А члены комиссии требовали, требовали, не теряя спокойствия, ровным, чуть обиженным

тоном. Плавунец никогда не бывал в экспедициях, о многом имел неверное представление. Именно поэтому нам и пришлось с ним расстаться.

Как я уже сказал, в нашем штабе работа начиналась с рассвета. Раззванивался телефон, столы заваливались бумагами, толпами осаждали штаб посетители. Нечто вроде летучего клуба бывало в передней, где стоял широкий диван. Здесь, в табачном дыму, возникали иной раз дискуссии по сложнейшим теоретическим научным вопросам. Приходили: профессор-геолог, сейсмолог, этнограф и... страницы не хватило бы, чтоб перечислить научные специальности всех бывавших здесь ученых; студенты, альпинисты, сапожных дел мастер, военный топограф, охотник, предлагавший себя в зимовщики, шофер (они являлись обычно толпою), кооператор, лошадиник – специалист по горным породам лошадей, радист, врач со списком заказанных в лучшей аптеке лекарств, портной, председатель треста и все варианты хозяйственников, репортер, нарком Таджикской Республики, академик, агент треста точной механики, бухгалтер, пограничник, шугнанец – студент Восточного факультета, летчик, взволнованный и разгоряченный аспирант-гляциолог, хладнокровный пожарник, фотограф, свободный художник, шахтер, энтомолог-любитель, статистик и многие, многие другие... Иногда они приходили порознь, поодиночке. Чаще они вваливались все вместе. Тогда в гуле голосов слышались термины из всех научных и технических словарей сразу. Тогда приносимые образцы, портфели, покупки загромождали входы и выходы, и приходилось ходить по комнатам, как по моренам, – перепрыгивая через препятствия. В этой обстановке нам предоставлялось право продуктивно и спокойно работать... переговорив с каждым из пришедших, дав ему совет, указание, расспросив о подробностях дела, узнав самую его суть. Мы работали. Мы разговаривали с посетителями об изотермических вагонах, о звездных хронометрах, о восстановлении разрушенных мостов на реке Мук-су, о тысяче лошадей, закупаемых на Тянь-Шане, о тысяче других полезных и нужных вещей. Вот входит геолог и предлагает новую идею: на всех реках Памира поставить крупные работы по промывке золота – всюду, где его можно предполагать, а предполагать его можно всюду, потому что памирцы намывали золото в своих реках со времен глубочайшей древности, и золотоносность памирских рек была известна еще Плинию. Геолог предлагает собрать местных жителей – ведь все они опытные в этом деле, расставить их в намеченных пунктах, дать каждой группе по одному специалисту и тут же, на самом Памире, установить походные лаборатории, чтобы сразу же делать количественные

и качественные анализы. Тогда будет полное представление о всех месторождениях золота на Памире. Геолог говорит долго и убежденно, доказывает, увлекается сам. Все сразу загораются этой идеей, подходят к шкафам, роются в книгах, перелистывают их, обсуждают детали. Вот гляциологи рассказывают, как они будут строить на леднике Федченко высочайшую в мире обсерваторию. Идея великолепна, но почти фантастична: можно ли втащить на высоту почти в четыре с половиной километра над уровнем моря, по леднику, сотни тонн груза?

Вот А. Е. Ферсман... Но у Александра Евгеньевича идеи рождались пачками, и мы шутя называли его «фабрикой идей». Кроме Москвы и Ленинграда, дело организации экспедиции творилось еще во многих городах Союза. В Баку, в Одессе, в Керчи, в Таганроге, в Куйбышеве (который тогда еще назывался Самарой) с фабрик, с заводов, с промыслов к вокзалам подъезжали автомашины. Грузились вагоны консервами, рыбой, копченостями, сапогами, — кто запомнит, чем еще? Вагоны шли в Москву или напрямиком в Среднюю Азию.

В СРЕДНЕЙ АЗИИ

А в Средней Азии работа кипела во многих местах. В селении Кочкорка, недалеко от Фрунзе, в пределах Тянь-Шаня, заведующий хозяйственной частью Леонид Маслов, участник нескольких экспедиций на Памир, всю свою жизнь проскитавшийся по среднеазиатским степям и горам, закупал лошадей киргизской горной породы. Не десятки, не сотни — лошадей нужна была тысяча, отборных, здоровых, выносливых. Им предстояло пройти больше пятисот километров по горам до города Оша, где мы должны были распределить их по отрядам. Вторую партию лошадей Маслов отправлял в вагонах до Сталинабада. Я забрасывал Маслова тревожными телеграммами: «Нам ничего неизвестно о лошадях. Сколько их? Сколько за них уплачено? Отправлены ли они в Ош самоходом? По какому маршруту? С каким сопровождением? Когда? Организована ли их охрана? Когда будут в Оше? Какое нужно содействие? Нужно ли распоряжение о предоставлении вагонов Турксибом?». И Маслов в ответ слал «молнии»: «Лошадей отправляю 247 зпт отряд семь человек зпт погонщиков двенадцать остаюсь дополучать маслов». «Выступили нарына следуют курорт через перевал конвой добротряд сам остаюсь дополучать лошадей маслов». Однажды пришла «молния»

странного содержания: «Сообщаю сотрудник маслов номер 9 лошадей принимаю сам маслов». Перед тем мы запрашивали номер контокоррентного счета Маслова, для того чтоб перевести ему сорок тысяч рублей. Но был у завхоза Леонида Маслова старший рабочий Егор Маслов – мой старый знакомый по прошлым экспедициям на Памир, которого я пригласил на должность повара в ту экспедиционную группу, которую должен был вести на Памир сам. Этот Егор Маслов был опытейшим экспедиционным рабочим. Тринадцать лет подряд участвуя в различных научных экспедициях, ездил он по Памиру, Тянь-Шаню, Монголии и Кашгарию. Бывал во всяческих переделках, знал несколько восточных языков, был подлинным знатоком лошадей. Жил он в городе Караколе, недалеко от Кочкорки и Фрунзе, и потому я временно назначил его помощником к Леониду Маслову. Мы перевели на контокоррентный счет № 9 сорок тысяч рублей, но у меня тут же возникло сомнение в правильности телеграммы. Мы несколько раз проверяли ее, однако почтамт неизменно уверял нас, что наши сомнения напрасны. Через неделю пришло письмо от Леонида Маслова с извещением о том, что в телеграмме вместо слова «номер» должно быть «помер» и что Егор Маслов умер девятого числа, схватив воспаление легких после падения с автомобиля в холодную горную реку. Мне было искренне жаль Егора Маслова, он был прекрасным работником, верным товарищем, честным и хорошим человеком и совершенно неутомимым спутником в самых тяжелых странствиях по горам...

Огромная работа велась в Оше и в Сталинабаде. Здесь создавались основные, как их называли, исходные базы экспедиции. Маленький город Ош Киргизской Республики, как и во всех прежних экспедициях на Памир, был пунктом, где нанимались караваны, – здесь были кадры проверенных длительными путешествиями караванщиков; сюда к 1932 году была проведена железная дорога от станции Карасу, и потому естественно было основную базу для отрядов, отправляющихся на Памир, создать, по примеру прошлых лет, именно здесь. Маленький дом ошского агронома Кузьмы Яковлевича Жерденко, на берегу реки Ак-Бура, по традиции был пунктом сбора всех сотрудников памирских экспедиций. В саду и на просторном дворе устанавливались палатки. Кладовая и кухня дома заполнялись экспедиционными грузами, – на этот раз грузов, однако, было столько, что они заняли огромную территорию вдоль всего берега реки Ак-Бура. Дом, сад и двор Жерденко были превращены в территорию стройки огромной базы. Здесь к приезду отрядов должны были вырасти склады, столовая, контора,

гараж, общежитие, конюшня, пекарня и мясосушилка. Жерденко, приглашенный в состав экспедиции на должность заведующего ошской базой, получил распоряжение построить все за месяц. В Сталинабаде опорного пункта не было. Через Сталинабад должна была пройти почти половина отрядов южного и центрально-таджикского направления. Для организации базы был арендован дом Тропического института, один из немногих крупных домов быстро строящейся молодой таджикской столицы. Сюда заведующим сталинабадской базой экспедиции был направлен ее парторг – человек твердого характера, энергичный, прекрасный организатор. Он быстро создал базу и потом все лето планировал работу экспедиционных отрядов, выступивших в долины и горы из Сталинабада. К началу полевой работы была создана и третья исходная база, в городе Пенджикенте – для отрядов, направлявшихся в Кухистан – в верховья Зеравшана, на Ягноб, в ущелья Туркестанского, Гиссарского и Зеравшанского хребтов. Здесь вся организационная работа была поручена местному гидрометеорологическому комитету. Кроме этих исходных баз, было организовано множество полевых баз в горных кишлаках, на пограничных заставах, а иногда и просто в безлюдных местах у пастбищных площадок и у берегов рек. Сюда заблаговременно забрасывались мука, фураж, рис и другие тяжелые грузы. К маю важнейшая часть всей организационной работы в Москве и на базах была закончена.

Последний месяц...

В специальном постановлении Совнаркома СССР о Таджикской комплексной экспедиции, признававшем за экспедицией всесоюзное значение и устанавливавшим основные направления ее работы, был пункт, которым Управление автомобильной промышленности обязывалось выделить экспедиции шесть полутоннажных автомашин. Мысли об автомобильном транспорте мучили нас перед тем долгое время. Можно или нет организовать на Памире автомобильные перевозки? Единственный автомобильный тракт Ош–Хорог еще только начинал строиться. Некоторые специалисты утверждали, что попытка пустить на Памир – на высокогорный Памир – автомобили в лучшем случае легкомысленна; что все машины, бесспорно, будут погублены и вообще не дойдут до Памира, потому что разве возможно одолеть огромные памирские перевалы, бешеные памирские реки,

узкие каменистые ущелья и многие другие препятствия? Первое время руководство экспедиции колебалось. Геолог Юдин и я были, однако, ярыми сторонниками участия в экспедиции автомобильного транспорта. У нас были веские основания. В 1931 году мы вышли из Оша на Памир вместе с караваном Памирского погранотряда, которому тогда предстояло поставить на Памире заставы там, где их прежде не было, и закрыть государственную границу. Начальник Памирского погранотряда, приняв поданную нами идею, рискнул взять на Памир две грузовые автомашины. Решили, что они пойдут самоходом до тех пор, пока неодолимые препятствия не заставят разобрать машины и погрузить их на верблюдов. Превосходные водители Гончаров и Стасевич – рядовые андижанские шоферы – стоворились между собой, что ни при каких обстоятельствах не допустят разборки машин. Автомобили шли впереди каравана и ждали его на ночлегах. Препятствий было великое множество, и об этом походе дальше, в этой книге, я расскажу подробнее. 14 июля 1931 года обе машины в целости и исправности самоходом пришли в Мургаб – впервые в истории Памира. Я присутствовал при великолепной, торжественной встрече, которая была организована населением Восточного Памира. Оба автомобиля остались здесь и успешно работали на Памире все лето и осень до закрытия перевалов. Об этом мало кто знал. Газеты сообщили об этом в кратких заметках. А дело это было огромной важности. Юдин и я наблюдали весь поход тех двух машин, в отдельных местах сами оказывались их пассажирами и потому были убеждены в том, что и в наступившем году автомобили нашей экспедиции будут работать не хуже. Нам удалось настоять на своем, хлопоты, как и следовало ожидать, увенчались успехом. Мы получили с Горьковского завода шесть новеньких полутоннажных машин с запасными частями, с солидными нарядами на горючее. Лучшие автомобилисты Москвы добивались чести стать водителями этих машин. К середине мая отряды экспедиции один за другим двинулись из Москвы.

В окончательном плане работ значилось семьдесят два отряда, в которых оказалось двести девяносто семь научных работников, триста пятьдесят караванщиков и постоянных рабочих, до четырехсот временных местных рабочих. Задачи экспедиции определялись краткой формулировкой: «Изучение производительных сил Таджикистана в целях наилучшего использования их во втором пятилетнем плане социалистического строительства». Вся работа экспедиции должна была опираться на хорошие топографические карты. А на Памире было еще много белых пятен.

Ликвидировать их, составить точнейшие карты предстояло четырнадцати отрядам, возглавляемым видным топографом И. Г. Дорофеевым, которому в Памирской экспедиции 1928 года удалось хорошо исследовать бассейн ледника Федченко и сделать подробную карту этого бассейна, применив, вместе с немецкими участниками той экспедиции, впервые в СССР метод стереофотограмметрической съемки.

Идея комплексного, всестороннего изучения страны, как показало будущее, нашла самый живой, самый горячий отклик не только в учреждениях и общественных организациях Таджикской Республики, но и среди дехканства, среди жителей самых затерянных, самых глухих горных кишлаков. Где-либо на самой границе Афганистана, в каком-нибудь еще не обозначенном на картах кишлаке, жители, вчера еще не знавшие, что такое оконное стекло, поклонявшиеся «живому богу» исмаилитской религии, собирались толпами вокруг сотрудников экспедиции, едва те появлялись там, слушали лекции профессоров о полезных ископаемых, о кормах, о будущих гидроэлектростанциях. И после такой лекции горные пастухи, садоводы и земледельцы организовывали при сельсоветах ячейки содействия экспедиции, несли в сельсоветы образчики горных пород, редких высокогорных растений... Такое отношение местного населения к экспедиции было результатом огромной разъяснительной работы местных партийных и комсомольских организаций. К концу мая почти все отряды прибыли в Ош, в Сталинабад, в Пенджикент. В июне они приступили к полевой работе.

В СТАЛИНАБАДЕ

18 мая 1932 года в автомобиле, мчавшемся полным ходом к Казанскому вокзалу, я еще диктовал Ольге Александровне Крауш, оставшейся вместо меня в Москве, все, что поручалось теперь другим. А Ольга Александровна, прощаясь, заботливо сунула мне в руку листок, на котором был записан ею мой ташкентский хорошо известный мне адрес. Она была права: как и все мы, я так переутомился, что даже мой собственный адрес мог забыть. Я ехал в Ташкент, откуда мне предстояло вылететь в Сталинабад, чтоб сделать доклад таджикскому правительству. Оттуда я должен был вернуться в Ош и, отправив на Памир все отряды, выехать с последним из них сам. С моим отъездом в Ташкент экспедиция для меня началась. И она действительно уже началась.

Англичане, создавая первую экспедицию на Чомолунгму (Эверест), подготавливались к ней ровно три года, но хорошо организовать ее не сумели. Подготовка бесконечно большей по объему работ Таджикской комплексной экспедиции продолжалась ровно пять месяцев. Благодаря вниманию к ней правительства и энергии ее научного руководства организована она была превосходно.

Летим в Сталинабад. Через полтора часа пути, после посадки в Самарканде, потянул резкий, холодный ветер от вечных снегов. Мы вплотную приближались к острозубому, сверкающему снежными склонами Иллик-Башу. Через четыре минуты нетающие снега оказались внизу, а перед нами, в упор – ледяная стена, и еще через минуту спиралью, обжимаемые шершавыми, отвесными скалами, мы тянемся вверх, как дым в трубе, – к свободному воздуху. Нам не хватает высоты, и об этом, отскочив от скал, будто сотней ревущих моторов, угрожающе гремит эхо... Нам не хватает высоты, и целые три минуты мы кажемся себе маленькими. А потом небо скатывается вниз, все плоскости перемешиваются, как в кино, когда обрывается лента, и, высунув голову из окна кабины, я вижу поползший вниз серебряный склон. Это значит, мы начали переваливать. Дует очень резкий, морозный ветер. Еще две минуты под очень крутым углом наш «Л-741» карабкается на перевал, потом сразу Иллик-Баш обрывается отвесной, дикой, скалистой грядой, под нами долина знойного Ширабада, нас качает, и мы ложимся на прямой курс, наперерез горам, на Сталинабад. Через час полета над зубцами хребтов, выключив все три мотора, мы идем на посадку. Поле красных маков встает дыбом, но вот колеса уже бегут по земле, и маки сливаются в красное полотнище.

Сталинабад... Сколько раз я бывал в этом городе, и всегда все в нем по-новому. Ни улиц старых не узнаю, ни целых кварталов. Новые дома, сады, проспекты. Там, где в тридцатом году, я проезжал верхом, видно двухэтажное белое здание. Там, где в тридцать первом году я спал в чайхане, сейчас проходит автобус. Вот только жара в нем всегда неизменная. Впрочем, и она через несколько лет, когда подрастут насаженные повсюду деревья, станет, конечно, не так ощутима. В тридцатом году я сам, как и все приезжавшие в Сталинабад – город, только что получивший свое новое гордое название, – посадил несколько деревьев. Я их не искал сейчас, но не сомневаюсь – они растут. Автомобиль мчится по городу весь в клубах лессовой пыли. Здесь будут улицы, залитые асфальтом, здесь вдоль улиц будут аллеи тенистых деревьев, здесь пустыри исчезнут, а вместо них сомкнутся ряды

красивых домов... Сейчас год 1932-й. Столица Таджикистана вся в стройке, вся в будущем, но уже и сейчас она приобрела очертания большого города. Меня везут в дом отдыха, что устроен в Варзобском ущелье, в старинном кишлаке Варзоб-кала. Там мне предстоит встречаться со всеми людьми, с которыми надо беседовать об экспедиции. Миновав город, едем дальше по сузившейся, подступающей к горлу ущелья автомобильной дороге. Это начало нового автомобильного тракта, который, прорезав два огромных хребта – Гиссарский и Зеравшанский, выйдет напрямую к Ура-Тюбе и далее, через Урсатьевскую, к Ташкенту. Вместо тысячи двухсот километров – всего двести восемьдесят. Вместо двух суток пути по железной дороге, огибающей эти горы, всего лишь день автомобильного путешествия. Дорога проложена только на сорок километров, и чем дальше она врезается в горы, тем больше тонн аммонала и динамита нужно на каждый новый километр. Холмы вырастают в горы, река уже бурлит по камням, мы едем ущельем. Неожиданно слева от дороги – огромный лагерь палаток, мешанина вагонеток, машин, инструментов, железного лома, а через реку – всякий на тросах мост.

Это все – Варзобстрой, строительство Варзобской гидроэлектрической станции, которая будет питать токком город Сталинабад. Белые дома, кооператив, клуб, почта, столовая, красные плакаты на въездной и выездной арках поселка, оживленные люди. Три года назад ущелье в этом месте было первобытным и диким. Навстречу машине идут рабочие, едут путники на ослах. Над нами скалистые стены ущелья, и каменная узкая дорога петлит над громыхающей рекой. И вот – мост. Древний мост из ветвей и качающихся под пешеходом бревен. Мост, по которому только в поводу можно перевести осторожную лошадь. Выхожу из машины, вступаю на мост. Несколько красноармейцев сидят под деревом в группе дехкан – взрослых и детей: импровизированный урок грамоты. У дехкан в руках буква; красноармейцы терпеливо исправляют ошибки. Дехкане – в халатах, в обуви из козлиных шкур. За мостом срываю с деревьев сладкие ягоды тута, прыгаю через ручьи, пересекаю маленький горный кишлак, такой же, как все горные таджикские кишлаки. Здесь – покой, особенный, безмятежный. Навстречу поднимаются белобородые, словно сошедшие со страниц Библии, старики. Здравуются, прикладывая ладони к груди, подходят, жмут руку, разговаривают просто, будто с соседом по дому. Старинный кишлак Варзоб-кала – древняя крепость. Оазис гигантских платанов среди скал и журчащих ручьев. Небольшая ограда; над калиткой полощется

красный флаг; под платанами ровная, как бы выутюженная площадка, на ней наискось — шесть больших палаток, за пологими видны железные кровати, — это дом отдыха, в котором меня встречает таджик, коренастый и крепкий, темнолицый, приветливый, в защитных армейских галифе и гимнастерке. Он заведует домом отдыха. Площадку омывает бурливая речка Оби-Замчируд, глубоко прорезавшая это ущелье. Над речкой большой камень, плоский, черный камень, на нем ковры, одеяла и подушки. На коврах и подушках — работники Таджикской республики, русские и таджики, все в белом: летом в городе жарко. Многие деловые встречи происходят здесь. После обеда — разговор о делах. Обсуждается план работ экспедиции, это, так сказать, предварительное обсуждение. Официальный доклад будет в Сталинабаде. Речь заходит о месторождениях полезных ископаемых. Один из сидящих рядом дехкан вмешивается в беседу. Выясняется, что он любит камни, что он многое знает, что дома у него в соседнем кишлаке есть какие-то образцы.

— Товарищ Абдукагор, — обращается к нему мой сосед, — вы, значит, местный геолог? Абдукагор не знает, что значит слово «геолог», но охотно рассказывает все, что ему известно. И я с его слов записываю сведения о старых копиях в пяти километрах от кишлака Гаджни, о следах древних разработок в Такобе¹, и в кишлаке Демаян, и в Куй-Тепе, что расположено в четырех километрах выше кишлака Бегар, и о какой-то обнаруженной при постройке дороги двадцатиметровой жиле против кишлака Бега... Это все надо выяснить. Может быть, и, действительно, расспросные сведения помогут нашим геологам отыскать таимые горами полезные ископаемые? В районе Варзоба будет работать геохимическая партия Поляковой. Надо ей сообщить. Абдукагор берется проводить «инженера» к указанным им месторождениям.

Мы идем осматривать ближайший кишлак. Кругом острозубые, скалистые горы. Со всех сторон дикие горы. Я в самом сердце страны, в еще не обжитой глуши, и, кажется, брожу по горам уже долгие месяцы. Неужели сегодня, еще только сегодня, я был в Ташкенте? В огромном культурном центре, где ходят трамваи, где советские учреждения ничем не отличаются от московских, где три четверти жителей не представляют себе таких, как эти, диких, скалистых гор? Какой длинный сегодня день! Вечером меня

¹ Теперь на этом месте работает один из гигантов таджикской индустрии — Такобский комбинат, вступивший в строй в 1948 г. — *Авт.*

зовут к дастархану. Под платанами, на площадке, огромный ковер. По краям — одеяла, между одеялами скатерть, уставленная фруктами, мясными блюдами, салатами. Мы пьем и едим, отрываясь только для тостов. У края ковра располагаются музыканты — дехкане, и один из них, брэнча на дуторе, поет песню, часть которой можно перевести вот так:

Узнай мою родину, —
 Она на истоках самого Бадахшана.
 Между розовых скал
 Бьется чистый ручей.
 Узнай мою родину, —
 В ней солнце скрывается рано.
 В ней за целую ночь не устал
 Петь о легкой любви соловей.
 Узнай мою родину, —
 Здесь, под тенью платана,
 Я сегодня слышал
 Разговор об отчизне моей.
 Узнай мою родину, —
 Я и сам никогда не устану
 Петь о том, чем он стал, —
 Бадахшан без богов и царей...

Певец трясет головой и качается. Он сидит, широко раздвинув колени. Песня его нескончаема. Он оставляет дутор и объясняет, смеясь: «Это начало. В три дня можно кончить. Если ты решишься слушать, то к восходу солнца я могу кончить». — «А музыка чья?» — улыбаясь, я спрашиваю его. Он смотрит на меня веселыми глазами и молчит.

— Его это его музыка! — говорит за него мой сосед.

Имя певца — Алим. Усто Алим, что значит «мастер Алим».

— Его профессия?

— Он блюдо делает. Понимаете? Деревянное блюдо.

Я хочу посмотреть на изделия его рук. Прошу его принести образцы. Старик поднимается и уходит.

— Почему же сейчас? Почему не потом?

— Ему завтра надо рано идти на пастбище.

Два других музыканта поют и играют «Гороулы»: «Сын гроба», «Оля миор», «Мир – его друг», – и другие длинные песни. В песне встречается слово «бог». Мы говорим о боге. Музыкант перечисляет его имена: рахим – милосердный, рахман – милостивый, джалиль – сверкающий, каллог – создатель, раззог – всепитающий... Музыкант неожиданно прерывает перечисление:

– Вот скажу: бог слышит, но ушей не имеет; видит, но глаз не имеет; кушает, но рта не имеет; дышит, но сердца не имеет; думает, но головы не имеет... это последнее правильно!

Общий смех, и мы продолжаем чаепитие.

Сталинабад. Здесь создается Таджикская база Академии наук СССР. Председатель базы академик С. Ф. Ольденбург. Заведующий геологическим сектором – Г. Л. Юдин, ботаническим – Б. А. Федченко. Белый одноэтажный дом. В нем сейчас организационный хаос. Груды ящиков, мебели, книг. Все еще не устроено. Между ящиками, раздвинув их, уместились кровати – сотрудники базы еще не наладили свою жизнь. База и экспедиция находятся в тесном взаимодействии и в меру сил помогают друг другу. Больше того, база Академии наук не могла бы быть создана, если б не опиралась на работы сотрудников экспедиции. А недостроенный дом Тропического института, в котором поместились уходящие в «поле» отряды экспедиции, пребывает в еще более взъерошенном виде. Нештукатуренный, весь в дранке, с незастекленными окнами, этот двухэтажный дом, однако, уже заполнен людьми и всяческими припасами. В нем обитают энергетики, этнографы, геохимики. На пустыре перед домом пылают костры, на кострах чернеют казаны, в них булькает и пенится суп. Дальше на коновязи стоят лошади, приводимые с пастбища. Они худы, тощи после железнодорожного путешествия из Фрунзе, их надо откармливать. Между базой экспедиции и базой Академии наук белеет общежитие таджикского правительства. Это третий угол треугольника, составленного маршрутами, по которым с утра до вечера носится предоставленная мне автомашина. В Сталинабаде побывал академик А. Е. Ферсман. Ему показали образец руды, только что найденной таджиком-дехканином в верховьях Харангона. Ферсман дал определение образцу, направил на Харангон научных сотрудников.

Список называемых дехканами месторождений все увеличивается. В Бальджуане, в горах Кааль-а-ги, называют несколько месторождений металлов. Неподалеку от Варзоба называют ценный минерал. Каждый день

указания умножаются. Обо всем этом надо подумать, это все надо проверить. И вот, наконец, официальные доклады об экспедиции в Совнарком и на пленуме Сталинабадского горсовета. Выслушать и обсудить доклады собралось больше двух тысяч дехкан из окрестных селений. В постановлении пленума – горячие приветствия экспедиции и множество пунктов, обеспечивающих нам всяческое содействие. Прямо с пленума колхозники уносят в дальние горные кишлаки весть о том, что без них, без широких народных масс, никакое научное знание не может проникнуть в толщу древних загадочных гор. Период торжественных встреч и торжественных взаимных обещаний кончился. Надо немедленно приступать к исполнению обещаний. Спешу в Ош.

В ОШЕ

Здесь уже почти все готово. Целый город вырос на территории ошской базы. Многие десятки палаток, заняв весь двор, спустились на берег реки Ак-Бура, заполнили его на полкилометра вширь. Сотни людей хлопочут, напряженно работают, волнуются в этом городе. Каждый день прибывают все новые люди, все новые грузы. Кроме всех других задач, на организаторах экспедиции лежит еще одна большая задача – обезопасить полевую научную работу от всяких случайностей. Многим отрядам предстоит заниматься исследованиями вдоль самой границы с Кашгарией и Афганистаном. Памир сам по себе совершенно мирен и тих. Времена басмачества кончились. Никаких басмаческих банд в наших пределах нет и не предвидится. Но никто не может гарантировать, что не будет вражеских наскоков из-за границы. Мирная работа нашей экспедиции, как всякая работа, связанная с интересами социалистического строительства, неминуемо должна вызывать злобу и ненависть классовых врагов, зарубежных империалистов. Нам следует быть начеку. Поэтому для охраны экспедиции дается несколько взводов пограничников, а сама экспедиция военизируется: все сотрудники получают оружие. В ошской базе под руководством командиров Красной Армии проводятся учения. В лагере соблюдается воинская дисциплина. Установлены постоянные ночные дежурства. Однажды утром, в середине июня, телефон сообщает о прибытии в Ош нашей автоколонны. Весть облетает палатки, люди спешат из палаток на улицу, нетерпеливо расхаживают

по аллее гигантских тополей. Вдали, между тополями, показывается облако пыли.

– Идут!.. Идут!..

Автоколонна быстро к нам приближается. Все шесть автомобилей движутся плавно, как эскадра, один за другим, с равными интервалами. На первой машине развевается большой красный флаг. С протяжным, торжественным ревом сигналов эскадра автомобилей подходит к нам полным ходом; соблюдая те же интервалы, замедляет ход, разворачивается и стопорит, тщательно выровнявшись по фронту. Гудки смолкают разом, и встречающие, не стовариваясь, кричат: «Ура!». На кузове каждой машины внутри большого белого круга крупными буквами сверкает обозначение: «ТКЭ» и стоит порядковый номер. Из машины № 1 выходит в элегантном белом костюме начальник автоколонны Г. Н. Соколов, в далеком прошлом летчик, в недавнем – участник Памирской экспедиции 1928 года, ловец диких зверей, отправлявший их в Зоологический сад Москвы. Все водители выстраиваются, каждый перед своей машиной. Каждый – в синей, новенькой, с иголки, тщательно выутюженной спецовке. Г. Н. Соколов берет под козырек и отчетливо рапортует о прибытии автоколонны ТКЭ из Москвы. Только сегодня утром машины выгрузились с железнодорожных платформ. Ошские жители толпятся вокруг, с любопытством разглядывая новенькие, безукоризненно чистые машины и удивляясь этому неожиданному параду. Ошские шоферы – водители старых, тархтящих «гробов», грязные, как и их машины, сбегались сюда и обсуждают происшествие с деланной насмешливостью и плохо скрываемой завистью:

– Гляди, какие приехали! Фасон развели: москвичи!.. По асфальтам приехали кататься!.. А только посмотрим на их физиономии примерно через неделю... Все машины погробят, все под обрывами будут валяться. Тогда увидим, какой у них парад будет. Это им не Москва!

Ошские шоферы не знают, что автоколонну ТКЭ организовал московский совет Автодора; что водители выбраны из лучших московских шоферов; что чести завоевать автомобилем Памир добивались в Москве многие гонщики и инженеры-автомобилисты. И мрачным предсказаниям ошских водителей, как показало будущее, не суждено было оправдаться: все шесть машин работали на Памире превосходно, ни одна не имела значительных аварий, две машины осенью совершили поход Памир – Москва. Первые отряды, снарядив караваны, уходят. Тем временем грузы продолжают прибывать, и не хватает еще только плащей, брезентов и вьючных ящиков. Это

«только» — очень существенное: в Алае идут проливные дожди. Как спасти от них сахар, фотопластинки и все, что боится сырости и воды? Вьючные ящики, которые есть в Оше, приходится распределять между уходящими отрядами с большим выбором. Ошский телеграф перегружен «молниями» и срочными телеграммами экспедиции. Наконец прибывают и ящики, и плащи, и брезенты. Караваны на Памир уходят один за другим, каждая группа сотрудников получает верховых и вьючных лошадей, и, конечно, споров, обид, недовольств среди любителей лошадей много.

Часть геологов уезжает к Заалайскому хребту на автомашинах. К концу июня ошская база пустеет: здесь остаются два-три последних отряда да огромный караван центральной группы с небольшим количеством сотрудников. В этом караване — все дефицитные продукты, специальное, особо высокогорное альпинистское снаряжение, оружие, запасы патронов, точные приборы, которые нужно будет раздать отрядам на самом Памире. С караваном центральной группы идут шесть фототеодолитных отрядов и лазуритовый отряд, направляющийся на Южный Памир к месторождению ляпис-лазури, открытому Юдиным, Хабаковым и автором этих строк в 1930 году. В составе центральной группы — ботаники, зоологи, фотограф В. Лебедев, художники П. Староносков и Н. Котов и три геолога. Задача центральной группы, помимо собственных исследований в пути, инспектировать работу всех отрядов экспедиции на местах. Поэтому маршрут центральной группы самый извилистый и протяженный. Все перечисленные отряды и центральная группа выходят на Памир одной огромной колонной. Она называется центральной объединенной колонной. Начальником этой колонны назначен я. Это назначение, чреватое хлопотами и множеством новых бессонных ночей, не доставляет мне удовольствия. Но что поделать? Принимаю его без возражений в надежде, что на самом Памире мне удастся заняться и собственными географическими исследованиями, о которых все эти месяцы я мечтал, а также сбором этнографических коллекций для Музея этнографии. Мы выступили в путь 29 июня. Наш караван состоял из ста шестидесяти вьючных лошадей и тридцати всадников. Наш путь пролегал через знакомые мне по прежним странствиям Гульчу, Суфи-Курган, Алайскую долину и Заалайский хребет — к Мургабу. В Суфи-Кургане в состав колонны включился кавалерийский взвод пограничников под командой И. Н. Мутерко, с которым у меня сразу же установились самые приятельские отношения. Подо мной был добрый киргизский конь. И когда

я оказался в седле, до предела измотанный полугодовой организационной работой, я впервые за многие месяцы легко вздохнул.

ПРАРОДИТЕЛЬ БУДУЩЕЙ АКАДЕМИИ

Я не ставлю своей задачей описать все работы Таджикско-Памирской экспедиции за шесть лет ее существования. Научные результаты работ ТПЭ изложены в «Трудах экспедиции», составляющих целую библиотеку, в которой больше сотни томов. Коротко изложу самое главное. Только в 1932 году за шесть месяцев полевых работ – от открытия до закрытия перевалов – экспедиция, если вытянуть в ниточку все маршруты, прошла сто тысяч километров пути и исследовала на территории Таджикистана площадь в сто тысяч квадратных километров. Места, еще за несколько лет перед тем не нанесенные на карты, никем не изученные, оказались центрами оживленной деятельности. Легендарные, считавшиеся недоступными перевалы, ледники, такие грандиозные ледопады, как Кашал-аяк, стали торными дорогами научных работников. Не все белые пятна были раскрыты экспедициями предшествовавших лет. Районов, никогда прежде не посещенных исследователями, оказалось еще достаточно. На Северо-Западном Памире, к западу от пика Гармо, сплелись в запутанный узел Заалайский хребет, хребет Петра Первого, меридиональный хребет Академии наук и ответвляющийся от него Дарвазский хребет. Средоточием этого узла, там, где сходятся хребты Академии наук и Петра Первого, оказалась исполинская, необычайной высоты вершина. В 1928 году эту вершину издали сочли пиком Гармо. В 1932 году обнаружилось, что тогда двумя группами экспедиции за пик Гармо были ошибочно приняты две разные вершины, что подлинный пик Гармо (названный перед тем пиком Дарваз) имеет высоту всего 6 615 метров. А к этой венчающей памирские выси вершине никому еще подойти близко не удавалось. Ее высота была определена в 7 495 метров. Этой высочайшей в Советском Союзе вершине дано было название – пик Сталина. Результаты всех работ экспедиции за 1932 год были огромны. Были изучены флора и фауна республики, определены и подсчитаны кормовые и топливные запасы, гидроэнергетические ресурсы рек, выяснены перспективы освоения неорошенных земель, собраны

значительные материалы по этнографии. И самые важные результаты были достигнуты в области геологии и геохимии.

Изучая горообразующие процессы, ученые установили, что возникновение многих памирских гор связано с явлениями вулканизма, что существует зависимость между этими явлениями и образованием многочисленных, найденных экспедицией рудных месторождений. И если раньше в геологии господствовала теория о «нишете» горных недр Средней Азии, об ее «металлической» бесперспективности (эта теория была создана еще до революции иностранцами), то теперь на основании блестящих открытий, сделанных экспедицией, была выдвинута, развита и доказана новая, советская теория, открывавшая исключительные перспективы для использования рудности гор, и не только Таджикистана, а именно всей Средней Азии. В частности, были определены практические возможности промышленного развития Таджикистана, превращения его в страну с богатой, развитой индустрией. Огромные теоретические и практические знания, приобретенные в 1932 году, требовали детализации и углубления дальнейшей работы. Поэтому сразу двинулась, оказалась насыщенной и целеустремленной работа созданной в Сталинабаде в том же году Таджикской базы Академии наук СССР — зародыша будущей, собственной республиканской Академии наук. Важнейшими секторами базы стали геологический и ботанический. И потому же экспедицию в тех же масштабах решено было продолжить в следующем году.

Весной 1933 года в Ленинграде в Академии наук СССР состоялась конференция по изучению производительных сил Таджикистана. В конференции участвовало несколько сот человек — виднейшие ученые, научно-исследовательские работники, сотрудники экспедиции 1932 года и предстоявшей экспедиции 1933 года. На основе добытых исследователями и обсужденных на конференции научных материалов советским правительством было определено направление всей дальнейшей практической народнохозяйственной деятельности в Таджикистане. Во всем Советском Союзе в том году вступала в действие вторая пятилетка. В Таджикистане, как и везде, она была прочно обоснована последними данными советской науки. Весной 1933 года вся экспедиционная громада снова двинулась из исходных баз на Памир, в Каратегин и Дарваз, на Вахш и на север республики — во все горы и все долины стремительно развивавшегося Таджикистана. Население этих гор и долин, в том году уже почти всюду, кроме Памира, объединившееся в колхозы, по-прежнему не только приветливо встречало сотрудников

экспедиции, оказывало им содействие и помощь, но и само повсюду включалось в работу экспедиционных отрядов.

Так зарождались кадры местных экспедиционных работников-таджиков. Многие из них впоследствии окончили специальные учебные заведения, стали научными работниками, молодыми учеными. В этот и в следующие годы, на основе работ ТПЭ и благодаря энергичной инициативе ученых, принимавших в ней участие, в Таджикистане начали развиваться и умножаться стационарные научные учреждения, превратившиеся впоследствии в многочисленные научные и научно-исследовательские институты. Большинство их позже вошло в комплекс, объединяемый сначала базой, потом, с 1940 года, Таджикским филиалом Академии наук СССР и, наконец, созданной в Сталинабаде в 1951 году Академией наук Таджикской ССР. Прародителем ее была ТКЭ. Вот почему я решил рассказать читателю об истории организации этой замечательной экспедиции. И теперь я могу вернуться к 1930 году, когда вся наша маленькая геологическая экспедиция состояла только из трех ленинградцев да фрунзенского рабочего Егора Маслова и повара-узбека Османа.

*Источник: «Путешествия по Памиру». Павел Лукницкий. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1955 г.
<https://silkadv.com/ru/node/3906>*

ПРИЛОЖЕНИЕ 5 (ИЗВЛЕЧЕНИЯ). ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

PUBLIC RECORDS OFFICE		1	1	1	1
Doc No.	CAB 120/691	109040			
Please note that this copy is supplied subject to the Public Record Office's terms and conditions and that your use of it may be subject to copyright restrictions. Further information is given in the Terms and Conditions of Supply of Public Records, which should be read together with the Programme of Copying Service.					

DOCUMENT IS THE PROPERTY OF HER MAJESTY'S GOVERNMENT

The circulation of this paper has been strictly limited.

It is loaned for the personal use of _____

TOP SECRET

Copy No. 15

Final
22nd May, 1945.

WAR CABINET
JOINT PLANNING STAFF

OPERATION "UNTHINKABLE"

Report by the Joint Planning Staff.

We have examined Operation UNTHINKABLE. As instructed, we have taken the following assumptions on which to base our examination:-

- (a) The undertaking has the full support of public opinion in both the British Empire and the United States and consequently, the morale of British and American troops continues high.
- (b) Great Britain and the United States have full assistance from the Polish armed forces and can count upon the use of German manpower and what remains of German industrial capacity.
- (c) No credit is taken for assistance from the forces of other Western Powers, although any bases in their territory, or other facilities which may be required, are made available.
- (d) Russia allies herself with Japan.
- (e) The date for the opening of hostilities is 1st July, 1945.
- (f) Redeployment and release schemes continue till 1st July and then stop.

Owing to the special need for secrecy, the normal staffs in Service Ministries have not been consulted.

OBJECT

2. The overall or political object is to impose upon Russia the will of the United States and British Empire.

Even though "the will" of these two countries may be defined as no more than a square deal for Poland, that does not necessarily limit the military commitment. A quick success might induce the Russians to submit to our will at least for the time being; but it might not. That is for the Russians to decide. If they want total war, they are in a position to have it.

-1-

Окончательный (вариант) 22 мая 1945 г.
Военный кабинет
Штаб объединенного планирования

RUSSIA: THREAT TO WESTERN CIVILIZATION

Россия: угроза западной цивилизации

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЫСЛИМОЕ»

Доклад Штаба Объединенного Планирования

1. Нами проанализирована (возможность проведения) операции «Немыслимое». В соответствии с указаниями анализ основывался на следующих посылах:
 - а) акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно, высоким остается моральный настрой британских и американских войск;
 - б) Великобритания и США имеют полную поддержку со стороны польских войск и могут рассчитывать на использование немецкой рабочей силы и сохранившегося германского промышленного потенциала;
 - в) нельзя полагаться на какую бы то ни было помощь со стороны армий других западных держав, хотя в нашем распоряжении на их территории находятся базы и оборудование, к использованию которых, возможно, придется прибегнуть;
 - г) русские вступают в альянс с Японией;
 - д) дата объявления военных действий – 1 июля 1945 г.;
 - е) до 1 июля продолжается осуществление планов передислокации и демобилизации войск, затем оно прекращается.

В целях соблюдения режима повышенной секретности консультации со штабами министерств, ведающих видами вооруженных сил, не проводились.

Цель

2. Общеполитическая цель (операции) — навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи. Хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего вовлечения (в конфликт) непременно будет ограниченной. Быстрый (военный) успех может побудить русских хотя бы временно подчиниться нашей воле, но может и не побудить. Если они хотят тотальной войны, то они ее получат. 3. Единственный для нас способ добиться цели в определенном и долгосрочном плане — это победа в тотальной войне, но с учетом сказанного выше, в пункте 2, относительно возможности скорого (военного) успеха, нам представляется правильным подойти к проблеме с двумя посылками:
- а) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учетом этой установки;
 - б) политическая установка такова, что быстрый (военный) успех позволит нам достигнуть наших политических целей, а последующее участие (в конфликте) нас не должно волновать.

ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

4. Поскольку возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима нами не рассматривается и мы не компетентны давать суждения по этому вопросу, вывести русских из игры можно только в результате:
- а) оккупации столь (обширной) территории собственно России, чтобы свести военный потенциал страны до уровня, при котором дальнейшее сопротивление (русских) становится невозможным;
 - б) нанесения русским войскам на поле сражения такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение Советским Союзом войны.

Оккупация жизненного пространства России

5. Возможно такое развитие ситуации, при котором русским удастся отвести войска и тем самым избежать решающего поражения. В этом случае они могут принять на вооружение тактику, столь успешно использовавшуюся ими против немцев, а также в предшествующих войнах, и состоящую в использовании огромных расстояний, которыми территория наделила их. В 1942 г. немцы дошли до рубежей

Москвы, Волги и Кавказа, но методы эвакуации заводов в сочетании с разрыванием новых ресурсов и помощью союзников позволили СССР продолжить боевые действия. 6. Фактически невозможно говорить о пределе продвижения союзников в глубь России, при котором дальнейшее сопротивление (русских) станет невозможным. Трудно себе представить саму возможность столь же глубокого и быстрого проникновения союзников, как то удалось немцам в 1942 г., при том что такое их продвижение не привело к решающему исходу.

Решающее поражение русских войск

7. Детали о наличных силах и дислокации русских войск и войск союзников приведены в Приложениях II и III и проиллюстрированы на картах А и В. Существующий на сегодня баланс сил в Центральной Европе, где русские располагают преимуществом приблизительно три к одному, делает в нынешней ситуации маловероятной полную и решающую победу союзников на этой территории. Хотя у союзников лучше обстоят дела с организацией и чуть лучше со снаряжением (войск), русские в войне с немцами показали себя грозными противниками. Они располагают компетентным командованием, соответствующим снаряжением и организацией (войск), которая, возможно, и не отвечает нашим стандартам, но выдержала испытание (войной). С другой стороны, лишь около трети их дивизий соответствуют высокому уровню (требований), другие значительно отстают от них, а по части мобильности все они без исключения существенно уступают соответствующим формированиям союзников. 8. Для нанесения решительного поражения России в тотальной войне потребуются, в частности, мобилизация людских ресурсов (союзников) с тем, чтобы противостоять нынешним колоссальным людским ресурсам (русских). Этот исключительно продолжительный по срокам проект включает в себя:
- а) широкомасштабную дислокацию в Европе колоссальных американских ресурсов (живой силы);
 - б) переоснащение и реорганизацию людских ресурсов Германии и всех западноевропейских союзников.

Заключение

9. Наши выводы:

а) если политической целью является достижение определенного и окончательного результата, необходимо добиться поражения России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны с Россией непредсказуем, со всей определенностью можно сказать одно: победа в такой войне – задача очень продолжительного времени.

Быстрый успех

10. Тем не менее на основе политической оценки (ситуации) может быть сделан вывод о том, что быстрая и ограниченная победа заставит Россию принять наши условия. 11. Перед принятием решения о начале военных действий следует учесть следующее:

а) если оценка ошибочна и достижение любой поставленной нами ограниченной цели не заставит Россию подчиниться нашим условиям, мы фактически окажемся втянутыми в тотальную войну;

б) ограничить военные действия каким-то одним регионом невозможно, а стало быть, по мере их развертывания, нам придется считаться с реальностью глобальной схватки;

в) даже если все пойдет по плану, мы не достигнем окончательного с военной точки зрения результата. Военная мощь России останется несломленной, и русские всегда смогут возобновить конфликт в любой подходящий для себя момент. 12. Тем не менее, в случае готовности, с учетом всех вышеизложенных опасностей, пойти на риск ограниченной военной акции, мы проанализировали возможные шаги по нанесению русским удара, который бы вынудил их принять наши условия даже в той ситуации, когда они смогут избежать решающего поражения и в военном отношении все еще будут способны продолжать борьбу.

Общая стратегическая ситуация

13. Из противостоящих нам русских сил самой грозной, безусловно, является Красная армия. Не существует угрозы нашим базам и судам, сравнимой с немецкой угрозой, со стороны русских стратегических бомбардировщиков или подводных лодок, а потому основное внимание следует уделить силе и дислокации (частей) Красной армии. 14.

Европа. Основные силы Красной армии сосредоточены в Центральной Европе. Несмотря на то, что русские могут оккупировать Норвегию до Тронхейма на юге и Грецию, это обстоятельство не окажет существенного влияния на общую стратегическую ситуацию. В Европе русские могут также оккупировать Турцию и, используя свое нынешнее господствующее положение в Юго-Восточной Европе, способны блокировать Проливы, предотвратив любую возможную военно-морскую акцию союзников в Черном море. Само по себе это не создает дополнительной угрозы для нас, но Юго-Восточная Европа, включая Грецию, тут же будет закрыта для нашего влияния и торговли. 15. Ближний Восток. Чрезвычайно опасная ситуация может возникнуть в Персии и Ираке. Представляется вполне вероятным наступление русских в этом регионе с целью захвата ценных нефтяных месторождений и по причине исключительной важности этого региона для нас. По нашим оценкам, здесь против союзных войск в составе трех индийских бригадных групп могут быть использованы около 11 русских дивизий. В силу сказанного, трудно представить, как нам удастся отстоять названные территории, при том, что утрата этого источника поставок нефти может иметь чрезвычайно серьезные (последствия). В силу транспортных сложностей и по причине вовлеченности в (кампанию в) Центральной Европе, представляется маловероятным на начальном этапе (военных действий) наступление русских в направлении Египта. Но они, безусловно, попытаются спровоцировать беспорядки во всех государствах Ближнего Востока. 16. Индия. Несмотря на то, что русские, вне всякого сомнения, попытаются спровоцировать беспорядки в Индии, возможность проведения ими военной акции в этом регионе представляется сомнительной. 17. Дальний Восток. На Дальнем Востоке любое соглашение между русскими и японцами позволит последним высвободить силы для укрепления метрополии или для возобновления наступления в Китае. Они вряд ли смогут предпринять широкомасштабные операции по возврату утерянных ими территорий. Поскольку, однако, решающие операции против Японии, судя по всему, придется отложить, в войне с Японией может возникнуть тупиковая ситуация. Наступательные акции русских против союзников на Дальнем Востоке представляются маловероятными. 18. Вышеприведенные доводы и нынешняя диспозиция главных сил подводят нас к выводу,

что основным театром (военных действий) неизбежно становится Центральная Европа — со вспомогательными (по характеру), но чрезвычайно важными (по последствиям) операциями в районе Персии — Ирака. 19. В Приложении 1 нами анализируется (возможность проведения военной) кампании в Европе. Ключевые положения нашего анализа суммированы ниже.

Факторы, влияющие на нашу стратегию в Восточной Европе

20. В первую очередь мы будем иметь превосходство над русскими в воздухе и на море. Последнее позволит нам контролировать Балтику, но само по себе это не сыграет существенной роли в достижении быстрого успеха. 21. В воздухе наше преимущество будет до известной степени осложняться тем обстоятельством, что силы наших стратегических бомбардировщиков поначалу должны будут базироваться в Англии — даже в случае использования промежуточных аэродромов на континенте. Изнурительные нагрузки ВВС и большие расстояния, которые им придется преодолевать, вряд ли позволят использовать их с той же эффективностью, как во время войны с Германией. 22. Русская промышленность настолько рассредоточена, что едва ли может рассматриваться как выигрышная цель для воздушных ударов. В то же время значительная протяженность русских коммуникаций, судя по всему, может предложить нам куда более предпочтительные цели (для бомбардировок), в особенности на важных переправах через водные преграды. Однако для достижения сколько-нибудь эффективных результатов такие удары по коммуникациям должны координироваться с наступлением на суше. Итак, единственным средством достижения нами быстрого (военного) успеха является сухопутная кампания, позволяющая в полной мере использовать наше преимущество в воздухе — как тактическое, так и при ударах по русским коммуникациям. 23. Изучение топографической (карты) и общей направленности коммуникаций указывает на то, что главные усилия сухопутного наступления должны быть сосредоточены на Севере (Европы). Это предоставляет нам дополнительные преимущества, поскольку позволяет использовать для прикрытия нашего левого фланга и действий против правого фланга противника наше военно-морское преимущество на Балтике. 24.

Итак, кампанию следует проводить на Северо-Востоке Европы, в первую очередь, сухопутными силами.

Сухопутная кампания в Северо-Восточной Европе

25. Возможность привлечения к наступательным операциям союзных войск в значительной степени будет определяться тем, какая часть их будет связана необходимостью восстановления и охраны коммуникаций в разрушенных районах Германии. 26. Приняв в расчет эту часть, а также силы, необходимые для обеспечения безопасности фронта к северу до линии Дрезден – Хемниц, мы, по нашим оценкам, получаем порядка 47 дивизий, включая 14 бронетанковых дивизий, которые могут быть задействованы в наступательных операциях. 27. Русские в ответ, согласно нашим оценкам, смогут выставить силы, эквивалентные 170 дивизиям союзников, из которых 30 дивизий – бронетанковые. Таким образом, мы столкнемся с неравенством сил в примерном соотношении два к одному в бронетанковых войсках и четыре к одному – в сухопутных. 28. Трудно дать оценку тому, в какой мере наше преимущество в тактической авиации и в управлении войсками помогло бы восстановить баланс (сил), но с учетом указанного выше их неравенства разворачивать наступление было бы определенно рискованным мероприятием. Если, несмотря ни на что, будет выбран именно этот вариант, он может быть реализован посредством двух главных ударов: северного, по оси Штеттин – Шнейдемюль – Быдгощ; южного, по оси Лейпциг – Коттбус – Познань и Бреслау. 29. Основные танковые сражения, скорее всего, развернутся восточнее линии Одер – Нейсе, и от их исхода, возможно, будет зависеть исход кампании. При благоприятном исходе мы, вероятно, сможем достичь общей линии Данциг – Бреслау. Всякое последующее наступление, однако, означало бы растяжение линии фронта, который необходимо удерживать в течение зимы, и возрастание угрозы, проистекающей от выступа, оформившегося в районе Богемии и Моравии, откуда русским не придется в обязательном порядке отступать. Следовательно, если нам не удастся одержать необходимой нам победы к западу от линии Данциг – Бреслау, то тем самым, вполне вероятно, мы окажемся на деле втянутыми в тотальную войну. 30. Итак, успех сухопутной кампании будет зависеть от исхода сражений к западу от вышеозначенной

линии до наступления зимних холодов. Наша стратегическая позиция не является сильной сама по себе, и фактически мы вынуждены будем сделать ставку на одно крупное сражение при крайне невыгодном для нас соотношении сил.

Выводы

31. Согласно нашему заключению:

- а) начиная войну с русскими, мы должны быть готовы к тотальной войне, длительной и дорогостоящей в одно и то же время;
- б) численный перевес русских на суше делает крайне сомнительным возможность достижения ограниченного и быстрого (военного) успеха, даже если, сообразно политическим взглядам, это будет соответствовать достижению наших политических целей.

Дж. Грэнтхем, Дж. С. Томпсон, У. А. Ауэсон
22 мая 1945 г.

Превосходство в численности русской авиации будет в течение определенного времени компенсироваться значительным превосходством союзников в ее управлении и эффективности, особенно стратегической авиации. Однако после определенного периода времени проведения операций наши воздушные силы будут серьезно ослаблены из-за недостатка в восполнении самолетов и экипажей.

в) Военно-морские силы

Союзники, безусловно, могут обеспечить доминирующее превосходство своих сил на море. 3. Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Учитывая, однако, что русские и союзные сухопутные войска соприкасаются от Балтики до Средиземного моря, мы должны быть готовы к операциям на сухопутном театре ...

4. Поэтому мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане».

Подписали документ начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук и начальники штабов ВМС и ВВС.

**У. Черчилль — ОБЪЕДИНЕННОМУ ШТАБУ ПЛАНИРОВАНИЯ ВОЕННОГО КАБИНЕТА О ПЛАНЕ
«НЕМЫСЛИМОЕ»**

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ШТАБ ПЛАНИРОВАНИЯ ВОЕННОГО КАБИНЕТА

1. Я прочитал замечания командующего относительно «Немыслимого» от 8-го июня, которые демонстрируют превосходство русских на суше два к одному. 2. Если американцы отведут войска к их зоне и перебросят основную массу вооруженных сил в Соединенные Штаты и в Тихоокеанский регион, русские будут иметь возможность продвинуться до Северного моря и Атлантики. Необходимо продумать четкий план того, как мы сможем защитить наш Остров, принимая во внимание, что Франция и Нидерланды будут не в состоянии противостоять русскому превосходству на море. В каких военно-морских силах мы нуждаемся, и где они должны быть дислоцированы? Армия какой численности нам необходима, и как она должна быть рассредоточена? Расположение аэродромов в Дании могло бы дать нам огромное преимущество и позволило бы держать открытым проход к Балтике, где должны быть проведены основные военно-морские операции. Следует рассмотреть возможность обладания плацдармами в Нидерландах и Франции. 3. Сохраняя кодовое название «Немыслимое», командование предполагает, что это всего лишь предварительный набросок того, что, я надеюсь, все еще чисто гипотетическая вероятность.

W.S.C. 10.06.1945

Примечания. В апреле-мае 1945 г. Вооружённые силы Великобритании разработали операцию «Немыслимое», считавшуюся первым планом Третьей мировой войны. Его главной целью было «навязать России волю Соединённых Штатов и Британской империи»

Операция «Немыслимое» (англ. Operation Unthinkable) – кодовое название двух планов (наступательного, затем оборонительного) на случай военного конфликта между, с одной стороны, Британской империи и США, и, с другой стороны, СССР, разработанных весной-летом 1945 г. Оба плана были разработаны по заданию премьер-министра Уинстона Черчилля

Объединённым штабом планирования военного кабинета Великобритании, в глубочайшем секрете даже от других штабов. Правительство Великобритании категорически отрицало существование подобных планов вплоть до 1998 г. В настоящее время документы, относящиеся к этим планам, хранятся в Национальном архиве Великобритании

<https://web.archive.org/web/20080706093010/http://www.history.neu.edu/PRO2/>

«Operation Unthinkable: „Russia: Threat to Western Civilization». British War Cabinet, Joint Planning Staff [Draft and Final Reports: 22 May, 8 June, and 11 July 1945], Public Record Office, CAB

«Операция Немыслимое: „Россия: угроза западной цивилизации», британский военный кабинет, Объединенный штаб планирования [проект и заключительные доклады: 22 мая, 8 июня и 11 июля 1945 года], Государственный архив, CAB

Сосканированный план операции «Немыслимое» – на сайте history.neu.edu – «Operation Unthinkable: „Russia: Threat to Western Civilization.“»

<http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php>

англ. Operation Unthinkable (<http://secrets-world.com/history/1557-operaciya-nemyslimoe.html>)

**ПРИЛОЖЕНИЕ 6 (ИЗВЛЕЧЕНИЕ). ДОГОВОР
О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ**

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, далее именуемые Сторонами,

основываясь на Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года,

руководствуясь принципом суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина,

желая укрепить солидарность и углубить сотрудничество между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций,

выражая убежденность в том, что дальнейшее развитие евразийской экономической интеграции отвечает национальным интересам Сторон,

движимые стремлением укрепить экономики государств — членов Евразийского экономического союза и обеспечить их гармоничное развитие и сближение, а также гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную конкуренцию, торговлю и добросовестную конкуренцию,

обеспечивая экономический прогресс путем совместных действий, направленных на решение стоящих перед государствами — членами Евразийского экономического союза общих задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики,

подтверждая стремление к дальнейшему укреплению экономического взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с другими странами, а также международными интеграционными объединениями и международными организациями,

принимая во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации,

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права,

договорились о нижеследующем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

РАЗДЕЛ I ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1

Учреждение Евразийского экономического союза.

Правосубъектность

Настоящим Договором Стороны учреждают Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Статья 2 Определения

Для целей настоящего Договора используются понятия, которые означают следующее:

- «гармонизация законодательства» – сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах;
- «государства-члены» – государства, являющиеся членами Союза и Сторонами настоящего Договора;
- «должностные лица» – граждане государств-членов, назначенные на должности директоров департаментов Евразийской

экономической комиссии и заместителей директоров департаментов Комиссии, а также руководителя Секретариата Суда Союза, заместителей руководителя Секретариата Суда Союза и советников судей Суда Союза;

- «единое экономическое пространство» – пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура;
- «единая политика» – политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий;
- «международные договоры в рамках Союза» – международные договоры, заключаемые между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза;
- «международные договоры Союза с третьей стороной» – международные договоры, заключаемые с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями;
- «общий (единый) рынок» – совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы;
- «распоряжение» – акт, принимаемый органами Союза, имеющий организационно-распорядительный характер;
- «решение» – акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера;
- «скоординированная политика» – политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором;
- «согласованная политика» – политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором;

«сотрудники» – граждане государств-членов, работающие в органах Союза на основе заключаемых с ними трудовых договоров (контрактов) и не являющиеся должностными лицами;

«таможенный союз» – форма торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной;

«третья сторона» – государство, не являющееся членом Союза, международная организация или международное интеграционное объединение;

«унификация законодательства» – сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором.

Иные понятия, используемые в настоящем Договоре, понимаются в значениях, приведенных в соответствующих разделах настоящего Договора и приложениях к нему.

Раздел II

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ЦЕЛИ, КОМПЕТЕНЦИЯ И ПРАВО СОЮЗА

Статья 3

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЮЗА

Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с настоящим Договором, на основе следующих принципов:

уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности;

уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон;

соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции;

функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

Государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза.

Статья 4

Основные цели Союза

Основными целями Союза являются:

создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;

всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Статья 5

Компетенция

1. Союз наделяется компетенцией в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. 2. Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках

Союза. 3. В иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными принципами и целями Союза.

Для этого решением Высшего Евразийского экономического совета могут создаваться вспомогательные органы (советы руководителей государственных органов Сторон, рабочие группы, специальные комиссии) по соответствующим направлениям и (или) даваться поручения Евразийской экономической комиссии по координации взаимодействия Сторон в соответствующих сферах.

Статья 6

Право Союза

1. Право Союза составляют:

настоящий Договор;

международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной;

решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза.

Решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. 2. Международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза. 3. В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и настоящим Договором приоритет имеет настоящий Договор.

Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза. 4. В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии:

решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии;

решения Евразийского межправительственного совета имеют приоритет над решениями Евразийской экономической комиссии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермишина Ксения Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва)

Ksenia B. Ermishna, Candidate of Philosophical Sciences, leading researcher in Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad (Moscow)

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, эксперт Российской академии наук, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры социальной безопасности факультета безопасности жизнедеятельности Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, приглашенный профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, первый вице-президент Академии геополитических проблем (Санкт-Петербург); geokefeli@mail.ru

Igor F. Kefeli, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, honoured worker of higher school of the Russian Federation, Director of the Center for geopolitical expertise of North-West Institute of Management (RANEPa), Professor of international relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Professor of Department of social security, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University (Faculty of Global Process), Vice-President of the Academy of geopolitical problems, an expert RAS (St. Petersburg); geokefeli@mail.ru

Комлева Наталья Александровна, доктор политических наук, профессор, Директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Екатеринбург)

Natalya A. Komleva, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Center for Geopolitical Analysis of the Academy of Geopolitical Problems, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Ekaterinburg)

Ляпкина Татьяна Федоровна, кандидат исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Санкт-Петербург – Якутск)

Tatyana F. Lyapkina, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Culturology, Professor of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Arctic State Institute of Culture and Arts» (St. Petersburg – Yakutsk)

Николаенко Анастасия Валентиновна, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, заместитель начальника управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург) nikolaenko-av@ranepa.ru

Anastasia V. Nikolaenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Chamber of International Relations of North-West Institute of Management (RANEPA), Deputy Head of the Department of Scientific Work of North-West Institute of Management, RANEPA (St. Petersburg) nikolaenko-av@ranepa.ru

Плебанек Ольга Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС (Санкт-Петербург)

Olga V. Plebanek, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines University at the EurAsEC Interparliamentary Assembly (St. Petersburg)

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург) pogodin56@mail.ru

Sergey N. Pogodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Higher School of International Relations of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg) pogodin56@mail.ru

Савин Леонид Владимирович, руководитель администрации и международного отдела Международного общественного движения «Евразийское движение», главный редактор интернет-портала Геополитика.Ру <https://www.geopolitica.ru/>, редактор англоязычного международного журнала Journal of Eurasian Affairs (Москва) editor@geopolitica.ru

Leonid V. Savin, Editor-in-Chief of the «Geopolitica.ru»; Head of administration of the International social movement «Eurasian Movement», editor-in-chief of the «Journal of Eurasian Affairs» magazine, expert of the Strategic Culture Foundation, lecturer in RUDN University (Moscow) editor@geopolitica.ru

Стожко Дмитрий Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Dmitry K. Stozhko, PhD in Philosophy, Assistant professor, Ural State University of Economics, Department of History and Philosophy (Ekaterinburg)

Стожко Константин Петрович, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург)

Konstantin P. Stozhko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural State University of Economics, Department of History and Philosophy (Ekaterinburg)

SUMMARY

SOVIET CIVILIZATION AND THE EURASIAN IDEA: TWO CENTURIES-LONG STORIES

(to the 100th anniversary of the fórmation of the USSR and the becoming of Eurasianism)

The authors of the proposed book decided to time its publication on the 100th anniversary of Eurasianism as an organizationally formed movement among the scientific and creative intellectuals who emigrated from young Soviet Russia in the early 1920s, and on the eve of the 100th anniversary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics. The birth of Soviet civilization and the Eurasian idea was the product of the revolutionary events of 1917 – two stories a century long.

Peter Savitsky noted: “Eurasianism is an ideological movement that arose around 1921 among the then younger generation of the Russian intellectuals... Eurasians are the founders of the geopolitical approach to Russian history in Russian science.” This line of reasoning of one of the leading organizers of the Eurasian movement determined the intention of the book: to try to compare the ideological quest of the Eurasians and the so-called “Soviet project” implemented in the Eurasian space – “Russia-Eurasia”, embodied in the creation of the Soviet Union, Soviet civilization, which appears as inseparable link of the eternal Russian civilization. It is not without reason that the revival of Eurasian ideas at the turn of the XX–XXI centuries led to real steps towards the creation of the Eurasian Economic Union and the advancement of grandiose plans for the development of Greater Eurasia.

A fundamental question is the question of the attitude of Russians to Soviet history, the consideration of which was based on the sociological diagnostics of Russian society carried out by RAS Academician Mikhail Gorshkov, and proceeding from the concept of a “society injuries” proposed by RAS Corresponding Member Jean Toshchenko. According to Mr. Gorshkov, the overwhelming majority of Russians continue to consider the events and achievements of the Soviet era as the main subjects of national pride, leaving no opportunity for a value split in Russian society. Presumably, these and many other reasoned and politically unbiased conclusions of scientists prompted the need to introduce in the new edition of the Constitution of the Russian Federation an article (Article 67.1) indicating, in particular, that “the Russian Federation, united by a thousand-year history, preserving the memory

of ancestors who passed on to us ideals and faith in God, as well as continuity in the development of the Russian state, recognizes the historically established state unity". In any case, the recognition of the Russian Federation, united by a thousand-year history, as the legal successor and successor of the USSR, gives grounds to assert the natural nature of the existence of Soviet society, Soviet civilization in an united Russian and world history. This is the positive reaction in response to the remark of Jean Toshchenko that "the experience of not only the Soviet, but also the earlier historical past has been categorically rejected in Russian society, proceeding from the principle: there was nothing positive in former Russia and especially in the USSR" (Jean Toshchenko. *Society injuries: between Evolution and Revolution*. Moscow, 2020). The "Soviet project" and "Russia-Eurasia" correlate in pointing to the formation of the Greater Eurasian partnership as one of the most important goals of Russia's foreign and domestic policy for the future.

Is Russia a great power? The statement of Russian Foreign Minister Sergei Lavrov: "Russia is a great Eurasian, Euro-Pacific power" sounded just as firmly recently, as was done by Alexander Gorchakov in a dispatch to the governments of European states in connection with Russia's defeat in the Crimean War: "La Russie ne boude pas – elle se recueille". As is well known, the Russian Empire became part of the great powers in accordance with the decision of the Congress of Vienna in 1814–1815 (along with Austria, Great Britain and Prussia), the Soviet Union acquired the status of a great power in the pre-war period, and even today modern Russia is perceived as an empire in the eyes of Europeans (Hélène Carrère d'Encausse. *L'Empire d'Eurasie. Une histoire de l'Empire russe de 1552 à nos jours*). Eurasia as the focus of geopolitical and other interests of the states of the world is perceived in different ways both by states of the Eurasian continent proper, be it great powers or limitrophe states, and from the shores of other continents. Our monograph (perhaps for the first time in Russian literature) presents a detailed and well-reasoned criticism of the views of the founders of the Eurasian doctrine both by their contemporaries and in modern historical, cultural and geopolitical discourse.

Is the attitude of Russian society towards the Soviet past changing? During the formative years of the Soviet Union, the implementation of the social energy of the creators of the new world by Vladimir Mayakovsky sounded like this: "Communism is the youth of the world, and it should be erected by the young!" Decades later, these "young" people began to be called "homo sovetikus", the same common concept used by authors for various purposes. Answers to the question about the change in the attitude of Russian society to the Soviet past are increasingly concentrated in the sphere of spiritual life, ideological attitudes.

Should a state ideology be a great power? Another characteristic of Russia as a society injury is its lack of a state ideology, which has long been stated by a number of Russian politicians and scientists. The rejection of the official ideology led to the fact that a big injury was inflicted on the public consciousness, because in this situation the previous guidelines were lost, and new ones were not formed. The encouraging words of Alexander Prokhanov sound like a call for great undertakings: “The sacred triad of Russian state ideology contains three postulates: ‘One People. One Fate. One Victory’”. Life confirms the truth: the state ideology is not created on someone’s orders, it matures for a long time and painfully, but this requires a clear understanding of what future, now digital, world Russia sees itself in and what kind of future the Russian people want for themselves.

Is Eurasianism capable of acting as an united force in the post-Soviet space?

The Eurasian idea, resurrected from oblivion, over the past three decades has been embodied in many state, public and international structures, creative unions, scientific organizations, journals and educational programs. The Eurasian idea united the Russian multinational people and the former union republics of the Soviet Union. Evident examples of this were the formation of the Eurasian Economic Union, the Collective Security Treaty Organization, the entry into the Shanghai Cooperation Organization and a number of other regional organizations. “Today’s Russia, – as Leonid Ivashov, President of the Academy of Geopolitical Problems, rightly notes in his book, – The Geopolitics of Russian Civilization, despite humiliation, delusion, plundering of resources, spirituality and intellect, nevertheless retained a geopolitical potential that so far surpasses the potentials of all others, states of the world”.

At the same time, in recent years, tensions have been growing in the Eurasian Economic Union, requiring a solution in a constructive and coordinated way. This was partly due to the entry of Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan (and Turkmenistan in observer status) into the Cooperation Council of Turkic-speaking States (“Turkic Council”). Henceforth, the term for the designation of the “Great Turan” project – the state of all Turks – exists at the official level, some of which run counter to the national interests of Russia.

In modern conditions, the development of scenario projects for the construction of the Greater Eurasian Partnership within the framework of the concepts of Greater Eurasia and the Greater Eurasian Partnership (which, in turn, require independent theoretical and methodological study) assumes full use of the apparatus of mathematical geopolitics (game theory), scenario modeling and technologies of large data.

CONTENT

FOREWORD (Sergey Glazyev).....	9
INTRODUCTION (Igor Kefeli).....	12
Section I. SOVIET CIVILIZATION –	
NOT FINISHED SONG OF RUSSIAN HISTORY (Igor Kefeli)	19
Chapter 1. Formation of Soviet civilization in the Eurasian scope.....	20
§ 1. How legitimate is it to talk about status of Soviet civilization?.....	20
§ 2. Russian expansion in Northern Eurasia	28
§ 3. Asian Russia in the focus of domestic science.....	32
§ 4. Geocivilizational characteristics of colonization of Asian Russia.....	37
§ 5. European and Asian Russia – a whole	41
Chapter 2. Geopolitical position of the Russian Empire	
on the eve revolutionary upheavals	48
§ 1. The position of Alexander Lieven	49
§ 2. The position of Peter Durnovo.....	53
§ 3. Intuitive geopolitics in the strategy of great powers.....	58
Chapter 3. The Great Russian Revolution of 1917–1922:	
historiographic and philosophical discourse	62
§ 1. The Great Russian Revolution of 1917–1922 in the context modern Russian historiography	62
§ 2. Philosophical reflection on historiography	64
§ 3. Geopolitical role of October in preservation of Russian statehood.....	68
Chapter 4. Projects for the creation of Soviet civilization.....	73
§ 1. First steps	73

§ 2. State Commission for the Electrification of Russia	75
§ 3. Pre-war five-year plans.....	82
§4. Arctic project (Igor Kefeli, Anastasia Nikolaenko)	93
§5. Large-scale expeditions, KEPS, TPK	97
Chapter 5. Strengthening the geopolitical power of the USSR in the interwar period	104
§ 1. The choice of the geopolitical vector of development of Soviet Russia	104
§ 2. Development of domestic geopolitical thought in the period between World Wars.....	112
§ 3. Variations in the geopolitical status of states in the interwar period	119
Chapter 6. Requiem for Soviet Civilization.....	123
§ 1. Russia is young in the grip of post-Sovietism (“The factor of understanding” Alexander Zinoviev).....	123
§ 2. Memory of Soviet culture in the global century	131
§ 3. The Eurasian spirit of Soviet culture	143
Section II. EURASIAN: PRO ET CONTRA	148
Chapter 1. “Founding Fathers” of Eurasianism. Preliminary remarks (Igor Kefeli)	149
§ 1. Nikolay Trubetskoy: “We have united on some common mood and ‘attitude’”	149
§ 2. Peter Savitsky: “Eurasianism is an ideological movement, arisen around 1921”	152
§ 3. George Vernadsky: “There is only one ‘Russia Eurasian’, or Russia-Eurasia”	157
Chapter 2. Formation of Eurasianism in the assessments of domestic and foreign researchers (Ksenia Ermishina)	161
§ 1. The maturation of the research program of Eurasianism	161
§ 2. Classical Eurasianism through the prism of the theory of passionarity Lev Gumilyov.....	169
Chapter 3. The essence of Eurasianism: modern estimates (Leonid Savin).....	182
§ 1. Eurasianism and revisionism.....	182
§ 2. Eurasianism and religion.....	185

§ 3. Eurasianism and statehood	186
§ 4. Critical assessment of the Eurasians by their contemporaries.....	190
Chapter 4. Who and for what criticized the Eurasians? (Sergei Pogodin)	196
§ 1. Speech of Paul Milyukov.....	196
§ 2. Objections of Alexander Kizevetter.....	205
§ 3. Discussion with Peter Bitsilli	209
Chapter 5. Critical analysis of Eurasianism in the Soviet and modern historiography (Sergei Pogodin)	216
§ 1. The first assessments of the “alien ideology” and the outcome into oblivion	216
§ 2. Revival of the problem.....	219
§ 3. Renaissance of Eurasianism at the turn of the century	227
Chapter 6. Does the Eurasian simulacrum have a chance? (Olga Plebanek)	230
§ 1. Origins: methodological limitations.....	231
§ 2. About concepts: East-West, cultural personality, civilization	243
§ 3. Eurasianism in the paradigm space of science.....	260
§ 4. Can a simulacrum become reality?.....	271
§ 5. Draft new Declaration of Eurasianism.....	289
Section III. TOWARDS A GREAT EURASIAN PARTNERSHIP: HOPES AND REALITIES.....	294
Chapter 1. Eurasian integration in the post-Soviet space: three obstacles (Natalia Komleva)	295
§ 1. Hybrid warfare	296
§ 2. The ideological basis of integratio.....	303
§ 3. Russophobia – a brake on Eurasian integration.....	305
Chapter 2. Historical experience of the Soviet past contra anti-Sovietism today (Dmitry Stozhko, Konstantin Stozhko).....	308
§ 1. The roots of anti-Sovietism	309

§ 2. “Unconceivable” and other documents in the service of anti-Sovietism.....	314
§ 3. Counteraction to anti-Sovietism is not removed from the agenda.....	317
Chapter 3. Soviet civilization: past reality (Igor Kefeli).....	327
§ 1. Does history justify going backwards?.....	327
§ 2. Geopolitical fate of Russia: from the Cold War to the polycentric world.....	334
§ 3. “War and Peace” between the geopolitical actors of Eurasia.....	340
§ 4. Globalization and development strategy of Russia.....	350
§ 5. Soviet civilization: reality bygone in modern discourse.....	357
Chapter 4. Siberian regionalism: the history of self-determination of the North Asia (Tatiana Lyapkina).....	369
§ 1. Siberia in the geographic space of Russia.....	369
§ 2. The founders of regionalism and Ukrainophilism.....	371
§ 3. “Baker of Siberia”.....	380
§ 4. New “Siberian turn”.....	386
Chapter 5. Great Eurasian Partnership – Onshore and Offshore: Russia’s Arctic Strategy (Igor Kefeli, Anastasia Nikolaenko).....	389
§ 1. Great Eurasian partnership – a new option arrangement of the continent....	389
§ 2. The Great Eurasian Partnership as a theoretical construct and geopolitical project.....	391
§ 3. Analytics of the global security of the Greater Eurasian partnerships in the coming “digital age”.....	395
§ 4. Ensuring geopolitical security – the basis for implementation the project of the Greater Eurasian Partnership.....	397
§ 5. Russia’s Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership.....	403
§ 6. Geopolitical regionalization of Eurasia – a challenge of the time.....	408
CONCLUSION (Igor Kefeli).....	414
APPENDICE.....	429
Appendix 1. Declaration on the formation of the Union of Soviet Socialist Republics and the Treaty on the Formation of the Union Soviet Socialist Republics, December 30, 1922.....	430
Appendix 2. Eurasianism. Declaration, wording, theses.....	439

Appendix 3. Joseph Vissarionovich Stalin I. V. On the tasks of business executives: Speech at the First All-Union Conference of Socialist Workers industry (February 4, 1931).....	468
Appendix 4. Pavel Luknitsky. TEST	477
Appendix 5 (extract). Operation “INCONCEIVABLE”	504
Appendix 6 (extract). AGREEMENT OF EURASIAN ECONOMIC UNION.....	515
INFORMATION ABOUT AUTHORS	522
SUMMARY	524
CONTENT	528

**СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ:
две истории длиной в век**

К 100-летию образования СССР и становления евразийства

Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, 5 эт., пом. 498, тел. 336 50 34

Корректор: А. Гржимайло

<http://www.petropolis-ph.ru>

<http://petropolis-ph-inform.ru>

<http://www.petrobook.ru>

Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Подписано в печать 16.01.2022

Печать офсетная. Объем 33,25 п. л. Тираж 500. Заказ 105.

Отпечатано в типографии ООО ИД «Петрополис»:

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16.